МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ

Сборник научных статей
по материалам
X Международной научной конференции

Минск, 11–12 марта 2021 г.

В двух частях

Часть первая

Минск
МГЛУ
2022

УДК 81
ББК 81.0
М 75

Р е к о м е н д о в а н Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 3 (61) от 08.11.2021 г.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я: И. В. Метлушко (*ответственный редактор*), П. П. Глазко, Н. В. Зиневич, И. В. Лешкевич, И. В. Чучкевич

Р е ц е н з е н т ы: кандидат филологических наук, доцент *Т. И. Свистун* (МГЛУ); кандидат педагогических наук, доцент *М. А. Тарасенко* (БГУ)

Молодые ученые в инновационном поиске : сб. науч. ст. по
М 75 материалам X Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 марта 2021 г. : в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: И. В. Метлушко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – 292 с.

ISBN 978-985-28-0124-9 (Ч. 1)
ISBN 978-985-28-0123-2

Сборник научных статей подготовлен по материалам Международной научной конференции по актуальным проблемам языкознания, литературоведения, методики преподавания иностранных языков и состоит из двух частей.

В первой части представлены результаты исследований в области лингвистики текста и дискурса, лексической семантики, прагматики, синтаксиса различных языков в контрастивном аспекте.

Предназначается для лингвистов, специалистов в области перевода, аспирантов и магистрантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-28-0124-9 (Ч. 1)
ISBN 978-985-28-0123-2

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2022

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Подсекция № 1

И. В. Метлушко (*Минск, МГЛУ*)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье обосновывается возможность изучения поэтического дискурса сквозь призму коммуникативных стратегий и тактик. Аргументы, подтверждающие правомерность данного подхода, – универсальность законов развития языка и мыслительной деятельности человека. Установлено, что в белорусскоязычном поэтическом дискурсе, как и в других типах дискурса, получают воплощение различные коммуникативные стратегии и тактики, присущие лингвокультурному сообществу. Однако высокая образность, символичность и прагматическая насыщенность создаваемых текстов влияют на способы вербализации выявленных коммуникативных стратегий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэтический дискурс; коммуникативные стратегии и тактики; диалогическая парадигма; коммуникативный подход.

The article presents the arguments for applying a strategic approach to poetic discourse. The arguments confirming validity of the approach are the universality of human mental activity and language development. It’s been revealed that Belarusian poetic discourse as well as other types of discourses contain various communicative strategies and tactics embodied into linguocultural community. However the high level of imagery, symbolism and pragmatic richness of the created texts affect the verbalization of the identified communicative strategies.

K e y w o r d s: poetic discourse; communicative strategies and tactics; dialogical paradigm; communicative approach.

Внешне монологическое воплощение поэтического текста долгое время определяло характер и подходы к его изучению. Поэзии отводилось особое место в оппозиции художественная и нехудожественная литература, а во главу угла ставился семиотический аспект реализации и функционирования данного типа текстов. Значимыми предпосылками к рассмотрению художественного текста как диалогического пространства стали труды М. М. Бахтина, указывающего на существование «со-знания» [1, с. 200], т.е. совместного знания в русле диалогической концепции гуманитарного познания. Исследователь указывал, что коммуникативная многогранность «лучше всего раскрывается на материале художественной литературы, отражающей речевое общение во всем его многообразии и сложности, дающей язык в новом качестве и в новом измерении, сочетающей слово во всех его словесных возможностях с мыслью, чувством и действительностью» [1, с. 202].

Диалогический подход к изучению художественного дискурса в целом и поэтического дискурса в частности стимулирует исследование коммуникативных отношений, возникающих между адресантом и адресатом в данном типе дискурса. Актуальным является вопрос о возможности применения

стратегического подхода, т.е. исследования поэтического текста и дискурса как «совокупности поэтических текстов совместно с их экстралингвистической составляющей [2, л. 29] сквозь призму коммуникативных стратегий и тактик. Стратегии понимаются как «комплекс речевых действий, предназначенных для решения конкретной коммуникативной задачи» [3, с. 88]. Реализация коммуникативных стратегий происходит посредством ряда тактик – «одно или несколько действий, способствующие реализации стратегии. Они связаны между собой как “род и вид”» [3, с. 111].

Исследователями был предпринят ряд попыток стратегического анализа художественного дискурса. Так, О. А. Мельничук, Т. А. Мельничук была предложена таксономия стратегий и тактик с учетом специфики художественного дискурса. Исследователи выделяют текстовые/дискурсивные стратегии (семантические и формально-структурные стратегии) [4]. Исследуя авторскую пунктуацию, Л. М. Кольцова установила пунктуационную стратегию и тактику [5]. Н. С. Болотнова выделяет «регулятивные структуры, позволяющие распознать коммуникативную стратегию автора и его творческий замысел на уровне макроструктуры текста» [6]. Были изучены способы вербализации отдельных стратегий и тактик на примерах текстов разных авторов, типов и подтипов художественного дискурса. Например, А. А. Аславновой принадлежит работа «Коммуникативные стратегии художественного дискурса Айрис Мердоктема», Е. Г. Бронниковой – «Эмоциональность и структура речевого акта в тексте художественного произведения: на материале английского языка», Е. С. Палеха, А. В. Курьянович проанализировали стратегии самопрезентации в поэзии Н. Гумилева и М. И. Цветаевой и др. Однако комплексного исследования, позволяющего систематизировать и обобщить накопленную информацию о способах воплощения коммуникативных стратегий в художественном дискурсе, предпринято не было.

Возможность реализации стратегического подхода к поэтическому дискурсу, несмотря на его образность, прагматическую насыщенность, иносказательность и стремление к реализации эстетической функции языка, обусловлена универсальностью законов развития языка [7] и мыслительной деятельности человека (О. С. Иссерс, Г. Н. Поспелов, А. А. Кибрик, Г. П. Грайс, A. Joshi, B. Webber, R. M. Weischedel). Различны лишь языковые формы выражения интеллектуальной деятельности человека в каждом из типов и подтипов дискурса. Полагаем, что в поэтическом дискурсе находят воплощение те же коммуникативные стратегии и тактики, что и в других типах и подтипах дискурса, однако их количественное и качественное воплощение будет иметь специфичные черты.

Так, если в момент контакта участники непосредственной коммуникации способны изменять стиль, форму, тему, тональность общения, уточняя или обобщая предлагаемую информацию, поэтический текст – это фиксированная кульминация мыслительной, познавательной, семиотической, стилистической, коммуникативной и прагматической деятельности автора,

которая дана адресату в формально статичном виде. Читатель способен наполнять ее новыми смыслами, образами и т.д., опираясь на предложенный поэтический текст. Создавая смысловые и образные вехи, автор текста вынужден вести внутренний диалог с потенциальным адресатом и заведомо учитывать возможные ментальные и эмоциональные реакции адресата на предлагаемые вербализованные идеи, символы и т.д.

Поэтический текст, имея уникальные жанровые каноны, стимулирует автора к актуализации креативного потенциала для решения ряда коммуникативных задач, например, привлечение и удержание внимания адресата, воплощение эстетической функции языка в произведении и др. Помимо этого, автор вынужден соблюдать баланс между смысловым и семиотическим аспектами стихотворения для обеспечения успешной коммуникации и реализации первичных (авторских) интенций.

Рассмотрим на примере современного белорусскоязычного поэтического дискурса реализацию *стратегий самопрезентации* и *дискредитации*, вербализованную посредством *тактик солидаризации, игры на понижение* и *обвинения* соответственно. Практическим материалом для исследования послужили стихотворные произведения, отобранные методом сплошной выборки из ежемесячного литературного журнала «Полымя» за 2019 г.

С т р а т е г и я с а м о п р е з е н т а ц и и получает широкое воплощение в белорусскоязычном поэтическом дискурсе, что обусловлено стремлением автора, с одной стороны, познакомить читателя с лирическим героем произведения, с другой стороны, сделать его образ доступным адресату, вызвать необходимые эмоции в условиях тех ограничений, которые сообщает автору жанровый канон поэтического дискурса.

Наиболее употребительными тактиками в реализации стратегии самопрезентации в проанализированном белорусскоязычном поэтическом дискурсе является *тактика солидаризации* и *игра на понижение*.

Высокая употребительность т а к т и к и с о л и д а р и з а ц и и в проанализированном поэтическом дискурсе обусловлена стремлением авторов уменьшить дистанцию между ними и потенциальными адресатами, создать впечатление «созвучности» мыслей, идей, взглядов. Например, ***З вамі я, чытачы, / вы ўзаемна са мной***. */ На старонках жыцця – /* ***мы адно*** *на гады* [8, с. 100]. Реализуется данная тактика в поэтическом дискурсе посредством прямых обращений автора к адресатам (*чытачы*), употреблений местоимений *мы, з вамі, са мной*. Данные формы обращения способствуют отождествлению автора с адресатами, создают образ «мы – группа» и относятся к перечню средств, участвующих в создании прогнозируемого речевого воздействия, в данном случае – сокращение дистанции между коммуникантами.

Воплощение тактики солидаризации осуществляется не только посредством лексических, но и других средств, например, синтаксических. «Эмоционально-экспрессивные формы речи интерпретируются аудиторией как личное отношение говорящего к тем объектам, явлениям, событиям, о которых идёт речь, и способствуют разрушению барьеров критического

восприятия, созданию атмосферы “общения”, т.е. выполняют определенную ориентирующе-регулятивную функцию <…>. Возникающие при этом явления эмпатии, эмоционального заражения и сопереживания формируют оценочный фон восприятия речи слушателями» [9, с. 51].

Например, ***Нам пагражае*** *штучны інтэлект? Яго наступстваў* ***нам баяцца трэба****? Але ж,* ***народзе****, ці дазволіць неба раскрыць* ***з’яўлення нашага сакрэт****?* [10]. Для повышения суггестивности речевого воздействия и интереса к предлагаемой теме писатель объединяет употребление притяжательных местоимений (*наш, нашага*), прямого обращения (*народзе*) и вопросительных форм предложений, что привлекает максимум внимания читателя, заставляет искать ответ на заданные вопросы, следить за развитием авторской мысли, сверяя свои размышления по теме с авторскими.

При реализации тактики игры на понижение, участвующей в вербализации стратегии солидаризаци, авторы наиболее часто прибегают к самооценочным косвенным номинациям, где под последними понимается «любое непрямое наименование объекта» [11, с. 243], т.е. «называние объекта действительности несвойственным ему именем» [12]. Например, *Не смерць палохае мяне, / Хоць і яна / Не на апошнім месцы сярод страхаў, / А тое, што Парнасу вышыня / Не для такіх, як я, /* ***Бяскрылых птахаў*** *<…> А я усё жыццё,* ***як той Сізіф****, / Свае таму туды піхаю марна* [13]; *Я –* ***выціснуты лімон****, / і, хто з мяне ціснуў сокі* [14].

Эксплицитное выражение негативной самооценки лирическим героем (*бяскрылы птах; Сізіф; выціснуты лімон*) вызывает и интенсифицирует чувство эмпатии у читателя к персонажу, в той или иной степени реакцию несогласия и приводит к повышению статуса номинатора.

Стратегии самопрезентации, реализованной посредством тактик солидаризации и игры на понижение, отводится значительное место в современном белорусскоязычном поэтическом дискурсе, т.к. это эффективный способ преодоления дистанции между адресатом и адресантом и погружения читателя в предлагаемую автором художественную картину мира.

Стратегия дискредитации находит воплощение в белорусскоязычном поэтическом дискурсе посредствам тактики обвинения. Одной из коммуникативных задач данной стратегии является «информирование потенциального адресата об отрицательной оценке» [3, с. 160] объекта или явления. Характерным для воплощения данной тактики в белорусскоязычном поэтическом дискурсе является отсутствие номинации с резко отрицательной окраской. В тех случаях, когда автор использует оценочные эпитеты с отрицательным компонентом, степень проявления указанного качества лирического героя в некоторой степени нивелируется посредством использования наречий степени и меры. Например, *Ён казаў: / будзь с іншымі, /* ***не па зубах / мне*** *аднаму ты. /* ***Дужа моцная****, /* ***Дужа прыгожая****, /* ***катэгарычная****, /* ***крыху вальтанутая*** [15]. Образ возлюбленной лирического героя строится на контрасте вербализации присущих ей качеств, как положительных характеристик (*дужа моцная, дужа прыгожая*), усиленных при помощи наречий *дужа*, так и отрицательных (*не па зубах мне, катэгарычная,*

крыху вальтанутая). Последние воплощены в сочетании с наречием *крыху*, что уменьшает негативную окраску высказывания. Упомянутая особенность вербализации тактики обвинения в поэтическом дискурсе позволяет создавать более реалистичную художественную картину мира, когда персонажу присущи как положительные, так и отрицательные черты характера, качества.

Более того, автор использует и композиционную структуру стихотворения для нивелирования негативного впечатления, сопровождающего вербализацию тактики обвинения в поэтическом произведении, а именно строки, участвующие в вербализации тактики обвинения, располагаются максимально близко в одной строфе, с номинантами иных, более положительных качеств персонажей или внося уточнения с положительной коннотацией. Например, ***Не ўрадзіўся ганарыстым я,*** */ Але свой* ***пушчанскі гонар маю*** [16]. Лирический герой констатирует, что *не ўрадзіўся ганарыстым*, но уже в следующей строке отрицает полное отсутствие данного качества в себе: *пушчанскі гонар маю*.

Таким образом, языковое воплощение стратегии дискредитации в поэтическом дискурсе, с одной стороны, обеспечивает воплощение общей, присущей и для других типов дискурса коммуникативной задачи – «информирование потенциального адресата об отрицательной оценке»; с другой стороны, вынуждает автора прибегать к компенсаторным механизмам – употребление наречий степени и меры для нивелирования крайне негативной оценки лирического героя, близкая в композиции стихотворения номинация как положительных, так и отрицательных качеств персонажей, что создает более реалистичную художественную картину мира.

Анализ материала позволил установить, что несмотря на образный, прагматически насыщенный и созданный с учетом метрико-рифмической организации белорусскоязычный поэтический дискурс содержит различные коммуникативные статегии и тактики, имеющие как общие характеристики, присущие воплощению данных статегий и тактик в иных типах дискурса, так и специфичные, характерные для поэтического дискурса (например, нивелирование негативной коннотации при реализации тактики обвинения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / М. М. Бахтин. – М. : Рус. словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. *Метлушко, И. В.* Культурно-тематические доминанты художественного дискурса и языковые средства их реализации (на материале английского и белорусского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Метлушко. – Минск, 2015. – 134 л.
3. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. *Мельничук, О. А.* Стратегии художественного дискурса [Электронный ресурс] / О. А. Мельничук, Т. А. Мельничук. – Режим доступа : http://strategii-hudozhestvennogo-diskursa.pdf. – Дата доступа : 12.02.2021.

5. *Кольцова, Л. М.* Художественный текст через призму авторской пунктуации : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. М. Кольцова. – Воронеж, 2007. – 377 л.
6. *Болотнова, Н. С.* О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации [Электронный ресурс] / Н. С. Болотнова. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipologii-regulyativnyh-struktur-v-tekste-kak-forme-kommunikatsii/ viewer. – Дата доступа: 12.02.2021.
7. *Ирисханова, О. К.* Законы развития языка / О. К. Ирисханова // Большая рос. энцикл. – М. : Энцикл., 2008. – С. 195–196.
8. *Давідовіч, С.* Мы – адно / С. Давідовіч // Полымя. – 2019. – № 6. – С. 100.
9. *Быкова, О. Н.* Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ / О. Н. Быкова // Речевое общение: Вестн. Рос. риторической ассоциации. – 2000. – Вып. 1 (9). – С. 42–53.
10. *Клемянок, А.* Нам пагражае штучны інтэлект? / А. Клемянок // Полымя. – 2019. – № 11. – С. 52.
11. *Гак, В. Г.* К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. – М. : Добросвет. – 1977. – 270 с.
12. *Кольцова, Е. А.* Реализация тактики игры на понижение в межличностной коммуникации: гендерный аспект (на материале речевых номинаций лица) [Электронный ресурс] / Е. А. Кольцова. – Режим доступа : https://realizatsiya-taktiki-igry-na-ponizhenie-v-mezhlichnostnoy-kommunikatsii-gendernyy-aspekt-na-materiale-rechevyh-nominatsiy-litsa.pdf. – Дата доступа : 18.02.2021.
13. *Давідовіч, С.* Не тое і не так? / С. Давідовіч // Полымя. – 2019. – № 6. – С. 102.
14. *Клемянок, А.* Я выціснуты лімон / А. Клемянок // Полымя. – 2019. – № 11. – С. 52.
15. *Кустова, В.* Ён казаў / В. Кустова // Полымя. – 2019. – № 12. – С. 52.
16. *Камейша, К.* Роднае / К. Камейша // Полымя. – 2019. – № 6. – С. 3.

М. А. Соловьёва (*Минск, МГЛУ*)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПОРОЖДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию того, как художественный дискурс вербализует социокультурную травму посредством фрейминга, рефрейминга, контейнирования социально значимых концептов британской культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социокультурная травма; художественный дискурс, фрейминг, рефрейминг; контейнирование.

The article is dedicated to the investigation of how artistic discourse verbalises a sociocultural trauma by framing, reframing and containing socially significant concepts of British culture.

K e y w o r d s: sociocultural trauma; artistic discourse; framing, reframing, containing.

Лингвопоэтика склонна усматривать источником порождения художественного дискурса психологическую травму, наличие которой может вполне обоснованно подтверждаться биографией автора (например, ранняя смерть матери) [1; 2]. Однако принятие такого постулата при анализе текста предполагает, на наш взгляд, подготовленность интерпретатора в области психоло-

гии, которая маловероятна и чаще заменяется совокупностью других факторов, содействующих интерпретации: читательским опытом, эрудицией, интуицией, фантазией. Эти обстоятельства повышают долю «интерпретативного», «спекулятивного», «индивидуального» в толковании художественного дискурса, что не отрицает возможности глубокого филологического анализа, но может вести к преобладанию частного над общим, типизированным. Таким образом субъектное в кодировании текста усиливается субъектным (хотя не обязательно исключительно субъективным) в его интерпретации.

При всей привлекательности и даже ценности такого подхода к пониманию текста представляется, что, если не для всего множества текстов, то для текстов, характерных для определенных периодов развития литературы, посвященных переломным историческим событиям, роли некоторых социальных групп, оправданно обратиться к понятию *социокультурной травмы*, которая может выступать стимулом к созданию текста.

Как правило, социокультурная травма определяется на основании трудов социолога П. Штомпки, который выделяет культурную травму, вызванную травмогенными социальными изменениями [3]. Такие перемены могут характеризоваться быстротой, масштабом, радикальностью (глубиной), связью со специфическими ментальными фреймами, по отношению к которым носители языка интерпретируют травмирующие события (ассоциация со словами *невероятный, неожиданный, шокирующий, поразительный*) [3, p. 8–9]. Такие преобразования – резкие, всеобъемлющие, фундаментальные, непредвиденные. Учитывая примеры, которые приводит П. Штомпка, социокультурная травма не обязательно обладает всеми указанными признаками (сравнить: смерть, развод, реструктуризация предприятия, революция и т.д.) [3, p. 9]. Очевидно, не все из них обладают таким качеством, как внезапность, но многие из них ведут к схожим последствиям. П. Штомпка особо указывает на то, что для того, чтобы массовый травмирующий опыт стал коллективной травмой, он должен осознаваться и вербализоваться как таковой [3, p. 10]. То есть понятие социокультурной травмы напрямую связывается с языковыми и, в частности, когнитивными процессами, поскольку исследуется не только само событие, но и его означивание в дискурсе.

По сравнению с толкованием текста с позиций психоанализа роль социокультурной травмы в порождении дискурса более доступна для исследования, поскольку данная предпосылка к творчеству будет изучаться не только на основе анализа смысловых коннотаций текста, выводимых из его семантико-прагматического наполнения, интертекстуальных связей, но и социальных, политических, экономических, исторических данных и связанных с ними метатекстов, которые, в свою очередь, будут иметь выраженную социальную направленность, будь то научный, научно-популярный, общественный или политический дискурс.

Понятие социокультурной травмы для лингвистического анализа текста, выполненного в когнитивно-дискурсивном ключе, важно, поскольку оно позволяет прояснить предпосылки фрейминга и рефрейминга дискурса

посредством художественного текста, т.е. создания стереотипных представлений и изменения уже устоявшихся. Необходимость фрейминга и рефрейминга возникает при введении в концептосферу языка достаточно новых понятий (например, *woke culture* ‘культура осознанного отношения к расовой или социальной дискриминации, к жизни сообщества’ в английском языке), а также в ситуации переосмысления аксиологического наполнения концептов культуры, особенно социально значимых, поскольку в силу изменений, имевших место в XX–XXI вв., их прагматическое значение оказалось динамичным и неустойчивым.

Такой рефрейминг можно проиллюстрировать трансформацией коннотативного компонента понятия *aristocrat* ‘аристократ’ от *object of ridicule* ‘предмет насмешек’ в произведениях П. Г. Вудхауса к *honorable member of society* ‘достойный член общества’ в текстах Дж. Феллоуза, между которыми лежит временной отрезок длиной почти в столетие. Здесь мы имеем дело с рефреймингом не только как с семантико-прагматическим явлением, обусловленным позицией, интенцией автора, но и временным рефреймингом, обусловленным социально-политическими изменениями в британском обществе, где эмансипация более низких слоев достигает такого уровня, когда высшие слои начинают представлять интерес как социокультурное наследие и сограждане. То есть категория интенциональности коррелирует с категорией акцептабельности.

Рефрейминг как эмоционально-оценочная, ценностная трансформация концептов языка и культуры может иметь место собственно в переломные моменты развития общества, а также в связи с необходимостью осмысления травматических исторических событий в ретроспекции, когда по отношению к ним уже существует необходимая временная и психологическая дистанция. Здесь очевидна связь социокультурной травмы и рефрейминга как когнитивного и языкового механизма порождения новых смыслов, поскольку исторические изменения могут вести к социальным трансформациям, болезненным и разрушительным как для узких, так и для широких слоев общества, и оборачивающимся утратой в области культуры.

Иногда намерение восстановления или сохранения того, что может быть утрачено и при этом является частью национального характера, может открыто постулироваться автором художественного дискурса [4, с. 223]. Так, И. Во в предисловии 1959 года к «Возвращению в Брайдсхед» указывает, что писал его с целью сохранить для потомков представление о материальном и культурном наследии английской аристократии, поскольку ожидал ее полного упадка вследствие событий Первой и Второй мировых войн. *It was impossible to foresee, in the spring of 1944, the present cult of the English country house… So I piled it on, rather... And the English aristocracy has maintained its identity to a degree that then seemed impossible* ‘Весной 1944 невозможно было предвидеть сегодняшний культ английской усадьбы… Поэтому я излишне сгустил краски… И английская аристократия сохранила свою идентичность до степени, казавшейся тогда невозможной’ [5, p. 8].

Адекватно интерпретировать смысловую проблематику этого отрывка можно, изучив соответствующие метатексты. В них утверждается, что еще в Первую мировую у офицеров, которые являлись дворянами, было больше шансов погибнуть, чем у рядовых [6, loc. 2201]. Средняя продолжительность жизни дворян-офицеров, находившихся в первых рядах, на фронте оценивалась в шесть недель [Там же]. Таким образом, английская аристократия в двух мировых войнах утратила не только своих представителей, но и культурную специфику, так как в результате исчезли некоторые титулы, которые могли передаваться только мужчинам в силу консервативности законодательства.

Эта тема развивается и в произведениях Дж. Феллоуза, который переосмысливает события столетней давности (крушение «Титаника», Первая мировая война) и стремится показать, что деструктивной оказалась и тактика предводителей армии побуждать жителей одной деревни, городка или работников одной фабрики совместно записываться в одно и то же подразделение с целью мотивировать солдат, чтобы те сражались яростней, защищая своих друзей и близких [6, loc. 2182]. В результате один бой мог унести жизни всех мужчин деревни, что вело к уничтожению специфики и изменению фреймового наполнения понятия *community* ‘местное сообщество’, которое является, на наш взгляд, краеугольным концептом британской лингвокультуры [Там же].

Не случайно поэтому и стремление позиционировать *the house* ‘усадьба, замок, дворец’ как центр единения местного сообщества, что представляет собой пример временного и аксиологического рефрейминга ценностного компонента лингвокультурного концепта: *more than just a house, it is also a home to both the family and the servants* ‘больше, чем просто дворянская усадьба – это родной дом и для семьи владельцев, и для слуг’ [6, loc. 106]. Такая эмоциональная вовлеченность, наряду с акцентированием эмансипации среднего и рабочего классов, должна содействовать позиционированию поместья не как классово чуждого бремени, от которого буквально следует физически избавляться из-за непомерных налогов, а как культурного наследия современной Великобритании [6, loc. 39].

Рефреймингу как изменению угла зрения на стереотипные представления может способствовать и принадлежность автора нескольким культурам одновременно, что позволяет идентифицировать социокультурную травму в рамках не столько национального, сколько глобального контекста. Это явление можно наблюдать в произведениях К. Исигуро, британца японского происхождения, который переосмысливает проблему *dignity* ‘достоинства’, понимаемого как чувство долга, верность родине и слуги хозяину в ситуации, когда консервативные ценности британского или японского общества помещаются в более широкий, глобальный масштаб распространения фашистской идеологии и борьбы с ней.

В романе «Остаток дня» верность дворецкого хозяину-аристократу вступает в неосознаваемое первым противоречие верности родине, поскольку Британия выбирает противостояние деструктивной идеологии, а хозяин лорд

Дарлингтон, стремясь к миру с немцами и апеллируя к ужасам Первой мировой войны, становится пособником нацистов в Великобритании, по сути, опираясь на вечные, универсальные ценности, такие как дружба. Этот пример демонстрирует, что «универсальные» концепты существуют в культурных стереотипах, в языковых фреймах не как абсолютные ценности, а как моделируемые, динамичные понятия, аксиологическое поле значений которых зависит от социокультурных и политических нюансов. В указанном выше произведении интерпретация этих концептов субъектом нарратива и номинации дворецким Стивенсом как фиксированных, оторванных от этического компонента, детерминированного временем повествования, отражает послевоенную рефлексию о социокультурной травме в классовой системе британского общества.

Если исходить из теории П. Штомпки, то неосознанная социокультурная травма может существовать подспудно и начинает признаваться как таковая при ее вербализации посредством художественного дискурса. Такая травма может вообще не восприниматься как актуальная проблема, поскольку она затмевается либо прогрессивными изменениями, связанными с эмансипацией различных слоев общества, либо травмирующими событиями, имеющими большую масштабность. В рассмотренных выше отрывках из британских художественных произведений в контексте травмирующих событий двух мировых войн внимание привлекается к роли в обществе и культурному наследию отдельного класса людей, который в целом охватывается концептом «аристократия». Попутно художественный дискурс позволяет исследовать те понятия, которые входят в соответствующий фрейм: гиперо-гипонимические связи синонимов, стереотипные отношения с иными представителями социальной структуры общества, образ жизни, материальную культуру, духовные ценности, роль в прогрессивных процессах XX века. Все эти понятия представлены номинативными единицами, отражающими концепты британской культуры: *aristocrat* ‘аристократ’, *gentleman* ‘джентельмен’, *servant* ‘слуга’, *the house* ‘усадьба, замок, дворец’, *dignity* ‘достоинство’, *community* ‘местное сообщество’ и т.д. Даже если понятия и воспринимаются как обладающие в британской культуре некоторой спецификой, они не обязательно ассоциируются в обыденном сознании с социокультурной травмой, потому что этого не предполагает идея демократизации и глобализации общества. При этом необходимость осознать, вербализовать и поместить в некий ценностный фрейм изменения в социально значимых концептах, вызванные событиями XX века, способствует созданию художественных произведений, которые призваны осуществить контейнирование социокультурной травмы и связанных с ней понятий [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Руднев, П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста / П. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 432 с.

2. *Смирнов, И. П.* Психодиахронологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней / И. П. Смирнов. – М. : Новое литературное обозрение, 1994. – 351 с.
3. *Sztompka, P.* The ambivalence of social change: Triumph or trauma? / P. Sztompka // Econstor [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access : https://www.econstor.eu/bitstream/10419/50259/1/330535307.pdf. – Date of access : 09.03.2021.
4. *Во, И.* Медные трубы / И. Во // Иностранная литература. – 2016. – № 4. – С. 215–221.
5. *Waugh, E.* Brideshead Revisited / E. Waugh. – London : Penguin Books, 2000. – 331 p.
6. *Fellowes, J.* The World of Downton Abbey / J. Fellowes. – N. Y. : Collins, 2011. – 304 p.
7. *Соловьева, М. А.* Кинопроизведение как пример контейнирования / М. А. Соловьева // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 6 (103). – С. 72–78.

С. К. Щукина (*Минск, БГАМ*)

НАЗВАНИЯ И РЕМАРКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕНРИ ПЕРСЕЛЛА И ФРАНСУА КУПЕРЕНА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассмотрены названия музыкальных произведений и словесные ремарки двух композиторов европейского музыкального барокко: Генри Перселла и Франсуа Куперена, воспринимаемые нами как часть письменного дискурса композиторов. Исследуется коммуникативно-прагматическое воздействие названной лексики на исполнителя музыки и на слушателя. Проводится мысль о динамической взаимосвязи литературного и музыкального дискурсов. Изучение взаимоотношения указанных дискурсов могло бы привести к более глубокому представлению как о прагматической нагруженности рассматриваемой лексики, так и об образном содержании музыки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: композитор; барокко; письменный дискурс; коммуникативно-прагматическое воздействие; образное содержание.

The article examines the titles of musical works and verbal markings of two composers of the European musical Baroque: Henry Purcell and François Couperin. We perceive the work titles and markings as parts of composers' written discourses. The communicative-pragmatic influence of the above lexis on performers and listeners is investigated. The idea of the dynamic interconnection of literary and musical discourses is justified. The study of these discourses' interrelationships could lead to a deeper understanding of both the pragmatic load of the lexis in question and the figurative musical content.

K e y w o r d s: composer; the Baroque; written discourse; communicative and pragmatic impact; figurative content.

Менталитет музыканта проявляется в его дискурсе. Одна из отличительных особенностей музыкального дискурса – его способность к созданию музыкальных образов. Однако за музыкальным произведением стоит личность, владеющая системой не только музыкального языка, но и естественного языка. Творчество композитора происходит также и на вербальном уровне, включающем в себя музыкально-теоретические трактаты, эпистоляр-

ное наследие, словесные программы музыкальных произведений, предисловия к партитурам и клавирам, программные названия произведений, ремарки в нотном тексте и др. Это означает, что письменный дискурс композитора может быть рассмотрен как часть его музыкальной коммуникации и музыкального дискурса.

Данная работа посвящена двум гениям зрелого барокко в европейской музыкальной культуре: Генри Перселлу (Henry Purcell, 1659–1695) и Франсуа Куперену (François Couperin, 1688–1733) в контексте использования программных названий музыкальных произведений и словесного комментария в нотном тексте. Названия и ремарки рассматриваются в их коммуникативно-прагматическом аспекте, ибо в них композитор выражает свой творческий замысел, психологический настрой, впечатления и чувства. Используя лексику национального языка, однако намеренно субъективно осложняя ее эмоционально, образно и др. – так, что она становится проявлением авторского словоупотребления, композитор адресует свое музыкальное детище своим современникам и потомкам.

Названия произведения как «подзамысел», «подтекст», «подоснова» и даже – «средство» способны тематически объединить музыкальное произведение [1, с. 90] и могут восприниматься как словесная программа музыкального произведения, вынесенная за рамки музыкального воплощения замысла композитора.

Использование ремарок в нотации, явившееся результатом поиска новых средств музыкальной выразительности, свидетельствовало о взаимодействии слов и музыки, об осознании композитором художественной ценности своего произведения, которое можно было бы оставить потомкам. Ремарки в нотном тексте, направленные на предотвращение произвола в толковании музыки, стали бесценным руководством для исполнителя, своеобразным посланием, несущим «…печать индивидуальной композиторской манеры» [2, с. 9].

Словесный комментарий и программность музыкального произведения, выраженная в названии, явились огромным завоеванием музыкального искусства, стимулирующим использование новых выразительных средств музыки, а также способствовали развитию новых разнообразных словесных обозначений манеры игры, содержащих образные значения, вплоть до метафор, концентрирующих в себе существенные черты темы музыкального произведения.

Обозначения нюансов исполнения, появившиеся и развивавшиеся в итальянской музыке и нотации в первой половине XVI века[1], были поддержаны и использованы по всей Европе в XVI–XVII веках, в основном, французскими и английскими композиторами, которые, зачастую наряду с итальянскими обозначениями нюансов исполнения, вводили в нотный текст музыкальных произведений слова из своих национальных языков.

[1] Имеется в виду средневековый трактат по лютневой музыке “Capirola Lutebook” (1517), в котором содержится один из первых случаев использования словесного указания на приемы исполнения [3].

Характерная особенность музыкального развития в странах Западной Европы со второй половины XV века по XVII век заключалась в переходе музыкознания с латыни на национальные языки, что усилило процесс терминологизации профессиональной музыкальной лексики средствами национальных языков[1]. В рамках этого явления появились английские, французские названия сначала динамических контрастов, затем темпов и, наконец, обозначений характера. Материалом для исследования нами были выбраны Каталог произведений Перселла, составленный Франклином Циммерманом [4] и Сборник пьес для клавесина Франсуа Куперена в 4-х частях [5].

Музыкальное творчество Перселла огромно[2]. Генри Перселл, проявивший себя «…едва ли не самой различимой индивидуальностью своего времени, обладал поэтической тонкостью, изяществом и гибкостью в передаче эмоций, изысканностью мелодии, гармонии, колорита…» [6, с. 433].

Среди английских композиторов Перселл был первопроходцем в использовании эмоционально окрашенных слов на итальянском языке и в разъяснении способа исполнения на английском языке. Он многократно употреблял не только уже широко известные в то время итальянские музыкальные ремарки в нотном тексте, но и эмоционально окрашенные итальянские слова, например, *lamento* ‘стон, жалоба, стенание’ (Вторая сцена акта III оперы «Дидона и Эней») [7, p. 133–135]. В *12 Sonatas of 3 Parts* ’12 сонат в 3-х частях’ в обращении «к читателю» (*to the Reader)* композитор пишет о признательности итальянским композиторам инструментальной музыки за «художественные термины» **(***terms of Arts)*. Используя итальянские ремарки темпа, он вместе с тем предлагает свои разъяснения для «английского исполнителя» (*English Practitioner*), которому они могут показаться непривычными: *Adagio и Grave* ‘*a very slow movement*’ («очень медленно»); *Presto Largo* и *Poco Largo* ‘*a middle movement*’ («умеренно»); *Allegro и Vivace* ‘*a very brisk, swift, or fast movement*’ («очень живо, быстро, скоро») [8, p. 37]. Для передачи искусства гармонического колорита, например, в Фантазиях для 4-х виол, где тональности меняются подобно тому, как «пастельные тона мягко переходят из одного в другой», композитор, например, в Восьмой фантазии помечает небольшой фрагмент ремаркой *drag* ‘тяжело, медленно’ [9, с. 175]. В Фантазиях Перселл использовал такие английские слова, как *slow* ‘медленно’, *quick* ‘быстро, скоро’, *brisk* ‘оживленно, проворно’, *drag* ‘тяжело, медленно’ для комментария значимых для него фрагментов произведения [8, p. 36].

---

[1] В Англии этот переход осуществился ранее, чем в других странах Западной Европы, и, более того, переход английского музыковедения с латыни на национальный язык произошел прежде, чем в других областях английской науки, что, на наш взгляд, было обусловлено деятельностью выдающихся музыкантов и мыслителей Томаса Морли (Thomas Morley, 1557/1558–1602), Томаса Мейса (Thomas Mace, 1619–1709), Мэтью Локка (Matthew Locke, 1621–1677), и, конечно, Генри Перселла (Henry Purcell, 1659–1695).

[2] Наследие композитора включает около 800 работ: опера-шедевр «Дидона и Эней» (“Dido and Anneas”), полуоперы: «Пророчица, или История Диоклетиана» (“Prophetess or Dioclesian”), «Королева фей» (“The Fairy Queen”), «Индейская королева» (“The Indian Queen”), «Король Артур» (“King Arthur”); музыка к драматическим спектаклям, инструментальная музыка, приветственные и траурные оды, антемы, кетчи, церковная музыка, светские песни (арии) и др.

Подавляющее большинство произведений Перселла связано с текстом, при этом наблюдается гармоничное сочетание музыки и слова. «Музыка прилегает к словам словно перчатка к руке, и все же не утрачивает своей самостоятельности» [9, с. 125]. Посмертную славу Перселлу принесли песни. Он писал песни отдельно (внетеатральные песни), для пьес других авторов, помещал песни в свои спектакли, писал их для домашнего исполнения. Названия песен заключали в себе художественный образ, настраивали на исполнение, задуманное композитором. Из песен, которых насчитывается несколько сотен, выберем некоторые: *Hail to the Myrtle Shade* ‘Стремясь под мирта сень’; *Ah Cruel, Bloody Fate* ‘О жестокий рок’; *Retired from any mortal's sight* ‘Я бренный покидаю мир’; *Blow, Boreas, Blow* ‘Вей, вей, Борей’; *Fill up the Bowel!* ‘Наполни кубок!’; *Ye, gentle spirits* ‘Вы, духи добрые’; *Hark, the ach'ing air* ‘Слушай, как эхо звучит’; *The Plaint* ‘Жалоба’; *Oh, I'm sick of life* ‘О, я устал жить’; *Farewell, all joys!* ‘Прощайте, все радости!’; *Ah! How pleasant 'tis to love* ‘Ах! Как приятно любить’ и др.

Из двух композиторов в использовании программных названий и ремарок особенно выделялся Ф. Куперен. В своем трактате “L'art de toucher le clavecin” («Искусство игры на клавесине», 1716) он писал, что элементы музыкальной выразительности могут быть уподоблены элементам поэтического искусства, и придавал особое значение своему комментарию в нотном тексте. «…Я заявляю, что мои пьесы надо играть, следуя моим обозначениям, и что они никогда не будут производить нужное впечатление на лиц, обладающих подлинным вкусом, если исполнители не будут точно соблюдать все мои пометы, ничего к ним не прибавляя и ничего не убавляя» [1, с. 78].

Своим искусством он выразил все художественные возможности французской клавесинной школы, написав более 250 пьес для клавесина, объединив их в ряды (от 4 до 24), и при этом, уже в подборе произведений, демонстрировал тонкий вкус и художественно воздействовал на исполнителя. Это была череда «…изящных, пленительных, забавных, остроумных, блестящих, колоритных, даже портретных или жанровых образов» [6, с. 530].

Придавая особое значение названиям своих произведений, Куперен писал: «При сочинении всех этих пьес я всегда имел в виду определенный сюжет, который мне подсказывали разные обстоятельства. Название моих пьес соответствует моим мыслям, идеям. Меня, я надеюсь, избавят от объяснений» [1, с. 84]. Происходит следующее: композитор выделяет характерную черту образа и выносит в ее в название: *La Commère* ‘Кумушка’, *Le Moucheron* ‘Мошка’, *Les Gazouillements* ‘Щебетание’; *Les Délices* ‘Наслаждения’; *Les Amusements* ‘Развлечения’; *La Séduisante* ‘Обольстительница’, *La Fringante* ‘Резвая’, *Le Bavolet-flottante* ‘Развевающийся чепчик’, *L’Insinuante* ‘Вкрадчивая’, *La Raffraichissante* ‘Освежающая’, *La Mistérieuse* ‘Таинственная’, *Le Petit deuil ou trios veuves* ‘Легкий траур, или три вдовушки’ и т.д. Причем с годами вовсе исчезают пьесы или танцы без названий – все теснее и органичнее становится связь между названием, идеей пьесы и ее музыкальным воплощением [1, с. 98].

Программные намерения Куперена были поддержаны образными словесными пояснениями. Его ремарки представляются стилистически яркими, например: *Tendrement* ‘нежно’; *Naïvement* ‘наивно’; *Gracieusement* ‘грациозно’; *Nonchalamment* ‘небрежно, лениво’; *Languissamment* ‘томно’; *Gravement* ‘важно, степенно’; *Fièrement* ‘гордо, надменно’; *Douloureusement* ‘горестно’; *Noblement* ‘благородно, с достоинством’; *Audacieusement* ‘отважно, дерзновенно’; *Modérément* ‘умеренно, воздержанно’; *Plaintivement* ‘жалобно’; *Sans lenteur* ‘не замедляя’; *Coulamment* ‘текуче’; *Majestueusement* ‘величественно’, или эмоциональная ремарка с уточнением: *Tendrement, sans lenteur* ‘нежно, не замедляя’; *Fièrement, sans lenteur* ‘гордо, не замедляя’; *Légèrement, sans vitesse* ‘легко, не спеша’; *Impérieusement, et animé* ‘повелительно и оживленно’; *Délicatement, sans vitesse* ‘деликатно, не спеша’; *Voluptueusement, sans langueur* ‘сладострастно, без изнеможения’ и др. «Всеми этими обозначениями Куперен выражал почти всю современную шкалу темпов – от *Lento* и *Adagio* до *Allegro* и даже *Presto* …» [1, с. 101]. Данной работой мы лишь наметили путь исследования программных названий музыкальных произведений и словесных пояснений в нотном тексте Г. Перселла и Ф. Куперена с позиции воспринимающего, однако даже такой поверхностный анализ позволяет увидеть силу коммуникации и художественного воздействия рассматриваемой лексики.

Роль Г. Перселла и Ф. Куперена в словесном оформлении музыкальных произведений, способном подчинить своей воле исполнителей и слушателей, – огромна.

Между письменным дискурсом композитора и его музыкальным дискурсом существует динамическая связь, изучение которой может углубить наши знания об образном содержании музыки, а также дать более четкое представление об авторском переосмыслении слова под воздействием музыки.

Перспективой дальнейшего исследования может быть более глубокое исследование письменного дискурса Перселла и Куперена как основа для более тщательного изучения программных названий и содержания словесных ремарок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мильштейн, Я.* Франсуа Куперен. Его время, творчество, трактат «Искусство игры на клавесине» / Я. Мильштейн // Искусство игры на клавесине / Ф. Куперен. – М. : Музыка, 1973. – С. 76–118.

2. *Корыхалова, Н. П.* Музыкально-исполнительские термины. Возникновение, развитие значений и их оттенки, использование в разных стилях / Н. П. Корыхалова. – СПб. : Композитор, 202. – 272 с.

3. Vincenzo Capirola Lutebook. Facsimile. Compositione di Meser Vincenzo Capirola gentil homo [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.omifacsimiles.com / brochures / capirola2/ html. – Дата доступа : 26.05.2018.

4. *Zimmerman, F. B.* Henry Purcell, 1659–1695: an analytical catalogue of his music / F. B. Zimmerman. – London : Macmillan, 1963. – 575 p.

5. François Couperin (1668–1733). Pièces de Clavecin / Közreadja – Herausgegeben von Gát József. – Budapest : Musica: 1969.
6. *Ливанова, Т.* История западноевропейской музыки до 1789 года : учебник: в 2 т. / Т. Ливанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. – 1982. – Т. 1: По XVIII век. – 696 с.
7. *Taruskin, R.* The seventeenth and eighteen centuries / R. Taruskin // The Oxford History of Western Music. – Oxford Press, 2005. – V. 2. – 758 p.
8. *Cyr, Mary*. Performing Baroque Music / Mary Cyr.; Reinhard Gr. Pauly, gen. ed. – Amadeus Press, 1992. – 254 p.
9. *Уэструп, Дж.* Генри Перселл / Дж. Уэструп; пер. с англ. А. Кочнева. – Л. : Музыка, Ленингр. отд. – 1980. – 240 с.

Т. В. Аникеева (*Минск, МГЛУ*)

ФОНОВОЕ И ПРЕСУППОЗИТИВНОЕ ЗНАНИЕ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Исследуются подходы к определению и разграничению понятий фонового знания и пресуппозиции, к установлению относительно прецедентных явлений современного художественного текста. Выявляются языковые средства смыслового прироста, присутствующие в структуре прецедентной единицы и выступающие кумулятивными центрами формирования и реализации смысла. Устанавливается соотношение фоновости и пресуппозитивности в структуре и семантике прецедентного феномена современного художественного текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прецедентный феномен; фоновое знание; пресуппозитивное знание; пресуппозитивные характеристики; ассоциативность.

The article studies the approaches to the definition and delimitation of background knowledge and presupposition notions applied to the precedent phenomena of modern literary text. It singles out the core features constituing the structure of a precedent phenomenon that stand out as cumulative centres for the sense realisation. The article attempts to state the background knowledge and presupposition correlation in the structure and semantics of precedent phenomena of modern literary text.

K e y w o r d s: precedent phenomenon; background knowledge; presupposition; presupposition characteristics; associativity.

Отличительной особенностью современного текстового пространства является его репрезентированность широким спектром черт и характеристик, принадлежащих разнообразным семиотическим мирам и пространствам. Для исследования особого типа единиц, представляющих собой когнитивно-закрепленные образования, такие, как прецедентный феномен, важную роль играет не только возможность их синтагматической атрибутивной адаптации, что предполагает их включение в линейный текстовой ряд, но и способность апеллировать к спектру знаний и явлений об окружающем мире, отражаемому в тексте. Вертикализация как процесс переноса знания из одного семиотического пространства в пространство текста с необходимостью предполагает исследование источника подобной апелляции, в качестве которого может выступать различное по своему объему и закрепленности знание,

отраженное в фонде фоновых или пресуппозитивных особенностей своего представления. Совокупность данного знания, известного для большинства членов определенного языкового сообщества, находит свое отображение в спектре терминов, используемых в лингвистике. Кумулятивность характера репрезентации данного знания как совокупности некоторых представлений может сближать его со смежными закрепленными в лингвистике понятиями, такими, как концептосфера. Определения, существующие для данных терминов, выделяют одну или несколько основных черт, позволяющих проводить отождествление или разграничение понятий. Некоторые из них подчеркивают объемность и кумулятивность составляющих их фрагментов, например, понятие концептосферы. Согласно некоторым из подходов, фоновое знание может быть отражено в определенных узловых компонентах данной сферы, поскольку многоуровневость таких систем предполагает различный характер репрезентации и степень эксплицитности наполнения определенной единицы. Тем не менее в то время как между концептосферой и фоновым знанием имеются определенные объединяющие их характеристики, точечная форма репрезентации составляющих концептосферу признаков и ассоциирование ее с узлами-концептами, содержащими определенные знания и способы их репрезентации, фоновое знание представляет собой понятие, не имеющее четко определенной внутренней структуры, установленных внутрисистемных путей апелляции и иерархии конституирующих его фрагментов, что свидетельствует о потенциальной разнообразности способов апелляции к нему со стороны реализованных в тексте когнитивно-языковых феноменов.

Исследование фоновости и пресуппозитивности по отношению к структуре и особенностям формальной реализации языковой единицы требует определения подходов к разграничению фонового и пресуппозитивного знания в структуре прецедента. Под фоновыми знаниями говорящих традиционно понимаются хранящиеся в человеческой памяти знания о мире, которые в непроговариваемом виде сопутствуют речевому общению, на каком бы языке оно ни велось, необходимые для того, чтобы коммуникация была успешной. Совокупность данных знаний и составляет пресуппозицию – сферу информативных сведений, которые известны говорящим и делают речь осмысленной. Типология пресуппозиций включает общие пресуппозиции, под которыми понимаются знания экстралингвистического характера, возможность слышать говорящего и отвечать ему; и лингвистические пресуппозиции, которые представляют собой знания правил реализации слов, предложений, словопорядка, интонации [1, с. 55]. Определения фоновых знаний представляют их как общий фонд, который позволяет говорящим на одном языка понимать друг друга; свидетельствуют об обоюдном знании реалий говорящим и слушающим, что является основой языкового общения [2, с. 498]. Таким образом, согласно одному из подходов, пресуппозитивное знание понимается как родовое понятие относительно к понятию фонового знания, которое отражает характеристики, необходимые участникам общения для успешной коммуникации. Пресуппозитивность в наиболее общем зна-

чении может пониматься в русле исследования прецедентности как особое средство, обеспечивающее и обусловливающее возможность взаимопонимания адресата и адресанта на основе совокупности знаний, закрепленных в когнитивной базе носителей определенного языка одного языкового сообщества, и, в особенности, правил и условий, в которых эти знания могут быть корректно эксплицированы. Фоновое знание может также репрезентировать совокупность знаний, накапливаемых в ходе ознакомления индивида с фактами и явлениями внеязыковой действительности, например, в процессе обучения в школе или университете; источником фонового знания может служить вербальный источник, дефиниция толкового словаря, текст литературного произведения, мифологический или фольклорный источник.

Однако фоновое знание может предполагать как закрепленное в рамках определенного лингвокультурного сообщества и контекстуально опознаваемое знание, так и то знание, которое репрезентировано в способах и характеристиках, известных значительному числу коммуникантов, при помощи которых обеспечивается стабильность коммуникации, а также отражено в формально-содержательной стороне определенной языковой единицы. Интерпретация смысла языковой единицы в высказывании может, до определенной степени, быть результатом реализации стратегии индивидуального осмысления, однако смыслы, задействованные в рамках интерпретации, могут носить социальный характер, поскольку отражают знания, типичные для определенного языкового сообщества [3, с. 140]. Наиболее явно подобные признаки выявляются при анализе особого типа прецедентных ситуаций, включающих реализацию компаративного языкового компонента. Типология компаративных средств с учетом данной характеристики предполагает выделение деятельных и атрибутивных признаков, обеспечивающих апелляцию к соответствующим образованиям иерархически более высокого ранга. Данный тип ситуаций основан на особом понимании пресуппозитивности как знания, на основе которого осуществляется операция имплицитного сопоставления двух структур знания. Прецедентные ситуации, функционирующие как вербализуемые экспликации определенных когнитивных структур, тем не менее являются несвободными от возможности ассоциативного осмысления признаков, формирующих данную ситуацию. Имплицитно представленное пресуппозитивно-ассоциативное основание в современном художественном тексте может осуществляться посредством замены признаковой составляющей на синонимичную, что отражается в определенных конструкциях компаративного типа. Данное условие формирует особый тип связи между социально-конвенциональным и индивидуально обусловленным в составе определенной языковой формы: *черный, прожженный, будто царь-пушка; пушистый (колючий), пышный (объемный), будто еж.*

Одним из наиболее широко распространенных видов фоновости, к которому осуществляется апелляция при помощи прецедентного феномена, является апелляция к лексикографическому материалу, представленному в энциклопедических словарях, отражающих широкий спектр характеристик,

связанных с явлением, событием или фактом действительности: *Скучая по обществу, стал общаться с неграми. – Мой дедушка был рабом, дай доллар, – говорили они. – Мой дедушка тоже был рабом, – отвечал я. –* ***Рабом Иосифа Сталина*** [4, с. 18]. Признаковый состав лексикографически закрепленного имени *Иосиф Сталин* предполагает формирование смысла на основе таких характеристик, как ‘интерпретатор ленинских идей’, ‘создатель пирамидальной модели тоталитарного государства’, ‘создатель концепции обострения классовой борьбы’ [5, с. 225]. Присутствие в семантическом составе прецедентного феномена компонентов ‘тоталитаризм’, ‘лидерство’ и взаимодействие данных характеристик, опирающееся на выходящее за пределы непосредственного лексикографического описания компонент ‘создатель государственной системы репрессий’ позволяет осуществлять переосмысление имени на основе введения в состав интерпретационной рамки компонента ‘раб’ и интерпретировать данную единицу как ‘лидер тоталитарного государства, эпоха которого известна репрессиями’. В таком случае пресуппозитивность в структуре прецедентного феномена может пониматься как характеристика, обеспечивающая взаимодействие эксплицируемой и имплицитно представленной признаковой составляющей в реализации прецедентного феномена как текстовой и когнитивной единицы. Данное взаимодействие может реализовываться как внутрисемантически, так и с помощью атрибутирования, которое обогащает состав прецедентной текстовой единицы дополнительным признаком и находит свое выражение в интерпретационной последовательности. Несмотря на то, что некоторые из признаков, имеющихся в составе лексикографического описания, подвергаются индивидуальному переосмыслению или метатекстовому комментированию, они являются следствием репрезентации уровневой структуры прецедентного феномена, затрагивающей как единичные, точечные признаки, лежащие на его периферии, так и ядерные, затрагивающие его сущностные, образные черты: *Впрочем, наличие дерева ни раньше, ни тем более теперь подтвердить нельзя. Что бы ни поддерживало того, в правом верхнем углу, это был святой явно поважнее монаха. Может, и женщина.* ***Возможно, Мария, которую вознесла на ветви сила Святого Духа*** [6, с. 68].

Несмотря на то, что в отношении структуры прецедентной единицы и ее языковой репрезентации фоновые компоненты определяют способ ее развертывания через введение определенного числа участников или актантов, что наиболее характерно для ее полипропозициональных разновидностей, семантика прецедентных единиц является полем реализации как узуальных, так и пресуппозитивных характеристик, выведение которых из значения и контекста осуществляется благодаря их взаимодействию: *Есть один дом* ***в заокеанском Вавилоне****, в доме комната, в комнате той собираются гнусные карлики, подлые кукловоды, тайное мировое правительство. В эту комнату все нити и ведут* [6, с. 86]. Формирование смысла, позволяющего корректно интерпретировать языковую единицу, происходит благодаря взаимодействию атрибута *заокеанский* и прецедентного имени *Вавилон*. Ассоциативная связь, сформированная в рамках русскоязычного лингвокультурного сооб-

щества, позволяет рассматривать атрибут *заокеанский* в его отождествлении с прилагательным *американский.* Концептологические области атрибута *заокеанский* и прецедентного имени взаимодействуют на основе общности пресуппозитивных свойств (высота зданий в американских городах подобна высоте известной Вавилонской башни, вошедшей в священные тексты и, через них, в коллективную память своим грандиозным размером). Интерпретация прецедентного комплекса *заокеанский Вавилон* предполагает осложнение интерпретационной последовательности *известный – место – характеристика* дополнительным компонентом, модифицирующим местоположение указанного города.

Анализ подходов и примеров, принадлежащих современному художественному тексту, позволяет выделить и обобщить основные тенденции апелляции к пресуппозитивному и фоновому знанию в структуре прецедентного феномена. Фоновость и пресуппозитивность как две сходные в рамках проанализированного исследования характеристики не могут быть однозначно оппозитивно противопоставлены друг другу в своих сущностных и функциональных особенностях. Тем не менее фоновое знание при анализе прецедентного феномена предстает как наиболее общий тип знания, разделяемый всеми членами определенного языкового сообщества, без которого невозможна коммуникация и взаимодействие в данном сообществе. Пресуппозитивность, представляющая собой набор имплицитно содержащихся и способных к выведению из семантико-структурных особенностей прецедента характеристик, реализуется как способ дополнения и обогащения семантики прецедентного имени мифологическим, историческим и другими источниками заимствований, поскольку семантическая реализация фоновости знания обогащается фондом ассоциированных с прецедентным феноменом явлений, событий и характеристик. Пресуппозитивное и фоновое типы знания могут реализовываться как осуществляющие взаимодействие в рамках интерпретационной последовательности, выделяемой на основе анализа прецедентного феномена. Пресуппозиция в отношении атрибутированных прецедентных единиц может реализовываться как взаимодействие имплицитных семантико-когнитивных признаков с целью обогащения семантико-структурного состава прецедентной текстовой единицы, что предполагает актуализацию определенной информации, разделяемой членами лингвокультурного сообщества. Пресуппозитивность, отождествляемая со спектром культурно-детерминированных представлений и способов бытования окружающей действительности, является основой экспликации признаковых характеристик, свойственных для прецедентной ситуации и прецедентного компаратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломов, А. М.* Языковая игра с фоновыми знаниями / А. М. Ломов, А. П. Бабушкин // Вестн. Балт. федерального ун-та им. И. Канта. – 2014. – № 8. – С. 55–61.
2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

3. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
4. *Месяц, В.* Стриптиз на 115-й дороге / В. Месяц. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 416 с.
5. Культурология : энцикл. : в 2 т. / редкол. : С. Я. Левит (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Алетейя, 1998. – Т. 2. – 1998. – 370 с.
6. *Снегирев, А.* Вера / А. Снегирев. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 288 с.

Д. Л. Тригубова (*Минск, МГЛУ*)

ПРИЕМЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ КИНОАННОТАЦИЙ

Настоящая статья посвящена анализу средств выразительности в аннотациях к современным художественным фильмам на английском и русском языках. Исследуются такие виды киноаннотаций, как синопсис, логлайн, тэглайн, блерб. Рассматриваются лексические, синтаксические, графические, фонетические и морфологические стилистические средства. Определяется представленность стилистических средств и тенденции их употребления в киноаннотациях. Устанавливается корреляция употребительности средств выразительности с размером и основной целью каждого из видов аннотаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: киноаннотация; синопсис; логлайн; тэглайн; блерб; стилистические средства.

This article is devoted to the analysis of expressive means in English and Russian annotations for modern feature films. The film annotation types in question are synopsis, logline, tagline, blurb. Lexical, syntactic, graphical, phonetic and morphological stylistic devices are considered. The usage tendencies of stylistic means in film annotations are determined. The correlation between the use of expressive means and the size and main purpose of each annotation type is established.

K e y w o r d s: film annotation; synopsis; logline; tagline; blurb; stylistic devices.

В настоящее время сфера кино является объектом пристального внимания специалистов разных областей научного знания. В журналах, на сайтах и иных ресурсах возросло количество разнообразных текстов, связанных с кино, что привлекает внимание лингвистов. Одним из типов таких текстов является аннотация к кинофильму. Киноаннотация сообщает основную информацию о жанре фильма, его сюжете и проблемной ситуации, воздействует на потенциального зрителя и, как следствие, способствует позиционированию и продвижению фильма на кинорынке.

Данная статья посвящена рассмотрению приемов стилистической выразительности, используемых в киноаннотациях различных видов (синопсис, логлайн, тэглайн и блерб). Синопсис (англ. *synopsis*) – краткое последовательное изложение содержания фильма, включающее описание персонажей, хронотопа, основных событий и проблемных ситуаций. Логлайн (англ. *logline*) понимается как краткое описание главных персонажей и основной драматической линии фильма, состоящее из одного-двух распространенных предложений [1; 2]. Тэглайном (англ. *tagline*) является максимально краткое и художественное описание основной идеи фильма, нацеленное на воздейст-

вие на зрителя и создание интриги [3]. Блерб (англ. *blurb*) трактуется как характеристика фильма, составленная из кратких фрагментов рецензии или отзыва влиятельного критика или источника [4].

Практическим материалом данного исследования являются аннотации на английском и русском языках к художественным фильмам производства США 2018–2020 гг., взятые из онлайн-ресурсов о кинофильмах imdb.com и kinopoisk.ru, а также с официальных сайтов ряда кинокомпаний. В рамках исследования рассмотрены основные графические, фонетические, морфологические, лексические и синтаксические стилистические средства, используемые в киноаннотациях, а также проанализирована концентрация различных стилистических средств в аннотациях различных видов. Рассмотрим вышеупомянутые типы стилистических средств в соответствии с их употребительностью.

Лексические стилистические средства. Наиболее широко в киноаннотациях используются лексические стилистические средства. Анализ практического материала позволяет сделать вывод об использовании прежде всего эпитетов во всех видах киноаннотаций для придания им экспрессивности:

- в синопсисах: *in this explosive comic book thriller* ‘в этом взрывном триллере, снятом по комиксам’ (Glass); *to hide their evaporating networth* ‘скрыть их испаряющийся капитал’ (Drunk Parents); *горькое разочарование, томительная разлука* (Little Women); *эпоха беспросветных школьных будней и тупиковых поисков себя* (Blinded by the Light);
- в логлайнах: *embark on a rocky relationship* ‘вступают в неустойчивые отношения’ (After); *discovers Bumblebee, battle-scarred and broken* ‘обнаруживает Бамблби, израненного в бою и сломленного’ (Bumblebee);
- в блербах: *a beautiful, burly, building blockbuster* ‘прекрасный, крепкий, формирующий блокбастер’ (Mortal Engines); *stylish, hilarious, and utterly uncompromising* ‘стильный, очень смешной и абсолютно бескомпромиссный’ (BlacKkKlansman);
- в тэглайнах: *Самое мощное оружие – правда* (A Private War).

Использование метафор характерно для трех разновидностей киноаннотаций. В синопсисах и тэглайнах метафоры образно описывают детали сюжета и/или тему фильма: *распутать клубок тщательно скрываемых тайн* (синопсис к фильму Motherless Brooklyn); *Love is a Universe All of Its Own* ‘Любовь – это Целая Вселенная’ (тэглайн к фильму The Sun Is Also a Star). В блербах метафоры главным образом используются для характеристики фильма в целом, а не какого-либо аспекта его содержания: C*atnip for cinemagoers* ‘Кошачья мята для любителей кино’ (Cats); *A straight shot of adrenaline* ‘Чистый выброс адреналина’ (Bloodshot).

Олицетворение отмечено в тэглайнах и блербах, при этом наиболее распространена персонификация самого фильма: *This film holds on to your heart and refuses to let go* ‘Этот фильм держится за ваше сердце и отказывается отпускать’ (блерб к фильму A Beautiful Day in the Neighborhood); *This*

film creeps up on you ‘Этот фильм подкрадывается к тебе’ (блерб к фильму A Quiet Place Part II); *A beloved tale will take you to new heights* ‘Любимая сказка поднимет тебя на новые высоты’ (тэглайн к фильму Dumbo).

Лексическим стилистическим средством, характерным исключительно для тэглайна, является каламбур, или игра слов. Например, в тэглайне *They are dying to play* к фильму Escape Room фраза *are dying to play* имеет основное значение ‘очень хотят играть’. Однако в контексте фильма она может быть интерпретирована как ‘умирают, чтобы играть’, поскольку фильм рассказывает о смертельно опасной игре, в которую попадают персонажи фильма. В тэглайне *В штопоре и на мели* к фильму Drunk Parents выражение *в штопоре* указывает на критическое, бедственное положение, что основано на употреблении данной фразы в авиации. Одновременно слово *штопор* в значении ‘приспособление для вытаскивания бутылочных пробок’ содержит ссылку на причину бедственного положения – алкоголь.

Синтаксические стилистические средства. Для формирования интереса у потенциальной аудитории и привлечения внимания к кинофильму в аннотациях часто используются риторические вопросы. Данное стилистическое средство характерно для киноаннотаций трех разновидностей:

- в синопсисах: *But will fate be enough to take these teens from star-crossed to lucky in love?* ‘Но хватит ли судьбы, чтобы превратить этих подростков из несчастных в счастливых влюбленных?’ (The Sun Is Also A Star); *Сможет ли он пролить свет на правду?* (Dark Waters);
- в логлайнах: *What if a child from another world crash-landed on Earth, but instead of becoming a hero to mankind, he proved to be something far more sinister?* ‘Что, если бы ребенок из другого мира совершил аварийную посадку на Землю, но вместо того, чтобы стать героем человечества, оказался бы чем-то гораздо более зловещим?’ (Brightburn);
- в тэглайнах: *Can you keep a secret?* ‘Ты можешь сохранить тайну?’ (A Simple Favor); *Who Is Stephanie Patrick?* ‘Кто такая Стефани Патрик?’ (The Rhythm Section); *Отпразднуем ещё разок?* (Happy Death Day 2U); *Что они прячут?* (Under the Silver Lake).

Для усиления связи или контраста между элементами в блербах и тэглайнах встречаются синтаксический параллелизм и повторы: *Big shark, big action, big fun!* ‘Большая акула, большой экшн, большое веселье!’ (блерб к фильму The Meg); *Fight for your land. Fight for your home* ‘Сражайся за свою землю. Сражайся за свой дом’ (тэглайн к фильму The Last Black Man in San Francisco); *Мир узнает его имя. Мир узнает его правду* (тэглайн к фильму Richard Jewell).

В двух вышеназванных видах киноаннотаций также распространено использование эллипсиса для большей экспрессивности и сжатия. В блербах отсутствующие элементы предложения обычно легко восстанавливаются из контекста: *Immediately an Oscar contender* ‘Сразу претендент на Оскар’ (A Private War). В тэглайнах эллипсис может дополнительно создавать неопределенность и интригу: *В штопоре и на мели* (Drunk Parents).

Графические стилистические средства. Для аннотаций к кинофильмам характерно использование необычной графической презентации для передачи дополнительных смыслов или акцентирования внимания. Самым распространенным графическим стилистическим средством является ненормативная капитализация. Написание всех знаменательных слов с заглавной буквы характерно для тэглайнов и блербов: *Every Hero Has a Beginning* ‘У Каждого Героя Есть Начало’ (тэглайн к фильму Bumblebee); *Trust Love All the Way* ‘Доверяй Любви Полностью’ (тэглайн к фильму If Beale Street Could Talk); *A Remarkable Feat of Both Performance and Filmmaking* ‘Замечательный Подвиг как в Исполнении, так и в Кинопроизводстве’ (блерб к фильму A Star is Born); *A Lively Origin Story of the Brilliant Ruth Bader Ginsburg* ‘Живая История Происхождения Гениальной Рут Бейдер Гинзбург’ (блерб к фильму On the Basis of Sex).

Написание слов полностью заглавными буквами характерно для блербов и синопсисов, при этом в блербах заглавными буквами пишутся все слова: *EVERY INCH A CLASSIC* ‘КЛАССИКА В КАЖДОМ ДЮЙМЕ’ (Bohemian Rhapsody); *ACTION PACKED* ‘ПОЛНЫЙ ЭКШН’ (Cold Pursuit). В синопсисах заглавными буквами могут выделяться отдельные слова: название кинофильма (*THE GENTLEMEN follows American expat Mickey Pearson* ‘Фильм «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ» рассказывает об американском эмигранте Микки Пирсоне’ (The Gentlemen)); имя актера (*his ex-wife Karen (ANNE HATHAWAY)* ‘его бывшая жена Кэрен (ЭНН ХЭТЭУЭЙ)’ (Serenity)); название кинопремии (*nominated for 8 ACADEMY AWARDS* ‘номинирован на 8 КИНОПРЕМИЙ «ОСКАР»’ (Vice)).

Многоточие как графический стилистический прием распространено в трех видах киноаннотаций. В синопсисах многоточие передает главным образом незаконченность или паузу: *to discover if he is worthy of who he was born to be… a king* ‘узнать, достоин ли он того, кем был рожден... королем’ (Aquaman); *fun is brought back to the streets of London in celebration that everything is possible… even the impossible* ‘веселье возвращается на улицы Лондона в честь того, что все возможно... даже невозможное’ (Mary Poppins Returns); *ведь каждый их шаг – отличный повод откупорить новую бутылку…* (Drunk Parents). Многоточие в блербах указывает на то, что фразы, используемые для создания данных блербов, взяты из различных фрагментов рецензий: *Stunning… Jamie Dornan is a real revelation* ‘Потрясающе… Джейми Дорнан – настоящее откровение’ (A Private War); *The stuff of nightmares… It will make you jump out of your seat* ‘Вещи из кошмаров... Они заставят вас вскочить с места’ (Pet Sematary). В тэглайнах многоточие в большинстве случаев передает паузу, за которой следует неожиданная концовка предложения: *Она умерла... Но это не точно* (The Possession of Hannah Grace); *Он убирает снег и… наркодилеров* (Cold Pursuit).

Фонетические стилистические средства. В киноаннотациях встречается использование ритмизации и рифмы для придания благозвучности и облегчения восприятия. Использование рифмы отмечено в тэглайнах

и блербах: *She Shows Up. Everything Blows Up* ‘Она Появляется. Все Взрывается’ (тэглайн к фильму Nobody's Fool); *Infiltrate hate* ‘Проникни в ненависть’ (тэглайн к фильму BlacKkKlansman); *An epic twist you don’t want to miss* ‘Эпичный поворот, который вы не захотите пропустить’ (блерб к фильму Fantasy Island). Ритмизация выявлена только в тэглайнах: *Her Gáme has júst Begún* ‘Ее игра только Началась’ (Greta).

Морфологические стилистические средства. Стилистические средства на морфологическом уровне характерны для тэглайнов и блербов. В тэглайнах выявлены морфологические повторы, основанные на употреблении слов с одинаковыми корневыми морфемами: *Stop the Unstoppable* ‘Останови Неостановимое’ (Overlord); *Her Story Made History* ‘Ее История Стала Историей’ (A Private War). Для блербов характерно создание специфических сложных слов: *Superhero-origin-story biopic* ‘Биографический фильм о происхождении супергероя’ (On the Basis of Sex); *It’s Diesel-powered dumb fun* ‘Это глупое веселье, работающее на Вине Дизеле’ (Bloodshot).

Как показывает проведенный анализ, наибольшая употребительность средств выразительности характерна для тэглайна, который может включать разнообразные стилистические средства: графические (ненормативная капитализация, многоточие), фонетические (ритмизация, рифма), морфологические (морфологические повторы), лексические (метафора, эпитет, олицетворение, каламбур) и синтаксические (риторический вопрос, параллелизм и повторы, эллипсис). Несколько меньшее количество стилистических средств свойственно для блерба. В данном виде аннотации также возможно употребление всех видов стилистических средств, однако их репертуар более ограничен. В отличие от тэглайна, для блерба не характерны такие стилистические средства, как ритмизация, морфологические повторы, каламбур. Синопсисы располагают еще меньшим перечнем стилистических средств, полностью исключая фонетические и морфологические и используя ограниченное количество видов лексических (метафора, эпитет) и синтаксических (риторический вопрос) средств. Наименьшая употребительность стилистических средств (эпитет и риторический вопрос) отмечена в логлайнах. Сделанный вывод может быть объяснен различиями в размере и основной цели разных видов киноаннотаций. Тэглайн как наиболее сжатый вид киноаннотации больше других разновидностей нацелен на воздействие на аудиторию и поэтому использует самый широкий спектр стилистических средств. Блерб включает значительное количество средств выразительности, поскольку является выдержкой из рецензии, для которой характерно художественное описание фильма. Синопсис и логлайн имеют описательно-повествовательный характер, поэтому для них не свойственно разнообразие стилистических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barnwell, R.* Guerrilla Film Marketing: The Ultimate Guide to the Branding, Marketing and Promotion of Independent Films & Filmmakers / R. Barnwell. – N.Y. : Routledge, 2018. – 320 p.

2. *Лашук, А.* Логлайн и синопсис: характеристики, особенности, требования [Электронный ресурс] / А. Лашук // Фестагент – Журнал о кинопроизводстве и фестивалях. – Режим доступа : https://festagent.com/ru/articles/longline. – Дата доступа : 28.01.2021.
3. *Кунавина, М. С.* Особенности передачи глагольных форм при переводе англоязычных тэглайнов на русский язык / М. С. Кунавина // Вестн. Моск. гос. гуманит. ун-та им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – М., 2013. – № 4. – С. 31–37.
4. How to Write a Blurb – Definition, Examples, and More [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.blurb.com/blog/writing-blurbs-for-novels/. – Date of access : 29.01.2021.

Е. В. Шестакова (*Минск, МГЛУ*)

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале официальной документации ООН)

В статье рассматриваются особенности дипломатического дискурса на основании анализа официальной документации ООН. Дается характеристика компонентам дипломатического дискурса, описывается его жанровое пространство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дипломатический дискурс; дискурс дипломатии; публичный дипломатический дискурс; выступление; резолюция; институциональность.

The article dwells on the features of diplomatic discourse based on the analysis of the official UN documentation. The characteristics of the components of diplomatic discourse are given. The genre space of diplomatic discourse is described on the basis of the UN documentation.

K e y w o r d s: diplomatic discourse; diplomacy discourse; public diplomatic discourse; speech; resolution; institutionality.

В настоящее время *дипломатический дискурс*, или дискурс дипломатии, представляет интерес для лингвистов как один из недостаточно изученных видов институционального дискурса, который противопоставляется персональному (личностно ориентированному) и представляет собой общение в установленных рамках статусно-ролевых отношений, где говорящий выступает как представитель определенного социального института [1, с. 6]. Статусно-ролевые отношения, являющиеся основой дипломатического дискурса, складываются в коммуникативном пространстве социального института дипломатии [2, с. 255]. Стремление к сотрудничеству, многовекторный характер взаимодействия и широкое информационное влияние можно отнести к основным институциональным характеристикам дипломатического дискурса [3, с. 17].

Необходимо отметить, что дипломатический дискурс является «открытым» видом институционального дискурса с подвижными границами, что ведет к наложению характеристик различных видов дискурса в одном тексте [4, л. 36]. «Открытый» характер дипломатического дискурса предполагает возможность проникновения в него элементов других дискурсов. Так, дипломатический дискурс в тех или иных коммуникативных ситуациях рассматри-

вается в рамках политического дискурса, а также соприкасается с дискурсом СМИ, военным, юридическим, экономическим, деловым и даже бытовым видами дискурса [5, с. 165]. Такая особенность объясняет существование различных подходов к изучению данного вида институционального дискурса.

В современной лингвистике при изучении дипломатического дискурса ставится акцент на его публичную форму, которая тесно переплетается с политическим дискурсом. Говоря о дипломатическом дискурсе такой международной организации, как Организация Объединенных Наций (ООН), отметим, что он представлен как публичной формой, так и формой документов, которые тесно взаимосвязаны. Публичная форма находит свое выражение в таких жанрах, как выступление или заявление дипломатического лица. Форма документов представлена резолюцией. В системе официальной документации ООН обе формы представлены в письменном виде. Текст каждого жанра имеет определенные структурные и функциональные особенности, которые отличают их от иных типов документов ООН, относящихся к юридическому и деловому типам дискурса.

При описании данного вида институционального дискурса за основу взята стратегия В. И. Карасика рассматривать следующие компоненты: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности, 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы [1, с. 14]. В данной работе предпринимается попытка описания основных компонентов дипломатического дискурса (на материале официальной документации ООН).

В ходе анализа текстов официальных документов, представленных на официальном сайте ООН, было выявлено, что участники дипломатического дискурса могут быть как единичными, так и коллективными. Под единичными участниками подразумеваются отдельные личности (президенты, дипломаты, официальные представители), под коллективными – организации, структуры, страны, группы стран и др. Необходимо обратить внимание на то, что коммуникация в рамках дипломатического дискурса зачастую носит единично-коллективный характер (например, президент выступает от имени своей страны, Генеральный секретарь представляет всю организацию и т.д.) [2, с. 256]. За каждым участником данного вида дискурса закреплены определенные функции, которые строго регламентированы соответствующими нормативными документами.

Хронотопом дипломатического дискурса является обстановка, в которой осуществляется международная дипломатическая коммуникация: в рамках публичной формы это зал заседаний, конференц-зал; для формы письменных документов необходимо также указать архив и офисы служб, занимающихся составлением документов. Временные показатели могут носить как неопределенный, так и фиксированный характер в зависимости от типа и назначения документа, а также актуальности какого-либо события.

Целями дипломатического дискурса являются информирование широкой общественности о точке зрения страны, группы стран или самой организации на определенные международные проблемы, а также достижение соглашения между различными участниками общения по вопросам международной политики, установление отношений между странами на основе взаимной выгоды, согласование их интересов, расширение сотрудничества, ограничение и разрешение конфликтов [6, с. 48].

Традиции ведения дипломатической коммуникации способствовали формированию особых ценностей дипломатического дискурса, среди которых можно выделить честность, лояльность, некатегоричность, тактичность, корректность, сдержанность, готовность помочь. О выделении особой системы ценностей в рамках дипломатического дискурса сигнализирует высокая частотность в текстах лексических единиц, обозначающих соответствующие ценности (*I have the distinguished honour to introduce… – Для меня большая честь представить…*; *Convinced of the desirability of keeping under review… – Будучи убеждена в желательности продолжать обзор…*; *I would like to warmly thank… – Я хотел бы тепло поблагодарить…*) [3, с. 19].

Стратегии дипломатического дискурса определяются частными целями, среди которых формулировка позиции государства или организации в отношении какой-либо проблемы, воздействие на участников дискурса с целью формирования у них определенного отношения к позиции государства или организации, сопоставление подходов и анализ опыта различных сторон с целью выработки оптимальных решений.

Материалом данного вида институционального дискурса являются тексты различных тематик – экономической, военной, политической, социальной, культурной и т.д., что объясняет тот факт, что зачастую дипломатический дискурс рассматривается как часть иных видов институционального дискурса и не выделяется как самостоятельное формирование.

Для рассматриваемого дискурса характерна интертекстуальность. Интертекстуальные связи выражаются ссылками на уже опубликованные тексты, цитаты, изображения.

Реализация стратегий дипломатического дискурса находит свое отражение в жанрах данного вида институционального дискурса, которые представлены в системе ООН. Жанровое пространство дипломатического дискурса включает как жанры публичной речи (выступления, заявления, комментарии), так и жанр письменных документов (проекты резолюций и резолюции).

Особенностью заявлений и выступлений, сделанных в ходе заседаний ООН, а также принятых на них решений является то, что они имеют двухуровневый характер представления. На первом уровне выступление или заявление имеют вербальную форму и представляются дипломатическим лицом в рамках заседания. Затем они приобретают форму либо стенографического отчета, либо краткого отчета, а также предъявляются в видеоформате на интернет-ресурсах. Стенографический отчет представляет собой полный отчет о работе заседания в изложении от первого лица, в то время

как краткий отчет является сжатым вариантом отчета в изложении от третьего лица. Заседания главных органов, а также вспомогательных органов, как правило, обеспечиваются либо стенографическими, либо краткими отчетами, но не представляются в виде обоих типов отчетов [7].

Резолюции ООН являются формальным выражением мнения или воли органов ООН. В структуре резолюции выделяются две четко обозначенные части: преамбула и постановляющая часть. Преамбула описывает соображения, на основании которых рассматривается тот или иной вопрос, высказывается мнение или дается распоряжение. Постановляющая часть выражает мнение органа или дает распоряжение для определенных действий [8].

Резолюции ООН как формальное выражение воли органов ООН в большинстве случаев носят рекомендательный характер. Однако, к примеру, резолюции Совета Безопасности могут содержать как мягкие рекомендации, так и обязательные к исполнению требования. Определить, носит ли конкретный элемент обязательную силу для государств-членов или нет, можно на основании используемых лексических единиц. Обязательными для государств являются положения, которые содержат формулировки *государства обязаны...* (в английском языке индикатором обязательства выступает модальный глагол *shall*); *Совет Безопасности поручает собирать информацию…* (*The Security Council directs to gather information…*), в то время как в рекомендательных положениях Совета Безопасности встречаются глаголы *to call upon* ‘призывать’, *to welcome* ‘приветствовать’, *to encourage* ‘рекомендовать’, *to request* ‘просить’ [9].

Язык дипломатического дискурса богат клише и штампами. В дипломатическом тексте встречаются клишированные термины или наименования из области международного права, делопроизводства, военной сферы, экономики и финансов, культуры: *to maintain peace and security* ‘поддерживать мир и безопасность’, *to assume responsibility* ‘нести ответственность’, *sustainable development* ‘устойчивое развитие’, *cultural heritage* ‘культурное наследие’ [3, с. 21].

К характерным особенностям дипломатического текста относятся дискурсивные формулы введения тезиса; начальные формулировки в проектах резолюций; клише и штампы, используемые в основной части дипломатического документа, в его заключительной части, приложениях, комментариях: *the views were exchanged* ‘состоялся обмен мнениями’, *to express continued concern* ‘выражать неизменную обеспокоенность’, *to monitor developments and make recommendations* ‘следить за развитием событий и выносить рекомендации’ [3, с. 22].

Дипломатический документ характеризуется использованием узкотематических терминов, относящихся к разным видам деятельности и определяемых тематикой документа, а также дипломатических терминов (*convention, declaration, negotiation, accession, ratification, president, effective date* и т.д.), большая часть которых систематизирована и представлена в словарях и терминологических базах (например, United Nations Multilingual Terminology Database) [3, с. 22].

Дипломатический дискурс имеет свои функциональные и структурные особенности, которые позволяют выделить его среди иных видов институционального дискурса как самостоятельное образование. «Открытый» характер дипломатического дискурса свидетельствует о проникновении в него черт политического, военного, юридического и других видов дискурса. Важнейшими отличительными признаками его являются наличие специфических участников (единичных и коллективных), целей и стратегий, хронотопа, языковых штампов и клише. Жанровое разнообразие дипломатического дискурса ООН представлено публичными формами (выступления, заявления), а также формой документов (проекты резолюций и резолюции). Особенность ООН состоит в том, что после публичного представления докладов участниками в рамках заявлений или выступлений такие заявления и выступления становятся официальными документами и приобретают форму стенографического или краткого отчета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / Волгоград. гос. пед. ун-т ; под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
2. *Кожетева, А. С.* Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе / А. С. Кожетева // Теор. и практ. обществ. развития. Филол. науки. – 2012. – № 1. – С. 255–258.
3. *Волкова, Т. А.* Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов / Т. А. Волкова // Политич. лингвистика. Разд. 1, Теор. политич. лингвистики. – 2011. – № 3 (37). – С. 17–24.
4. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 л.
5. *Яппарова, В.* Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования / В. Яппарова // Филология и культура. Philology and Culture, Сер. Филол. науки. Лингвистика. – 2016. – № 2 (44). – С. 165–170.
6. *Терентий, Л. М.* Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий // Вопросы когн. лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 47–56.
7. Выступления и отчеты о заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа : https://www.un.org/ru/documents/resguide/gaspeech.shtml. – Дата доступа : 08.03.2021.
8. Резолюции и решения Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа : https://www.un.org/ru/documents/resguide/gares.shtml. – Дата доступа : 08.03.2021.
9. Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности. – Режим доступа : https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf. – Дата доступа : 09.03.2021.

О. В. Аношина (*Минск, МГЛУ*)

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АКЦЕНТУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале романа Энн Тайлер «Катушка синих ниток»)

В статье анализируются различные подходы к категории акцентуализуции информации. Языковые средства ее реализации – графические, лексические и синтаксические. К графическим средствам отнесены условно «фонологические». Рассматриваемые лексические средства включают в себя усилительные вспомогательные глаголы, усилительные частицы и прилагательные, местоимения и наречия с выделительно-ограничительным значением, а также лексические повторы. Данные о частоте использования синтаксических средств акцентуализации информации, включающих в себя эмфатические конструкции и измененный порядок слов, представлены в виде таблицы. Итоговая таблица содержит данные о частоте употребления различных языковых средств для выделения информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: акцентуализация; эфматический; эфматическая конструкция; инверсия; коммуникант.

The article analyses different approaches to the category of information actualization. The linguistic means used to express the category of actualization are divided into graphic, lexical and syntactic. Graphic means include phonological. The analysed lexical means of the category of actualization include intensifying auxiliaries, intensifying particles and pronouns, restrictive intensifying adverbs and repetition. The data on the usage of syntactic means of the category of actualization, including emphatic constructions and inverted word order, is summarized in the table. The concluding table provides data on the frequency of different linguistic means used for emphasizing.

K e y w o r d s: actualization; emphatic; emphatic construction; inversion; communicant.

Категория *акцентуализации* (или акцентности, выделенности) тесным образом связана с логическим ударением, эмфазой и тема-рематическим членением предложения.

Понятие выделенности (или салиентности) появилось в когнитологии в 70-е годы XX века и обычно определяется либо как осознанный и контролируемый говорящим отбор и помещение в фокус внимания какого-либо аспекта информации (при производстве речевого акта коммуниканты выбирают то или иное лексическое или синтаксическое средство, которое наилучшим образом отвечает требованию салиентности), либо как онтологическая салиентность, определяемая природой объекта (текст, написанный заглавными буквами, рифма на фоне произаического текста) [1, с. 29–30].

В языке существуют разные альтернативные способы конструирования объекта или ситуации, у говорящего есть выбор: следовать лингвокультурной норме, прибегая к конвенциональной выделенности (лексические средства, синтаксические конструкции, пассивные конструкции, посессивы, концептуальные метаформы и метонимии), либо нарушить существующие нормы языка (используя, например, окказиональные метафоры) [1, с. 31–32].

Под акцентным выделением Т. М. Николаева понимает восприятие выделенности просодическими средствами слова во фразе [2, с. 3], связывая

акцентное усиление с эмфазой и усилением (интенсификацией), а также контрастом и противопоставлением, и отмечая, что в языке существуют специальные лексические и грамматические средства выражения экспрессии [2, с. 28–29].

Говоря о фокусе и эмфазе, Д. Ларсен-Фриман отмечает фонологические, лексические и синтаксические средства (порядок слов и эмфатические конструкции), используемые для выделения новой или контрастной информации [3, p. 655].

Порядок слов и интонацию, специальные синтаксические конструкции относят к основным средствам коммуникативной организации предложения, позволяющей расставить акценты; частицы, выполняющие функцию выделения (выделительные частицы), слова с выделительно-ограничительным значением *only, merely, just, namely*, наречие *just* – к вспомогательным лексическим показателям ремы [4].

Как отмечает Л. А. Козлова, для фокусирования наиболее значимой информации в предложении используются единицы всех уровней языка: логическое ударение, порядок слов, специальные конструкции, вводные слова и словосочетания, усилительные конструкции, служебные слова (артикль), изменение залоговой формы сказуемого и связанное с этим преобразование синтаксической модели предложения. Для устной речи универсальным средством выделения служит логическое, или рематическое ударение и эллиптические предложения, усилительные частицы и повторы. В письменной речи невозможность использования логического ударения частично компенсируется графическим средством – использованием курсива, но основная нагрузка падает на синтаксис. В английском языке в силу фиксированного порядка слов употребляются неопределенный артикль, замена сказуемого близким по смыслу глаголом, эфматические конструкции, эфматическое *do*, конструкция *there is…*, трансформация структуры предложения с заменой подлежащего, пассивный залог и связанная с этим трансформация предложения с использованием агентивного дополнения, эмфатическая инверсия [5, с. 158–160].

В качестве языковых средств, позволяющих разграничить тему и рему, П. И. Иванова выделяет интонацию, порядок слов, синтаксические конструкции и лексические средства [6, с. 257] и считает их дополнительными средствами специального подчеркивания, выделения и логической или эмоциональной эмфазы.

В своем исследовании мы будем придерживаться следующего определения: а к ц е н т у а л и з а ц и я – это выделение с помощью того или иного графического, лексического или синтаксического средства важной, значимой информации.

Методом сплошной выборки из произведения [7; 8] были отобраны конвенциональные универсальные языковые средства акцентуализации, которые были поделены на *графические*, включающие в себя условно «фонологические»; *лексические*; *синтаксические*.

Основанием для выделения условно «ф о н о л о г и ч е с к и х» средств стала общая интонация высказывания, которая приобретала в восприятии читающего текст черты повышенного тона, большей выразительности и выделенности всего высказывания в целом: *“I can’t!” Abby said. “I can’t stand it!”* ‘Не могу! – **закричала** Эбби. – Не могу этого терпеть!’.

При этом к подобным средствам не были причислены те предложения, которые традиционно оформляются восклицательными знаками в тексте: формулы приветствия и прощания, обращения, предложения с формой повелительного наклонения: *Welcome!* ‘Добро пожаловать!’.

Всего было зафиксировано 396 использований восклицательного знака в качестве средства экспрессивного эмоционального выделения.

К г р а ф и ч е с к и м средствам акцентуализации мы отнесли средства-эквиваленты специального интонационного оформления высказывания: курсив (491 употребление) и написание заглавными буквами (8 употреблений): *Denny was OUT OF AREA. He was UNKNOWN CALLER* ‘На дисплее высвечивалось ВНЕ ЗОНЫ или АБОНЕНТ НЕИЗВЕСТЕН’.

Выделяться курсивом может не только все слово (включая инициалы) или фраза, служащая названием произведения, но и часть слова. В большинстве случаев одно, наиболее значимое слово в предложении получало выделение курсивом: *She actually seemed **un**happy, which wasn’t like her in the least* ‘Она, скорее, казалась **несчастной** – очень для нее необычно’.

Л е к с и ч е с к и е средства акцентуализации информации, зафиксированные в исследуемом материале, включают в себя

1) усилительные вспомогательные глаголы *do, does, did* (50 употреблений);

2) усилительные частицы, прилагательные, местоимения и наречия с выделительно-ограничительным значением: *just* (460), *not* (401), *even* (208), *really* (81), *own* (69), *the* one (54), *at least* (39), *certainly* (28), *the only (one)* (27), *no doubt* (8), *merely* (8), *on earth* (13), *rather than* (6), *definitely* (2), *such as* (2) – всего 1406 употреблений;

3) эмфатические повторы: *never ever* (3 употребления), *always and forever* (1 употребление), *always, always* (2 употребления): *And **always, always** it seems to happen on a weekend* ‘Причем впечатление, что это **всегда, всегда** происходит именно в выходные!’.

Общее число зафиксированных лексических средств акцентуализации информации – 1462 употребления, при этом 96 % от всех использованных лексических средств составляют усилительные частицы, местоимения, прилагательные и наречия.

С и н т а к с и ч е с к и е средства акцентуализации информации включают в себя различные конструкции, измененный порядок слов и наличие подлежащего в предложении, где как правило подлежащее отсутствует. Частота использования синтаксических средств выделения важной информации представлена в табл. 1.

Таблица 1

Частота использования синтаксических средств акцентуации информации

Синтаксические средства	Количество	%
1. *There is/are/was/were/had been…*	150	37
2. Вопросительные предложения, включая риторические вопросы	103	25
3. Фронтированные обособленные обстоятельства	38	9
4. Расщепленные предложения	26	6
5. Псевдорасщепленные предложения	23	6
6. Инверсия	22	5
7. Парцелляция	13	3
8. Пассивная конструкция с предложным дополнением с *by*	13	3
9. Эфматические конструкции *it's not like / it's not as if*	13	3
10. Эфматические конструкции с подлежащими *whoever, whatever*	4	2
11. Паралелльные конструкции	2	<1
12. Подлежащее в предложении с повелительным наклонением	2	<1
Всего	409	100

Самым активно используемым синтаксическим средством стали предложения с вводным *there: There was a silence.*

К вопросительным предложениям, используемым как средство акцентуации информации, были отнесены вопросительные предложения с модальными глаголами в значении эмоциональной окраски или храбрости, те вопросительные предложения в отрицательной форме, которые при переводе на русский язык включают в свой состав усилительную частицу *разве*, разделительные и риторические вопросы, а также вопросительные предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом. Самым частотным вопросительным предложением в качестве синтаксического средства акцентуализации информации оказались вопросительные отрицательные предложения, составившие 54 % от всех отобранных вопросительных: *Don't you need a college degree for that*? 'А разве для этого не нужен диплом колледжа?'

Третьим по частоте использования синтаксическим средством стали фронтированные обособленные обстоятельства: ***In the kitchen****, Nora stood at the counter slicing tomatoes* '**В кухне** Нора резала на столе помидоры'.

Немного реже употреблялись расщепленные предложения, начинающиеся с формального эмфатического подлежащего *it*, за которым стоит глагол-связка *be*, слово или фраза, которые выделяются, и затем придаточное предложение, начинающееся с союза *who* или *that*. Часто расщепленные предложения включали в себя дополнительные средства акцентирования *only, himself*: *It was Junior* ***himself*** *who revealed all this, years later* 'Он **сам** об этом рассказывал годы спустя'; *It's* ***only*** *on account of Junior that he's sticking it out till graduation* '*Он* ***только*** *ради Джуниора доучивается'.*

С такой же частотой использовались и псевдорасщепленные предложения, начинающиеся со слов *what* или *all,* входящих в состав придаточного предложения, выполняющего роль подлежащего, за которым стоит глагол-связка *be* и придаточное предложение, выполняющее роль предикатива. К псевдорасщепленным относятся и предложения, начинающиеся с *that,* указывающего на предшествующую ситуацию, за которым следует глагол-связка *be* и придаточное предложение, выполняющее роль предикатива: ***All I said*** *was 'What the hell,' and he hung up on me* 'Я **только** и успел сказать: «Что за чушь?» – а он уже шварк – и все'.

Наиболее продуктивной моделью инверсии оказалась частичная инверсия, выполняющая коммуникативную функцию, – всего 12 употреблений, или 55 % от всех зафиксированных случаев использования инверсии: ***Nor were*** *her clothes the rough-and-tumble play clothes that the Whitshank children wore* '**И** одета она совсем не так, как дети Уитшенков'.

Второй по частоте использования оказалась модель инверсии, когда предложение начиналось с отрицательной частицы *not* (всего 4 употребления), с усилительного наречия со значением ограничения *only* (1 употребление), наречия со значением ограничения *little* (1 употребление). Всего на данную модель пришлось 6 употреблений, или 27 % от всех зафиксированных случаев использования инверсии: *and* ***only then did*** *he ask* 'и **лишь тогда** спросил'.

Дважды зафиксировано вынесение на первое место в повествовательном предложении модального глагола, и один раз на первое место был вынесен предикатив. Всего установлено 3 случая использования частичной инверсии, когда повествовательное предложение начинается с части сказуемого (14 % от всех зафиксированных случаев использования инверсии): *Denny was the one who chose to end the conversation,* ***might I point out*** 'Напомню тебе, что разговор прервал Денни'.

Вынос обстоятельства места на первое место повлек за собой инверсию сказуемого в одном зафиксированном случае (5 % от всех зафиксированных случаев использования инверсии): ***To her left was*** *the Hutchinsons' house* '**Слева был** дом Хатчинсонов'.

При анализе материала порой было довольно сложно разграничить парцелляцию и эллиптические предложения: *Kitchen is good. Reach across the table, grab your toast straight out of the toaster. Take your heart pills. Turn on the weather report* 'Хорошая кухня. Потянулся через стол, достал тост из тостера, проглотил таблетку от сердца, включил прогноз погоды'.

К синтаксическим средствам выделения информации были отнесены и пассивные конструкции с предложным дополнением с *by*, с помощью которого выделяется дополнение, указывающее на производителя действия: *Supposedly one of those inkblot thingies showed he'****d been disappointed*** *in his early childhood* ***by a woman*** 'Чернильное пятно, видишь ли, показало, что Денни в раннем детстве испугала какая-то женщина'.

Эмфатические конструкции, *it's not like / it's not as if* также использовались для выделения значимой информации: *"Well,* ***it's not like*** *there aren't plenty of other guys out there nowadays," he said* 'Ну, сейчас не то, чтобы дефицит работников'.

В паралелльных конструкциях употреблялись прилагательные и наречия в сравнительной степени: ***The older*** *Junior got,* ***the harder*** *he found it to understand that* 'Чем старше становился Джуниор, тем меньше это понимал'.

Экспрессивным средством стало и использование подлежащего в предложении с повелительным наклонением, где в английском языке подлежащее как правило отсутствует: *Don't* ***you*** *curse at me, Red Whitshank!* 'Не смей мне тут чертыхаться, Ред Уитшенк!'

Выразительным средством эмфатизации стали и сложные предложения, начинающиеся со слов *whoever, whatever*: ***Whatever*** *it was, it must have been a doozie* 'он мог ляпнуть новое'.

Частота использования различных языковых средств для актуализации информации отражены в табл. 2.

Таблица 2

Частота использования языковых средств акцентуализации информации

Языковые средства	Количество	%
«Фонологические»	369	14
Графические	499	18
Лексические	1462	53
Синтаксические	409	15
Всего	2739	100

Самым частотным языковым средством выделения информации в исследуемом материале стали лексические средства, на втором месте по частоте использования – графические. Полученные данные противоречат утверждению о том, что в письменной речи ведущую роль в фокусировании информации играет синтаксис. Представляется интересным более подробный анализ как конвенциональных, так и окказиональных лексических средств, используемых для выделения и помещения в фокус внимания того или иного аспекта информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ирисханова, О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Языки слав. культуры, 2014. – 321 с.
2. *Николаева, Т. М.* Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 104 с.
3. *Larsen-Freeman, D.* The Grammar Book / D. Larsen-Freeman. – National Geographic Learning: HEINLE CENGAGE Learning, 2016. – 911 p.

4. *Тригуб, Л. Г.* Дополнительные средства коммуникативной организации текста при переводе с русского язык на английский (на примере романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») [Electronic resource] / Л. Г. Тригуб // Современная филология : материалы II Междунар. науч. конф., г. Уфа, янв. 2013 г. – Уфа : Лето, 2013. – С. 111–115. – Mode of access : https://moluch.ru/conf/phil/archive/78/3291/. – Date of access : 03.04.2021.
5. *Козлова, Л. А.* Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / Л. А. Козлова. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 180 с.
6. *Иванова, И. П.* Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.
7. *Tyler, A.* A Spool of Blue Thread [Electronic resource] / A. Tyler – Bond Street Books, 2015. – 368 p. – Mode of access : https://royallib.com/book/Tyler_Anne/a_spool_of_blue_thread.html. – Date of access : 03.01.2021.
8. *Тайлер, А.* Катушка синих ниток [Electronic resource] / А. Тайлер. – Фантом-пресс, 2016. – 448 с. – Mode of access : https://flibusta.site/b/452247. – Date of access : 05.02.2021.

Подсекция № 2

И. В. Лешкевич (*Минск, МГЛУ*)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ КОГЕРЕНТНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

В статье сравниваются понятия целостности/связности и когерентности/когезии, а также проводится их дифференциация. Под когерентностью понимается дискурсивная категория, которая реализуется на глобальном уровне с помощью семантической структуры текста. На основе концепции Т. А. ван Дейка о суперструктуре и макроструктуре, а также с использованием теории аргументации анализируются содержательные структуры информационно-аналитических жанров британского медиадискурса. Выделяются прототипические, обязательные, компоненты информационного сообщения (*основное событие, фон*), аналитической статьи (*формулирование проблемы, аргумент*) и рецензии (*рецензируемое произведение, мастерство создателей*), а также обосновывается их роль в обеспечении когерентности медиадискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: когерентность; когезия; медиажанр; семантическая структура; прототипический компонент.

The paper presents the study of the category of coherence in informative and analytical media genres. The difference between coherence and cohesion is established. The means of the representation of the discourse category of coherence in British news and analytical articles as well as in reviews have been revealed. For this purpose, the semantic structure and its prototypical components have been analyzed.

K e y w o r d s: coherence; cohesion; media genre; semantic structure; prototypical component.

Основными признаками традиционного текста в письменной и устной речи большинством лингвистов признаются целостность (цельность) и связность (Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгина, З. Я. Тураева и др.). Так, О. Н. Копытов предельно широко трактует связность как логическую категорию, которая реализуется на грамматическом уровне (союзы, анафоры) и на содержательном (интертекстуальные связи, коннотации, тема-рематические прогрессии, сюжет и др.) [1, с. 152]. Однако подход к данным понятиям и явлениям, их определение и применение в разных концепциях расходятся. В соответствии с противоположной точкой зрения понятия целостности и связности дифференцируются. Под целостностью понимается семантико-когнитивная связность, «мир текста» (В. Дресслер, Р. А. де Богранд); соотнесенность всех компонентов текста с его глобальным содержанием (Л. Г. Бабенко). Связность же интерпретируется как взаимосвязь элементов поверхностной структуры текста [2, с. 135].

Многие ученые видят в категории цельности структурно-семантическое текстовое единство, заданное неким определенным концептуально-тематическим содержанием. Например, О. И. Москальская рассматривает три целостности текста – смысловую, коммуникативную и структурную [3, с. 17–30]. Трактуя смысловую целостность еще шире как тематическое единство, охватывающее психологическую категорию, семантику и логику текста, В. В. Красных предлагает различать тематическую, структурную и коммуникативную целостность текста [4, с. 202]. Н. С. Валгина под целостностью понимает единство тематическое, концептуальное и модальное [5, с. 45]. Принято считать, что цельность характеризуется определенным единством текстового смысла и, являясь как бы семантической стороной текста, неразделима с его формальной, в большей степени лингвистической стороной, реализованной грамматическими и лексическими средствами, – его связностью.

В современной лингвистике, развивающейся в русле антропоцентризма и функционализма, в качестве синонимов целостности и связности используются термины *когерентность* и *когезия* (И. Р. Гальперин, В. Дресслер, Р. А. де Богранд и др.), что, на наш взгляд, более характерно для дискурс-анализа. Когерентность – одна из основных категорий текста, взятого в процессуальном аспекте, который в таком случае понимается как дискурс (Т. П. Карпилович). Согласно И. Р. Гальперину, когезия – это особые виды связи (дистантная, образная, ассоциативная, композиционно-структурная, стилистическая и ритмикообразующая), обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов и действий [6, с. 7]. М. А. К. Хэллидей и Р. Хасан подчеркивают, что «отношениями когезии являются отношения между двумя или более элементами в тексте, независимые от структуры» [7, с. 109], и рассматривают пять аспектов языковых отношений, определяющих формально-грамматическую связность дискурса [8, p. 4].

Согласно М. Л. Макарову, когеренция шире когезии: если когезия является формально-грамматической связанностью дискурса, то когерентность охватывает еще и «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [9, с. 195]. В определении М. Л. Макарова отсутствует четкое разделение локальной и глобальной связности. В этом плане концепция В. А. Лукина представляется более точной: когезия – связность локального типа, которая соотносится с языковыми единицами (индексальные знаки, тематическая прогрессия, пресуппозиции, импликации, грамматические формы, фонетические средства), а когерентность – глобальная, существующая между частями текста. Важная роль отводится таким его единицам, как заголовок, цитаты, текст в тексте, метатекстовые включения и т.д., связь между которыми не имеет языковой маркировки в тексте [10, с. 38–39].

В. Е. Чернявская определяет когезию как взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста, охватывающей 3 уровня: грамматико-синтаксический, лексический и ритмический. Когерентность же, по ее мнению, является семантико-когнитивной категорией, рассматриваемой в причинно-следственном, временном и референциальном аспектах. В результате дихотомия «когезия–когерентность» представляет собой оппозицию поверхностной структуры и глубинносмыслового уровня [11, с. 20].

С учетом вышесказанного когезия понимается как формальная (внешняя/локальная) связность текста, когерентность – как содержательная (внутренняя/глобальная). В рамках настоящей статьи остановимся на категории когерентности, обеспечивающей глобальную связность медиадискурса или его определенных фрагментов в целом.

Когнитивную сущность когерентности можно интерпретировать как целостность модели, существующей в сознании адресанта или адресата и отражающей связи соответствующего фрагмента действительности. Под такой моделью, вслед за Т. А. ван Дейком, будем понимать макроструктуру дискурса, включающую его наиболее важную информацию, которая дополняется суперструктурой в выражении глобального смысла дискурса: содержание дискурса специфично, однако имеется некая конвенциональная схема, состоящая из типичных для данного вида текстов семантических компонентов [12].

Реализация категории когерентности исследуется на материале информационно-аналитических жанров англоязычного медиадискурса. Для этого нами анализируется содержательная структура информационного сообщения, аналитической статьи и рецензии из британских периодических изданий за 2020–2021 гг.: «The Observer», «The Guardian». Для этих дискурсивных жанров выделены прототипические суперструктуры, они содержат семантические составляющие, которые встречаются в большинстве текстов данного жанра. Например, суперструктура информационного сообщения включает компоненты *основное событие, его детализациию, фоновые события*

и *вербальные реакции*, среди которых обязательными являются *основное событие* и *фон – предшествующие, сопутствующие* либо *последующие события*. Приведем пример информационного сообщения, в котором вербализованы его основные суперструктурные составляющие:

The great hope for drug treatments against Covid-19 – the monoclonal antibodies – are failing against variants of the virus, such as those that have emerged in South Africa and Brazil, scientists have found ‘Ученые обнаружили, что большие надежды на лекарственные препараты против Covid-19 – моноклональные антитела – терпят неудачу в отношении разновидностей вируса, таких как те, которые обнаружены в Южной Африке и Бразилии’ [ОСНОВНОЕ СОБЫТИЕ].

There have been high expectations of the drugs. One, made by Regeneron in the United States, was given to Donald Trump and may have played a part in his recovery ‘На препараты возлагались большие ожидания. Один, сделанный Regeneron в Соединенных Штатах, был передан Дональду Трампу и, возможно, сыграл роль в его выздоровлении’ [ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЕ СОБЫТИЕ] (The Guardian, 02.02.2021).

В результате использования интегрированного подхода, на основе концепции Т. А. ван Дейка с опорой на теорию аргументации, изучена структурная организация аналитической статьи из британской прессы, которая представлена как семантическими компонентами (*формулирование проблемы, описание проблемной ситуации, причины проблемы, пути решения проблемы, вывод, прогнозы/предсказания*), так и аргументативными составляющими (*аргумент, контраргумент*, *следствие*). К обязательным относятся компоненты *формулирование проблемы*, который фактически выступает тезисом аргументативного блока, и *аргумент*. Так, в статье Дебора Голд «'Vaccine nationalism' echoes the disastrous mistakes made with HIV» поднимается проблема доступности вакцины от коронавируса и проводится параллель с применением препарата для лечения ВИЧ, который был открыт в середине 1990-х, но так и не стало доступным для всех слоев населения: *Though HIV and Sars-CoV-2 are very different viruses, the Covid-19 pandemic has highlighted striking parallels: governments being too slow to respond; a marked impact on minority communities and a failure to understand why; a governmental response which has veered into overpolicing and victim-blaming, rather than taking every conceivable measure to help people stay safe and healthy* [ФОРМУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ]. В качестве доказательства своей точки зрения автор приводит статистические данные о количестве людей, получивших вакцину в бедных и богатых странах (25 доз по сравнению с 39 миллионами соответственно): *…Boris Johnson celebrates the UK having vaccinated more people than the rest of Europe combined. By the middle of January, just 25 doses of the Covid-19 vaccine had been administered across all poor countries in the world, compared with 39m in wealthier ones* [АРГУМЕНТ] (The Guardian, 02.02. 2021).

Медиарецензия на книгу/спектакль/фильм имеет структурный прототип *рецензируемое произведение* и *мастерство создателей*. В качестве примера приведем отрывок из рецензии на фильм «Иуда и Черный мессия», в котором вербализованы его основные суперструктурные составляющие:

…the Chicago Black Panther leader Fred Hampton who in 1969, at the age of 21, was cold-bloodedly shot at home during a raid by the FBI. The Bureau had been given inside information about the layout of his apartment by their snitch: Hampton's trusted security chief William O'Neal ' … лидер чикагских Черных пантер Фред Хэмптон, который в 1969 году в возрасте 21 года был хладнокровно застрелен дома во время рейда ФБР. Бюро получило инсайдерскую информацию о планировке его квартиры от их осведомителя: доверенного начальника службы безопасности Хэмптона Уильяма О'Нила' [РЕЦЕНЗИРУЕМОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ].

Dominique Fishback is surely in line for a best supporting actress Oscar, with her sensitive, sympathetic performance as Fred's partner Deborah Johnson 'Доминик Фишбэк определенно претендует на звание лучшей актрисы второго плана Оскара, с ее чуткой и отзывчивой игрой в роли партнерши Фреда Деборы Джонсон' [МАСТЕРСТВО СОЗДАТЕЛЕЙ] (The Guardian, 02.02.2021).

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что когерентность обусловлена наличием у дискурсивных жанров глобальной семантической структуры, которая включает только важную информацию и обеспечивает их общее единство. Выявлена двусоставная модель структурной организации трех медиажанров британской прессы: информационного сообщения, аналитической статьи и рецензии. Первый прототипический, или обязательный, компонент – *основное событие/ формулирование проблемы/рецензируемое произведение* отвечает на вопрос «О чем пойдет речь?». В нем раскрывается тема статьи, поэтому он считается нами более обобщенным и универсальным, в то время, как второй прототипический компонент, будь то *фон/аргумент/мастерство создателей,* является в большей степени жанроспецифическим – в нем уточняются аспекты, связанные или обусловленные содержанием первого. Таким образом, даже на уровне семантических составляющих можно проследить тема-рематическое членение содержания информационно-аналитических медиажанров и роль компонентов в реализации дискурсивной категории когерентности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копытов, О. Н.* О фундаментальных категориях текста / О. Н. Копытов // Вестн. ИГЛУ. – 2011. – С. 149–157.
2. *Филиппов, К. А.* Лингвистика текста : курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 334 с.
3. *Москальская, О. И.* Грамматика текста : пособие по грамматике нем. яз. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.
4. *Красных, В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? : Человек. Сознание. Коммуникация / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

5. *Валгина, Н. С.* Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
6. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 139 с.
7. *Хэллидей, М. А.* К. Когезия в английском языке / М. А. К. Хэллидей, Р. Хасан // Исследования по теории текста. – М., 1979. – С. 108–115.
8. *Halliday, M. A. K.* Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman, 1976. – 374 p.
9. *Макаров, М. Л.* Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Л. Макаров. – Тверь, 1998. – 443 л.
10. *Лукин, В. А.* Художественный текст : основы лингвистической теории и элементы анализа : учебник / В. А. Лукин. – М. : Ось–89, 1999. – 191 с.
11. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 245 с.
12. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Е. В. Стефанова (*Минск, МГЛУ*)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ TED-СЕРИЙ МАЛОЙ ФОРМЫ

В статье освещаются параметры научно-популярного дискурса. Практический материал охватывает 16 TED-серий малой формы (2 сезона «Небольшой предмет – большая идея»). Проанализированы регулятивные средства, способы предъявления информации, а также эвиденциальность материала. Результаты исследования представлены в 3 таблицах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научно-популярный дискурс; регулятивные средства; антиципация; фрейм; виды семантических комбинаций «начало–конец»; эвиденциальность.

The article highlights the parameters of popular science discourse. The practical material encompasses 16 short-from TED series (2 Seasons of Small Thing Big Idea). Their evidentiality, regulatory means and modes of submitting the information have been analyzed, with the results of the research summarized in 3 tables.

K e y w o r d s: popular science discourse; regulatory means; anticipation; frame; types of semantic combinations ‘beginning–end’; evidentiality.

Дискурс – речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания. Это речь, «погруженная в жизнь» [1].

Научно-популярный дискурс является непосредственной составляющей научного дискурса (его субдискурс) [2, с. 81]. Цель данного типа дискурса – популяризация и представление результатов исследований, полученных данных, открытий и т.д. широкому кругу слушателей. В этом наблюдается

схожесть с публицистическим стилем. Как полагает А. Ю. Багиян, одна из ключевых целей научно-популярного дискурса – «репрезентация научной картины мира, а сама эта цель есть своеобразный “фундамент” интенциональности этого дискурса» [2, с. 85].

По мнению Е. В. Сидорова, восприятие зависит от прошлого опыта индивида, что дает ему основание для построения некоторых прогнозов в процессе восприятия (предвосхищение коммуникативного будущего). «Это влияние прошлого опыта, выражающегося в предугадывании коммуникативного будущего, носит название антиципации, или предвосхищения, и является одним из важных механизмов речевой деятельности» [3, с. 71]. Так, уже сами названия научно-популярных TED-серий предвосхищают упоминаемое коммуникативное будущее. Например, название “*How the button changed fashion*” («Как пуговица изменила моду») дает следующий когнитивный сигнал: фреймы «мода», «пуговица», «аксессуары», «пошив одежды» и т.д.; *“The power of the Afro pick”* («Сила афро-гребня») – фреймы «прическа», «гребень», «аксессуары», «волосы», «Африка» и т.д.; “*How the compass unlocked the world”* («Как компас открыл мир») – фреймы «компас», «навигация», «изучение мира», «передвижение» и т.д. В ходе осмысления поступающих языковых средств гипотеза о содержании научно-популярного дискурса может подтвердиться, может быть скорректирована, а также может быть выдвинута и новая. Т. В. Вшивкова пишет о том, что «на основе языковых средств текста отбирается некоторая схема, являющаяся отражением прошлого опыта, которая как бы накладывается на текст» [4, с. 45].

Важной особенностью речевого восприятия служит преимущественное удержание в памяти информации, располагаемой в начале и в конце выступления. Многочисленные эксперименты, проводимые психологами по исследованию восприятия и удержания в памяти последовательности слов или целого текста, представляющего последовательность излагаемых фактов, показали, что лучше запоминаются начало и конец предъявления. Говорящий в данном случае действует в рамках интерактивной процедуры: основываясь, чаще всего подсознательно, на представлении о действенности «эффекта края» в коммуникативной деятельности реципиента, он располагает смысловые компоненты текста сообразно данному представлению [3, с. 72].

Материалом для исследования послужили 16 научно-популярных TED-серий малой формы “*Small Thing Big Idea”* («Небольшой предмет – большая идея», 2 сезона). Данные выступления будем называть выступлениями малой формы (средний показатель продолжительности составляет 2 минуты 8 секунд). Общая длительность звучания составляет 44 минуты 8 секунд. Серии посвящены различным повседневным объектам, изменившим мир.

В ходе анализа были выявлены 6 семантических видов комбинаций «начало–конец» (табл. 1): «утверждение–вопрос» (1 серия, 6 %); «утверждение–утверждение» (9 серий, 56 %); «контраст–контраст» (2 серии, 13 %); «вопрос–вопрос» (2 серии, 13 %); «вопрос–утверждение» (1 серия, 6 %); «контраст–утверждение» (1 серия, 6 %).

Таблица 1

Семантические виды комбинаций «начало–конец»

Комбинация	Начало	Конец
«утверждение–вопрос»	*Catwoman had a really cool pair of glasses in the Batman series that was on television. And I wanted to be cool like her.* У Женщины-кошки в сериале «Бэтмен» были такие классные очки. Мне хотелось выглядеть так же.	*Wouldn't it be wonderful if anything that we use, any device that we've invented to help our humanity could also be elevated in the same way?* Не было бы замечательно, если бы любой предмет, любое устройство, изобретенное в помощь человечеству, смогло бы возвыситься таким же образом?
«контраст–контраст»	*You don't really look at a toothbrush and say, "I'm great!" But when you look at an Afro pick, which is a grooming tool, it can remind you in your subconscious to, like, really be proud and, like, "All right."* При виде зубной щётки вы же не думаете: «Я крут!». А глядя на афрогребень, предмет ухода, вы подсознательно ощущаете гордость типа: «Круто».	*When I was young, it was just, like, another object. It was a comb. But as I became more enlightened to really understand the roots and the origin and the intentionality of the design and why the fist and all of these things ... I woke up.* В молодости это не было для меня чем-то необычным. Просто расчёска. Но со временем я стал более информирован и действительно осмыслил свои корни и происхождение, продуманность дизайна, значение кулака и все в таком роде... И вот тогда я проснулся.
«вопрос–утверждение»	*The history of civilization, in some ways, is a history of maps: How have we come to understand the world around us?* В каком-то смысле, история цивилизации – это история карт: как же нам удалось изучить окружающий нас мир?	*Who would've thought that an electrical engineer would be the person to hold the key to unlock what was then one of the most complicated systems in the world – all started by one guy with a pencil and an idea.* Кто бы мог подумать, что у инженера-электрика окажется в руках ключ к открытию одной из самых сложных на тот момент систем мира! Всё началось с одного человека, у которого был карандаш и идея.

Окончание таблицы 1

«вопрос–вопрос»	*How many people are bored at their desk for how many hours every day and how many days a week and how many weeks a year for how many years in their life?* Сколько людей скучает, сидя за рабочим столом, сколько часов каждый день, сколько дней в неделю, сколько недель в году, на протяжении скольких лет?	*So the progress bar at least gives you the vision of a beginning and an end, and you're working towards a goal. I think in some ways, it mitigates the fear of death. Too much?* Индикатор выполнения, по крайней мере, даёт нам представление о начале и конце процесса, вы движетесь к цели. Я думаю, что в какой-то степени он притупляет страх смерти. Как такое сравнение?
«контраст–утверждение»	*If you do it right, it should sound like: TICK-tat, TICK-tat, TICK-tat, TICK-tat, TICK-tat, TICK-tat. If you do it wrong, it sounds like: Tick-TAT, tick-TAT, tick-TAT.* Если всё делать правильно, звучать будет так: ТИК-тат, ТИК-тат, ТИК-тат, ТИК-тат, ТИК-тат, ТИК-тат. А если неправильно, то звучание будет таким: тик-ТАТ, тик-ТАТ, тик-ТАТ.	*So, a jump rope, you can use it for all different kinds of things. It crosses cultures. And I think it lasted because people need to move. And I think sometimes the simplest objects can make the most creative uses.* У скакалки много разных применений, ею пользуются в разных культурах. На мой взгляд, она не исчезает потому, что люди нуждаются в движении. Иногда самые простые вещи могут быть использованы самым необычным образом.
«утверждение–утверждение»	*I think stairs may be one of the most emotionally malleable physical elements that an architect has to work with.* Я думаю, лестницы – один из самых гибких с эмоциональной точки зрения физических элементов, с которыми архитектору приходится иметь дело.	*I think they fill a deeply human need we have to inhabit a space more than just on the ground plane. And so if you're able to sit halfway up there, you're in a kind of magical place.* Думаю, лестницы удовлетворяют глубокую человеческую потребность жить не только на поверхности. Поэтому если вам удаётся присесть на полпути выше, то вы будто попадаете в магический мир.

Далее в исследовании были выявлены прагматически маркированные языковые средства воздействия на адресата (регулятивные средства). Результаты представлены в табл. 2 и табл. 3. Принятые обозначения: РС – регулятивное средство, С – серия: С1 – "*The function and fashion of eyeglasses"*

(«Функция очков и мода»); С2 – “*The 3,000-year history of the hoodie”* («История толстовки начитывает 3000 лет»); С3 – “*The power of the Afro pick”* («Сила афро-гребня»); С4 – “*How the button changed fashion”* («Как пуговица изменила моду»); С5 – “*Why pasta comes in all shapes and sizes”* («Почему столько форм и размеров пасты»*)*; С6 – “*The evolution of the coffee cup lid”* («Эволюция крышечки для кофейного стаканчика»); С7 – “*How the compass unlocked the world”* («Как компас открыл мир»); С8 – *“Why 1.5 billion people eat with chopsticks”* («Почему 1,5 миллиарда человек пользуются палочками во время еды»); С9 – “*Why books are here to stay”* («Почему книги никуда не исчезнут»); С10 – “*How surfboards connect us to nature”* («Как доски для серфинга соединяют нас с природой»); С11 – “*The genius of the London Tube Map”* («Гений, создавший карту лондонской подземки»); С12 – “*Why the pencil is perfect”* («Почему карандаш – это совершенство»); С13 – “*How the progress bar keeps you sane”* («Как индикатор выполнения процесса заботится о вашем здоровье»); С14 – “*How the jump rope got its rhythm”* («Как скакалка получила свое звучание»); С15 – “*The hidden ways stairs shape your life”* («Лестницы формируют вашу жизнь: скрытые способы); С16 – “*How the hyperlink changed everything”* («Как гиперссылка изменила все»). Цифровые обозначения: 1 – повторная номинация; 2 – эпитет; 3 – метафора; 4 – сравнение; 5 – дейктические местоимения vs *people* ‘люди’, *some person* ‘какой-то человек’; 6 – анафора/эпифора; 7 – ретардация; 8 – антитеза; 9 – полисиндетон; 10 – вопросы (в т.ч. риторические).

Таблица 2

Регулятивные средства в сериях С1-С8

РС	С1	С2	С3	С4	С5	С6	С7	С8
1	3	5	–	1	7	6	3	–
2	3	8	3	6	4	4	1	1
3	3	3	5	1	2	2	–	1
4	–	2	3	3	1	1	5	4
5	*I* (2) *you* (4) *we* (2) *they* (1) *people* (2)	*I* (1) *you* (8) *we* (5) *they* (0) *people* (1)	*I* (15) *you* (11) *we* (0) *they* (2)	*I* (5) *you* (5) *we* (1) *they* (0) *someone* (1) *people* (1)	*I* (1) *you* (14) *we* (1) *they* (4) *people* (1) *others* (1)	*I* (2) *you* (15) *we* (2) *they* (0) *people* (3)	*I* (2) *you* (14) *we* (5) *they* (9)	*I* (3) *you* (15) *we* (0) *they* (2) *people* (3) *everyone* (2)
6	–	1	2	–	3	2	–	–
7	–	2	2	1	–	1	–	–
8	1	1	2	3	6	–	–	2
9	*and* (1)	–	–	–	–	*and* (1)	*and* (1)	–
10	1	–	1	2	4	–	2	–
Всего	**23**	**37**	**46**	**30**	**49**	**39**	**42**	**33**

Таблица 3

Регулятивные средства в сериях С9-С16

РС	С9	С10	С11	С12	С13	С14	С15	С16
1	2	–	1	1	1	2	2	2
2	1	3	–	1	2	2	4	1
3	1	1	1	1	2	3	1	1
4	4	2	2	–	5	2	3	2
5	*I* (8) *you* (12) *we* (3) *they* (3) *people* (4)	*I* (5) *you* (8) *we* (0) *they* (0) *people* (1) *some person* (1)	*I* (2) *you* (2) *we* (1) *they* (1) *people* (4)	*I* (2) *you* (0) *we* (0) *they* (3) *people* (5)	*I* (3) *you* (13) *we* (1) *they* (5) *people* (8)	*I* (6) *you* (4) *we* (0) *they* (0) *people* (2)	*I* (4) *you* (7) *we* (1) *they* (0) *people* (5)	*I* (6) *you* (5) *we* (4) *they* (1) *people* (5)
6	–	–	–	1	2	1	–	–
7	–	–	2	1	1	1	–	–
8	1	2	1	1	–	3	3	–
9	–	–	–	–	–	–	–	–
10	–	2	4	–	3	–	–	2
Всего	**39**	**25**	**21**	**16**	**46**	**26**	**30**	**29**

Полученные данные свидетельствуют о разной плотности РС, что объясняется различной степенью интенции выступающего оказать влияние на слушающих. Средний показатель РС во всех сериях – 33 единицы (суммарное количество РС во всех сериях – 531 единица). Большее количество регулятивных средств зафиксировано в сериях С5 (49 единиц), С3, С13 (по 46 единиц) и в С7 (42 единицы). При этом самыми продолжительными являются серии С12 (03:23), С13 (03:22), С3 (03:18) и С1 (03:16). Действительно, длительные по звучанию серии С3 и С13 имеют высокую концентрацию РС, в то время как еще две серии С1 и С12 имеют показатели ниже выведенного среднего значения РС (33): 23 и 16 соответственно.

Обратим внимание, например, на обилие дейктических местоимений. Местоимение *I* ‘я’ присутствует во всех сериях, *you* ‘ты/вы’ отсутствует только в 1 серии, *we* ‘мы’ отсутствует в 5 сериях, *they* ‘они’ отсутствует в 6 сериях. Также фиксируем наличие существительного *people* ‘люди’ и конструкции «местоимение+существительное» *some person* ‘какой-то человек’. Присутствие таких единиц в научно-популярных сериях малой формы свидетельствует о желании автора: 1) установить связь со зрителями, чтобы научные факты были поданы не в сухой формулировке; 2) «разбавить» пассивные конструкции, являющиеся маркерами научного дискурса, либо вовсе избавиться от них; 3) привнести б*о*льшую эвиденциальность представленному материалу. Однако сама эвиденциальность в данных сериях существует в 2 проявлениях: чистая эвиденциальность (эвиденциальность) и субъективная эвиденциальность (квазиэвиденциальность). Вновь обра-

тимся к практическому материалу: в сериях эвиденциальность присутствует в 2 описанных выше проявлениях: чистая эвиденциальность – *We have Mark Zuckerberg, who defies convention of respectable attire for businesspeople* ‘У нас есть Марк Цукерберг, бросающий вызов традициям респектабельной одежды для деловых людей’; *In the 50s, dancer Ruth Beckford and a lot of jazz singers were tired of straightening their hair* ‘В 50-е годы танцовщица Рут Бекфорд и многие джазовые певцы устали выпрямлять волосы’; *It was introduced in the 1930s by Knickerbocker Knitting Company* ‘Товар представила Knickerbocker Knitting Company’; субъективная эвиденциальность – *The real powerful person is wearing a hoodie with a T-shirt and jeans* ‘Настоящий влиятельный человек одет в толстовку, футболку и джинсы’; *It's not exactly clear who invented the first eyeglasses, but many people attribute it to the Italians* ‘Не совсем понятно, кто изобрел первые очки, но многие приписывают это изобретение итальянцам’. Все дейктические местоимения, существительное *people* ‘люди’ и местоимение + существительное *some person* ‘какой-то человек’ относим к маркерам субъективной эвиденциальности.

По мнению Ю. Е. Прохорова, существуют скрепы, т.е. правила, которые должны присутствовать в каждой из составляющих коммуникации: «фигура действительности должна удерживать около себя и текст, и дискурс; текст должен удерживать действительность и дискурс; дискурс должен удерживать действительность и текст». К ним он относит: 1) скрепы экстравертивной фигуры коммуникации – дискурса: прецедентные феномены; 2) скрепы интровертивной фигуры коммуникации – текста: стереотипы; 3) скрепы фигуры коммуникации – действительности: ландшафты реальности и паралингвистические модели [5, с. 145]. Приводя примеры манифестации интертекстуальности, А. П. Чудинов также упоминает прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя, прецедентный феномен [6, с. 90–92]. Серия “*The power of the Afro pick”* («Сила афро-гребня») служит демонстрацией интертекстуальности. Так, здесь встречаем пример прецедентного имени: *James Brown, who was known for chemically straightening his hair* ‘Джеймс Браун, известный тем, что выпрямлял волосы химическим способом’; высказывания: *Say it Loud, I'm Black and I'm Proud* ‘Скажи это громко: я черный, я этим горжусь’; ситуации: *You feel all of these feelings at once when you see Angela Davis fighting for her life in federal court* ‘Вы испытываете все эти чувства сразу, когда видите, как Анджела Дэвис борется за свою жизнь в федеральном суде’; феномена: *It's no coincidence that the fist on the modern Afro pick also sets the tone for affiliation* ‘Неслучайно, что кулак на современном афро-гребне задает тон принадлежности’.

Подводим итог вышесказанному.

1. Действительно, названия TED-серий предвосхищают коммуникативное будущее и дают когнитивный сигнал об активизации фреймов.

2. Частотными видами семантических комбинаций «начало–конец» являются: «утверждение–вопрос»; «утверждение–утверждение»; «контраст–контраст»; «вопрос–вопрос»; «вопрос–утверждение»; «контраст–утверждение» (при этом наиболее частотна комбинация «утверждение–утверждение»: 56 %).

3. Средний показатель регулятивных средств во всех сериях составляет 33 единицы. Большее количество регулятивных средств фиксируется в сериях большей продолжительности. В то же время 2 большие по продолжительности серии имеют показатели регулятивных средств ниже среднего значения.

4. Обилие дейктических местоимений объяснимо желанием автора установить связь со зрителями, «разбавить» маркеры сугубо научного дискурса (пассивные конструкции), добавить б*о*льшую эвиденциальность материалу.

5. Частотность употребления явлений интертекстуального характера объясняется стремлением автора в условиях сжатых временных рамок представить обсуждаемую проблему в максимально широком контексте, повышая ее роль и значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. *Багиян, А. Ю.* Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса / А. Ю. Багиян // Вестн. ПГЛУ. Общетеоретические аспекты исследования языка и дискурса / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – 2014. – № 3. – С. 81–86.
3. *Сидоров, Е. В.* Общая теория речевой коммуникации / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во РГСУ, 2010. – 244 с.
4. *Вшивкова, Т. В.* Экспериментальное моделирование антиципации при понимании иноязычного текста / Т. В. Вшивкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов : Грамота, 2015. –№ 4 (46). – Ч. 1. – С. 44–47.
5. *Прохоров, Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта; Наука, 2004. – 224 с.
6. *Чудинов, А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Наука; Флинта, 2006. – 255 с.

Н. Г. Швец (*Минск, МГЛУ*)

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОСВЯЗИ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

В статье предлагается верифицированная методика установления взаимосвязи вербального и невербального (изображения) компонентов поликодового текста, основанная на определении их близости через максимальное число совпадений опорных слов вербальной составляющей и дескрипторов, описывающих изображение. Продемонстрирована эффективность применения тезаурусного подхода к формализации содержания изображения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическая модель; поликодовый текст; рекламное объявление; ключевое слово; основное содержание; тезаурусное описание.

The article proposes a verified method for establishing the relationship between the verbal and non-verbal (image) components of a polycode text, based on determining their proximity through the maximum number of matches of the reference words of the verbal component and descriptors describing the image. The effectiveness of the application of the thesaurus approach to the formalization of the image content is demonstrated.

K e y w o r d s: semantic model; polycode text; advertisement; keyword; main content; thesaurus description.

Сочетание вербального и иконического компонентов в пределах современного медийного поликодового текста позволяет дополнить, обогатить и уточнить передаваемую с их помощью информацию.

Конкретизируя в целях данного исследования понятие *рекламное объявление*, будем называть им семиотически неоднородный текст, содержащий вербальный (словесный) компонент (непосредственно рекламный текст) и невербальный (визуальный) компонент (изображение), представленный в письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, направленный на донесение до адресата определенной информации с целью привлечения внимания к тому или иному виду товара.

Цель настоящего исследования – найти оптимальный способ взаимосвязи вербальной составляющей рекламного объявления (РО) и иллюстрации этого РО и представить эту взаимосвязь в виде алгоритма.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) найти наиболее оптимальный для достижения поставленной цели формальный способ представления основного содержания текста РО;

2) выявить наиболее эффективный для достижения поставленной цели способ формального представления содержания иллюстрации РО;

3) разработать лингвистическую базу знаний, содержащую формальные описания текстов и изображений исследуемых РО;

4) разработать формальную модель, позволяющую автоматически выбирать для заданного текста РО возможную по содержанию иллюстрацию;

5) проверить эффективность работы созданной модели с помощью компьютерной программы.

Для решения первой задачи данного исследования необходимо, прежде всего, определить понятие *основное содержание текста*.

Основное содержание текста – это совокупность знаменательных слов, несущих основную семантическую нагрузку в тексте, формирующих в сознании адресата то же представление об описываемом фрагменте ситуации, которое вложил в текст автор.

Детальный анализ различных современных подходов к способам формального представления основного содержания текста позволил нам сделать вывод, что формальное представление основного содержания текста является эффективным и легко реализуемым на компьютере при учете общей частоты употребления знаменательного слова и всех его словарных и контекстуальных замен в тексте и в абзацах этого текста.

Вследствие того, что определение основного содержания текста путем использования одной группы методов не обеспечивает удовлетворительного качества результатов, такие методы, как правило, дополняют друг друга. Методика комбинированного подхода к представлению основного содержания текста, сочетающая в себе элементы статистического и позиционного методов извлечения основной смысловой информации, позволяет существенно повысить корректность автоматического извлечения ключевых слов.

Тема текста (или его основное содержание) может быть представлена в виде таблицы основного содержания текста (ТОС), основными компонентами которой являются опорные слова, разделенные в соответствии с предметными свойствами своих референтов на группы слов (слова-объекты, слова-признаки, слова-действия и прочие слова). Например, в ТОС (табл. 1) текста одного из РО главные опорные слова (ГОС) и ключевые слова из заголовков (КСЗ) разделены на следующие группы:

1) слова-объекты: *кожа*, *крем*, *наносомы*, *лицо*;
2) слова-признаки: *здоровый*, *заботливый*, *нежный*;
3) слова-действия: *здорово выглядеть*;
4) прочие слова: *цвет*.

Таблица 1

ТОС текста РО

Тип опорных слов	Опорные слова текста			
	объекты	признаки	действия	прочие
ГОС1	*кожа*			
ГОС2	*крем*			
ГОС3	*наносомы*			
ГОС4	*лицо*			
ГОС5				*цвет*
ГОС6		*здоровый*		
КСЗ1			*здорово выглядеть*	
КСЗ2		*заботливый*		
КСЗ3		*нежный*		

Таким образом, в данном исследовании основное содержание анализируемых текстов РО представлено формальным образом с помощью набора главных и второстепенных опорных слов, дополненных ключевыми словами из заголовков РО. Эти слова несут основную семантическую нагрузку в тексте, обеспечивая становление и развитие его темы. Преимущество выбранной нами методики состоит в возможности классифицировать слова конкретного текста в зависимости от степени их важности для семантической структуры текста по нескольким группам, а также в гибкой применимости данной методики к текстам РО с разным количеством абзацев.

Под описанием изображения будем понимать такое его представление, которое может быть формализовано и опознано компьютером.

Чтобы решить эту задачу, нам пришлось рассмотреть в деталях большое количество существующих подходов к формальному описанию изображений. В результате для описания иллюстрации был использован тезаурусный подход, который в существующих системах автоматического анализа текста применяется исключительно для описания вербальных текстов.

Ученый Ф. Ч. Бартлетт в своих исследованиях вербального материала, полученного от испытуемых, которым давалась инструкция описать визуально предъявляемые изображения, установил, что естественные перцептивные установки носят неаналитический характер, т.е. состоят в реагировании на целостные признаки предъявляемого стимула. При этом в любой перцептивной ситуации выделяются и детали, которые можно разделить на доминирующие и играющие второстепенную роль в восприятии: «… всегда есть некоторые черты перцептивной ситуации, которые преобладают над другими, т.е. на которые обращается больше внимания. Эти доминирующие детали представляют своего рода ядро, вокруг которого располагаются в виде кластера другие детали» [1, p. 32].

Тезаурусное представление изображения как способ, позволяющий учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения, позволяет описать иллюстрацию в виде некоторого набора слов и различных типов отношений между этими словами в рамках определенной предметной области.

В настоящем исследовании разработана методика тезаурусного описания изображений РО по теме «Косметика и парфюмерия», включающая следующие этапы [2].

1. Выявление языкового, денотативного и коннотативного содержаний для каждого изображения исследуемых РО.

2. Определение дескрипторов, образующих первый уровень тезауруса.

3. Выделение следующих типов отношений между дескрипторами: «целое–часть», «соматема–признак», «соматема–действие», «объект–признак», «объект–действие, ассоциация».

4. Систематизация отношений типа «соматема–признак» по ряду параметров (цвету форме и т.п). Такие параметры были выделены для описания следующих соматем: «Женщина», «Волосы», «Глаза», «Губы», «Зубы», «Кожа», «Лицо», «Нос», «Ресницы», «Тело (Фигура)».

5. Систематизация отношений типа «объект–признак» по следующим параметрам: «форма», «цвет», «содержимое», «название», «фирма-изготовитель».

В результате использования тезаурусного подхода были построены многоуровневые тезаурусные описания изображений 1000 РО в виде некоторого набора слов (дескрипторов) и отношений между этими словами. Пример одного из таких описаний представлен в табл. 2.

Таблица 2

Пример тезаурусного представления иллюстрации РО

Дескриптор (уровень тезауруса)	Мероним (уровень тезауруса)	Признак (уровень тезауруса)	Действие (уровень тезауруса) (ассоциация)
Женщина (1)	Голова (2) Рука (2)		
Баночка (1)	Крем (2) Крышка (2)	Белая (2)	
Голова (2)	Лицо (3) Волосы (3)		
Рука (2)	Яблоко (3)		
Крем (2)	Наносомы (3)	Черный жемчуг (4)	
Крышка (2)		Черная (3)	
Лицо (3)	Кожа (4) Улыбка (4)		
Яблоко (3)	Витамины (4)	Сочное (4) Свежее (4) Румяное (4)	Соприкасается с кожей лица (4) (здоровый цвет лица)
Кожа (4)		Молодая (5) Свежая (5) Здоровая (5)	

Следующая задача исследования была связана с поиском наиболее эффективного формального способа взаимосвязи содержания вербальной составляющей и иллюстрации РО. Для этого был предложен принцип максимального совпадения семантических вех вербального компонента (опорных слов) и изображения (дескрипторов) на разных уровнях семантической значимости этих единиц. Этот принцип и стал основой формальной модели семантической взаимосвязи двух исследуемых частей РО.

Под формальной моделью взаимосвязи текста и иллюстрации РО в настоящем исследовании принято представление этой связи на лексико-семантическом уровне в виде алгоритма, структурная схема которого представлена на рис. 1.

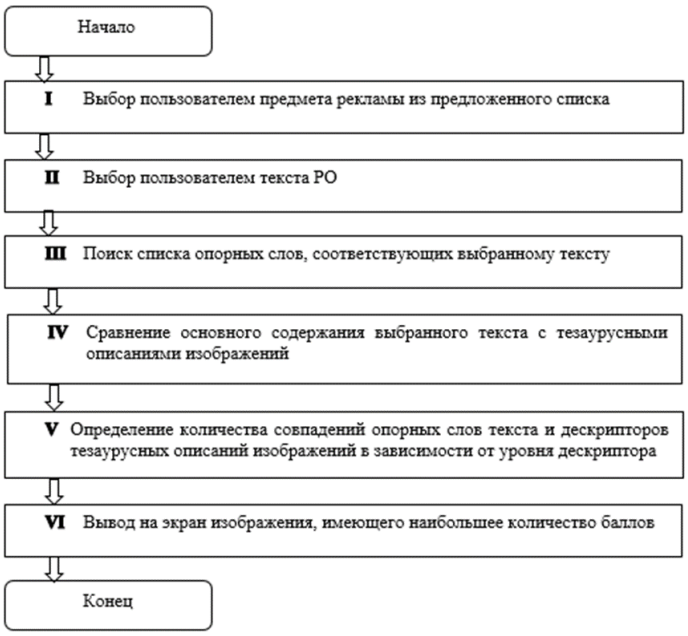


Рис. 1. Структурная схема алгоритма выбора иллюстрации к заданному тексту РО

Для реализации алгоритма в виде компьютерной программы была создана база знаний, состоящая из следующих компонентов:

1) текстов РО, отобранных для компьютерного эксперимента, относящихся к трем предметным областям: «Крем для лица», «Шампунь», «Краска для волос»;

2) изображений к текстам исследуемых РО;

3) таблиц основного содержания исследуемых рекламных текстов, заданных в виде перечня главных и второстепенных опорных слов каждого такого текста;

4) формальных представлений изображений исследуемых РО, заданных в виде тезаурусных описаний этих изображений.

Для проведения компьютерного эксперимента была написана программа на языке C#.

Программа работает следующим образом. Сначала из меню пользователь выбирает один из предметов рекламы, затем – один из текстов, описывающих выбранный предмет рекламы.

После нажатия на кнопку «Найти картинку» (рис. 2) на экране высвечивается таблица с результатами совпадения опорных слов и дескрипторов всех иллюстраций базы знаний. В этой таблице перечисляются опорные слова выбранного текста РО, а также совпавшие с ними дескрипторы определенного уровня из тезаурусных описаний иллюстраций. Каждому такому совпадению начисляется определенное количество баллов, которое зависит от уровня дескриптора.

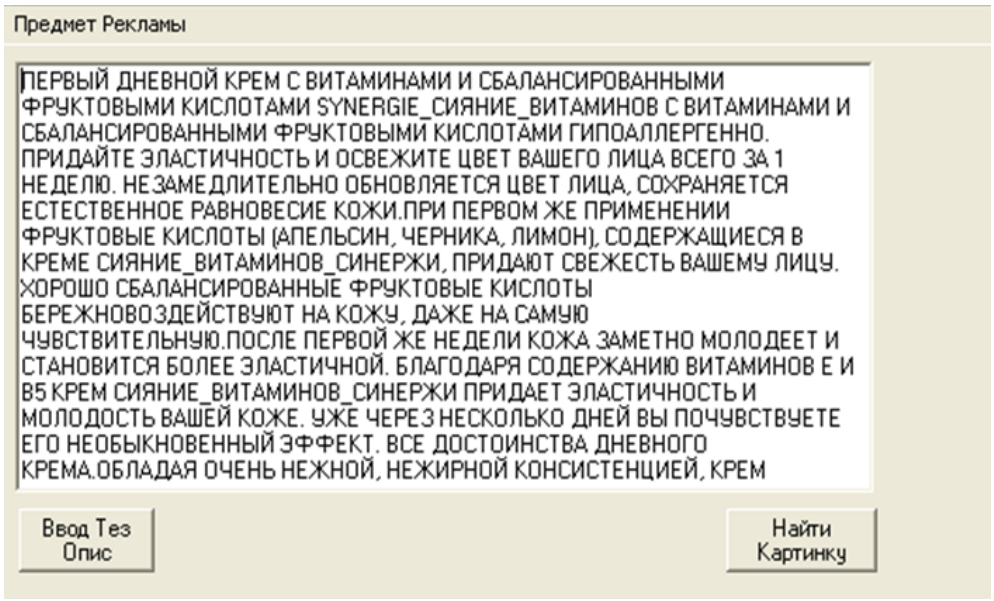
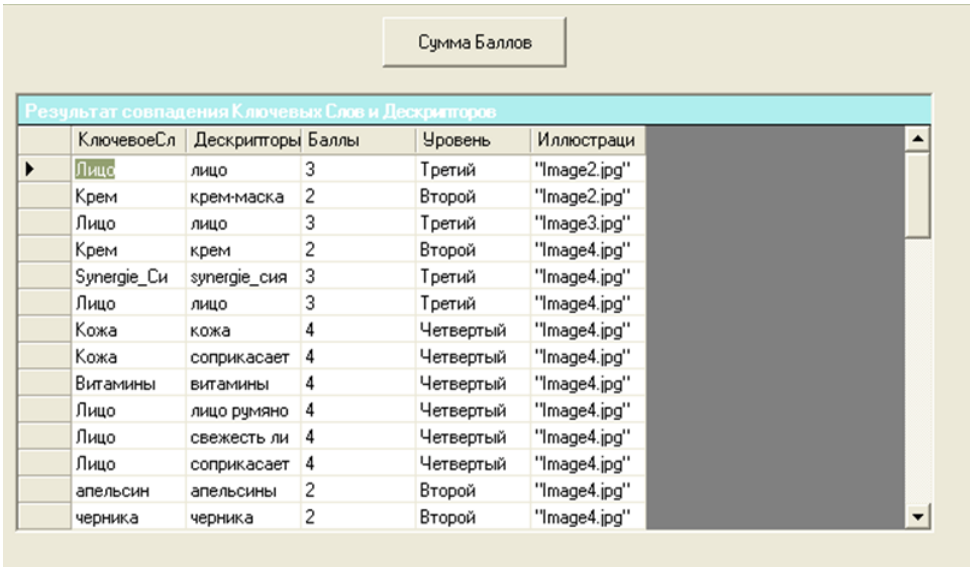


Рис. 2. Окно с выбранным текстом

Далее при нажатии на кнопку «Сумма баллов» (рис. 3) подсчитывается количество совпадений опорных слов текста и дескрипторов, описывающих изображения РО, и на экран выдается иллюстрация, имеющая наибольшее значение числа таких совпадений.



КлючевоеСл	Дескрипторы	Баллы	Уровень	Иллюстраци
Лицо	лицо	3	Третий	"Image2.jpg"
Крем	крем-маска	2	Второй	"Image2.jpg"
Лицо	лицо	3	Третий	"Image3.jpg"
Крем	крем	2	Второй	"Image4.jpg"
Synergie_Си	synergie_сия	3	Третий	"Image4.jpg"
Лицо	лицо	3	Третий	"Image4.jpg"
Кожа	кожа	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Кожа	соприкасает	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Витамины	витамины	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Лицо	лицо румяно	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Лицо	свежесть ли	4	Четвертый	"Image4.jpg"
Лицо	соприкасает	4	Четвертый	"Image4.jpg"
апельсин	апельсины	2	Второй	"Image4.jpg"
черника	черника	2	Второй	"Image4.jpg"

Рис. 3. Окно с результатами совпадения опорных слов текста и дескрипторов тезаурусных описаний иллюстраций

Анализ результатов работы программы свидетельствует о достаточно высокой эффективности разработанной формальной модели: количество случаев, когда пара «текст–изображение» была точно восстановлена, составило 86 %.

Таким образом, экспериментально-опытная проверка предлагаемой модели показала, что существует взаимосвязь вербального текста и иллюстрации РО, продемонстрировала эффективность применения тезаурусного подхода к формализации содержания изображения. Полученные результаты могут стать теоретической основой для разработки формальных моделей распознавания визуальных материалов различной степени сложности в некоторой узкой предметной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bartlett, F. C.* Remembering: A study in experimental and social psychology / F. C. Bartlett. – Cambridge : Univ. Press, 1932. – 358 p.

2. *Швец, Н. Г.* Формальный способ представления изображений рекламных объявлений в виде тезауруса / Н. Г. Швец // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 2. – С. 161–171.

Д. Е. Самусевич (*Минск, БГЭУ*)

ТОНАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА РОЖДЕСТВЕНСКИХ И НОВОГОДНИХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ БЕЛАРУСИ И АНГЛИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
(на материале новостных заголовков)

Работа посвящена исследованию дискурса рождественских и новогодних развлечений в условиях пандемии. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ новост-

ных заголовков СМИ Беларуси и Англии с целью определения тональности упомянутого дискурса и лексических средств ее экспликации. Приводится лингвистическая и экстралингвистическая интерпретация выявленных характеристик для двух лингвокультур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тональность; анализ тональности; дискурс; дискурс развлечений; статьи; новостные заголовки.

The work is devoted to the research of Christmas and New Year`s entertainment discourse in terms of pandemic. In the article the author carries out a comparative analysis of news headlines of the media in Belarus and England with the aim to determine the sentiment of the mentioned discourse and the lexical means of its explication. The linguistic and extralinguistic interpretation of the revealed characteristics for two linguocultures is given.

K e y w o r d s: sentiment; sentiment analysis; discourse; entertainment discourse, articles; news headlines.

Рождество и Новый год являются важными праздниками для большого количества людей во всем мире. Праздничные мероприятия начинаются задолго до Рождества, если мы говорим о европейских странах, и заканчиваются Старым Новым годом, когда речь идет о Беларуси. В данный период проводятся ярмарки, концерты, шоу-программы, цирковые выступления, выставки и другие массовые мероприятия. Упомянутые развлечения организовываются как для местных жителей, так и для привлечения туристов. И узнать о том, какие мероприятия, где и когда будут проходить, можно, прежде всего, через средства массовой информации (СМИ): газеты, журналы, радио- и телепередачи, Интернет.

2020 год оказался особенным годом и внес свои коррективы во все сферы общественной жизни. Сфера развлечений не стала исключением. Во многих странах из-за распространения коронавирусной инфекции были введены ограничения разного уровня жесткости. В сложившейся ситуации СМИ освещали не сами массовые мероприятия, а, по большей части, их запрет или перенос, а также изменения в формате проведения.

Смена привычной стратегии освещения рождественских и новогодних мероприятий предполагает многоаспектное изучение происходящих изменений. Языковая экспликация дискурса развлечений во многом зависит от лингвокультурных особенностей той или иной страны. В связи с чем важной задачей современного научного знания оказывается, среди прочего, например, определение общего и отличного в реализации названного дискурса в разных странах.

Сказанное обусловливает актуальность предпринятого исследования, направленного на установление языковых средств, с помощью которых актуализируется в условиях пандемии эмоциональный тон сообщений дискурса рождественских и новогодних развлечений Республики Беларусь и Англии.

Эмоциональный тон, выраженный в тексте, также называется *тональностью*. Будучи одним из важнейших средств выражения оценочности, она является способом представления текста автором, при котором он проявляет свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникан-

тов. Тональность характеризует способ передачи пропозиции и описывает ее в различных регистрах. Посредством тональности передается: 1) субъективное отношение автора к действительности; 2) квалификация событий с точки зрения автора; 3) стремление автора каким-то образом воздействовать на реципиента. Актуализируется тональность чаще всего путем отбора эмоционально окрашенной лексики или реализацией определенных коннотаций, синтаксическими и графическими методами [1].

Ученые используют в своих работах разные классификации тональности. Это обусловлено тем, что понимание тональности трактуется неоднозначно, а это, в свою очередь, способствует и неоднозначному выделению ее типов. Так, В. И. Карасик говорит об информативной, фатической, статусной, шутливой, торжественной, идеологической, фасцинативной (эмоциональной), гипотетической, агрессивной, эзотерической, манипулятинвой, менторской тональностях (в соответствии с типами концептов и дискурсов) [2, с. 305–306]. В. В. Дементьев, применительно к характеристике типологии речевого жанра, выделяет диссонансные и унисонные тональности речевого жанра [3, с. 38].

Опираясь на существование разных коммуникативных ситуаций и видов общения; отличия в социальном, возрастном, половом и образовательном статусе коммуникантов, их коммуникативных намерениях и эмоциональном настрое, исследователи упоминают следующие тональности: стилистическую и нейтральную; неофициальную, непринужденную и официальную; враждебную, угрожающую и дружественную, сочувственную / утешающую; приветливую и неприветливую; разговорно-фамильярную и деловую [4, с. 267–268].

По типу речевого воздействия тональность делится на три вида: позитивную тональность, отражающую положительные оценки и эмоции, общий оптимистический настрой; негативную тональность, которая показывает отрицательные эмоциональные оценки и общий пессимистический настрой; нейтральную тональность, характеризующуюся объективизированностью (непредвзятостью) изложения, предельно малой значимостью психологической составляющей речевого общения [5, с. 549–552].

С опорой на данную классификацию тональности текста в работе представлены основные результаты сравнительно-сопоставительного анализа 200 текстов русскоязычного и англоязычного дискурса рождественских и новогодних развлечений (на материале онлайн-статей новостных порталов: tut.by, sputnik.by, belta.by, vb.by, bobruin.by, reform.by, interfax.by, bbc.co.uk, standard.co.uk, telegraph.co.uk, thevoiceoflondon.co.uk, theguardian.com, gov.uk, timeout, thetab.com, livingetc.com).

Разный подход к минимизации распространения COVID обусловливает и различия в тональности прежде всего заголовков текстов СМИ Беларуси и Англии, представляющих дискурс рождественских и новогодних развлечений.

Так, русскоязычные заголовки имеют в основном позитивную тональность (52 из 100). Несмотря на пандемию коронавируса белорусское общество не готово отказаться от своих привычек праздновать Рождество

и Новый год. И СМИ, прибегнув к использованию заголовков в позитивной тональности, пытаются уменьшить негативное отношение к сложившейся ситуации, делая упор на то, что праздник состоится, жители смогут поучаствовать в различного рода мероприятиях и, таким образом, пандемия все же позволит сохранить привычный уклад жизни. В заголовках для этого используются слова и словосочетания со значением ‘состояться’: *не отменять, встретить, работать, праздновать, запланировать, проходить*, а также со значением ‘мероприятие’: *рождественская ярмарка, экскурсия, праздничные гулянья, праздник*. Например, *В Минске новогодние утренники в садах и школах* ***не отменяют*** (sputnik.by от 05.12.2020)*; В Минске* ***будет работать*** *еще одна* ***рождественская ярмарка*** (tut.by от 12.12.2020)*; Онлайн или без объятий: где белорусские дети* ***смогут встретить*** *Деда Мороза* (sputnik.by от 05.12.2020)*; Без шествия Дедов Морозов, но с* ***экскурсией*** *от астронома. Как Могилев будет* ***праздновать*** *Новый год* (tut.by от 26.11.2020)*; Какие мероприятия* ***запланированы*** *в районах Минска в новогоднюю ночь?* (blizko.by от 31.12.2020)*; Около 160* ***ярмарок пройдут*** *в Беларуси во время рождественских и новогодних* ***праздников*** (belta.by от 09.12.2020)*;* ***Праздничные гулянья****, салют и работа транспорта в новогоднюю ночь 2020/21 в Минске* (sputnik.by от 29.12.2020).

Выявлено, что 34 из 100 имеют нейтрально-позитивную тональность. На территории Республики Беларусь не были введены жесткие ограничительные условия на время праздников, но авторитетными органами были даны рекомендации, каким образом можно минимизировать риск заражения, что и освещают СМИ. С одной стороны, рекомендации в отношении празднования Рождества и Нового года носят нейтральный характер, с другой – предоставляют читателю важную информацию. Нейтрально-позитивная тональность заголовков достигается использованием слов и словосочетаний со значением ‘рекомендация’: *рекомендует, советы, не заболеть, позаботиться о близких, праздновать дома, не ездить в гости*; ‘защита’: *средства индивидуальной защиты, маски*; ‘дистанцирование’: *расстояние, социальная дистанция*. Например, *Без гостей и корпоративов: минчанам дали* ***рекомендации*** *на зимние праздники* (sputnik.by от 11.12.2020)*; Праздничные гуляния новогодней ночи Бреста:* ***в масках*** *и* ***на расстоянии социальной дистанции*** (vb.by от 17.12.2020)*; 26 полезных* ***советов*** *от врача, чтобы в Новый год* ***не заболеть COVID-19*** *и* ***позаботиться о*** *пожилых* ***близких*** (bobruin.by от 29.12.2020)*; Главный санврач Могилевщины* ***рекомендует праздновать*** *Новый год* ***дома*** *и* ***не ездить в гости*** *к пожилым* (bobruin.by от 23.12.2020).

В небольшом количестве (14 из 100) замечены также заголовки с негативной тональностью. Такой эмоциональный тон задают слова и словосочетания со значением ‘не состояться’: *отменили, запретили, могут не пустить*. Например, *Новогодние ярмарки* ***отменили*** *в некоторых городах Минской области* (sputnik.by от 18.12.2020)*; Увеселительные мероприятия* ***запретили*** *в Барановичах с 14 декабря* (reform.by от 10.12.2020)*; Родителей* ***могут не пустить*** *на новогодние утренники в садах и школах Минска из-за COVID-19* (interfax.by от 06.12.2020).

Анализ тональности заголовков англоязычных текстов СМИ, представляющих дискурс рождественских и новогодних развлечений, показал иную картину.

Так, англоязычные заголовки имеют в основном негативную тональность (57 из 100). В отличие от Республики Беларусь, на территории Англии был введен ряд ограничительных мер, призванных остановить распространение коронавирусной инфекции и обезопасить граждан. В связи с этим большое внимание в заголовках англоязычных статей уделяется самим ограничениям и запретам. Журналисты подчеркивают серьезность ситуации и апеллируют к страхам населения. Для этого используются слова и словосочетания со значением ‘restriction’: *cancel, tier 4, lockdown, restriction, heartbreak*; «virus»: *Coronovirus, Covid*. Например, ***Coronavirus**: London's Winter Wonderland event **cancelled*** ‘Мероприятие Winter Wonderland в Лондоне отменили из-за коронавируса’ (bbc.co.uk от 02.09.2020)*; **Covid**: Christmas **Tier-4 heartbreak** for Londoners* ‘Covid: Рождественское горе 4 уровня для жителей Лондона’ (bbc.co.uk от 12.12.2020)*; What are the **Tier 4** rules for London as Christmas **cancelled** by **lockdown**?* ‘Каковы правила 4 уровня для Лондона в условиях отмены Рождества из-за изоляции?’ (standard.co.uk от 23.12.2020)*; What do **Covid-19 restrictions** mean for Christmas, New Year and other festivities*? ‘Что означают ограничения в связи с Covid-19 для Рождества, Нового года и других праздников?’ (telegraph.co.uk от 31.12.2020)*; 5 **cancelled** Christmas events in London* ‘5 отмененных рождественских мероприятий в Лондоне’ (thevoiceoflondon.co.uk от 18.11.2020).

Установлено, что 26 заголовков из 100 имеют нейтральную тональность. Невзирая на строгие ограничения, которые действуют по всей территории Англии, некоторые жители достаточно халатно относятся к полученной информации, нарушая правила и подвергая риску свое здоровье и здоровье окружающих. Учитывая данное обстоятельство, авторы статей напоминают о необходимости строго следовать рекомендациям, минимизируя риски заражения. Такой тон задают слова и словосочетания со значением ‘safety’: *rules, measures, guidance, Christmas bubble, safety*. Например, *Christmas **rules** 2020: What are the new **rules** on mixing?* ‘Рождественские правила в 2020 году: какие установлены новые правила на встречи?’ (bbc.co.uk от 23.12.2020)*; Christmas Covid **rules**: what are the new **measures** in England?* ‘Правила встречи Рождества в условиях Covid: каковы новые принятые меры в Англии?’ (theguardian.com от 19.12.2020)*; **Guidance** for the Christmas period* ‘Рекомендации на период Рождества’ (gov.uk от 23.12.2020)*; Making a **Christmas bubble** with friends and family* ‘Формирование рождественского окружения из числа друзей и семьи’ (gov.uk от 19.11.2020)*; Covid **Christmas bubbles** and the **safety** of solitude* ‘Рождественское окружение в условиях Covid и безопасность уединения’ (theguardian.com от 25.11.2020).

Небольшое количество новостных заголовков (17 из 100) характеризуются позитивной тональностью. Данная тональность репрезентируется, когда речь идет о том, что несмотря на запреты и ограничения, которые ждут

англичан во время рождественских праздников, гражданам не следует унывать, а попытаться самим создать себе новогоднее настроение. Кроме этого, приводятся варианты, чем же можно занять себя в этот праздник: встреча с семьей онлайн, онлайн-концерты, просмотр фильмов, прогулки на свежем воздухе, большой список игр и многое другое. Позитивная тональность заголовков достигается использованием слов и словосочетаний со значением ‘events’: *events, things to do, activity*. Например, *Christmassy* ***things*** *you* ***can*** *still* ***do*** *in Tier 4 London* ‘Рождественские мероприятия, в которых до сих пор можно принять участие в скованном ограничениями Лондоне’ (timeout.com от 21.12.2020)*; Christmas isn`t cancelled: London`s Covid friendly Christmas* ***activities*** ‘Рождество не отменяется: Ковид-ориентированные рождественские мероприятия в Лондоне’ (thetab.com от 23.11.2020)*; The festive* ***events*** *going ahead in 2020* ‘Праздничные мероприятия, которые пройдут в 2020’ (livingetc.com от 21.10.2020).

Обобщая вышесказанное, необходимо упомянуть, что дискурс новогодних и рождественских развлечений хотя отчасти и схож по своей цели и тематике как на русском языке, так и на английском, все же имеет различия в содержании, тональности и лексических средствах ее экспликации. Англоязычные новостные заголовки, главным образом, повествуют о строгих ограничениях, отмене мероприятий и правилах, которых должны придерживаться все граждане, что правомерно выражается в большей степени негативной тональностью. В то время как в заголовках новостей русскоязычных изданий преобладает позитивная и нейтрально-позитивная тональность, так как они акцентируют свое внимание на различного рода мероприятиях, в которых жители страны смогут принять участие, не забывая о рекомендациях, позволяющих минимизировать риск заражения коронавирусной инфекцией. Данные отличия обусловлены разным подходом на государственном уровне Республики Беларусь и Англии к минимизации распространения коронавирусной инфекции, отношением двух национальных обществ к складывающейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тупикова, С. Е.* Категория тональности и уровни ее репрезентации в жанре светской хроники / С. Е. Тупикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4 (029). – С. 68.
2. *Карасик, В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
3. *Дементьев, В. В.* Фатические и информативные коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 34–44.
4. *Тупикова, С. Е.* Категории, концепты, тональность / С. Е. Тупикова // Вестн. ТГУ. Филология. – 2010. – Вып. 3 (83). – С. 267–268.
5. *Матвеева, Т. В.* Тональность / Т. В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной ; редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 549–552.

А. И. Дереченик (*Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы*)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МЕДИАДИСКУРСА

В статье рассматриваются различные научные подходы к определению содержания понятий *дискурс*, *медиадискурс*, *медиатекст*. Представлена их тесная взаимосвязь. Описаны ключевые вопросы соотношения и разграничения данных терминов, основные механизмы их взаимодействия. Особое внимание уделяется медиадискурсу и медиатексту. Раскрываются основные признаки данных понятий как составляющих информационного пространства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: текст; дискурс; медиалингвистика; медиадискурс; медиатекст.

The article discusses various scientific approaches to defining the content of the concepts of «discourse», «media discourse», «media text». Their close relationship is presented. The key issues of correlation and differentiation of these terms, the main mechanisms of their interaction are described. Particular attention in the article is paid to media discourse and media text. The main features of these concepts as components of the information space are revealed.

K e y w o r d s: text; discourse; medialinguistics; mediadiscourse; mediatext.

В современном обществе происходит приспособление всей системы культуры к активно развивающемуся глобальному информационному процессу. В данных обстоятельствах значимое место занимают средства массовой информации (СМИ), которые «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры» [1, с. 17]. Именно СМИ называют сегодня «четвертой властью», поскольку они оперативнее, мобильнее реагируют на события, происходящие в обществе. В XX веке язык СМИ стал рассматриваться внутри медиалингвистики, «предметом которой является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации» [2, с. 34]. В центре изучения данного научного направления находятся понятия *медиадискурс* и *медиатекст* как составляющие информационного процесса. По словам Т. Г. Добросклонской, «тексты массовой информации, или медиатексты являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объём речи в прочих сферах человеческой деятельности» [2, с. 5].

Цель данной статьи – проанализировать различные подходы исследователей к определению медиадискурса и медиатекста, выявить основные характеристики данных понятий.

Дискурс является базовым понятием современной научной парадигмы лингвистического знания. Исследованием дискурса и его типов в разные периоды развития языка занимались Н. Д. Арутюнова [3], Э. Бенвенист [4], В. Г. Борботько [5], Т. А. ван Дейк [6], В. И. Карасик [7] и др. Однако при достаточно большом количестве научных работ в этой области единого понимания данного явления пока не разработано. Это обусловлено тем, что дискурс – междисциплинарный объект, который оказался на стыке целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, литературоведение, социология, философия, психология, антропология и других. Как правило, разные научные школы по-своему трактуют дискурс.

В нашем исследовании под дискурсом мы понимаем «коммуникативный процесс последовательного упорядоченного обмена смысловыми единицами семиотической природы, отражающий конкретный обособленный фрагмент социальной реальности, совокупный результат этого процесса» [8, с. 219].

Современная теория дискурса начала складываться в самостоятельную область науки лишь в середине 60-х годов XX века. Однако попытки дать определение термину *дискурс* существовали и ранее. Так, во французском языке под словом *discourse* понимали диалогическую речь. Уже в XIX веке данный термин имел несколько значений: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция. В данных определениях прослеживается назревшая в науке потребность учитывать не только характеристики текста как такового, но и текста как «послания», адресованного кому-либо и выражающего коммуникативные потребности адресата и автора.

Обобщив различные определения дискурса, можно выделить три подхода к пониманию данного явления: коммуникативный (дискурс как вербальное общение), структурно-текстовый (дискурс как фрагмент текста, т.е. образование выше уровня предложения), социально-прагматический (дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения). Данные подходы позволяют сделать вывод о тройственной природе дискурса: один план данного явления обращен к типовым ситуациям общения, другой – собственно к тексту, третий – к процессам, происходящим в сознании участников общения.

В современной лингвистике вопрос определения понятия *дискурс* остается дискуссионным, однако во всех дефинициях он рассматривается как сложное языковое явление, которое включает в себя такие компоненты, как текст и речь, в неразрывной связи с экстралингвистическими факторами, необходимыми для порождения высказывания.

Особой разновидностью дискурса является медиадискурс. В современной лингвистике нет единого понимания и медиадискурса. Существует множество синонимичных наименований данного термина. Среди основных используются: *медиадискурс* (Т. Г. Добросклонская [2]), *массмедийный дискурс* (Н. Н. Панченко [9]), *медийный дискурс* (А. В. Кибрик [10]), *массово-информационный дискурс* (В. И. Карасик [7]), *дискурс массовой коммуникации* (Л. К. Граудина [11]), *дискурс массмедиа* (Е. И. Шейгал [12]) и другие.

В данной работе под медиадискурсом мы понимаем «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [13, л. 132].

Необходимо внести ясность в определения понятий *медиадискурс* и *медиатекст*.

В работе Е. А. Кожемякина [14] рассматриваются два подхода к определению понятия медиадискурса. Согласно первому, «медиадискурс – это специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключи-

тельно для информационного поля масс-медиа» [14, с. 13]. В этом понимании следует различать медиадискурс и другие самостоятельные типы дискурса, как, например, политический, религиозный, научный и т.д. Согласно второму подходу, «медиадискурс мыслится как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ» [14, с. 16]. При данном подходе медиадискурс трактуется как объединение различных типов соприкасающихся дискурсов и включает в себя элементы политического, экономического и других видов дискурса.

Среди основных признаков медиадискурса отмечают:

1) групповую соотнесенность (адресант разделяет взгляды своей группы);

2) публичность (открытость, ориентированность на массового адресата);

3) диссенсную ориентированность (создание противоречия с последующей дискуссией);

4) инсценированность и массовую направленность (воздействие на несколько групп одновременно [2, с. 27−40].

Медиадискурс реализуется в форме медиатекстов. Данный термин стал активно использоваться в 90-е гг. XX в. в работах зарубежных лингвистов (Т. А. ван Дейк [6]). Н. А. Кузьмина определяет медиатекст как «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [15, с. 13]. Развернутое определение медиатекста дает Я. Н. Засурский: «Медиатекст – новый коммуникационный продукт, который может быть включен в разные медийные структуры вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов, а также в разные медийные обстоятельства: газеты, журналы, радио, телевидение и т.д.» [16, с. 6]. Из данного определения следует, что медиатекст обладает сложной структурой, которая включает в себя единицы не только вербального уровня, но и графическое изображение, видео, аудиоматериал. Таким образом, «текст (в традиционном своем понимании) значительно расширяет свои границы внутри массмедийного пространства, выходит за рамки вербального уровня, приобретая при этом признаки многослойности, становясь не только последовательностью слов, но и цепочкой знаков любых других семиотических систем – графических, звуковых и т.д.» [2, с. 154].

Из вышеизложенного следует, что «текст – это сообщение, медиатекст – сообщение плюс канал, медиадискурс – сообщение со всеми прочими компонентами коммуникации» [2, с. 54]. Понятия текста, дискурса, медиатекста, медиадискурса тесно взаимосвязаны и имеют ряд схожих признаков. Если дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [2, с. 136], то медиадискурс − «речь, погруженная в жизнь и массмедийное пространство» [17, с. 53]. Н. А. Кузьмина выделяет следующие признаки медиатекста:

1) медийность;

2) массовость (изменение фигур автора и адресата: текст СМИ – чаще коллективный продукт, а адресат – массовая аудитория);

3) интегративность (поликодовость);

4) открытость (медиатекст обычно представляет собой структуру, которая свободна для дальнейшей интерпретации) [15, с. 13–16].

Следует отметить, что единой классификации медиатекстов в современной лингвистике не существует, так как отсутствует общий критерий, по которому можно распределить медиатексты на группы. С этим связано множество классификаций данного понятия. Так, Т. Г. Добросклонская [2] предлагает следующие критерии: а) способ производства текста (авторский – коллегиальный); б) форма воспроизведения (устная – письменная); в) форма создания (устная – письменная); г) канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение и др.); д) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика (features), рекламные тексты) [2, с. 5].

Таким образом, наличие в современной лингвистике многочисленных подходов к определению дискурса, медиадискурса свидетельствует о том, что данные понятия сегодня выступают одними из наиболее востребованных и актуальных. Дискурсивный подход особенно значимое место занимает в сфере массмедийных технологий, в которой люди создают и передают свои мысли, знания, ориентиры, убеждения, создавая свою картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моль, А.* Социодинамика культуры / А. Моль ; пер. с фр., вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова, С. Н. Плотникова. – 3-е изд., стереотип. − М. : ЛКИ, 2005. – 416 с.
2. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. − М. : Наука, 2008. − 264 с.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – С. 136–137.
4. *Бенвенист, Э.* Общая линвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
5. *Борботько, В. Г.* Принципы формирования дискурса / В. Г. Борботько. – М. : Либроком, 2011. – 288 с.
6. *Дейк, Т. А. ван.* Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. и ред. : В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
7. *Карасик, В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
8. *Сулина, О. В.* Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О. В. Сулина // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 217–222.
9. *Панченко, Н. Н.* Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Н. Панченко; Иркут. гос. лингвист. ун-т.– Иркутск, 2005. – 21 с.
10. *Кибрик, А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН. – М., 2003. – 90 л.

11. *Граудина, Л. К.* Культура русской речи : учеб. пособие для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : Норма-инфра, 1999. – 560 с.
12. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Шейгал ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. –431 л.
13. *Желтухина, М. Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Р. Желтухина ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН. – М., 2004. – 358 л.
14. *Кожемякин, Е. А.* Массмедиа и обратная связь: точка зрения социального конструкционизма / Е. А. Кожемякин. – Белгород : БелГУ, 2013. – 114 с.
15. *Кузьмина, Н. А.* Современный медиатекст : учеб. пособие / Н. А. Кузьмина. – М. : Флинта, 2013. – 416 с.
16. *Засурский, Я. Н.* Колонка редактора : медиатекст в контексте конвергенции / Я. Н. Засурский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3–6.
17. *Уварова, Е. А.* Медиатекст и медиадискурс : к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика.– 2015. – № 5. – С. 47–54.

О. А. Великая (*Минск, МГЛУ*)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В данной статье освещены основные вопросы, связанные с лингвистическими особенностями научно-технического текста. На базе немецкого языка выявлена специфика данного типа текста, перечислены некоторые характеристики немецкоязычного текста с точки зрения элементов, которые не имеют формального соответствия в языке перевода. Также рассмотрены возможные способы перевода терминологии и отмечены основные моменты, которые должны быть учтены при работе с данным типом текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научно–технический перевод; текст; научный стиль; термин; элементы языка; особенности перевода.

This article covers the main issues related to the linguistic features of the scientific and technical text. Based on the German language the main features of this type of text are named. Some characteristics of the German text are listed in terms of elements that don't have formal correspondence in the target language. Possible ways to translate the terminology are considered and the main points are named when working with this type of text.

K e y w o r d s: scientific and technical translation; text, scientific style; term; language elements; translation features.

Век информационного и технического бума не обходит стороной и развитие современной компьютерной лингвистики, включая и спецификацию научно-технического перевода и автоматической обработки текста. Налаживание международных связей, расширение обмена культурными и научно-техническими достижениями с зарубежными странами, изучение научного опыта современных и советских ученых – все эти факторы прямо определяют необходимость дальнейшего совершенствования научно-технического пере-

вода, позволяет глубже вникать в развитие зарубежной науки и техники и осуществлять обмен научно-технической информацией. В будущем это окажет огромное влияние на ускорение технического прогресса, подъем промышленности и улучшение организации производства.

Научно-технический текст обладает своей специфической, особой формой «бытия», которая отражается во всех аспектах языка. Каждый стиль это набор не только лингвистических характеристик, но и экстралингвистических особенностей, совокупность определенных характеристик культуры, народа, духа и времени, единство культурной организации. Стиль – выбор между многочисленными языковыми возможностями, отражение количественных особенностей, влияние особых грамматических правил, часть толкования текста.

К основным экстралингвистическим особенностям научно-технического текста относятся:

1) научная тематика текстов;

2) обобщенность, отвлеченность, абстрактность изложения, что достигается путем отбора специального лексического материала (значительное преобладание существительных над глаголами, использование общенаучных терминов и слов, определенные временные и личные формы глагола) и особых синтаксических конструкций (неопределенно-личные предложения, пассивные конструкции);

3) логичность изложения, которая прежде всего призвана обеспечить непротиворечивость и последовательность изложения: особые синтаксические конструкции и типичные средства межфразовой связи;

4) точность изложения, что достигается использованием однозначных выражений, терминов, слов с ясной лексико-семантической сочетаемостью;

5) доказательность изложения (рассуждения аргументируют научные гипотезы и положения);

6) объективность изложения, которая проявляется в анализе разных точек зрения на проблему, в сосредоточенности на предмете высказывания и отсутствии субъективизма при передаче содержания, в безличности языкового выражения;

7) насыщенность фактической информацией, что необходимо для доказательности и объективности изложения [2, с. 56].

Синтаксис немецкоязычного научно-технического текста в первую очередь отличается обилием сложных предложений и большим количеством вставных предложений (внутри главного). При переводе таких конструкций часто возникает опасность потерять смысловую нить, так как связанные по смыслу слова могут находиться в разных частях предложения.

Лексика в первую очередь представлена терминами и техническими словами, фразеологическими единицами глагольно-субстантивного характера, составными словами.

Со стороны грамматики – это многозначность грамматических форм и служебных слов, различные возможности выражения сказуемого, положение частей сказуемого в предложении.

При переводе данного типа текста следует обращать внимание на элементы языка, которые отсутствуют в той или иной языковой реалии. Здесь следует упомянуть наличие в немецкоязычном тексте некоторых элементов, не имеющих формального соответствия в языке перевода:

1) категория артикля (разница между определенным и неопределенным артиклями);
2) сложные времена (Perfekt, Plusquamperfekt, Futur i и ii);
3) неопределенно-личное местоимение *man*;
4) фиксированный порядок слов, рема–тема предложения;
5) конструкции с глаголом «*lassen* + infifnitiv».

Как отмечалось ранее, отличительной особенностью научно-технического текста является обилие терминов и общенаучных слов. Термин (лат. *terminus* ‘предел, граница, пограничный знак’) – это слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие, применяемое в науке, технике, искусстве [5]. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, а также однозначное понимание специалистами передаваемой информации. В качестве термина могут использоваться слова, которые имеют общеупотребительное значение [3, с. 10]. Например: *der Kopf* – 1) голова; 2) головка (винта и т.п); *das Bett* – 1) кровать; 2) станина; *der Körper* – 1) тело; 2) корпус (машины).

Можно выделить следующие способы перевода терминов: 1) калькирование, 2) дословный перевод термина, 3) нахождение переводческого эквивалента в другом языке, 4) описательный перевод.

Калькирование предполагает буквальный перевод термина, который обычно имеет место, когда переводимый термин интернационален. Перевод таких терминов не вызывает трудностей. Однако следует опасаться так называемых «ложных друзей» переводчика. Например: *die Daten* – не ‘даты’, а ‘данные’; *der Plast* – не ‘пласт’, а ‘пластмасса’; *der Tank* – не ‘танк’, а ‘бак’ [3, с. 9].

Суть дословного перехода, исходя из его же определения, заключается в дословном переводе термина или каждой его части (если слово составное). Например: *der Halbleiter* ‘полупроводник’; *die Kettenreaktion* ‘цепная реакция’ [2, с. 87].

Третий способ перевода терминов используется в том случае, когда переводимый термин одного языка соответствует специальному термину другого языка. Например: *das Erdöl* ‘нефть’; *die Drehbank* ‘токарный станок’ [2, с. 87].

Описательный перевод термина применяется в том случае, если термин невозможно перевести ни одним из выше указанных способов. При переводе описательным методом значение немецкого слова передается группой слов. Плюс такого способа – полное раскрытие явления, обозначенного термином. Минус – громоздкость описания, которая может влиять на качество перевода. Например: *der Schulterdeckel* ‘моноплан с высокорасположенным крылом’; *der Unterflurmotor* ‘двигатель, расположенный под полом кузова’ [3, с. 10].

Описательный перевод используется и для объяснения неологизмов. Новые термины могут не иметь соответствия в русском языке и могут быть не отражены в словарях. Следовательно, такие термины необходимо переводить, опираясь на контекст и на способы словообразования.

Характерным для немецкого научно-технического текста является большое количество составных слов – композит (Kompositum). Для того, чтобы корректно перевести сложное слово, следует сначала разложить его на составные компоненты и выделить главное слово и определяющее. В немецком языке главным словом всегда выступает последний элемент словосочетания, а стоящее перед ним слово определяет его (коннотативная и денотативная часть значения слова). Например: *der Brennstoff – brennen* ‘гореть’ + *der Stoff* ‘вещество’, т.е. ‘горючее’; *die Hochspannung – hoch* ‘высокий’ + *die Spannung* ‘напряжение’, т.е. ‘высокое напряжение’; *die Erdölverarbeitung – das Erdöl* ‘нефть’ + *die Verarbeitung* ‘переработка’, т.е. ‘переработка нефти’ [1, с. 86].

Рассматривая лексическую сторону языка научно-технической литературы, стоит подчеркнуть обилие «технических» глаголов или глагольно-субстантивных единиц, выступающих в качестве эквивалентов глаголов: *ausführen* ‘выполнять’, *einbauen* ‘встраивать’, *versehen* ‘оснащать’, *anbringen* ‘устанавливать’, *einstellen* ‘устанавливать’, *anordnen* ‘располагать’, *ermöglichen* ‘позволять’, а также сочетаний *zur Folge haben* ‘иметь последствия’, *Verwendung finden* ‘находить применение’, *zu Grunde liegen* ‘лежать в основе’ и др. [4, с. 29].

Глагольно-субстантивные единицы в таком случае выполняют функцию синонимов, цель которых заключается в избегании повторений одного и того же слова, так как это в значительной мере затрудняет восприятие текста.

В немецкоязычной научно-технической литературе часто используется Passiv (страдательный залог), который переводится формами на *-ся* или сочетанием глагола *быть* с причастием. Но в русском языке его можно перевести и другими способами, не исказив при этом содержания [1, с. 86]. Например: *Diese Methode* ***wurde*** *in der Stunde* ***betrachtet*** ‘Этот метод **рассматривался** на уроке’. ‘Этот метод **был рассмотрен** на уроке’. ‘Этот метод **рассматривали** на уроке’.

Немецкому научно-техническому стилю присущи личные формы глагола (*Wir sehen*… ‘Мы видим’, *Wir werden*… *erhöhen*… ‘Мы повысим’ и т.д.). В русском языке они переводятся безличной или неопределенно-личной формой [1, с. 86]. Например: ***Wir haben*** *verschiedene Anwendungsmöglichkeiten* ***vorgeschlagen***. ‘**Были предложены** различные способы применения’.

Таким образом, можно сказать, что специфика научно-технического перевода обусловлена прежде всего особенностями научно-технического текста в плане лексики, грамматики и стилистики, что вызывает немало трудностей при переводе данных типов текстов. Особенности перевода заключается прежде всего в поиске адекватного лексического эквивалента и грамматической конструкции для научно-технических терминов, что должно соответствовать объективности, компактности и логичности изложения.

Среди доминирующих средств научно-технического текста следует назвать термины, пассивные глагольные конструкции, сложные слова, глагольные формы настоящего времени, неопределенно-личные и безличные структуры, разнообразие синтаксических структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башкирова, О. А.* Трудности перевода немецкого научно-технического текста / О. А. Башкирова, Т. Н. Шарапова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2017. – № 9. – С. 85–88.
2. *Гончарова, Л. М.* Русский язык и культура речи : учеб. пособие / Л. М. Гончарова, О. Н. Лапшина; / под ред. О. Я. Гойхмана. – М., 2002. – 192 с.
3. *Дулиенко, Г. И.* Пособие по переводу немецкой научно-технической литературы : учеб. пособие / Г. И. Дулиенко. – М. : Высш. шк., 1977. – 192 с.
4. *Кашпер, А. И.* Перевод немецкой научно-технической литературы / А. И. Кашпер. – М. : Высш. шк. – 1964. – 277 с.
5. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm. – Дата доступа : 08.03.2021.

В. А. Павлюкевич (*Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы*)

МЕТАФОРА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматривается публичный дискурс и его роль в коммуникации, приемы и стилистические средства языка, используемые ораторами. Анализируются и классифицируются в соответствии с их типами метафоры, употребленные Опрой Уинфри в ее актовой речи, обращенной к выпускникам Гарварда. Изучается структура этих метафор, их способность раскрывать личность говорящего и участвовать в процессе концептуализации и формирования убеждений. Объясняется практическая польза данного анализа и потенциал таких исследований в области межкультурной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: публичный дискурс; актовая речь; метафоры; образные метафоры; развитые метафоры.

The article examines public discourse and its role in communication, the techniques and stylistic means of language used by speakers. The metaphors used by Oprah Winfrey in her speech dedicated to Harvard alumni are analyzed. The metaphors used are classified according to their types. The structure of these metaphors, their ability to reveal the personality of the speaker and participate in the process of conceptualization and formation of beliefs are studied. The practical use of this analysis and the potential of such research in the field of intercultural communication are explained.

K e y w o r d s: public discourse; commencement speech; metaphors; figurative metaphors; developed metaphors.

Публичный дискурс всегда остается неотъемлемой частью современной культурной повестки, пронизывающей практически все сферы жизни человека. Он фактически обладает властью над социальной реальностью, ее созданием и трансформацией в сознании людей. Любой потребитель текстов

и участник живой коммуникации вовлечен в процессы восприятия и осмысления, стоящие за дискурсом социальных ситуаций, что является одной из причин непреходящей актуальности его исследования. Он очень широк по своим составляющим, поэтому обратимся к такому его жанру, как *commencement speech*, или же напутственная речь.

Главная особенность жанра актовой речи – его цель. Данный феномен получил широкое распространение в странах Запада, где обращение к выпускникам учебных заведений стало традицией. Выпускников ждет начало нового этапа их жизни, что во многом являет собой пугающую неизвестность. В ходе актовой речи оратор дает заряд мотивации и вдохновения, делясь своим опытом. В поучительном ключе он повествует о тех уроках, которые преподала ему жизнь, тем самым направляя и давая своего рода наставление. Такие речи всегда насыщены средствами выразительности, в частности метафорами, и интересны с точки зрения неявного транслирования ценностей говорящего через метафоры.

В нынешних условиях считается само собой разумеющимся, что метафора важна и вездесуща для языка. Она больше не рассматривается как нарушение нормального словесного значения, а некоторые метафоры настолько неочевидны для носителей языка и настолько прочно вошли в нашу жизнь и понимание мира, что уже не мыслятся нами только в качестве средств выразительности языка. Это готовые концепты и символы, которые разделяются огромным количеством людей по всему миру [1; 2; 3]. Но, конечно, если бы метафора была чем-то настолько обыденным, она не вызывала бы такого интереса, и интерес этот уже давно выходит за рамки академических притязаний.

Материалом для нашего анализа послужила речь Опры Уинфри, посвященная выпуску студентов Гарварда в 2013 году [4]. В ней отражаются такие ценности, как взаимопомощь и благодетель, трудолюбие и благодарность, умение принимать свои ошибки, бесстрашие и приверженность цели.

Перед более детальным рассмотрением метафор, для удобства восприятия и анализа, самые интересные из них мы разделим на образные (яркие) и необразные (стертые) в соответствии с их структурой и способом образования. Образные метафоры несут идею, создают конкретную ассоциацию, а необразные более незаметны, они словно стерты, так что даже носители языка часто не воспринимают их как метафоры. Вот некоторые примеры необразных метафор: *Don’t expect the clarity to come all at once* ‘Не ожидайте, что понимание придет сразу’; *Failure is just life trying to move us in another direction* ‘Неудача – это лишь попытка жизни указать нам другое направление’; *I’ll be a vessel, so that the words will flow through me to you* ‘Я стану сосудом, чтобы слова лились от меня к вам’.

Здесь мы видим бытийную основу, однако трудно представить это в качестве полноценного образа, который сможет отражать личные ценности. Поэтому наибольший интерес в данном случае представляют образные метафоры, так как именно идейная составляющая будет проводником к раскрытию личностных качеств и видения мира оратора. Если говорить об их

структурной стороне, то встречаются и развитые метафоры, где один образ получает свое продолжение и раскрывается с разных сторон. Через цельные идеи и образы мы можем разглядеть отражение собственных взглядов говорящего. Поэтому именно на них сконцентрируем внимание далее.

Первая метафора подчеркивает важность и ценность добродетели для Опры: *The Angel's Network* 'Сеть ангелов'.

Во многих культурах ангелы – оплот добродетели и справедливости, широко известный религиозный символ защиты. Для более глубокого понимания того, о чем ведет речь Опра, следует узнать историю создания ее фонда.

«Сеть ангелов» Опры – ее благотворительный проект, который был создан, чтобы помогать людям и поддерживать различные гуманитарные инициативы. Под ангелами здесь она подразумевает всех тех людей, которые приложили свою руку к сбору средств для нуждающихся, тем самым сотворив добро и как бы покровительствуя тем, кто находится в трудном положении. Это те самые ключевые пункты, куда, как считает Опра, человеку стоит направлять свои усилия и посредством таких действий делать лучше не только мир вокруг, но и свою жизнь.

So this Angel Network, it didn't just change the lives of those who were helped, but the lives of those who also did the helping 'Таким образом, Сеть Ангелов изменила не только жизни тех, кому помогли, но и жизни тех, кто помогал'. Мы можем сделать вывод, что высшая сила для Опры – добродетель и взаимопомощь. Это мы видим и из контекста метафор: *The transcendent power of our better angels* 'Необыкновенная сила наших лучших ангелов'; *I have faith because of you, the network of angels sitting here today* 'Во мне есть вера благодаря вам, сети ангелов, находящихся здесь сегодня'.

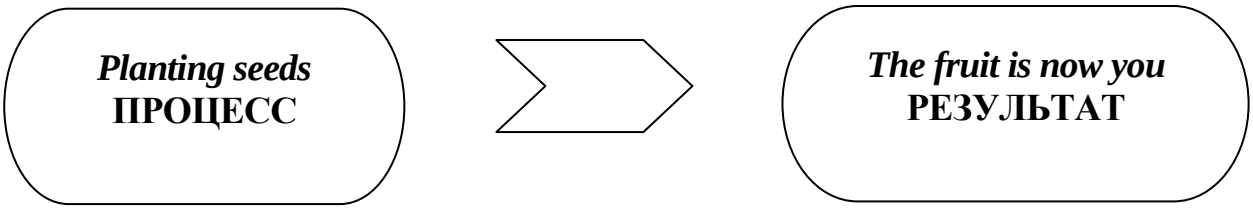
Следовательно, она гордится и восхищается сообществом этих людей, они дают ей веру в будущее. *So whether you call it soul or spirit or higher self, intelligence, there is I know this, there is a light inside each of you* 'Называете ли вы это душой, или духом, или высшим, разумом, я знаю – внутри каждого из вас есть свет'; 'Дух, разум – это внутренний свет'.

Оппозиция свету – тьма, в нашей культуре свет – хорошо, тьма – плохо. При свете мы способны увидеть верное направление, наметить путь, и соответственно в темноте это сделать значительно труднее или вовсе невозможно. Так же во многих культурах свет – визуальный символ радости, силы и благоденствия, иногда он символизирует солнце (луч, ясность) или знание (куда идти и как вести за собой, где свет – там и выход – «свет в конце тоннеля»), а тьма – гибель, конец чего-либо.

Эта метафора – отражение прошлого опыта и трудностей, через которые ей пришлось пройти. Внутренний свет привел ее к тому, что она имеет сейчас, и сделал ее тем, кем она сейчас является. Дух и разум в ее системе координат помогут удержаться на плаву при любом поражении. *The key to life is to develop an internal moral, emotional GPS* 'Жизнь – замок, который открывается ключом'. Близкая контекстуальная метафора – 'Моральные ценности и ориентиры – внутренний GPS'.

Первая метафора в этой связке говорит нам о том, что Опра видит жизнь как механизм замка, к которому необходимо подобрать свой ключ, чтобы он тебе открылся. Замком здесь также могут быть проблемы и трудности, с которыми нам приходится сталкиваться.

Для понимания второй части высказывания прежде всего нужно разобраться с тем, что представляет собой GPS-навигатор. Устройство определяет географические координаты в пространстве, благодаря чему вы можете построить маршрут и не затеряться в незнакомом месте. Следовательно, фиксируется наш бытовой опыт и переносится на ситуацию более абстрактного характера – потерю интуитивного указателя верного направления. Таким образом, наши моральные ценности и ориентиры в такой ситуации – отправная точка последующего движения, знак-указатель на неизвестном пути. *Planting seeds of the free that would bear the fruit that is now you* ‘Семена свободы дали свои плоды’. Это пример системной метафоры, где одно значение развивает другое значение. В последовательности это выглядит так:



Говоря о «посадке семян», Опра подразумевает огромные усилия, проделанные предыдущими поколениями для того, чтобы возможность качественного образования была доступна талантливым людям. Такое неравнодушие к будущему молодых людей во многом определено ее прошлым. Из биографии Опры известно, что детство и юность были достаточно тяжелым периодом ее жизни. Кому, как не ей, известно, что такое нищета и отсутствие возможностей для реализации. Это одна из причин, по которой ее путь к успеху и самоопределению был таким тернистым. *Constantly raising the bar and pushing yourself higher you’ll fall* ‘Высокие стандарты к самому себе, следование недостижимым идеалам – очень высокая планка, и постоянно поднимая ее – падение неизбежно’.

Здесь элементы высказывания также соотносятся друг с другом, представляя собой причину и следствие – бесконечно повышая планку, вы будете постоянно преодолевать себя, что рано или поздно приведет к поражению. Под падением метафорическим здесь подразумевается определенная неудача в каких-то начинаниях, а основой для сравнения будет падение физическое. *Mistakes are there to teach you* ‘Ошибки – наш учитель’. Это многим известная идея ошибок как учителя, где за основу для сравнения берется тот опыт и знания, который нам могут давать как наши ошибки, так и наши учителя. Опра связывает эти слова с определенным периодом ее жизни, когда она перестала преуспевать.

Такая идея помогла ей воспринимать стагнацию своей карьеры в какой-то момент как возможность переосмыслить свои действия и найти силы двигаться дальше. Эта и предыдущая метафора в принципе раскрывает ту же сторону личности Опры – на основе таких высказываний слушающие могут рассматривать ее как женщину, которая не боится совершить ошибку и не считает проигрыш чем-то постыдным.

Каждая из этих метафор – призма видения окружающей действительности такой, какой ее принимает для себя Опра. Все они – кирпичики системы убеждений и шестеренки механизмов восприятия оратора. Мы видим, что в публичной речи по метафорам можно изучать ценности конкретного человека.

Такие ораторы как Опра – яркие представители своего времени, на их примере отражаются ценности современного общества, поэтому их изучение так важно. Они могут оказывать влияние на людей, которые за ними наблюдают. Это актуально и для преподавания такой дисциплины, как межкультурная коммуникация. С одной стороны, мы сталкиваемся с глобализацией, что в определенном смысле стирает индивидуальные черты, с другой стороны, каждая известная личность представляет свое общество и часть культурной системы, к которой она принадлежит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова, С. В.* Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика / С. В. Иванова // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2017. – № 1. – С. 141–160.
2. *Лакофф, Д.* Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
3. *Маккормак, Э.* Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М., 1990.
4. *Уинфри, О.* Winfrey’s commencement address [Электронный ресурс] / О. Уинфри. – Режим доступа : https://news.harvard.edu/gazette/story/2013/05/winfreys-commencement-address/. – Дата доступа : 02.02.2021.

К. А. Семенович (*Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы*)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАПУТСТВЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается такая разновидность публичных выступлений, как напутственные речи, обращенные к выпускникам. Изучаются их происхождение, стилистические и прагматические особенности на примере англоязычных речей знаменитых людей. Отличительные четры данных речей заключаются в том, что они выражают наставления, пожелания, вдохновляют и мотивируют к стремлению к успехам. Также рассматривается кредо личности, как оно отражается в выступлении оратора и как формулируется в ключевых фразах или утверждениях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: актовая речь; кредо личности; актовый дискурс; личностное кредо; жанровые особенности.

Such a variety of public speeches as parting speeches to graduates is considered. Their origins, stylistic and pragmatic features are studied. The English-language speeches of famous people are taken as an example. The distinctive features of these speeches are aimed at motivation, teaching, inspiration, and striving for success. The credo of the individual is also considered, as it is reflected in the speaker's speech and as it is formulated in key phrases or statements.

K e y w o r d s: commencement speech; personal credo; assembly discourse; genre features.

Среди разнообразия уровней коммуникации публичная речь по праву может побороться за лидерство, являясь неотъемлемой частью нашей жизни, и поэтому была, есть и будет предметом изучения многих ученых. К одному из наиболее популярных жанров публичной публицистической речи относится и *напутственная речь*.

Так что же означает само слово *напутствие*? Толковые словари предлагают нам следующие варианты:

Толковый словарь С. А. Кузнецова:

НАП’УТСТВИЕ, напутствия, ср. (книж.). Слова, пожелания, с которыми провожают отправляющихся в путь. Обратиться к кому-нибудь с напутствием [1].

Толковый словарь В. И. Даля:

Напутствие, нап′утствие, -я, ср. (книжн.). Слова, пожелания отправляющемуся в путь, а также вообще поучение, советы на будущее. Н. отъезжающим. Доброе н. молодым. прил. Напутственный, -ая, -ое. Напутственное слово [2].

Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой:

Напутствие ср. Наставления, пожелания отправляющемуся в путь [3].

Напутственная речь появилась еще в далеких исторических традициях, когда родители, отправляя детей в «дорогу», благословляли их и произносили свое напутственное слово. Сегодня мы слышим напутственную речь от человека, которого мы уважаем: отец, старший брат, преподаватель, священник и т.д.

В американских университетских традициях есть такой жанр церемониальной напутственной речи, как актовая речь, в которой всегда содержится отражение современного оратору мира, главных вызовов настоящего времени, обзор насущных проблем не только для личности, но и для государства и мира в целом. Для данной речи, как правило, приглашают популярных людей, телеведущих, спортсменов, политиков, актеров и т.д.

Для одного понятия *напутственная речь* в английском языке существуют различные варианты перевода: *words of severance, commencement speech, commencement address, graduation speech, valedictory speech* и *baccalaureat sermon*. Все эти понятия синонимичны, но имеют свои особенности [4].

Например, *Words of severance* понимаются как слова при разрыве, *graduation speech* могут произносить не только приглашенные гости, но и преподаватели и даже сами ученики, а *valedictory speech* – это прощальная речь одного из самых лучших учеников.

Рассмотрим понятие *commencement speech*. В англоязычном лингвистическом дискурсе термин *commencement speech* (от глаг. *commence* ‘начинать’) буквально имеет значение ‘речь на начало (нового жизненного этапа, взрослой жизни)’ [5, с. 363]. Тот факт, что напутственная речь произносится во время получения диплома – переход на новый этап жизни студентов, – обусловлен целью вдохновить выпускников своими словами. В данной речи ораторы делятся своим опытом, историями из своей жизни. Прагматическая цель данного выступления – мотивация на будущее, стимулирование к чему-то великому в дальнейшем.

У каждого человека свое мировоззрение, и в каждой актовой речи выступающий высказывает свои мысли и личные убеждения, тем самым раскрывая себя, свою внутреннюю позицию. Все это люди отражают в своем кредо. Взгляд, принципы, философия, символ, образ мыслей, идеология, убеждение, видение, мировоззрение, правила, миропонимание – все эти слова можно соединить воедино и получить одно понятие – *кредо*.

Кредо (лат. *credo* ‘верю’) – это личные взгляды, ценности, вера человека в самого себя. Безусловно, в актовом дискурсе каждый говорящий выражает личностное кредо по-своему, например, короткой фразой или девизом: «Все, что ни делается в жизни, к лучшему». В католической церкви кредо – это символ веры. Можно сказать, что кредо – это основа, на которую мы «возлагаем» всю нашу жизнь. Для всех людей мира кредо будет разным, потому что ценности и цели тоже у всех разные. Не всем людям будет нравиться ваше кредо, а вам – их. Осознав свое личностное кредо, можно определить свой жизненный путь, по которому вы будете двигаться. Даже когда вы даете кому-то совет, вы анализируете, признавая что-то верным, а что-то – нет, проявляя при этом свою точку зрения [6].

В нашей работе исследуются напутственные речи, обращенные к американским выпускникам успешными и знаменитыми людьми. Рассмотрим характерные лингвостилистические и семантические свойства напутственной речи Джоан Роулинг и Эллен Дедженерес, обратив внимание на то, как проявляется в выступлениях их личная система убеждений.

Писательница, которая подарила миру настоящую магию и волшебство, – так называют Джоан Роулинг. В своей актовой речи, обращенной к выпускникам Гарвардского университета 2008 года, она рассказывала про себя, шутила, затрагивала серьезные вопросы. Джоан Роулинг говорила то, что сама хотела бы услышать на месте этих выпускников, и каким жизненным опытом она могла бы поделиться, назвав его «опытом, приобретенным за 21 год, разделяющий мой выпускной и сегодняшний день». Обращается писательница к своим слушателям достаточно открыто и дру-

желюбно, присутствует разговорная речь, которая добавляет простоты в ее выступление. Интонации оратора присущи умеренная скорость речи и спокойный, не повышенный или совсем тихий голос.

Писательница долго думала, как начать свою напутственную речь, и рассказала, что вспомнила свой выпускной, и актовая речь, началась с юмором: *Reflecting on her speech has helped me enormously in writing this one, because it turns out that I can't remember a single word she said* 'Размышления о её речи невероятно помогли мне в написании этой. Я поняла, что не помню ни слова из сказанного ею' [7].

Делясь своим личным опытом, рассказываешь о своих радостях или страхах, взлетах и падениях. Родители писательницы всегда надеялись на то, что она никогда не будет жить в бедности. *Poverty entails fear, and stress, and sometimes depression; it means a thousand petty humiliations and hardships. Climbing out of poverty by your own efforts, that is indeed something on which to pride yourself, but poverty itself is romanticized only by fools* 'Бедность влечет за собой страх, стресс, иногда депрессию. Бедность означает тысячи мелких унижений и лишений. Если удается выбраться из бедности благодаря собственным усилиям – это действительно то, чем можно гордиться. Но романтизировать бедность как таковую могут только дураки', – говорила она [7]. Однако Джоан боялась больше всего на свете не бедности, а неудачи. Она сравнивает страх неудачи со стремлением к успеху и считает, что это может стать движущей силой.

Неоднократно можно заметить метафору как одно из основных стилистических средств выразительности в дискурсе оратора: *That period of my life was a dark one, and I had no idea that there was going to be what the press has since represented as a kind of fairy tale resolution. I had no idea then how far the tunnel extended, and for a long time, any light at the end of it was a hope rather than a reality* 'Это был черный период моей жизни, и я никак не могла предположить, что это окажется сказкой с хорошим концом, как об этом теперь пишут в газетах. Я не представляла, какой длины этот темный туннель. И в течение долгого времени какой бы то ни было свет в конце был только светом надежды, а не действительностью' [7].

Также присутствуют сравнение: *adversity – knowledge, knowledge – true gift, imagination – power, power – magic*; эпитеты: *scribbled letters, as fragile as a child, life had been shattered by cruelty*; риторические вопросы: *You see?* 'Видите?', *So why do I talk about the benefits of failure?* 'Так почему же я говорю о преимуществах неудачи?' [7].

Кредо Дж. Роулинг, составляющее основную суть и видение всего высказывания, заключено в следующей фразе: *I am not dull enough to suppose that because you are young, gifted and well-educated, you have never known hardship or heartbreak. Talent and intelligence never yet inoculated anyone against the caprice of the Fates* 'Я не настолько наивна, чтобы предположить, что молодость, талант и образование спасут вас от трудностей или разбитого сердца. Ум и способности не способны уберечь от капризов судьбы'.

Главные слова и ценности, определяющие кредо: *усилия, гордость, старания, успех, знания, сила*. Стилистические средства: метафора, ирония, сравнения, риторические вопросы.

Прагматическая цель: вдохновить своих слушателей-выпускников на успех и стремление идти только вперед.

Напутственная речь Э. Дедженерес основана на рассказе о личных историях из жизни, о честности и об успехе. Это энергичная, веселая и простая девушка, поэтому ее напутственная речь была такая же. Начала ее телеведущая с игры слов: *Commencement: common, and cement, common cement (common* – общий, *cement* – цемент, *common cement* – общий цемент). Проводя параллели между этими двумя понятиями, Эллен сделала вывод, что если будет трещина, то в обоих случаях это будет плохо. Далее была игра слов вокруг слова *выпускники*: *I thought that you had to be a famous alumnus, alumini, aluminum, alumis* [7].

Интонации данного оратора присущи следующие характеристики: спокойствие, уверенность в себе, ирония, сдержанность, серьезность. Данная напутственная речь заставляет слушателей смеяться, сопереживать, она вдохновляет и привлекает внимание.

В жизни Э. Дедженерес были трагичные моменты, которыми она поделилась, рассказала о своих мыслях, переживаниях. Телеведущая дала советы, мотивировала выпускников, она говорила то, что сама хотела бы услышать. *Never follow anyone else's path, unless you're in the woods and you're lost and you see a path and by all means you should follow that* 'Никогда не идите по чужой дороге, если только вы не заблудились в лесу и не увидели дорогу, по которой непременно должны идти' [7]. Оратор пробуждает в своих слушателях желание жить собственной жизнью, придерживаться своего мнения, не смотреть на других и быть верным самому себе.

Рассмотрим стилистические приемы, используемые в речи Э. Дедженерес. Концептуальные метафоры: *to free myself up from this heaviness that I was carrying around* 'освобождение от этой тяжести, которую я носила с собой'; *Don't give advice, it will come back and bite you* 'Не давай советов, они вернутся и укусят тебя'. Риторические вопросы: *But why am I here today?* 'Но почему я здесь сегодня?'; *What else can happen to you?* 'Что еще может с тобой случиться?'. Сравнение: *Life – big Mardi Gras, bad time – angry time, life – passion – integrity.* Междометия: *Oh, so, Yah*. Идиомы: *no matter, broken heart* [7].

Эллен Дедженерес неоднократно подчеркивает, что неудачи всегда чему-то учат человека: *some of the most devastating things that happen to you will teach you the most* 'некоторые из самых разрушительных вещей, которые случаются с вами, научат вас больше всего'.

Кроме того, телеведущая говорит, что не надо стремиться к славе и деньгам, надо делать то, что нравится, и то, что хочется делать именно тебе. Она вселяет уверенность словами *все будет хорошо* и что каждый добьется успеха, главное – это быть собой.

На протяжении всего актового дискурса присутствовали юмор, простота, спокойствие, доверие. Поэтому завершила Э. Дедженерес свое выступление также с юмором: *I say congratulations and if you don't remember a thing I said today, remember this, you're going to be OK* 'Я поздравляю вас, и, если вы не помните ничего из того, что я сказала сегодня, помните это, с вами все будет хорошо' [7]. И добавила к этим словам фразу из популярной песни *just dance,* под которую начала танцевать, тем самым развеселив публику.

Кредо личности отражается в следующих высказываниях: *The most important thing is, is to be true to yourself. Ultimately, that's what's gotten me to this place* 'Самое главное – это быть верным себе. В конце концов, именно это и привело меня сюда'; *I don't live in fear, I'm free; I have no secrets and I know I'll always be OK, because no matter what, I know who I am* 'Я не живу в страхе, я свободна, у меня нет секретов, и я знаю, что всегда буду в порядке, потому что, несмотря ни на что, я знаю, кто я'; *For me, the most important thing in your life is to live your life with integrity and not to give into peer pressure to try to be something that you're not, to live your life as an honest and compassionate person, to contribute in some way* 'Я считаю, что самое главное в вашей жизни – это жить честно и не поддаваться давлению сверстников, чтобы пытаться быть тем, кем вы не являетесь, жить своей жизнью как честный и благородный человек, чтобы каким-то образом стать значимым' [7]. Определяющие темы и ценности кредо рассматриваемого оратора: уверенность, вера в себя, добро, сострадание, любовь, честность, целостность, миролюбие. Прагматическая функция вдохновить выпускников осуществляется через юмор, жизненный рассказ, серьезные размышления об откровенной истории.

Таким образом, проанализировав актовый дискурс Дж. Роулинг и Э. Дедженерес, можно уверенно говорить, что англоязычная напутственная речь может содержать многие стилистические средства, семантические и прагматические характеристики, выражать кредо, коммуникативную цель, быть не просто публичным выступлением, а отражением самого оратора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5. – Дата доступа : 24.03.2021.
2. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.slovardalja.net/dal.php – Дата доступа : 24.03.2021.
3. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/efremova/%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5. – Дата доступа : 24.03.2021.
4. *Чернова, С. В.* Классификация основных элементов композиционно-смысловой структуры жанра «Напутственная речь выпускникам» / С. В. Чернова. – М. : Филол. науки в МГИМО, 2016. – С. 181–191.

5. *Нуретдинова, А. Д.* Семантико-стилистические и прагматические особенности актовой речи как речевого жанра / А. Д. Нуретдинова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст., посвящ. 160-летию со дня рождения акад. Евфимия Федоровича Карского, 80-летию филол. ф-та Гродн. гос. ун-та. им. Я. Купалы : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. : Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2020. – Ч. 2. – С. 362–371.
6. *Красноперова, Ю. В.* О понятии «речевой жанр» в современной лингвистике [Электронный ресурс] / Ю. В. Красноперова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – Режим доступа : http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7894. – Дата доступа : 21.01.2021.
7. 10 вдохновляющих речей для выпускников [Электронный ресурс] / – Режим доступа : https://the-steppe.com/razvitie/sovety-vypusknikam-ot-dzhima-kerri-brodskogo-ellen-i-drugih. – Дата доступа : 26.03.2021.

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

Подсекция № 1

О. А. Артемова, А. В. Шведова (*Минск, МГЛУ*)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В БЕЛОРУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье представляются результаты сопоставительного анализа белорусских и английских фразеологизмов с эмотивным значением, раскрывается общее и специфическое в их семантике и образной составляющей. Универсальными характеристиками категории эмотивности в белорусской и английской фразеосистемах выступают ее антропоцентричность, манифестируемая образной связью белорусских и английских фразеологических единиц с соматизмами, и адъективно-процессуальный характер, проявляющийся в преобладании адъективных и глагольных фразеологизмов по сравнению с единицами других морфологических классов. Национально-культурное своеобразие проявляется в образной связи положительных эмоций с материальной составляющей в английской лингвокультуре и духовными ценностями в белорусском лингвосообществе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеологическая единица; эмотивность; метафора; национальная специфика.

The article presents the results of the comparative analysis of Belarusian and English phraseological units with the emotive meaning, general and specific features in their semantics and figurative component. The common characteristics of the category of emotivity in the Belarusian and English phraseological systems are its anthropocentricity, manifested by the connection of Belarusian and English phraseological units with somatisms and its adjectival, adverbial and procedural nature manifested by the predominance of adjectival and verbal classes of phraseological units in comparison with other morphological classes. The national and cultural specificity is manifested by the connection of the emotional component of the units with the material component in the English linguaculture and spiritual values in the Belarusian language.

K e y w o r d s: phraseological unit; emotiveness; metaphor; national specificity.

Развитие контрастивных исследований, активизация интереса к проблемам соотношения языка, культуры и мышления, расширение когнитивных, этнолингвистических направлений в современной лингвистике привели к значительному повышению внимания исследователей к проблеме национальной специфики языка и национальной картины мира, важным фрагментом которой выступают эмоции как особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний результаты деятельности индивидуума и его взаимоотношений с окружающим миром.

Ключом к изучению человеческих эмоций служит сам язык, который номинирует эмоции, выражает, описывает, категоризует и классифицирует их. Наиболее ярко национальная картина мира отражается в идиоматике языка,

поскольку фразеологический фонд определенного этноса является зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Несмотря на большое количество работ, посвященных сопоставительному анализу вербализации эмоций в разноструктурных языках, контрастивное исследование средств объективации эмоций в белорусском и английском языках остается малоизученной областью отечественного языкознания.

Объектом исследования выступили языковые средства реализации эмоций в белорусской и английской фразеосистемах. Предметом изучения стали особенности семантики и образной составляющей белорусских и английских фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих эмоции. Материалом для исследования послужили ФЕ, общим объемом 415 единиц – 190 русских и 225 английских фразеологических единиц, полученные методом сплошной выборки из фразеологических словарей белорусского и английского языков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Цель исследования – выявить средства вербализации эмоций в белорусской и английской фразеосистемах с определением общих и национально-специфических особенностей их семантики и образной составляющей.

Исследование проводилось в несколько этапов, на которых последовательно решались поставленные задачи.

Этап I. Выделение тематической группировки единиц в исходном языке и в языке сопоставления.

Шаг 1. Составление списка единиц в исходном языке. Отбор единиц осуществляется на основе принципа идентификации по ключевым словам-«маркёрам» в словарных дефинициях единиц, которые имеют в своем значении указание на эмоции.

Шаг 2. Составление списка единиц в языке сопоставления.

Шаг 3. Структурация семантических полей в исходном языке и языке сопоставления. Единицы исходного языка и языка сопоставления распределяются по микрополям, группам и подгруппам: микрополя «Положительных эмоций» с группами «удовольствия», «радости», «восторга», «нежности», «любви» и микрополя «Негативных эмоций» с группами «мести», «злости», «гнева», «страха», «тоски», «тревоги», «отчаяния».

Результаты этапа I: установлены объемы семантических корпусов ФЕ с семантикой эмоций исходного языка (190 белорусских единиц) и языка сопоставления (225 английских единиц), распределенных по группам.

Этап II. Компонентный анализ и описание значений единиц исходного языка и языка сопоставления методом анализа словарных дефиниций.

Шаг 1. Компонентный анализ единиц исходного языка в пределах выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций. Для описания и сопоставления значений единиц сопоставляемых языков необходимо рассмотреть их значение как интегральную структуру с компонентами разного объема. Подобные семные описания проводятся для всех эмотивных ФЕ исходного языка.

Шаг 2. Компонентный анализ единиц языка сопоставления в пределах выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций. Значения единиц подвергаются семному описанию с использованием словарных дефиниций толковых, лексических и фразеологических словарей.

Результаты этапа II: получены семные описания всех эмотивных ФЕ сопоставляемых языков.

Этап III. Выявление национально-специфических компонентов значений единиц исходного языка и языка сопоставления. На этом этапе в каждой контрастивной паре выявляются и описываются национально-специфические семы.

Результаты этапа III: выявление общих черт и национально-специфических особенностей репрезентации эмотивности в семантике единиц сопоставляемых языков.

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

Категория эмотивности в белорусской и английской фразеосистемах имеет полицентрический характер и конституируется двумя микрополями: «Положительные эмоции» и «Отрицательные эмоции».

Положительные эмоции представлены фразеосемантическими группами «удовольствия», «радости», «восторга», «любви», «симпатии» и «нежности».

Удовольствие и радость в сопоставляемых языках ассоциируется с воздушной стихией (*у надхмар'і лунаць, to walk on air*) и розовым цветом (*глядзець праз ружовыя акуляры, look through rose tinted spectacles / rose-coloured glasses*). Однако в английской фразеологии в отличие от белорусской фразеосистемы образной основой радости выступает высокий социальный статус (*happy as a king*), обладание материальными благами (*feel like a milion dollars*) и нахождение в комфортных условиях окружающей среды (*warm the cockles of one's heart*).

Белорусские и английские фразеологизмы со значением любви, симпатии и нежности передают развитие этой эмоции от увлечения (*на сэрцы, to pay court to smb*), переходящего во влюбленность (*на вушы закахацца, to fall in love*), до глубокой привязанности (*аддаваць сэрца, to have a crush on someone*).

Однако в английском языковом сознании в отличие от белорусского любовь образно связана с представителями фауны (*puppy's love* 'страстная любовь, слепое увлечение'), нарушением функционирования организма (*blind love* 'слепая любовь') и стихией огня как символа непостоянства этого чувства и его изменчивости (*on fire* 'охваченный сильным чувством'). В белорусском языке в отличие от английского образной основой ФЕ с семантикой любви выступает мортальная метафора (*кахаць да труны*).

Микрополя отрицательных эмоций конституируются семантическими группами «гнева», «мести», «злости», «страха», «горя», «тоски» и «отчаяния». Эмоции гнева, мести, злости ассоциируются с гранью, которую индивидуум должен перейти в подобном эмоциональном состоянии (*дасягнуць пункту кіпення* и *reach the boiling point*).

Эмоция страха, репрезентируемая ФЕ сопоставляемых языков, образно связана с физиологическими проявлениями этого чувства, что обусловлено универсальностью физиологических проявлений страха (*калені дрыжаць, knees shake*).

Белорусские и английские фразеологизмы с семантикой тоски и печали базируются на телесной (*з паніклай галавой*, *one's neck adroop*), сенсорной (*камнем на сэрцы ляжаць, lie heavy at one's heart*), ориентационной (*падаць духам*, *be down in the dumps*), зооморфной (*на сэрцы кошкі скрабуць, a sad dog*), натурморфной (*хадзіць як хмара, a cloud on one's brow*) метафорах. Образной основой ФЕ с семантикой тревоги и отчаяния в сопоставляемых языках выступает антропоморфная метафора (*галава баліць, keep one's ear to the ground*).

Национальной специфической особенностью выражения тоски в английской фразеологии выступает символика черного цвета (*black dog* 'уныние, тоска'). В белорусском языке отчаяние и тоска образно связаны с христианскими ценностями (*зацюканы апостал*).

Универсальными характеристиками категории эмотивности в белорусской и английской фразеосистемах выступают ее антропоцентричность и адъективно-процессуальный характер. Антропоцентричность манифестируется образной связью эмотивных белорусских и английских ФЕ с соматизмами – номинациями элементов строения тела человека *(чорна ў роце, one's heart jumped*).

Адъективно-процессуальный характер проявляется в преобладании призначных (*happy as a flea in a doghouse, як у ваду апушчаны*) и глагольных (*браць да сэрца, tread on air*) белорусских и английских эмотивных ФЕ по сравнению с единицами других морфологических классов.

Национально-специфические черты репрезентации категории эмотивности в белорусской и английской фразеосистемах проявляются в лингвокультурном и социокультурном аспектах. Лингвокультурные несовпадения детерминируются христианизацией эмоций белорусами (*ёсць бог на свеце, божа літасцівы, як у бога за дзвярыма*), о чем свидетельствуют лексемы с семантикой христианских реалий *бог, божа, душа*, *апостал*, *той свет*, *белы свет, ладан*, *чорт*. Социокультурная специфика проявляется образной связью положительных эмоций с материальной составляющей в английской лингвокультуре *(feel like a milion dollars, roll in it money*) и значимостью духовных ценностей для носителей белорусского языка (*душа не на месцы, душа ные, душа разрываецца*).

На основе выявленной семантической структуры белорусского и английского полей эмоций была разработана макро- и микроструктура идеографического белорусско-английского словаря фразеологизмов с эмотивной семантикой. Макроструктура словаря состоит из таксона ЭМОЦИИ и 11 подтаксонов, сопоставительный анализ продуктивности которых показал тенденцию к их локализации на отрицательном полюсе в белорусском и английском фразеофондах.

Микроструктуру словаря представляет словарная статья с грамматическим, семантическим и функционально-стилистическим описанием белорусской ФЕ, ее англоязычными фразеологическими эквивалентами, иллюстративными примерами употребления белорусской ФЕ и ее английских соответствий:

ТУЗАЦЬ НЕРВЫ.

Незак. Разм. Неадабр.

Ужыв. пры дзейн. са знач. асобы ці абстр. прадмета. Моцна хвалявацца, раздражняцца, злавацца.

Сін.: *рваць нервы; рваць сабе душу.*

=get on one's nerves

Гаспадар з мяне не выйшаў: кінуў, брат, зямлю сваю, —
досыць з ёю ***нервы тузаў*** (К. Крапіва).

Stop whining. You're ***getting on my nerves***.

'Перастань ныць. Ты **тузаеш** мне **нервы**'

Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке теории фразеологических универсалий; в лексикографической практике при составлении переводных идеографических белорусско-английских и англо-белорусских словарей; при написании учебников по сравнительно-сопоставительной лексикологии и фразеологии белорусского и английском языков; при создании учебных пособий по компаративной лингвистике; в теории и практике переводоведения; при преподавании английского языка и белорусского языка как иностранного в вузах, колледжах, лицеях, школах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксамітаў, А. С.* Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
2. *Дубровин, М. И.* Большой русско-английский словарь [Электронный ресурс] / М. И. Дубровин. – 2011. – Режим доступа : http://www.classes.ru/ dictionary-russian-english-universal-term-55159.htm. – Дата доступа : 12.12.2011.
3. *Кунин, А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 2005. – 1224 с.
4. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2008.
5. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2004. – 443 с.
6. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.
7. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер [и др.]. – М. : Рус. яз., 1995. – 880 с.
8. *Ammer, C.* The American Heritage / C. Ammer // Dictionary of Idioms [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access : http://idioms.the freedictionary.com. – Date of access : 14.10.2011.
9. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : http://www.cambridge.org/dictionary/british. – Date of access : 05.05.2010.

Ю. В. Бекреева (*Минск, МГЛУ*)

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА В ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ

Статья посвящена выявлению социальных признаков субъекта, закрепленных в семантике английских глаголов. Данные признаки включены в импликациональную составляющую глагольного значения как часть знания о способности субъекта к исполнению обозначаемого действия и связаны с интенсионалом через семантический компонент способа действия. Социальная маркированность семантических признаков в значении глагола определяется в контексте модели содержания стереотипов по компонентам социальной перцепции – компетентности и теплоты. Социально маркированные признаки субъекта указывают на деструктивное и (реже) конструктивное отношение к другим, силу и аффективные эмоциональные состояния, интеллектуальные способности, волитивность, отношение к труду. В значении глаголов, образованных по конверсии от наименований профессий и терминов родства, обнаружены импликациональные семантические признаки, отражающие стереотипные представления о субъекте действия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексическое значение глагола; импликационал; субъект; социальный признак; модель содержания стереотипов; отыменный глагол; номинации профессий.

The article is dedicated to identifying the social characteristics of the subject (the doer of an action), incorporated in the semantics of English verbs. Socially-marked semantic features are part of implicational verb meaning as certain knowledge about the subject's ability to perform the denoted action. They are associated with the intensional through the semantic component “manner of action”. A stereotype content model with its two components of social perception – competence and warmth – is taken as the basis for categorizing socially-marked semantic features in verb meaning. The survey shows that these features indicate destructive and (less often) constructive attitude of the subject towards others, the subject’s strength and affective emotional states, intellectual abilities, volitionalism, attitude to work. In the meaning of verbs that are formed by conversion from the names of professions and terms of kinship, certain implicational semantic features reflect stereotypical assumptions about the subject.

K e y w o r d s: lexical meaning of a verb; implicational; subject; social feature; stereotype content model; denominal verb; names of profession.

В основе значения глагольного слова лежит когнитивная структура пропозиционального типа, представляющая знание о ситуации, событии, положении дел. Субъект – носитель и источник процессуального признака – является обязательным концептуальным элементом пропозиции. Социальные характеристики как часть знания о субъектах ситуации находят отражение в определенных глагольных лексемах, в значении которых категориальный семантический компонент (‘действие’) конкретизирован компонентом способа действия. Субъект характеризуется определенными функционально значимыми признаками, которые влияют на степень интенсивности, направление и область распространения действия. В данной статье мы рассмотрим, какие социальные характеристики субъекта оказываются релевантными для обозначения действия и, как следствие, закрепленными в значении английского глагола.

Социальный компонент как часть языкового выражения подробно анализируется в работах Л. П. Крысина [1] и В. И. Карасика [2]. На материале русской лексики Л. П. Крысин устанавливает асимметричные ролевые отношения (выше–ниже), выраженные в семантике глаголов как элементы актантной рамки (валентности), так, например, глагол *даровать* в отличие от глагола *дарить* определяет вышестоящее социальное положение субъекта по отношению к другому участнику ситуации [1, с. 437–439]. В. И. Карасик приводит аналогичный анализ английских глаголов, в которых конкретизирован социальный статус участников обозначаемой ситуации. Например, *declare* ‘объявлять’, *extradite* ‘экстрадировать’, *confiscate* ‘конфисковывать’ предполагают действия официального лица, вышестоящего по статусу; глаголы *beg* ‘умолять’, *pray* ‘молиться’ указывают на подчинительное положение субъекта действия [2, с. 104–109].

Отдельного внимания заслуживает исследование глаголов как лингвистических маркеров агентивности, выполненное международной группой ученых М. Форманович, Дж. Роессел, К. Суитнер и А. Маас [3]. Авторы рассматривают понятие агентивности глагола в социологическом аспекте как один из двух компонентов социальной перцепции, который участвует в формировании стереотипов. Агентивность, выражаемая глаголом, определяет степень так называемой компетентности (*competence* в рамках модели содержания стереотипа – это оценка другого с точки зрения способности: «способен помочь или навредить»). Мы полагаем, что и второй компонент социальной перцепции ‘теплота’ (‘warmth’ – оценка другого с позиции отношения и доверия «дружественный или враждебный») находит отражение в импликациональной части значения глаголов. Продолжая данную линию исследования, мы обращаемся к анализу компонентой структуры лексического значения глаголов с целью определить признаки социальной компетентности и теплоты субъекта обозначаемого действия. Исследование проводилось на материале словарных статей лексикографического ресурса the Free Dictionary, в котором представлен целый ряд авторитетных словарей английского языка [4].

Деструктивное отношение субъекта («способность навредить») инкорпорировано в содержании сем, конкретизирующих интенсивность действия в структуре значения глагольной лексемы: ‘сильно, с силой’ (*forcibly, with force, with strength*), ‘яростно’ (*severely, violently, fiercely, wildly*), ‘грубо, жестко’ (*harshly, roughly*). Например, при трансформации определения ‘to attack violently’ глагола *assail* ‘нападать’ выделяется субъектный признак. Принадлежность семантического признака к концептуальной сфере субъекта подтверждает трансформация конкретизатора: ‘of a violent [somebody]’. Семантический признак ‘яростный’ представляет характеристику лица – человека, проявляющего агрессивное отношение к другим лицам или обстоятельствам ситуации. Одновременно сема ‘violent’ (‘сильный, интенсивный’) указывает на интенсивность действия. Корреляция сем интенсивности действия с признаками деструктивного отношения субъекта прослеживается во вторичных значениях глаголов. Например, глагол *bash* в первичном

значении обозначает ‘сильно бить, ударять’ (‘to strike hard’), а во вторичном значении определяет межличностные отношения: ‘сурово критиковать, нападать’ (‘to criticize severely, harshly’).

Отношение субъекта к участникам или обстоятельствам ситуации (измерение теплоты) раскрывается в семах, которые напрямую указывают на психоэмоциональное состояние исполнителя действия. В английском лексиконе представлена достаточно большая группа глаголов со значением ‘насилие’ (*abuse* ‘злоупотреблять, оскорблять’, *kill* ‘убивать’, *maul* ‘терзать, жестоко избивать’ *rape* ‘насиловать’, *torture* ‘пытать, мучить’ и др.). В импликационал данных глаголов включены такие характеристики субъекта, как «агрессивный», «жестокий», «злой», «беспощадный», «безжалостный».

Глаголы, отражающие конструктивное отношение субъекта к участникам ситуации, не так многочисленны по сравнению с номинациями деструктивных действий. Например, глагол *caress* ‘ласкать’ включает сему способа действия ‘с любовью’ (*lovingly*); глагол *welcome* ‘приветствовать’ имплицирует дружелюбное, вежливое отношение субъекта (*in a friendly, polite manner*).

Волитивность (способность действовать сообразно своему желанию) и отношение к труду как показатели компетентности субъекта раскрываются в семах способа действия ‘упорно, упрямо’ (*stubbornly, instantly*), ‘небрежно’ (*carelessly, in a casual manner*), ‘лениво’ (*idle, lazily, in a lazy manner*), ‘свободно’ (*freely, leisurely*), ‘трудолюбиво’ (*laboriously*), ‘умело’ (*with skill, skillfully*).

Связь с социальными стереотипами прослеживается в лексическом значении английских глаголов, образованных по конверсии от агентивных имен существительных (наименований профессий, терминов родства). Результатом словообразовательного процесса является морфосемантическая инкорпорация субъекта, т.е. закрепление информации о первичном субъекте в морфемной структуре и в структуре значения глагола. Мы используем понятие *первичный субъект*, чтобы идентифицировать деятеля, обозначенного словообразовательной базой. В узуальных предложениях-высказываниях отыменный глагол сочетается с семантическим субъектом, который не дублирует его корневую морфему.

Модель конверсии «агенс → действие» включает в себя метафорический перенос, когда первичный субъект, выраженный мотивирующим существительным, сравнивается с новым субъектом, занимающим левостороннюю актантную позицию при глаголе-предикате, в аспекте компетентности (т.е. способности к действию) по манере или поведению. Дефиниционный анализ выявил два способа представления первичного субъекта в значении глагола:

1) прямое указание, например, *to tinker* ‘чинить’: ‘to mend (pots or pans) **as a tinker**’;

2) косвенное указание через признаки, приписываемые субъекту, например, в значении *to herald* ‘провозглашать’ представлен компонент способа действия ‘с энтузиазмом’: ‘to proclaim, especially **with enthusiasm**’. Первое представление предполагает операцию аналогии между первичным субъектом и реальным исполнителем описанного действия в речевом акте

на основе идентичности морфологической формы производного глагола и номинации агенса. В речевом акте говорящий или слушающий решает, основано ли сходство на идентичном категориальном признаке (отнесение к одной и той же профессии) или на других атрибутивных признаках (обычно схожая манера действия, раскрывающая определенные личные характеристики). Косвенный способ указания на субъект – это эксплицированный результат определенных стереотипных представлений о социальной роли первичного субъекта.

Производные отношения между мотивирующим существительным и производным глаголом основаны на пропозициональной модели: Субъект выполняет [обычное, типичное] Действие. В значении существительного профилирован пропозициональный компонент Субъект: лицо классифицируется в соответствии с действиями/деятельностью, которые являются частью определенной профессии или социальной роли. В отыменном глаголе категориальным семантическим компонентом выступает процессуальный признак субъекта.

Выбор действий, которые должны быть профилированы при транспозиции, зависит от стереотипных представлений носителей языка об определенной профессии. В частности, у медсестры несколько обязанностей и она выполняет разные профессиональные действия, но только деятельность «ухаживать» рассматривается как типичная и кодируется в значении лексемы *to nurse* ‘ухаживать (за больными)’ (‘to tend (the sick)’). В импликациональной части лексемы содержатся признаки ‘нежный’, ‘заботливый’, которые отражают показатель теплоты в стереотипном образе медсестры. Эти признаки актуализированы во вторичных значениях глагола: *nurse 2* ‘бережно, заботливо держать’, *nurse 3* ‘лечить травму, обращаясь с ней осторожно и бережно’, *nurse 4* ‘лелеять, бережно вынашивать (идею, план и под.)’.

Итак, многозначность отыменных глаголов сохраняет свою специфику – импликацию образа первичного субъекта, обозначенного значением мотивирующего существительного. Например, в дефиниции глагола *jockey* ‘ехать верхом; маневрировать’ представлено развернутое определение вторичного значения: ‘to try to obtain an advantage by manoeuvring, especially literally in a race or metaphorically, as in a struggle for power’. На основе данного определения мы можем выделить два лексико-семантических варианта (ЛСВ) значения:

ЛСВ 1 ‘маневрировать в гонке на лошади’;

ЛСВ 2 (метафорическое) ‘маневрировать с целью достижения некоторого преимущества в определенной сфере (например, в борьбе за власть)’.

Вторичное значение глагола *jockey* было образовано самостоятельно, в рамках глагольной семантической деривации, поскольку в системном значении существительного *jockey* не выделен вариант метафорического именования. Исполнитель действия, обозначенный переносным ЛСВ, сохраняет связь с первичным субъектом *jockey* ‘жокей’ по признакам социальной компетентности, которые включены в стереотипный образ данных представителей профессии: способность контролировать действие, настойчивость, целеустремленность.

В таблице представлены признаки социальных стереотипов, которые мы обнаружили при компонентном анализе значения глаголов, образованных от наименований профессий и терминов родства.

Компонентный анализ значения глаголов,
образованных от наименований профессий и терминов родства

Глагол	Первичный субъект	Стереотипные признаки субъекта
advocate	адвокат	пристрастный, с активной позицией
butcher	мясник	жестокий, беспощадный
doctor	доктор	знающий, умелый, искусный, корыстный
engineer	инженер	знающий, умелый, искусный
father	отец	опытный, покровительствующий, первый
herald	глашатай	воодушевленный, с активной позицией
jockey	жокей	предприимчивый, целеустремленный
marshal	маршал	дисциплинированный, волевой
mother	мама	заботливый, нежный, внимательный
nurse	няня, медсестра	внимательный, заботливый
police	полиция	строгий, властный, внимательный
referee	спортивный судья	беспристрастный, справедливый
shepherd	пастух	внимательный, заботливый
soldier	солдат	упорный, упрямый, стойкий
tinker	лудильщик	изобретательный, несерьезный, самоучка
usher	швейцар	обходительный, вежливый, услужливый

Итак, в глагольном значении находит отражение типизация социальных характеристик человека, проявляемых в ситуации действия. Конкретизатор «способ действия» в составе глагольной дефиниции экстраполирует связь глагольного импликационала, к которому относится семантический компонент ‘субъект’, и интенсионала, включающего признаки действия. Релевантные признаки субъекта, включенные в глагольное значение, обнаруживают корреляцию с компонентами компетенции и теплоты социальной модели содержания стереотипа. В глаголах, образованных по конверсии от наименований профессии или терминов родства, закреплены стереотипные представления о социальной роли, которые актуализируются на функциональном уровне глагола в сочетании с субъектными актантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крысин, Л. П.* Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 889 с.

2. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, Волгогр. пед. инс-т,1991. – 495 с.
3. Verbs as linguistic markers of social agency – The social side of grammar / M. Formanowicz [et al.] // European Journal of Social Psychology. – 2017. – Vol. 47, Iss. 5. – P. 566–579.
4. The Free Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http:// thefreedictionary.com. – Date of access : 03.11.2020.

М. Г. Богова, Э. Т. Гумерова (*Минск, МГЛУ*)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ

Статья посвящена рассмотрению топонимических пространственных объектов, в названиях которых прослеживается связь с политикой. Сделана попытка комплексного описания условий их формирования и преобразования, воздействующих сил, места в структуре политической символики. Предложена классификация на топонимы-этикетки, названия-гибриды с определенными словами, антропонимы и топонимы-идеологемы. Политические топонимы часто выступают не только как символ власти конкретных лидеров страны в конкретный период, но и отражают идеологию и доминирующие культурные ценности.
К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимы, политические топонимы, антропотопонимы, топонимы-идеологемы, мотивированность и символика топонимов.

The article considers toponymic spatial objects with denominations having reference to politics. An attempt is made to comprehensively describe the conditions for their formation and transformation, impact forces, and their place in the political symbolism structure. Political toponyms are classified into toponyms-labels, hybrid names containing certain words, anthroponyms and toponyms-ideologemes. They often act as symbols of leaders' power in a country at a particular time, they reflect ideology and dominant cultural values.
K e y w o r d s: toponyms, political toponyms, anthropotoponyms, toponyms-ideologemes, motivation and symbolism of place names

Топонимия любой местности является специфической мозаичной системой, состоящей из компонентов разного генезиса с различными сроками функционирования. Среди факторов, влияющих на процесс ее формирования и развития, прослеживаются три главных: лингвистический, географический и исторический. Значительная часть топонимов мотивирована политическими причинами.

Топóнимами называют онимы, т.е. имена собственные, обозначающие наименования земных объектов как природных, так и созданных людьми. Если в названиях прослеживается связь с политикой, можно использовать термин *политические топонимы*. Д. А. Роговцов дает им следующее определение: «...географические названия, которые возникают в результате становления и развития политической системы определенного государства» [1, с. 157].

Политическая топонимия формируется в ходе конкретных исторических периодов; изменения происходят в результате различных политических про-

цессов. Политические топонимы можно рассматривать как своеобразный ключ, придающий географическим объектам на карте политический смысл и значение. Они являются неотъемлемым элементом топонимической системы любой страны.

На политическую топонимию значительное влияние оказывают происходящие в социуме процессы. Изменения в общественном сознании и идеологии трансформируют знаково-символическую организацию политического пространства и приводят к модификации политической топонимики, содержащей идеологическую нагрузку определенного временного периода. Как правило, новые топонимы появляются в связи с изменениями в политической системе государства. Рассмотрение пласта политической топонимии дает возможность изучить влияние и распространение различных политических учений и идеологий в обществе на протяжении конкретных временных периодов.

Политическая топонимика входит в структуру политической символики и представляет собой коллективное наследие, способное появляться, исчезать либо возрождаться при различных социально-экономических и политических условиях. Особенно интенсивно этот процесс протекает в период существующих преобразований в социуме. Таким образом, политическая топонимика обладает всеми качественными характеристиками знаково-символического комплекса, задействованного в системе политических отношений. В ходе различных общественных событий и изменений происходит трансформация общественного сознания, сопровождающаяся сменой политических символов и топонимов.

В качестве примера идеологической экспансии европейских держав и распространения христианства в период Великих географических открытий можно привести названия новых географических объектов и поселений, основанных европейскими колонизаторами. Внедряя свою систему топонимов, они искореняли прежние национальные географические названия. Легко прослеживается их политическая мотивации: новая номинация закрепляет принадлежность того или иного региона конкретному государству. Экономическое, военное, политическое и религиозное господство европейцев и христианства над коренными народами проявлялось в существовании большого количества религиозно-культовых названий в честь католических святых и праздников.

В качестве другого примера можно привести изменение топонимии в результате побед национально-освободительных движений в середине XX века в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Провозглашение новых независимых государств потребовало (а) отречения от колониальных топонимов-этикеток, напр.: *Британский Гондурас, Бельгийское Конго, Нидерландская Ост-Индия, Португальская Гвинея, Французская Западная Африка;* (б) отказа от названий-гибридов со словом *land*: *Басутоленд, Бечуаналенд, Ньясаленд;* (в) отрешения от антротопонимов и имен политических деятелей. Приведем в пример переименование в 1910 г. *Южно-*

Африканского Союза в *Северную Родезию* и *Южную Родезию* по имени организатора английской колониальной экспансии в Южной Африке Сесила Родса, позже получивших название *Замбия* и *Зимбабве.*

Характерный пример – *Демократическая Республика Конго* (от имени реки *Конго,* в переводе ‘большая река’) была переименована диктатором Мобуту Сесе Секо в *Республику Заир* (искаженное португальцами название той же реки на местных языках – *Нзари, Мванза)*. Это название, просуществовавшее с 1971 по 1997 г., кажется на первый взгляд идеологически нейтральным, т.к. является локальным. Однако в него было вложено новое политическое содержание – идеологема, т.е. элемент идеологической системы, подчеркивающий связь между новым политическим лидером и другим официальным названием государства. Последующие лидеры страны, используя свою идеологему, в 1997 г. вернули ее прежнее название [2].

Политическое топонимическое символотворчество было распространено и в СССР. В стране появился огромный пласт топонимов, тесно связанных с советской политической идеологией. В лексико-семантической структуре можно выделить две основные категории названий: политические антропотопонимы, такие, как *Ленинград, Сталинград, Свердловск, Калинин* и т.д., и топонимы-идеологемы, напр.: *Красная Заря, Краснозвездная, Светлый Путь, Октябрьский, пик Коммунизма* и др.

Этот процесс отразился и на белорусской национальной топонимической системе. Только за период с 1918 по 1974 г. было переименовано около 500 населенных пунктов. В 1964 г. около половины из переименованных населенных пунктов получили названия в честь деятелей советского правительства [3]. Были уничтожены многие топонимы, отражающие национальные особенности, обусловленные историческими факторами, напр.: на Бобруйщине название д. *Корчма* поменяли на *Дачное*; д. *Урода* в Лепельском районе стала *Заозерной*. Новые названия теряли национальную окраску, только в Минске можно найти десятки таких улиц, как *Ангарская, Есенинская, Иркутская, Советская* и т.п. Закономерно, что в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века образовалось общественное движение, главной целью которого стало восстановление исторической топонимики. В результате в России были возвращены некоторые исторические названия: Бывший г. *Брежнев* стал г. *Набережные Челны*, г. *Андропов – Рыбинском*, г. *Устинов – Ижевском* и т.д.

Национальным ландшафтом называют сложный гетерогенный комплекс, обладающий типичными чертами природы и традиционного хозяйственного использования территории, содержащий элементы этнокультурного, сакрального и историко-культурного наследия, требующий конкретных мероприятий по сохранению и восстановлению. Исходя из данного определения, топонимию можно рассматривать элементом национального ландшафта Беларуси, так как она отражает типичные черты природы, хозяйства, культуры, специфики исторического и политического развития страны [4].

В белорусской системе географических названий есть много советской политической топонимии. Часть культурного и национального своеобразия,

а также уникальных топонимов были утрачены. В результате произошла деструкция самобытной топонимии как компонента национального ландшафта. Поэтому восстановление системы географических названий является обязательным элементом возрождения и сохранения общенациональной топонимии.

Значимым событием государственного масштаба стало изменение официального названия страны. Верховный Совет 19.09.1991 г. постановил: «Белорусскую Советскую Социалистическую Республику впредь называть "Республика Беларусь", а в сокращённых и составных названиях – "Беларусь"». Термин *Белоруссия* не сохраняется в традиционных наименованиях; так центральная белорусская газета «*Советская Белоруссия*» переименована в «*Беларусь сегодня*».

Общеизвестными переименованными политическими горонимами в Минске являются пр. *Победителей* (бывший пр. *Машерова*), пр. *Независимости* (ранее пр. *Скорины*) и пл. *Независимости (*бывшая пл. *Ленина)*. В качестве примеров политических антропотопонимов, получивших новое название, можно привести улицы *Н. П. Дрозда* и *И. Д. Варвашени,* носящие имена организаторов и участников партийного подполья в Минске во время Великой Отечественной войны (ранее пер. *Обувной* и ул. *Енисейская*). В Могилеве появилась ул. им. *Е. Миколуцкого*, погибшего председателя КГК по Могилевской области.

Упомянем, что не всегда предложения Мингорисполкома о подобных изменениях принимаются. Не были осуществлены переименования ул. *Берсона* в ул. *Адама Станкевича,* ул. *Мясникова* в ул. *князя Глеба Менского)*, ул. *Свердлова* в ул. *Вацлава Ластовского*. Не реализованы и предложения о возвращении ранее существовавших в столице названий: пл. *Свободы – Высокий рынок,* ул. *Революционной – Койдановскую,* ул. *Освобождения – Воскресенскую.* Значительная часть политической топонимики также сохранила свое советское происхождение: *Октябрьский, Первомайский, Советский, Фрунзенский* районы. В Минске ул. *Ленина* и *Ульяновская* даже пересекаются.

Многие имена выдающихся деятелей культуры и национальных лидеров прошлого не были увековечены в топонимии городов и сел Беларуси, и предложения о переименования продолжают поступать: увековечить в топонимах Рыгора Бородулина, Геннадия Буравкина, Василя Быкова, Михаила Савицкого. Тем более, что не вполне обоснованных и даже абстрактных названий много. Среди них улицы *Багряная, Базисная, Встречная, Магнитная, Мелиоративная, Новаторская*, *Парашютная, Радужная*, *Экскаваторная, Янтарная, Ясная, Коллективный* и *Энергетический проезды;* есть наименования улиц, отсылающие к далеким местам – *Ангарская, Енисейская, Таежная;* и даже к временам года – *Зимняя, Весенняя, Летняя, Осенняя.*

Обобщая, можно сделать вывод, что политическая топонимика с антропотопонимами и идеологемами всегда отягощена дополнительными смыслами и оценками. Меняется она не так часто, т.к. связана с радикальными преобразованиями в социуме и отражает изменения символико-ценностных

норм массового сознания. При поиске названий новых урбонимов и других географических объектов важно сохранять и восстанавливать культурно-национальный ландшафт родной страны с его элементами этно- и историко-культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Роговцов, Д. А*. Политонимы в структуре политической символики / Д. А. Роговцов // Совеременные проблемы школьного и вузовского географического образования и топонимических исследований : тез. докл. науч.-практ. конф., Минск, 27–30 нояб. 2001 г. / Белорус. гос. ун-т / отв. ред. В. Н. Киселев. – Минск : БГУ, 2001. – С. 156–159.
2. *Малышева, Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 32–40.
3. *Жучкевич, В. А*. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.
4. *Марцинкевич, Г. И*. Состояние и программа исследований проблемы ландшафтного разнообразия Беларуси / Г. И. Марцинкевич // Природные и антропогенные ландшафты : сб. ст. / Ин-т географии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; Географ. ф-т Белорус. гос. ун-та ; сост. И. И. Пирожника, В. А. Снытко. – Иркутск ; Минск, 2002. – С. 49.

Н. В. Михалькова (*Минск, МГЛУ*)

К ОРГАНИЗАЦИИ ПИСЬМЕННОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается взгляд китайских синологов на проблемы иероглифической письменности и ее организации: анализируются теоретические вопросы типологии знаков и оснований их выделения, обусловливающих не только специфику письма, чтения и порождения иероглифов, но и построение всей системы иероглифической письменности; выявляются особенности описания и интерпретации иероглифического письма синологами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: китайский язык; письменность; иероглиф; организация; синология.

The article examines the view of the Chinese sinologists on the problems of characters writing. The theoretical questions of the typology of signs and the grounds for their classification are analyzed, which determines not only the specifics of writing, reading and generating characters, but also the construction of the entire system of character writing; the specific features of character writing interpretation made by the Chinese sinologists are analyzed.

K e y w o r d s: Chinese; writing; character; organization; sinology.

Первые иероглифы, используемые в качестве объекта исследований, относятся к древним китайским знакам до периода Сяо-чжуаня. Позднее, начиная с 1970-х гг., когда было обнаружено большое количество надписей на бамбуковых планках и шелке, это научное понятие расширилось и стало включать древние китайские иероглифы не только до периода Сяо-чжуаня,

но и символы Чжуань-Ли. Появление бамбуковых планок и шелковых надписей позволило обнаружить множество новых символов Чжуань-Ли из династий Цинь и Хань. Они имели огромное значение в качестве объекта исследования при выявлении состава и структуры древней китайской письменности ранних периодов, а также в области определения закономерностей развития китайской письменности в последующие столетия ее становления [1; 2].

Самые ранние исследования структуры китайских иероглифов относятся к попыткам многоаспектной интерпретации древних знаков времен династии Си-хань. Си-ханьские ученые Кон-анго и Лю Синь путем анализа и сопоставления древних текстов интерпретировали значительную часть иероглифики, что позволило, с одной стороны, заложить основу структурной дифференциации иероглифов, с другой стороны, сформировать начальное представление об организации китайского письма.

Впервые классифицировать и соответственно структурировать китайскую письменность удалось Сюй Шэню («說文解字») из династии Дон-Хань, система описанных им радикалов до сих пор остается базовой схемой построения и организации иероглифического китайского письма. Определив первоначальное значение базовой формы, Сюй Шэнь заложил одновременно теоретическую и практическую основу анализа письма китайского языка. Его метод на долгое время стал единым и общепринятым правилом для изучения и интерпретации древних китайских иероглифов [3].

Ученые династии Хань классифицировали иероглифы в зависимости от состава и функций, выделив шесть типов, которые обозначили “六书 Лю-шу”. Лю-шу – система, подтвержденная более поздним анализом китайских иероглифов, а также самая ранняя комплексная теория о структуре китайских иероглифов. Немалый вклад в исследования организации китайского письма внесли также ученые Сун Чжэнцзяо («六書略») и Юань Дайтун («六書故»), значительно пополнив имеющиеся сведения о производстве и составе иероглифов, что открыло новые возможности для исправления символов Сяо-чжуань и «說文解字» Сюй Шэня. По признанию китайских ученых, сложности установления особенностей организации китайской письменности связаны также с тем, что до династии Сунь изучение и интерпретация древних китайских иероглифов оставались на относительно низком уровне. Большинство исследователей принимали древние иероглифы как единый символ (знак) и сравнивали их с символами Сяо-чжуань без разложения, сопоставляли «похожие» и «не похожие» как основание для определения того, являются ли два иероглифа одним и тем же знаком.

Ученым династии Цинь (Лю Синь-юань и У Да-чэн) удалось добиться больших результатов в исследовании и интерпретации древних иероглифов. Полученные данные легли в основу выявления организации китайского письма, создания широкого спектра теоретических материалов-комментариев, в частности, «說文古籀補», «古籀拾遺 Гу Чжоу Ши И» [1; 4]. Сунь И-жан впервые предложил метод интерпретации радикалов и первым вводит

контекстуальный анализ в русло научного метода. Этот теоретический прорыв принес невероятный результат и на практике, позволив с высокой степенью точности структурировать иероглифическую письменность и зафиксировать ее сложную организацию.

Не все результаты исследований признавались и принимались китайским научным сообществом. Так, например, работа Ван Юнь «說文釋例 Шо Вэнь Ши Ле» подвергалась критике и опровержению [5]. Однако с сегодняшней точки зрения представленный анализ и аргументация формы иероглифов бронзовых надписей с помощью «說文解字» Сюй Шэня намного превосходит выводы других ученых. Ван Юнем поставлена проблема полисемии и омонимии детерминативов (“重文 Чун Вэнь 'иероглифы, у которых произношение и значение одинаковы, но формы разные’ и “籀文 Чжоу Вэнь ‘Шрифт древних китайских иероглифов, в котором черты сложные и формы структуры пересекаются’) как основание вариативности организации китайского иероглифического письма. На сегодняшний взгляд китайских лингвистов, анализ Ван Юнем многих ошибок «說文解字» Сюй Шэня предстает более достоверным, учитывая его научный взгляд на компоненты китайских иероглифов.

Установлению семантических связей и, как следствие, принципов организации иероглифики долгое время препятствовало отсутствие серьезных исследований относительно точной интерпретации древних иероглифов. Эту проблему решают Линь И-гуан («文源 Вэнь Юань») [6], Дин Фо-янь «說文古籀補補» [7] и Хуан Бин-хун «賓鴻草堂璽印釋文». К сожалению, как отметили ученые следующих поколений, этим работам уделялось недостаточно внимания, что зачастую приводило к их повторению.

Организация иероглифической письменности китайского языка рассматривалась следующими поколениями ученых также посредством анализа видов иероглифов. Из множества разработанных классификаций наиболее известна типология Тан Ланя, чья книга «古文字學導論 ‘Знакомство с древними китайскими иероглифами’», написанная в 1935 году, до сих пор остается одной из основных теоретических работ по структуре иероглифов [8]. Тан Лань продолжил и обогатил разработки метода «анализа радикалов», предложив четыре принципа для исследования и интерпретации древних иероглифов. Несмотря на то, что «古文字學導論» уже более 70 лет, теоретические методы, описанные в этой книге, до сих пор актуальны.

Препятствием серьезному семантическому анализу организации иероглифической системы китайского языка также послужил факт наличия в составе знаков графем-фонетиков. Долгое время они относились лингвистами к исключительно акустическо-звуковому определителю в иероглифе. Например, Юй Шэн-у издает две статьи: «釋古文字中的附劃因聲指事字的一例 ‘Объяснение одного звукового феномена в древних иероглифах’» и «釋具有部分表音的獨體象形字 ‘Объяснение фонетического феномена в некоторых иероглифах’», в которых он объяснил особенности

в надписях на костях и панцирях, добавив черту к символу, чтобы выразить связанный с ним абстрактный смысл, данную графему можно использовать в качестве его произношения, а также предположил, что в некоторых иероглифах-надписях на костях и панцирях имеются фонетические компоненты.

Проблемы определения графемы как детерминатива, фонетика или фоноидеограммы привели к разным интерпретациям структуры иероглифов и соответственно границ узлов их организации. Поскольку идеографическая и фоноидеографическая категории строились на одних и тех же исходных графемах, связь между ними отмечается на самых ранних этапах развития письменности [1, с. 28]. В последующие периоды идеограммы усложняются за счет добавления к исходному идеографическому знаку смыслового детерминатива [9, с. 220]. Таким образом, фонетик, восходящий к исходному идеографическому компоненту, мог рассматриваться функционально двояко: как фонетик и как обычный идеографический компонент. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в определенный период существовала единая идеографическая формула описания знаков, в т.ч. и для тех, которые в современном мире считаются фоноидеографическими [10, с. 20]. Существуют знаки, описываемые разными системами по-разному, и как идеограммы, и как фоноидеограммы. Двоякая трактовка структуры и функционального значения элементов знаков свидетельствует о факультативности использования обеих формул описания [10, с. 21].

Одной из лучших работ по китайской иероглифике является «文字學概要 ‘Краткое изложение китайских иероглифов’» Цю Си-гуя [11]. Глубокое и систематизирующее исследование иероглифов разных периодов продолжило серию работ по китайской древней письменности. Китайские ученые Яо Сяо-суй и Линь Юнь провели тщательный анализ проблем и ошибок, существовавших в исследованиях и интерпретациях древних символов, изложили правильные научные методы и подходы к анализу древних иероглифов. В 2001 году выходит работа Лун Юй-чуня «中國文字學 ‘Китайские иероглифы’», в которой отмечаются некоторые особенности древних иероглифов, вызывающие несомненный научный интерес. Начиная с древних иероглифов, содержание книги позволяет «полностью вырваться из оков и рамок» «說文解字» Сюй Шэня и пересмотреть некоторые теории. В книге упор сделан на контекстуальный анализ иероглифов, который позволит разработать правильные концепции и применять соответствующие методы для решения возникающих проблем.

В последние годы, когда общее понимание древней письменности становится все более научным, методы и средства в исследовании и интерпретации древней письменности также становятся все более последовательными. Китайские ученые отмечают, что, несмотря на большое количество исследований древней письменности, анализ организации китайских иероглифов все еще недостаточно полный и далек от систематичности [2; 6; 11; 12; 13]. Заполнение образовавшихся лакун видится в выявлении особенностей, прежде всего, структуры иероглифов, что уже привело к разработке мно-

жества основанных на специфике конструирования знаков классификаций (6 категорий Сюй Шэня; четырехкомпонентная модель Ся Чжунхуа и Чжан Юйцзыня; учение о трех категориях Тан Ланя; классификация Цю Си-гуя; Яна Розвадовского; двухчастная модель Ван Ли; три типа иероглифических знаков О. М. Готлиба).

История исследований и интерпретации китайских иероглифов разных периодов показывает, что накоплен большой опыт в исследовании знаков китайской письменности. В то же время направленность исключительно на выявление структуры и видов иероглифов не позволила в определенный момент перейти к разработке их семантических особенностей как оснований организации системы в целом, выявить особенности ее семантической формы, а также определить релевантность и салиентность графем разного типа в образовании значения. Анализ данного аспекта китайской письменности позволит получить новые теоретические и практические результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крюков, М. В.* Язык иньских надписей / М. В. Крюков. – М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1973. – 136 с.
2. *Чэн, Тинъю*. Китайская каллиграфия / Тинъю Чэн. – Пекин : Межконтинент. Изд-во Китая, 2004. – 160 с.
3. *Сюй, Шэнь*. Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь Сюй. – Юйлу : Изд-во в Юйлу, 2006. – 540 с. = **许**，**慎**。说文解字 /**慎许**。 –岳麓 ： 岳麓书社，2006。– 540页。
4. *У, Да-чэн*. Комментарии к «Шовэнь цзецзы» / Да-чэн У. – Пекин : Кит. книгоизд-во, 1988. – 456 с. = **吳**，**大澂**。說文古籀補 /**大澂吳**。 – 北京 ： 中華書局，1988。– 456页。
5. *Ван, Юнь.* Комментарии к «Шовэнь цзецзы» / Юнь Ван. – Пекин : Кит. книгоизд-во, 1987. – 502 с. = 王，筠。说文释例 /筠王。 – 北京 ： 中華書局，1987。– 502页。
6. *Линь, И-гуан*. Этимология иероглифов / И-гуан Линь. – Шанхай : Западно-кит. изд-во, 2012. – 452 с. = 林，義光。文源 /義光林。 –上海 ： 中西書局，2012。 – 452页。
7. *Дин, Фо-янь*. Подробное толкование древних надписей / Фо-янь Дин. – Пекин : Кит. книгоизд-во, 1988. – 76 с. = 丁，佛言。說文古籀補補 /佛言丁。 – 北京 ： 中華書局，1988。 – 76页。
8. *Тан, Лань*. Знакомство с древними китайскими иероглифами / Лань Тан. – Шанхай : Шанхай. изд-во ист. лит., 2016. – 468 с. = 唐，兰。古文字学导论 /兰唐。– 上海 ： 上海古籍出版， 2016。 – 468页。
9. *Софронов, М. В.* Китайский язык и китайское общество / М. В. Софронов. – М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. – 312 с.

10. *Кондрашевский, А. Ф.* Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «шовэня» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. Ф. Кондрашевский ; МГУ. – М., 1982. – 27 с.
11. *Цю, Си-гуй*. Основные положения иероглифики / Си-гуй Цю. – Шанхай : Изд-во коммерч. лит., 2013. – 342 с. = 裘，锡圭。文字学概要 /锡圭裘。– 上海 ：商务印书馆，2013。– 342页。
12. *Лю, Чжао*. Исследование структуры древних иероглифов / Чжао Лю. – Фуцзянь : Народное изд-во г. Фуцзянь, 2011. – 380 с. = 刘，钊。古文字构形学/钊刘。– 福建 ： 福建人民出版社， 2011。 – 380页。
13. *Сунь, И-жан*. Рассуждения о древних надписях / И-жан Сунь. – Пекин : Кит. книгоизд-во, 1989. – 51 с. = 孙，诒让。古籀余论 /诒让孙。– 北京 ： 中華書局，1989。 – 51页。

М. С. Филимонова (*Минск, МГЛУ*)

КИТАЙСКИЙ ИДЕОГРАФ КАК ИНСТРУМЕНТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

В статье описывается процесс функционирования китайского идеографа в системе китайского языка как инструмента категоризации окружающего мира. Приведена классификация мегафреймов китайских идеографов, а также результаты собственных исследований в области значений идеографа как актуализатора семантического поля.

К л ю ч е в ы е с л о в а: китайский язык; идеограф; фрейм; мегафрейм; семантическое поле.

The article describes the place of the Chinese ideograph in the Chinese language system and its main function as categorizer of the surrounding world. The author introduces the classification of the Chinese ideograph megaframes as well as the results of her own research work in the sphere of the Chinese ideograph semantic fields.

K e y w o r d s: Chinese language; ideograph; frame; megaframe; semantic field.

В современном китайском языке наиболее общеупотребимыми являются 3 500 иероглифов (что составляет около 99 % от всех общеупотребимых иероглифов, из них около 1 000 иероглифов составляет 90 % от всех общеупотребимых иероглифов). При овладении основами графической системы китайского языка необходимо усвоить гораздо большее число базовых графических элементов (черт, графем), чем букв в любом алфавите, и не менее 3 000 иероглифов, чтобы быть более или менее образованным человеком.

На данном этапе своей эволюции иероглифы представлены тремя основными типами знаков: *пиктограммами, идеограммами* и *символограммами* [1].

П и к т о г р а м м ы в большей своей части передают значения конкретных предметов, их форма непосредственно связана со значением обозначаемого предмета [1]. Например, 日‘солнце’, 月‘луна’, 山 ‘гора’, 水 ‘вода’, 火 ‘огонь’, 木 ‘дерево’, 马 ‘лошадь’, 鱼 ‘рыба’, 虎 ‘тигр’, 羊 ‘овца’ и др.

И д е о г р а м м ы – это письменные знаки, связь между формой и значением изображаемого которых имеет косвенный характер. Например, 一 ‘один’, 二 ‘два’, 三 ‘три’, 上 ‘верх’, 下 ‘вниз’, 元 ‘начало’, 王 ‘король’, 中 ‘центр, середина’, 众 ‘толпа’, 森 ‘лес’, 河 ‘река’ и др. [1].

С и м в о л о г р а м м ы – вид иероглифов, формальная оболочка которых никак не связана с означаемым. Их графическая оболочка изменилась в ходе своей эволюции. Например, 虫 ‘червяк’, 耳 ‘ухо’，戈 ‘алебарда’, 鸟 ‘птица’, 母 ‘мать’[1].

Из этих трех типов именно идеограммы составляют большинство современных иероглифов (около 80 %), с той или иной степенью полноты и точности передавая звуковую оболочку фиксируемой ими морфемы или слова, то есть являются *фоноидеограммами*, которые содержат в себе информацию о значении и звучании иероглифа [1; 2]. Основными компонентами фоноидеограммы выступают *идеограф* ‘компонент, несущий информацию о значении иероглифа’ и *фонетик* ‘компонент, несущий информацию о звучании иероглифа’. Так, «妈» (mā, мама) состоит из идеографа «女» со значением ‘женщина’ и фонетика «马» со звучанием «mǎ».

Знание смысловых и семантических компонентов иероглифов помогают определять примерное звучание и значение любого незнакомого иероглифа.

Необходимо различать и д е о г р а ф и г р а ф е м у (то есть ту, по которой осуществляется поиск в словаре). Первый является смысловым компонентом иероглифа, вторая – его структурным компонентом. В некоторых случаях идеограф и ключевая графема могут совпадать, как, например, в иероглифе 刚, где 刂 – это и идеограф, и ключевая графема. Тогда как в иероглифе 锦 ключевой графемой является 钅, а идеографом – 帛. В иероглифе, не являющемся фоноидеограммой, как, например, в 休, есть только ключевая графема 亻, а идеограф отсутствует.

Помимо этого, идеограммы могут быть представлены совокупностью нескольких идеографов при отсутствии фонетического компонента (林、休、家、安).

Значение иероглифа (идеограммы, идеограммы-фоноидеограммы), выраженное идеографом, не всегда может быть алгоритмически выведено из значения идеографов либо отражать напрямую значение идеографа. Значение иероглифа характеризуется отнесенностью к определенной когнитивной области, *домену опыта* (термин Р. У. Лангакера) [3]. Вследствие того, что, согласно Н. Н. Болдыреву, Т. Клознеру, У. Крофту, д о м е н (термин Р. У. Лангакера) и ф р е й м (термин С. Филлмора) представляют собой вариативность названий одного и того же конструкта в рамках различных подходов [4; 5; 6], далее в своем исследовании мы будем придерживаться терминологии в рамках *фреймовой семантики* Ч. Филлмора.

Благодаря наличию у человека двух фундаментальных когнитивных способностей, а именно *схематизации* – способности выделять общее, поднимаясь над частными отличиями, и *категоризации* – способности

сравнивать новый опыт с имеющимся образцом [7], лексические единицы различных уровней в сознании человека объединяются в статические (фреймы и мегафреймы) когнитивные структуры.

Согласно Ши Юэ, в китайском языке насчитывается 163 идеографа, которые относят к 18 смысловым группам [8], образующим соответствующие мегафреймы и находящим свою реализацию во фреймах (табл. 1).

Таблица 1

Мегафреймы идеографов

человеческая фигура, облик	亻（人）、尸、身、男、民、北、立、欠、子、大、女、力、见、非、勹、厶、卩
действия рукой	又、反、殳、爪、攵、寸、扌（手）
действия ногой	夂、辶、足(⻊)、止、至
движения конечностей и корпуса	采、走、行
человеческие органы	口、言、音、⺮、页、舌、齿、月（肉）、骨、耳、目、自（鼻）、彡、髟
пища и блюда	米、瓜、谷、食(饣)
цвет	白、黑
жилище и его убранство	厂、广、户、门、京、宀、穴、阝（阜；邑）
одежда и украшения	纟（糸）、巾、毛、皮、衤（衣）、羽、韦、革
явления повседневной жизни и трудовой деятельности	豆、工、任、几、舟、凡、斗、车、血、田、击、辛、壶、市、重、片、口、瓦、鬲、酉、凵、匚
оружие	刂（刀）、钅（金）、戈、匕、矢、弓
молитвенные принадлежности	礻（示）、鬼、乙、卜、巳
явления, связанные с рождением, болезнью, старостью и смертью	疒、死、歹
деньги и драгоценности	王（玉）、钅（金）、贝
явления растительного мира	艹、木、麦、竹（竹）、禾
явления животного мира	马、鸟、角、牛、羊、虫、鱼、象、犭（犬）、隹、豕、豸
астрономические и географические явления	日、月、土、山、冫、火、申（电）、气、雨、水（氵）、风、石、光
количество	一、二、四、参、十、多

Значения идеографов будут выступать в качестве вершин фреймов, включающих в себя информацию о значении каждого идеографа, за каждым из которых стоит семантическое поле [9] (табл. 2).

Таблица 2

Идеографы с наиболее высокой строевой способностью

№ п/п	Идеограф	Значение идеографа
1	竹	изделия из бамбука
2	亻	1. облик человека; 2. тело человека
3	冫	холодное, ледяное
4	刂	действия, выполняемые ножом
5	力	сила, действие, усилия
6	勹	охватывать, заворачивать
7	又	действия рукой, ладонью
8	口	действия, выполняемые ртом
9	囗	огороженное пространство
10	土	нечто земляное, состоящее из земли
11	夂	ударять, наносить поражение
12	女	1. особа женского пола; 2. особенности женской фигуры, характера
13	宀	помещение под крышей
14	山	пики, гряды гор
15	巾	полотнище, ткань, кусок ткани
16	广/厂	помещение под навесом, крышей
17	心、忄	чувства, эмоции, ощущения
18	户/尸	помещение, имеющее двор
19	扌	действия, выполняемые рукой (руками)
20	方	предмет квадратной формы
21	日	1. действия солнца, солнечной энергии; 2. состояния в результате воздействия солнца, тепла
22	月	название органов тела, мышцы, части тела

23	木	1. название видов деревьев; 2. изделия из дерева
24	欠	открывать рот и выполнять действие
25	殳	ломать, разрушать, бить
26	毛	что-то сделанное из шерсти
27	气	пар, газ, газообразное
28	氵	1. водные пространства (реки, озера, моря, пруды, бассейны, пузыри); 2. действия с водой 3. жидкости (напитки, гели, масла и т.д.); 4. состояния в результате воздействия воды
29	火、灬	1. огонь, его свойства и качества; 2. действия, осуществляемые при помощи огня, жара; 3. состояния в результате воздействия солнца, тепла
30	爪/爫	хватать, цепляться пальцами
31	片	дощечка, доска
32	牛	1. корова, скот; 2. выпас, место выпаса; 3. люди, занимающиеся выпасом
33	犭	1. название животных; 2. качества зверя, животного
34	王	материальные ценности, драгоценности
35	田	ограниченный участок, пространство
36	疒	1. недомогание; 2. названия болезней
37	目	действия глазами
38	石	сделанное из камня, нечто каменное
39	礻	благополучие, счастье, то есть то, о чем молят у алтаря
40	禾	1. растения, злаки; 2. действия, связанные с посадкой, выращиванием растений, злаков
41	米	1. блюда из риса; 2. четкость, ясность/нечеткость, мутность
42	纟	1. нить, ткань; 2. действия, связанные с ткачеством, вязанием, шитьем; 3. имеющее форму нити; 4. цвет
43	耳	связанное со слухом, слуховое восприятие
44	舟	лодки, корабли

Окончание таблицы 2

45	艹	1. растения (травянистые), цветы, кусты; 2. овощи; 3. фрукты; 4. свойства растений
46	虫	1. названия маленьких животных (земноводных); 2. названия насекомых
47	衤	предметы, аксессуары одежды
48	见	видеть, наблюдать, что-то иметь прямо перед глазами
49	讠	явления, связанные с речью, разговором
50	豸	названия животных
51	贝	драгоценности, что-то денежное, материальные блага, накопления
52	走	движение корпуса и ног, перемещение в пространстве
53	足	действия, выполняемые стопой, ногой (ногами)
54	车	1. части, детали транспортного средства; 2. свойства движения машины
55	辶	перемещение тела, корпуса, предмета в пространстве
56	酉	1. алкольный напиток (вино), соусы и жидкие приправы; 2. качества и вкус алколголя, соусов, жидких приправ
57	钅	1. деньги, сокровища; 2. предмет, сделанный из металла; 3. химические элементы, металлы
58	门	имеющее вход, ворота
59	阝(слева)	препятствие
60	雨	природные явления
61	革	предмет, сделанный из кожи
62	风	качества, свойства ветра
63	饣	1. еда, пища; 2. названия блюд; 3. чувство голода, жажды
64	马	действия, выполняемые при помощи лошади, транспортного средства
65	骨	название костей, скелет
66	鬼	1. дух, черт; 2. завораживающие качества, свойства
67	鱼	виды рыб
68	鸟	названия птиц

Каждый из фреймов будет содержать информацию о значении иероглифов, образованных от него. Нами были отобраны идеографы с наиболее высокой строевой способностью и выявлены значения, которыми они наделяют иероглифы, образованные ими (табл. 3).

Таблица 3

Иероглиф 橘

Иероглиф	Мегафрейм «смысловая группа: явления растительного мира»	Фрейм «значение идеографа 木»	Значение иероглифа
橘	艹、木、麦、⺮（竹）、禾	木 1. название видов деревьев（橙、橘、梅、李、梨、桃、杏）; 2. изделия из дерева（椅、桌、架、楼、校、梳、杯、棚、床）	мандарин (*дерево, плод*); мандариновый

Фрейм «значение идеографа 木» является включенным в мегафрейм «смысловая группа: явления растительного мира». При овладении мегафреймами «смысловая группа» и фреймами «значение идеографа» студенты смогут определять примерное значение любого незнакомого иероглифа через его отнесенность к определенной смысловой группе и семантическому полю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Готлиб, О. М.* Основы грамматологии китайской письменности / О. М. Готлиб. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 284 с.
2. *Кондрашевский, А. Ф.* Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике / А. Ф. Кондрашевский. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2009. – Ч. 2. – 102 с.
3. *Langacker, R. W.* Grammar and conceptualization / R. W. Langacker. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Guyter, 2000. – 430 p.
4. *Болдырев, Н. Н.* Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии. – 2000. – № 1. – С. 36–45.
5. *Clausner, T.* Domains and image schemas / T. Clausner, W. Croft // Cognitive linguistics. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 1999. – No. 10–1.
6. *Croft, W.* Cognitive Linguistics / W. Croft, A. Cruse. – Cambridge Univ. Press, 2005. – 356 p.
7. *Langacker, R. W.* Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Guyter, 1991. – 527 p.
8. *史，玥。*常用汉字表 ： 形声字形符义类分布分析 = *Ши, Юэ*. Перечень наиболее частотных иероглифов : классификация идеографов / 史玥 // 重庆科技学院学报（社会科学版）– 2010。– № 4。– 81– 82页。
9. *Кочергин, И. В.* Очерки методики обучения китайскому языку / И. В. Кочергин. – М. : Муравей, 2000. – 160 с.

А. В. Бельская (*Минск, МГЛУ*)

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ СЛОВА *МИГРАНТ* В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Данная статья посвящена рассмотрению синонимических рядов слова *мигрант* в газетных текстах на английском, испанском и русском языках. Анализ 93 статей на каждом языке позволил выделить слова и выражения, которые являются синонимичными для обозначения мигрантов. Англоязычные статьи характеризуются наиболее широким списком слов в синонимических рядах. В текстах на русском языке часто употребляются синонимы, связанные с работой, и негативные слова-синонимы. В испанском языке все слова-синонимы оказались нейтральными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: миграция; мигрант; синонимический ряд; газеты; статьи; синоним; оценка.

This article focuses on the synonymic chain of the word *migrant* in newspaper articles in English, Spanish and Russian. 93 articles were analyzed in each language and highlighted the words and expressions that are synonymous with migrants. English presents the widest list of synonyms. In the articles in Russian, synonyms related to work and negative synonyms are often used. All synonyms in Spanish are neutral.

K e y w o r d s: migration; migrant; synonymic chain; newspapers; articles; synonym; evaluation.

Важнейшим типом парадигматических отношений в лексике являются семантические, а соответствующие им объединения слов по значению занимают первостепенное место в системных описаниях лексики. Словарь языка – не хаотичное нагромождение единиц, он имеет системный характер, и таким образом слова распределяются по их лексическим значениям на группы. Одной из таких групп выступает семантическое поле.

В данной статье рассматривается построение синонимических рядов слова *мигрант* на материале лексикографических источников и текстов на английском, испанском и русском языках.

Миграция населения как обусловленное социоисторическими условиями специфическое явление общественной системы и культуры обслуживает объективные потребности существования и развития человеческого общества и обеспечивает коллективный характер бытия людей. С конца XX века миграционные процессы приобрели значительный масштаб, постепенно охватив все страны мира, различные социальные слои и группы населения. Миграция стала одним из важных факторов демографических, социальных, экономических, языковых и культурных изменений во многих регионах мира.

Слова группируются в сознании говорящих в семантические поля на основе принадлежности к одной области логических понятий их референтов, или связи понятий, которые выражаются словами и которые выражают связи предметов и явлений действительности. Каждое слово языка входит в определенное семантическое поле, причем чаще всего вследствие своей многозначности не только в одно. Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление другим членам поля, в содержательном плане

каждое слово зависит от всего состава поля близких по смыслу слов. Отдельное слово может быть понято только на основе всей совокупности, и эта характеристика семантического поля, называемая принципом присутствия или объединяющая принцип полноты и принцип взаимоопределяемости, является одной из главных черт поля [1].

В структуре семантических полей имеют место различные типы семантических отношений, одним из которых является синонимия.

Понятие *синонимия* имеет различные определения, и это связано с выдвижением на первый план всевозможных семантических критериев: тождество, близость, сходство, эквивалентность значений языковых единиц, рассматриваемых как синонимы [2]. Выбор этих критериев зависит как от полноты существующих синонимических рядов в языке, так и от контекста, ситуации, в которую данные синонимические ряды помещены.

Синонимы определяются как слова, имеющие тождественное или близкое значение. Существует определение синонимов как слов, обозначающих одно и то же понятие или же способных обозначать один и тот же предмет [1]. Синонимия также понимается как полное или частичное совпадение значений языковых выражений [3]. Синонимы образуют синонимические ряды, ядром которого является нейтральное слово (синонимическая доминанта), а прочие элементы – семантически окрашенные слова, схожие с нейтральным.

Синонимические выражения, составляющие синонимические ряды, играют определенную роль при формировании образа мигрантов и помогают наиболее экспрессивно описать ситуацию, в которой оказываются принимающие страны.

Данное исследование посвящено изучению синонимических рядов в английском, испанском и русском языках на материале текстов из газет The New York Times (США), El País (Испания), «Ведомости» (Россия). За 2020 год в газете The New York Times было опубликовано 1 187 текстов, в которых упоминались мигранты. Из них мы отобрали 93 самых комментируемых. За 2020 год в газете El País появилось 210 текстов с упоминанием мигрантов. Из данных текстов мы также отобрали 93 самых популярных и комментируемых на сайте. В газете «Ведомости» за тот же период времени было опубликовано 93 текста, которые и послужили нам материалом. Необходимо отметить большое расхождение в количестве статей, выпущенных за 2020 год по теме «Миграция» в разных странах. Данное количество ясно указывает на актуальность темы. Мы видим, что для США миграции является важной частью жизни общества, в то время как в России данный вопрос не вызывает таких активных обсуждений. В Испании данной темой интересуются больше, чем в России, но в разы меньше, чем в США.

На первом этапе исследования мы проанализировали тексты на английском языке. Словари синонимов английского языка выдают следующие синонимические ряды: *migrant* ‘мигрант’ – *emigrant* ‘эмигрант’, *evacuee* ‘эвакуированный’, *expatriate* ‘экспатриант’, *immigrant* ‘иммигрант’, *traveler* ‘путешественник’, *departer* ‘уехавший’, *drifter* ‘бродяга’, *gypsy* ‘цыган’,

itinerant ‘странствующий’, *migrator* ‘мигрант’, *mover* ‘движущийся’, *nomad* ‘кочевник’, *rover* ‘путешественник’, *tinker* ‘переходящий’, *transient* ‘бродяга’, *vagrant* ‘бродяга’, *wanderer* ‘странник’ [5]; *nomad* ‘кочевник’, *itinerant* ‘странствующий’, *gypsy* ‘цыган’, *traveler* ‘путешественник’, *vagrant* ‘бродяга’, *transient* ‘бродяга’, *rover* ‘бродяга’, *wayfarer* ‘странник’, *wanderer* ‘странник’, *drifter* ‘бродяга’, *displaced person* ‘переехавший человек’, *homeless person* ‘бездомный человек’ [6]; *emigrant* ‘эмигрант’, *émigré (also emigré)* ‘эмигрант’, *immigrant* ‘иммигрант’, *in-migrant* ‘иммигрант’, *incomer [chiefly British]* ‘прибывший’, *out-migrant* ‘эмигрант’, *settler* ‘поселенец’ [7]. К данному списку можно добавить слова, которые представлены на различных онлайн-платформах: *newcomer* ‘новоприбывший’, *asylum seeker* ‘беженец’, *expat* ‘экспат’, *exile* ‘изгнанник’, *defector* ‘перебежчик’, *deportee* ‘депортированный’, *refugee* ‘беженец’, *relocate* ‘переселенец’, *repatriate* ‘репатриант’, *alien* ‘иностранец’, *foreigner* ‘иностранец’, *noncitizen* ‘не гражданин’, *nonnative* ‘не гражданин’, *colonist* ‘колонист’, *squatter* ‘скваттер’, *pilgrim* ‘поломник’, *pioneer* ‘первопроходец’, *trekker* ‘путешественник’ [8].

Анализа 93 текстов из газеты The New York Times позволил обнаружить, что слово *migrant* было использовано 706 раз (50,3 %), *immigrant* – 283 раза (20,2 %), *refugee* – 248 раз (17,7 %), *asylum seeker* – 95 раз (6,8 %), *alien* – 21 раз (1,5 %), *homeless* – 19 раз (1,4 %), *foreigner* – 13 раз (0,9 %), *noncitizen* – 6 раз (0,4 %), *newcomer* – 5 раз (0,3 %), *settler* – 4 раза (0,2 %), *travelers* – 3 раза (0,2 %), *deportee* – 1 (0,1 %). Данные выражения можно разделить на две группы: выражения с нейтральной оценкой и выражения с негативной оценкой. К словам с негативной оценкой относится слово *alien*, которое в контексте данных статей употреблялось со словом *illegal*.

“For the purpose of the reapportionment of representatives following the 2020 census,” the memo said, “it is the policy of the United States to exclude from the apportionment base aliens who are not in a lawful immigration status” ‘В целях перераспределения представителей после переписи 2020 года, – говорится в записке, – политика Соединенных Штатов заключается в исключении из базы распределения иностранцев, не имеющих законного иммиграционного статуса’.

That means that an illegal alien should not get a free pass just because he or she crosses the border illegally with a child ‘Это означает, что иностранец-нелегал не должен получать бесплатный пропуск только потому, что он или она незаконно пересекает границу с ребенком’.

Остальные синонимические выражения являются нейтральными.

На втором этапе исследования мы проанализировали тексты на испанском языке. Словари синонимов испанского языка выдают следующие синонимические ряды: *migrante* ‘мигрант’ – *inmigrante* ‘иммигрант’, *emigrante* ‘эмигрант’, *inmigrado* ‘иммигрант’, *emigrado* ‘эмигрант’, *extranjero* ‘иностранец’, *alienígena* ‘инопланетянин’, *extraterrestre* ‘незнакомец’, *espalda mojada* ‘незнакомец’, *ajeno extraño* ‘неизвестный’, *externo* ‘внешний’, *desconocida* ‘незнакомый’, *exterior* ‘внешний’, *éxodo* ‘незнакомец’, *forastero* ‘незнакомец’, *gringo* ‘гринго’ [9]; *ambulante* ‘странствующий’, *callejero* ‘уличный’, *itinerante* ‘странствующий’, *nómada* ‘кочевник’ [10].

Alienígena обозначает существо с другой планеты, инопланетянина, но в контексте миграции его могут употреблять для обозначения мигранта. Выражение *espalda mojada* употребляется только в США для обозначения мигрантов, в большинстве случаев из Мексики. *Forastero* имеет много определений, однако это слово часто употребляется в фильмах в Южной Америке для обозначения мигрантов.

Анализ текстов из газеты El País позволил обнаружить, что слово *migrante* было использовано 215 раз (51 %), *inmigrante* – 139 раз (33 %), *extranjero* – 43 раза (10 %), *emigrante* – 24 раза (6 %). Все слова, употребленные в данном синонимическом ряду, являются нейтральными.

На третьем этапе исследования мы проанализировали тексты на русском языке. Словари синонимов русского языка выдают следующий синонимический ряд: *мигрант – переселенец, аллохтон* [11]. *Аллохтон* – это организм, обитающий в данной местности, но возникший в процессе исторического развития где-то в другом месте. Данное слово обычно применяют для обозначения животных или горных пород, однако в редких случаях его употребляют для обозначения людей. К данному списку можно добавить слова, которые представлены на различных онлайн-платформах: *трудящийся, приезжий, чурка, иммигрант, эмигрант, выходец, невозвращенец, экспатриант, переведенец, перекочевщик, перешелец, уитлендер, спецпереселенец, выходник, выселенец, пришелец, иностранец* [12; 13]. *Чурка* в просторечии употребляется для обозначения человеке с чертами лица, не такими, как у русских. *Экспатриант* – это тот, кто совершил экспатриацию или подвергся экспатриации, то есть покинул родину и потерял гражданство. Данный термин отличается от эмигранта, так как последний, как правило, не утрачивает гражданство. *Уитлендер* употребляется для обозначения английского переселенца в южноафриканских республиках в конце XIX века.

Анализа текстов из газеты «Ведомости» позволил обнаружить, что слово *мигрант* было использовано 462 раза (74,5 %), слово *иностранец* – 18 раз (2,9 %), *приезжий* – 16 раз (2,6 %), *трудящийся* – 4 раза (0,6 %), *выходец* – 3 раза (0,5 %), *переселенец* – 2 раза (0,3 %). Нами были обнаружены следующие дополнительные выражения, которые употребляются для обозначения мигрантов в проанализированных статьях: *рабочая сила* – 37 раз (5,9 %), *иностранные работники/рабочие* – 22 раза (3,5 %), *гастарбайтер* – 21 раз (3,3 %), *беженцы* – 20 раз (3,2 %), *иностранные граждане* – 14 раз (2,5 %), *труженики* – 1 раз (0,2 %).

Данные выражения можно разделить на две группы: выражения с нейтральной оценкой и выражения с негативной оценкой. Выражения с негативной оценкой включают в себя *выходец* и *гастарбайтер*.

Позднее депутат Национального собрания Франции Эрик Чиотти заявил, что преступник – 21-летний выходец из Туниса.

Когда не будет возможности нанять за рубль гастарбайтера, вот тогда и начнут нанимать за два рубля россиянина.

Остальные выражения в данном синонимическом ряду являются нейтральными.

При сравнении синонимических рядов в английском, испанском и русском языках мы видим, что английский язык предлагает наиболее широкий список слов в синонимических рядах в словарях, в то время как словари в русском языке опираются в основном лишь на два варианта. Однако в русском языке можно найти гораздо больше синонимов к слову *мигрант* на материале медийных текстов.

В проанализированных статьях на английском языке также было использовано наибольшее количество разных слов-синонимов к слову *мигрант* – 1 404 слова суммарно. В газетах на русском языке было обнаружено 620 слов, и на последнем месте оказался испанский язык – 421 слово. Данная ситуация может быть связана с тем, что статьи на английском языке в среднем были длиннее в два раза, чем статьи на испанском и русском языках.

Также необходимо обратить внимание, что в английском и испанском языках широко использовали слово *иммигрант* (*immigrant, inmigrante*). В статьях на русском языке данное слово не встречалось. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в Испании и Америке часто наблюдается приток мигрантов (иммигрантов), в то время как в Россию едут гораздо меньше людей.

В статьях на русском языке внимание уделялось словам, связанным с работой: *рабочая сила, иностранные рабочие, труженик*. В статьях на английском и испанском языках таких тенденций мы не наблюдаем. Можно сделать вывод, что Россия много внимания уделяет мигрантам как рабочей силе, которую можно использовать. Многие статьи также были посвящены проблемам, связанным с нехваткой рабочих рук на рынке труда из-за пандемии и того, что дешевая рабочая сила (мигранты) перестали приезжать.

Выявление оценочного компонента позволило сделать следующие выводы. Нами было замечено, что ни в одном из языков не было использовано позитивно окрашенных слов на материале текстов из медиа. Наибольшее количество негативных слов было выделено в русском языке: *выходец, гастарбайтер*. В английском языке было выделено всего одно слово: *alien*. В испанском языке все слова оказались нейтральными. СМИ формируют и отражают мнение общества, поэтому мы можем отметить, что отношение к мигрантам в России оказалось несколько хуже, чем в США и Испании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Харитончик, З. А.* Лексикология английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1992. – С. 81–91.
2. *Хантакова, В. М.* Теория синонимии: опыт интегрального анализа / В. М. Хантакова. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – 211 с.
3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/857/sinonimiya.htm. – Дата доступа : 13.02.2021.
4. Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%8F. – Дата доступа : 13.02.2021.

5. Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.thesaurus.com/browse/migrant?s=t. – Дата доступа : 13.02.2021.
6. Oxford Lexico [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.lexico.com/synonyms/migrant. – Дата доступа : 13.02.2021.
7. Merriam Webster Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.merriam-webster.com/thesaurus/migrant. – Дата доступа : 13.02.2021.
8. Power Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.powerthesaurus.org/migrant. – Дата доступа : 13.02.2021.
9. Reverso Synonyms [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://synonyms.reverso.net/sinonimo/es/inmigrante. – Дата доступа : 13.02.2021.
10. Diccionario General de Español [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.definiciones-de.com/Sinonimos/de/migrante.php. – Дата доступа : 13.02.2021.
11. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82. – Дата доступа : 13.02.2021.
12. Карта слова и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82. – Дата доступа : 13.02.2021.
13. Синонимайзер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.synonymizer.ru/index.php?sword=%EC%E8%E3%F0%E0%ED%F2. – Дата доступа : 13.02.2021.

А. А. Галынская (*Минск, БГУ*)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ДЕНЕГ И ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

Рассмотрены семантические дериваты 100 первых по частотности непроизводных обозначений денег, платежей, финансовых операций в английском и 100 первых по частотности непроизводных экономических обозначений в русском языке, а также их производных. Исследовательский корпус обозначений был сформирован путем компонентного анализа словарных дефиниций в «Collins English Dictionary» и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова. Рассмотрены основные модели изменений в структуре семантических дериватов, образованных от экономических обозначений, и их продуктивность: метонимические и метафорические процессы как способы детерминологизации или выхода в иную терминологию и сужение, в том числе терминологизация лексического значения слова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обозначения денег и финансовых операций; семантическая деривация; метонимия; метафора; терминологизация; детерминологизация.

Semantic derivatives of the first 100 in terms of frequency of non-derivative designations of money, payments, financial transactions in English and 100 of the first in frequency of non-derivative economic designations in Russian, as well as their derivatives are considered. The research corpus of designations was formed by component analysis of vocabulary definitions in the Collins English Dictionary and in the Big Explanatory Dictionary of the Russian Language, ed. by S.A. Kuznetsov. The main models of changes in the structure of semantic derivatives,

formed from economic designations, and their productivity are considered: metonymic and metaphorical processes as ways of determining or entering a different terminology and narrowing, including terminology of the lexical meaning of a word.

K e y w o r d s: designation of money and financial transactions; semantic derivation; metonymy; metaphor; terminology; determinologization.

Понятие семантической деривации охватывает ряд семантических трансформаций, включающих изменение семантического объема слова (расширение, сужение), различные виды переносов (метафорические, метонимические, функциональные).

Рассмотрим способы семантической деривации непроизводных и производных русских и английских обозначений денег, платежей, финансовых операций, образованных от 100 самых часто употребляемых непроизводных экономических обозначений, выявленных по «Частотному словарю современного русского языка» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (Online) и Collins Online English Dictionary. В подкорпусе непроизводных обозначений (100 русских и 100 английских единиц) выявлено 31 русский семантический дериват и 89 английских. Среди производных обозначений (255 русских и 181 английских единиц) выявлено 58 русских семантических дериватов и 136 английских. Источником материала являются «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2000) и Collins Online English Dictionary.

Сужение значения подразумевает его конкретизацию по принципу сужения семантического объема или уменьшения количества значений слова (*баланс* ‘равновесие; искусство удерживать равновесие тела или предметов во время каких-л. упражнений, трюков’ → ‘полное соответствие, равное соотношений между чем-л., равновесие’ → ‘средства, находящиеся в распоряжении какого-л. предприятия, учреждения, на его счете’; *премия* ‘награда (денежная, в виде ценной вещи и т.п.) за успехи, заслуги в какой-л. области деятельности’ → ‘(*финанс*.) разница между биржевой и номинальной стоимостью ценной бумаги’ → ‘(*финанс*.) денежная сумма, уплачиваемая страхователем страховому учреждению за риск, который оно несет’; *credit* ‘рекомендация, похвала или одобрение по отношению к действию или качеству’ → ‘человек или предмет, служащий источником хорошего влияния, репутации, способностей и т.д.’ → ‘влияние в команде, кредит доверия в команде’ → ‘сумма денег или ее платежный эквивалент в соответствии с покупательной способностью, доступная для использования человеком’; *demand* ‘то, что требует особых усилий или жертв’ → ‘количество товара, которое потребители желают и могут приобрести по определенной цене’).

Метонимизация представляет собой вид семантической деривации, при котором между производящим и производным значением существует связь (мотивированность) по смежности. В ряду русских и английских обозначений денег и финансовых операций метонимический перенос наблюдается в основном в следующих направлениях: с материала на изделия из него,

например, *медь* ‘металл’ и ‘медные деньги’ (*gold* ‘монета или монеты из этого металла’ → ‘деньги; богатство’); с социальной организации, учреждения на совокупность его сотрудников и помещение (*акциз* ‘служить в акцизе’ → ‘акциз на табачные изделия’); с целого на часть и наоборот (*касса* ‘ящик’ → ‘деньги’; *грош.* ‘медная монета достоинством в две копейки’ → (*обычно мн.*) очень маленькая сумма денег; очень низкая цена’).

Метонимия типа ‘содержимое–содержащее’ является самой продуктивной как в русском, так и в английском материале (*mint* ‘монетный двор’ → ‘очень большая сумма денег’; *импорт* ‘ввоз в какую-л. страну товаров из-за границы’ → ‘(*собир., разг.*) ввозимые из-за границы товары, изделия’; *аренда* ‘временное пользование недвижимым имуществом на договорных началах за соответствующую плату’ → ‘плата за такое пользование’; *bank* → ‘учреждение, предлагающее определенные финансовые услуги, такие как хранение денег, конвертация национальной валюты в иностранную валюту, заем денег под проценты и принятие векселей’ → ‘здание, используемое таким учреждением’). При метонимических переносах, выявленных в исследуемых подкорпусах, меняется не только вещь, но и понятие нацело: понятие в одном значении всегда шире, больше и более общее, а в другом значении понятие уже, меньше, более частное.

Метафоризация представляет собой вид семантической деривации, при котором между производящим и производным значением существует связь по сходству материальной характеристики. При метафорическом переносе значения меняется вещь, но понятие нацело не меняется: при метафорических изменениях какой-нибудь признак первоначального понятия остается. В подкорпусе русских и английских непроизводных обозначений денег к метафорам можно отнести следующие единицы: *базар* ‘предпраздничная, сезонная торговля; место такой торговли’ → ‘о беспорядочном крике, шуме где-либо’; *банкрот* ‘тот, кто разорился и не способен расплатиться с кредиторами по долговым обязательствам’ → ‘о том, кто потерпел неудачу, крах в чем-либо’ ; *стоить* ‘иметь ту или иную цену, денежную стоимость’ → ‘обладать для кого-л. какой-л. ценностью или значимостью; требовать каких-л. усилий, большого труда для своего осуществления’. Продуктивной моделью семантической деривации среди английских является метафорический перенос (*bribe* ‘взятка’, прямое значение ‘обещать, предлагать или давать что-то, обычно деньги, (человеку) для приобретения услуг или получения влияния, особенно незаконно’ → ‘побуждать, склонять к чему-либо’; *buy* ‘покупать’ → ‘подкупать или коррумпировать; нанять подкупом’; *gold* ‘золото, монета или монеты из этого металла’; ‘что-то ценное, прекрасное и т.д., например, благородная натура’).

В исследуемой экономической русской и английской лексике наблюдаются следующие виды семантической деривации: 1) терминологизация общеупотребительного слова (например, *заложить* ‘положить, поместить куда-л., за что-л.’ → ‘отдать что-л. в залог под ссуду’, *dealing* ‘распределение, раздача’ → ‘деловые отношения, сделки, биржевые операции’); 2) раз-

витие новых, более узких значений термина внутри или за пределами терминосистемы на основе действующих в языке метонимических или метафорических моделей (например, *инвеститура* ‘акт передачи земельного владения феодалу’ → ‘утверждение католического епископа в духовном сане’, *стоимость* ‘выраженная в деньгах ценность чего-л. или величина затрат на что-л.’ → ‘общественный труд, затраченный на производство товара и овеществленный в этом товаре’, *экономный* ‘бережливо расходующий что-л., соблюдающий экономию’ – ‘требующий умеренных затрат, экономичный’, *beneficiary* ‘лицо, оказавшееся в выигрыше, к выгоде которого что-л. происходит’ → ‘священник, стоящий во главе прихода’, ‘*юр.* лицо, получающее доходы с доверительной собственности’, *buyer* ‘покупатель’ → ‘сотрудник магазина заказывающий товары, заведующий магазином ’).

Переосмысление слов общего языка (терминологизация), возможное благодаря смежности обыденного и научного понятия, было исторически первым и органическим способом создания исконных (не заимствованных) терминологических обозначений [2, с. 201; 3, с. 3]. Однако продуктивность семантической деривации среди источников образования новых русских терминологических обозначений относительно невелика. Так, в терминосистеме ‘Рыночная экономика’ семантические дериваты составляют 1,3 % от общего количества терминов [1, с. 20]. Исследование английских производных обозначений показало обратное. В то время как продуктивность терминологизации в пределах русских исследуемых обозначений мала и составляет 2 %, в английском подкорпусе это самый активный процесс с долей в 28 %. Продуктивность сужения значения среди русских и английских обозначений составила 24 % от количества всех производных семантических дериватов в обоих корпусах.

Постоянное взаимодействие между общеупотребительной лексикой и лексикой ограниченного употребления (в данном случае – специальной финансовой) традиционно выражается, в частности, и в том, что отдельные термины, расширяя сферу применения за счет метафорических и метонимических переносов, переосмысляются. В результате такие слова или вовсе перестают быть специальными обозначениями, неизвестными за пределами профессии, или развивают новые, «неспециальные» лексико-семантические варианты (например, *банкротство* ‘положение банкрота, неплатежеспособность’ → ‘неудача, крах в чем-то’, *bankruptcy* ‘*фин., юр.* банкротство, несостоятельность’ → ‘крах, провал’, *базарный* ‘относящийся к базару, рыночный’ → ‘такой, как на базаре’, *capitalize* ‘*эк.* превращать в капитал, капитализировать’ → ‘наживать тебе капитал, использовать что-л. для своей выгоды’, *богатство* ‘обилие материальных ценностей, большое состояние’ → ‘о чем-л. представляющимся ценным только для кого-то’, *richness* ‘богатство, изобилие’ → ‘питательность, жирность, сдобность, сочность’.

Переосмысление слов общего языка путем метафорического переноса является продуктивным источником производных обозначений денег и платежей. Метафорические переносы наиболее продуктивны в терминологиях,

где большинство терминов (в силу специфики понятийного аппарата данной области знания) образуются на основе конкретной лексики (экономическая терминология, медицинская терминология, техническая терминология).

В исследуемых подкорпусах метафора выступает как средство, расширяющее значение слова и позволяющее значениям выходить за рамки терминосистемы (например, *рублевый* ‘обладающий достоинством в один рубль’ → ‘очень дешевый’, *salable* ‘пригодный для продажи’ → ‘корыстный, продажный’, *оптом* ‘крупными партиями, большими количествами (о купле или продаже товаров)’ → ‘целиком и сразу’, *ценить* ‘назначать, определять цену кому-, чему-л., оценивать’ → ‘придавать особое значение кому-, чему-л., дорожить’, *субсидировать* ‘предоставить субсидию’ → ‘*шутл.* снабдить кого-либо деньгами’, *subsidize* ‘субсидировать, дотировать’ → ‘подкупать’.

Метонимические переносы среди экономических обозначений не являются продуктивным способом образования производных. В подкорпусе встречается всего один случай логической метонимии (*карманный* ‘относящийся к карману *(карманные деньги)*’ → ‘приспособленный, удобный для ношения в кармане *(карманные часы)*’. Среди английских обозначений встречаются следующие метонимические модели 1)‘лицо – организация, должность’ (*creditor* ‘кредитор’ → ‘фирма, предоставляющая кредит’, *salaried* ‘получающий жалованье’ → ‘должность штатного, предусматривающая твердый оклад’), 2) ‘процесс’ – ‘результат процесса’ (*donation* ‘передача в дар’ → ‘дар, пожертвование’, *investment* ‘инвестирование’ → ‘инвестиции’, *lending* ‘предоставление займа’ → ‘ссуда, займ, одолженный предмет’). Доля метонимических переносов среди английских обозначений составляет 22 %.

Различия в продуктивности между разными видами семантической деривации в различных тематических группах рассматриваемых терминов представлены в таблице. Показатель в числителе указывает на количество случаев использования данной разновидности семантической деривации, показатель в знаменателе соответствует общему количеству семантических дериватов в рассматриваемом подкорпусе.

Продуктивность видов семантической деривации
в образовании обозначений денег, платежей и финансовых операций

Обозначения	Сужение		Терминологизация		Детерминологизация			
					Метафора		Метонимия	
	рус.	англ.	рус.	англ.	рус.	англ.	рус.	англ.
непроизводные	0/89	0/89	2/31 6,45%	2/89 2,25%	15/89 48,38%	21/89 23,6%	14/31 45,2%	9/89 10,1%
производные	14/58 24%	38/136 27,9%	1/58 2%	44/136 32,3%	13/58 22%	41/136 30,1%	1/58 1,7%	35/136 25,7%

На основании обобщения результатов исследования, анализа слов можно сделать выводы о продуктивности процессов, происходящих в непроизводной финансовой лексике русского и английского языков: самые распространенные процессы – детерминологизация значения, произошедшая в результате метафоризация (48,38 % в русском языке, 23,6 % в английском языке), метонимический перенос (45,2 % в русском языке, 10,1 % в английском языке). Для русских и английских непроизводных обозначений модель терминологизации и сужения значения (6,45 % и 2,25 %) является непродуктивной. Это объясняется тем, что за последнее время заимствованные и исконные экономические термины выходят за рамки узкого «специального» употребления и все шире используются для описания общих обиходных реалий. Различные механизмы семантической деривации русских производных обозначений лежат в основе как терминологизации слов общего языка (2 %), так и образования новых значений экономического термина (24 %). Метафорические переносы выступают в качестве основного способа детерминологизации и расширения значения термина (22 %). Это можно объяснить тем, что «...метафоризация в области абстрактной лексики менее регулярна и продуктивна» [3, с. 22]. В целом в подкорпусе русских производных обозначений денег и финансовых операций преобладает детерминологизация значений. В английском подкорпусе производных обозначений схожая ситуация – детерминологизация значений при помощи метафорических (39 %) и метонимических (47 %) переносов. Степень использования конверсии неодинакова в образовании значений, что обусловлено разной ее продуктивностью (для аналитических языков данный показатель выше, чем для синтетических).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксютенкова, Л. Г.* Деривация как фактор эволюции терминосистемы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Аксютенкова; – Краснодар, 2002. – 21 с.
2. *Мечковская, Н. Б.* Принципы исторического изучения терминологии / Н. Б. Мечковская // Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – С. 200–214.
3. *Прохорова, В. Н.* Лексико-семантическое образование русской терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Н. Прохорова. – М., 1983. –25 с.

М. А. Жданович (*Минск, МГЛУ*)

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

В данной статье анализируются возможности применения метода моделирования для проведения лингвистических исследований. Приводится описание основных свойств и видов лингвистических моделей. Рассмотрены преимущества методов понятийного

и лексикографического моделирования в процессе систематизации терминологии предметной области «Информационные технологии» и отображения ее понятийного пространства. В основу понятийной модели положены семантические отношения, которые были установлены посредством применения метода компонентного анализа значений терминов по их словарным дефинициям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: моделирование; лексикографическое моделирование; понятийное моделирование; свойства моделей; виды моделей; модель предметной области; терминология; термин.

The paper deals with the analysis of modelling as a research method in linguistics. The types and features of linguistic models are defined. The main results of applying the conceptual modelling method to systematisation of the terminology of the subject area «Information Technologies» are shown.

K e y w o r d s: modelling; lexicographic modelling; conceptual modelling; characteristics of models; types of models; subject area model; terminology; term.

Современное общество характеризуется стремительным развитием различных областей знаний. Многочисленные разработки и внедрения специалистов сопровождаются появлением новых понятий, требующих номинации, что обусловливает подвижность понятийно-терминологического аппарата и необходимость его комплексного изучения, в частности систематизации. Для решения данной задачи особый интерес представляет моделирование как метод лингвистических исследований, который применяется при изучении различных уровней языка, и модель как результат таких исследований. К. И. Белоусов отмечает смещение «вектора с “описательности” на “моделируемость” языковых явлений и процессов», что влечет за собой возникновение модельной лингвистики, или теории модельного исследования языковой реальности [1, с. 94].

Как считает И. Н. Ремхе, моделирование позволяет упорядочить и систематизировать как внешние факторы, так и внутренние познавательные системы, выявляя структурные закономерности логики познания и объясняя неопознанные элементы [2, с. 37–38].

По мнению Р. Х. Хайруллиной, Э. Ф. Рахимовой и А. Ф. Сагитовой, моделью является идеальный конструкт, позволяющий получить новые знания об оригинальном объекте [3]. Р. Дж. Мислеви под моделью понимает упрощенное описание более сложной системы, которое позволяет рассуждать об отдельных аспектах данной системы [4, с. 3713–3714]. Он полагает, что в модели не могут быть отражены все элементы реально существующего объекта. Свойства упрощенности модели также придерживаются Т. А. Дедегкаева, Е. С. Орлова [5]. Н. А. Беседина, О. С. Федотова подчеркивают, что смоделированы могут быть как целые объекты, так и их отдельные характеристики [6; 7]. Следовательно, каждому объекту, явлению или процессу может соответствовать неограниченное число моделей, вид которых зависит от конкретной поставленной задачи исследования.

В целом анализ работ [8; 9; 10], раскрывающих сущность метода моделирования, позволил установить следующие свойства, которыми должна обладать модель:

1) построение модели на основе аналогии, которая может быть метафорической, графической, системной, когнитивной [8]. Данное свойство дает понять, является ли полученное средство познания моделью или нет. Модель не может быть тождественной оригиналу, или прототипу, но в то же время не должна разительно отличаться от него;

2) субъективность модели, поскольку отражение той или иной стороны языкового явления зависит от исследователя и поставленной перед ним задачи;

3) трансформируемость модели или возможность ее преобразования, т.е. изучение модели является более информативным в сравнении с оригиналом, который не поддается трансформации;

4) компактность, которая заключается в упрощенной форме модели;

5) формальность модели;

6) объяснительный характер модели;

7) модель выступает идеализацией объекта.

Следует отметить, что прикладные модели несколько отличаются от теоретических [8], например, большей формализованностью, отсутствием различий между собственно лингвистическими и экстралингвистическими аспектами языка, а также отсутствием существенных ограничений, налагаемых на инструмент моделирования.

В лингвистической литературе нет единой классификации моделей. Например, Н. А. Беседина выделяет три типа моделей: модели описания, модели порождения и модели выбора. По мнению автора, указанные типы являются элементами «единой модели коммуникативной компетенции говорящего» [6, с. 122]. К. И. Белоусов выделяет модели первого уровня, или деятельностные / парадигматические, и модели второго уровня, или онтологические. Кроме того, автор подчеркивает, что модель должна не только представлять собой наглядную схему языкового объекта, но и позволять генерировать новые знания об изучаемом объекте [1]. И. Н. Ремхе также говорит о двух видах природы моделирования: объяснительной, посредством которой упорядочивается и логически выстраивается научная теория, и предсказывающая, определяющая модель как схемы внутренних процессов и стратегий, которые наполняются содержанием в зависимости от рассматриваемой области [2, с. 40–41]. Следовательно, прослеживается непосредственная связь между онтологической моделью и описательной природой моделирования, а также между деятельностной моделью и предсказывающей природой моделирования.

Значительное число работ в области лингвистики посвящено когнитивному моделированию. Как полагает О. С. Федотова, трудности в определении логики развития явлений в языке приводят к необходимости применять когнитивные средства, в частности, когнитивное моделирование, в основе

которого лежат категоризация и концептуализация мира [7]. В целом когнитивное моделирование – это схематическое представление структур, с помощью которых организованы знания об окружающем мире [2, с. 43]. Когнитивная лингвистика занимается изучением многообразных структур, каждая из которых представляет собой некую модель структурирования знания [2], например, образные схемы, фреймы, сценарии, метафорические и метонимические модели, полевые модели концептов и т.д.

При проведении комплексных исследований терминологии различных предметных областей применяется также тезаурусное моделирование, которое заключается в реализации трех основных этапов [11]. Первый этап предполагает построение иерархической классификационной схемы понятий определенной предметной области. В данной схеме должен отражаться состав понятийных полей, или терминополей, и иерархические связи между ними. Следовательно, посредством тезаурусного моделирования создается понятийное пространство или понятийная модель исследуемой области. Данная модель должна быть построена таким образом, чтобы на втором этапе вся терминологическая лексика была без остатка распределена между выделенными понятийными полями. Третьим этапом является установление родовидовых, партитивных и ассоциативных связей между самими терминами.

Проведенный анализ специфики реализации метода моделирования в лингвистике позволил установить, что в рамках проводимого исследования по систематизации понятийно-терминологического аппарата динамично развивающейся предметной области «Информационные технологии» (ИТ) представляется целесообразным создание понятийной модели указанной предметной области. С этой целью был проведен анализ семантической структуры 926 однокомпонентных терминов на основе метода компонентного анализа по 3 878 словарным дефинициям и метода обобщения словарных дефиниций, который позволил выделить вербальную фиксацию понятийного содержания терминов, определить их понятийные компоненты и провести их структуризацию. Необходимо указать, что под вербальной фиксацией в работе понимаются слова и словосочетания, которые применяются для построения дефиниций и отражают понятийное содержание терминов [12]. Полученная в результате структуризации понятийных компонентов модель содержит 15 понятийных полей. Данные понятийные поля подразделяются на субполя и микрополя и образуют основу иерархической структуры, которая отображает понятийное пространство предметной области ИТ. Кроме того, понятийная модель позволила указать место каждого выявленного термина в исследуемой области, систематизировать однокомпонентные термины посредством установления семантических отношений между ними, а также определить, являются ли ключевые слова, отобранные из научно-технических текстов, терминами предметной области ИТ. Полученная модель положена в основу создания компьютерного терми-

нологического словаря. Следует отметить, что создание различного рода лексикографических продуктов, структура которых способствует систематизации терминологии определенной предметной области, является результатом лексикографического моделирования [13].

Разрабатываемый компьютерный терминологический словарь включает 921 однокомпонентный и 8 045 многокомпонентных терминов. Каждый однокомпонентный термин снабжен следующей информацией: частеречная принадлежность, нормативный статус, понятийные поля, субполя и микрополя, к которым относится данный термин, а также дефиниция и список терминологических словосочетаний, одним из компонентов которых является заглавный термин. Следует отметить, что дефиниция в разрабатываемом словаре представлена вербальной фиксацией понятийного содержания термина, установленной в результате анализа дефиниций, отобранных из семи толковых словарей предметной области ИТ. Кроме того, один из входов в словарь представлен разработанной понятийной моделью, при этом наличие гиперссылок позволяет получить информацию о каждом понятийном поле, а именно о всех входящих в него однокомпонентных терминах, а также о вербальной фиксации понятийного содержания данных терминов. Следовательно, полученная структура словаря дает возможность установить системность терминологии в направлении от термина к терминосистеме и от терминосистемы к термину.

Таким образом, метод моделирования является одним из эффективных способов систематизации терминологии выбранной предметной области и организации терминов в создаваемом словаре. Кроме того, разработанная модель предметной области может служить критерием для отбора в словник лексических единиц из современных научно-технических текстов, поскольку она позволяет определить лексические единицы, обозначающие понятия выбранной предметной области, и исключить термины, принадлежащие другим предметным областям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоусов, К. И.* Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности / К. И. Белоусов // Вестн. ОГУ. – 2010. – №11 (117). – С. 94–97.
2. *Ремхе, И. Н.* Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования / И. Н. Ремхе. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 144 с.
3. *Хайруллина, Р. Х.* Лингвокогнитивные основы языкового моделирования / Р. Х. Хайруллина, Э. Ф. Рахимова, А. Ф. Сагитова // Мир науки, культуры, образования [Электронный ресурс]. – 2018. – № 3 (70). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnye-osnovy-yazykovogo-modelirovaniya. – Дата доступа : 20.02.2021.
4. *Mislevy, R. J.* Modeling Language for Assessment / R. J. Mislevy // The Encyclopedia of Applied Linguistics. – Blackwell Publishing Ltd, 2013. – Vol. 6. – P. 3713–3721.

5. *Орлова, Е. С.* К вопросу о моделировании языкового знания / Е. С. Орлова, Т. А. Дедегкаева // Вестн. Нижегор. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6(2). – С. 485–490.
6. *Беседина, Н. А.* Когнитивное моделирование процессов репрезентации знаний в морфологии / Н. А. Беседина // Когнитивные исследования языка : материалы междунар. конгр. по когнитивной лингвистике, Тамбов, 22–24 мая 2014 г. / Тамб. гос. ун-т и др. ; отв. ред. Е. И. Голованова. – М. ; Тамбов ; Челябинск, 2014. – Вып. XVIII : Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований. – С. 121–123.
7. *Федотова, О. С.* Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях / О. С. Федотова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 4. – Ч. 2. – С. 199–202.
8. *Комарова, З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / З. И. Комарова. – 5-е изд., стер. – М. : Флинта, 2017. – 818 с.
9. *Кравцова, Ю. В.* Моделирование в современной лингвистике / Ю. В. Кравцова // Вісн. Житомир. держ. ун-ту ім. І. Франка. – 2014. – Вип. 5. – С. 181–189.
10. *Поветкина, Ю. В.* Моделирование как метод лингвистического исследования / Ю. В. Поветкина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 6 (17). – С. 132–136.
11. *Комарова, З. И.* Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике / З. И. Комарова, А. А. Прошина. – Екатеринбург : Форум-книга, 2009. – 276 с.
12. *Шелов, С. Д.* Очерк теории терминологии : состав, понятийная организация, практические приложения / С. Д. Шелов. – М. : ПринтПро, 2018. – 472 с.
13. *Софронова, Т. М.* Лексикографическое моделирование русской и английской пирологической терминологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Т. М. Софронова. – Красноярск, 2013. – 206 л.

А. В. Коваленя (*Минск, МГЛУ*)

ОБОЗНАЧЕНИЕ АРТЕФАКТОВ В ЭКСПЛИКАЦИИ СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА

В статье анализируется роль обозначения артефактов в экспликации степени качества в русском и английском языках. Среди рассмотренных сравнений выделяются такие тематические подгруппы, как «Национальная кухня», «Музыкальные инструменты», «Производство». Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что индивид использует в сравнениях при описании качества неотъемлемые элементы своей культуры.

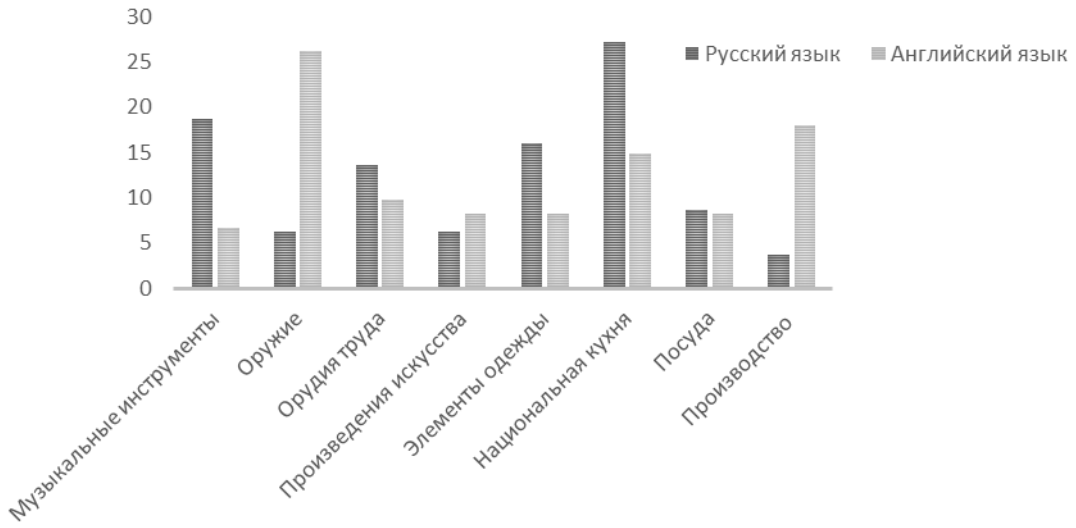
К л ю ч е в ы е с л о в а: качество; оценка; артефакты; культура; сравнение.

The article discusses the role of the designation of artifacts in the explication of the degree of quality in Russian and English. Among the considered comparisons, there are such thematic groups as «national cuisine», «musical instruments», «production». The results of the study allow us to conclude that the individual uses the integral elements of his culture to describe the degree of quality by using comparisons.

K e y w o r d s: quality; evaluation; artifacts; culture; comparison.

Культура, как и язык – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Субъект как культуры, так и языка – это всегда индивид или социум [5, с. 59]. Само понятие культуры многогранно и включает в себя такие компоненты, как культурный фон, концепты, традиции, обычаи, нормы [5, с. 59]. Одним из важных элементов культуры является *артефакт*. В широком смысле слова под артефактами понимается все то, что создается человеком путем преобразования природы и самого себя. Согласно такой трактовке понятия, артефакты включают в себя формы социальной организации и взаимодействия людей, язык, используемые технологии и навыки труда [3, с. 9]. Таким образом, к культурным артефактам относятся музыкальные инструменты, элементы национальной одежды, национальная кухня, произведения искусства, а также выпускаемая продукция.

С целью выявить обозначение артефактов в экспликации степени качества была сделана выборка сравнений из национальных корпусов русского и английского языков, содержащих в себе лексемы с названиями артефактов. Качество – это одна из категорий человеческого мышления, при помощи которой индивид выделяет предмет среди подобных ему [1] по их форме, цвету, вкусовым характеристикам и прочему [2]. Кроме того, она способна указывать на степень превосходства, совершенство вещи; в потребительском плане категория качества указывает на надежность, производительность и долговечность предмета [4, с. 14]. При сравнении определенного качества с названиями артефактов говорящий выражает свою оценку в соответствии со своими убеждениями и нормами, которые приняты в его культуре. Все качества возможно разграничить при помощи шкалы, на которой полюса соответствуют высшей и низшей степени выражения качества. Кроме высшей и низшей интенсификации качества выделяется «нулевое качество», которое располагается в середине шкалы. Нулевое качество представляет собой нейтральный показатель, то есть то, что не совпадает ни с одним из признаков, располагающихся на полюсах шкалы. В то же время то, что располагается на полюсах, расценивается как отклонение от нейтрального показателя. Например, качества *крупное телосложение* и *худощавое телосложение* – это отклонение, нулевое качество для этого примера – *нормальное телосложение*; или этот предмет *слишком мал*, а этот предмет *слишком велик*. Между *слишком мал* и *слишком велик* располагается норма, то есть *предмет подходящего размера* [8, с. 240–241]. В статье рассматриваются примеры сравнений описания качества, которые относятся к отклонению от нейтрального показателя на оценочной шкале. Такой эффект отклонения в положительную или отрицательную сторону осуществляется за счет использования названий артефактов. Среди тематических групп, содержащих образы или лексемы, для описания степени качества артефакты составляют 12,8 % в русском языке и 7,8 % в английском. На рисунке в процентном содержании представлены тематические подгруппы названий артефактов, используемых в сравнениях.



Названия артефактов, используемых при описании степени качества,
в русском и английском языках, %

Согласно данным рисунка в русском языке ключевые подгруппы тематической группы «Артефакты» – это национальная кухня (27,2 %), музыкальные инструменты (18,6 %) и элементы одежды (16 %). В подгруппу «Национальная кухня» входят названия типичных российских блюд. Например, *щи, пельмени, холодец, квас, борщ, блины.* Совершенно беззаботная жизнь сравнивается со щами: *беззаботна жизнь и легка; да к чему она: как щи без соли. Сытно, но не вкусно* [7]. В этом примере *щи* ассоциируются с комфортом и уютом, но отрицательная оценка описания качества жизни осуществляется за счет отсутствия главного вкусового компонента – соли; и щи становятся пресными, как и сама жизнь. Такое сравнение смещает описываемое качество с позиции нулевого к отрицательному показателю, тем самым усиливает степень выраженности признака. Для подчеркивания чьей-либо полноты, как тела в целом, так и его частей, используются сравнения с *пельменем*: *уши пухлые, как пельмени, украшенные изумрудами*; *человек с огромными ушами, как пельменями*; *сам маленький и тугой, как пельмень* [7]. В приведенных примерах превалируют сравнения пельменей с ушами, что объясняется внешней схожестью огромного пухлого уха с этим блюдом. Использование названия блюда, как и в предыдущем примере, интенсифицирует степень качества, указывая на большой размер предмета. Такое сравнение имеет негативный оценочный оттенок. Использование слова *блин* в сравнениях указывает на чье-либо сияние (оценка отрицательная) как в описании внешнего вида, так и внутреннего состояния человека. Например, *лысина сияет, как блин* [7]; или *сиять, как блин от счастья* [7]. При описании плохо выполненной работы в основе сравнения лежит образ скомканного блина на сковородке: *такая ерунда получилась. Как блин на сковородке* [7]. Слово *холодец* используется при описании худощавости человека или для характеристики сильного волнения: *он был хлипкий и худощавый, как холодец «Студенческий» в институтской столовке; сердце*

тряслось от страха, как холодец [7]. В первом примере эффект экспликации степени качества усиливается благодаря использованию образа холодца, который подается не на домашний стол, а в студенческой столовой. Сравнение строится на ассоциациях с чем-то невкусным, без соблюдения определенных правил приготовления блюда. Образ дрожащего сердца, словно холодец, эксплицирует состояние сильного страха и тревоги.

Подгруппу «Музыкальные инструменты» вошли такие названия, как *балалайка, гусли, гармонь, бубен, гармошка, жалейка* и *баян*: *на словах – как на гуслях, а как до дела, так и пороха на заряд нет*; *железная жалейка, стальная ласка* (характеристика русского народа); *солидный, как баян*; *зубы, как гармонь* [7]. Образы гуслей используются в речи для подчеркивания чьей-либо болтливости и легкомысленного отношения к делу; при помощи образов бубна акцентируется пустота как физическая (*магазин пуст, как бубен*), так и ментальная (*он пуст, как бубен* = глуп) [7]. В сравнениях балалайка ассоциируется с простотой выполнения дела, без особых усилий.

В подгруппе «Элементы одежды» фигурируют лексемы *валенок, лапоть, рубаха, кольчуга, сарафан, платок.* Лексемы *валенок* и *лапоть* в сравнениях и метафорах указывают на проявление глупости и излишней простоты, старости: *лапоть необразованный; лапоть старый; девушка пуста, как валенок* [7]. В сравнениях и метафорах со словом *кольчуга* акцентируется внимание на интенсивности сияния предмета: *новое пальто сияет, как кольчуга; река блестит, как кольчуга* [7]. При описании пестроты цвета и буйства красок используются сравнения с сарафаном: *бабочка пестрая, как сарафан: белая в розовый и голубой горошек, с треугольными крыльями* [7].

В английском языке категории «Музыкальные инструменты», «Национальная кухня» и «Элементы одежды» представлены в значительно меньшем объеме, чем в русском языке. Среди названий музыкальных инструментов фигурируют *волынка* и *арфа.* В примерах указывается схожесть звучания предмета с музыкальными инструментами. Среди названий национальной кухни в сравнениях и метафорах встречаются такие блюда, как *пудинг, желе.* Слово *желе*, как и слово *холодец,* в английском языке используется в сравнениях при описании сильного ощущения страха: *her heart was shaking like a jelly* ‘ее сердце тряслось, как желе’ [6]. Названия элементов одежды используются в сравнениях, которые описывают определенные качества человека. Наличие в сравнении определенного вида одежды говорит либо о статусности человека, либо наоборот: *as confident as a person wearing a bowler hat* ‘так же уверен в себе, как человек в котелке’ [6].

В английском языке ключевые подгруппы тематической группы «Артефакты» – это «Оружие» (26,2 %), «Производство» (18 %) и «Национальная кухня» (14,2 %). В сравнениях, включающих в себя названия оружия (*нож, меч, лук*) для описания степени качества, делается акцент на том, что чьи-либо действия или поведение ранят, как оружие: *words cut me like a sword* ‘слова ранили меня, как меч’; скорость: *the horse shot out like an arrow from a bow* ‘конь выстрелил, как стрела из лука = быстро побежал’; сильное

напряжение в теле: *the victim lies with his spine arched, like a bow under tension, and his head forced back* ‘пострадавший лежит, выгнув позвоночник, как натянутый лук, и его голова запрокинута назад’[6]. Особый интерес представляет подгруппа «Производство», включающая в себя известные бренды одежды, технику и другие товары, производимые в Великобритании. Отличительная черта подгруппы – использование названий товаров и услуг как мерила для определения качества других предметов, с которыми они сравниваются. Названия товаров и услуг выступают в роли некоторого эталона либо образца проявления высшего качества или наоборот. Оценочный оттенок зависит от того, насколько определенная продукция удовлетворяет потребителей. Например: *the brand of the day is definitely something like Fred Perry* ‘бренд дня – это что-то похожее на Фреда Перри’ [6], то есть любой другой бренд одежды будет оценен как товар надлежащего качества, если по определенным признакам он соответствует какому-то эталону. В роли таких эталонов при сопоставлении качества продукции выступают такие бренды, как *Rimmel, Burberry, Fred Perry, Reebok, Harris Tweed*: *there’s nothing like Harris Tweed* ‘нет ничего похожего на Харриса Твида’; *you are pumped up like a Reebok shoe right now. – Because I am complete with sweat and that foot smell* ‘ты накачан, как кроссовок Рибок. – Это потому что я весь в поту и этот запах ног’ [6]. Таким образом, популярные бренды используются в сравнениях для интенсификации высокого или низкого качества продукции.

В русском языке в подгруппу «Производство» входят такие названия выпускаемой продукции, как *Камаз*: *огромный/тяжелый, как камаз; Растишка: ты такой высокий, наверное, Растишки объелся* [7]. Для того чтобы подчеркнуть солидность компании, используются такие упоминания в сравнениях, как *Газпром, Лукойл*: *Вы прямо, как Газпром*/*Лукойл* [7]. Находят свое отражение в сравнениях при описании качества и слова, обозначающие название выпускаемых машин. Например, *Лада-Калина*: *эта машина такая же надежная, как наша Лада-Калина*; *быстрая волна была похожа на белую Ладу*; *поменял Ладу на Мерседес* [7] (о мужчине, который женился во второй раз, и первая жена ассоциируется с «мерседесом», а вторая – с «ладой». Имеется в виду, что первая жена была лучше). В первом примере Лада-Калина ассоциируется с качеством и надежностью; во втором примере эксплицируется быстрота и интенсивность цвета предмета; в третьем – выражается отрицательная оценка.

Таким образом, слова, обозначающие названия артефактов, используются в сравнениях и метафорах для экспликации степени качества. Наличие такой лексемы в сравнении способствует усилению описываемого качества за счет ассоциаций, которые возникают у говорящего. Как в русском, так и в английском языке есть ряд уникальных лексем, которые характерны для использования в речи определенной нацией. Например, слова *холодец, самовар, кольчуга, лапоть.* Индивид использует в сравнениях для экспликации степени качества то, что представляет собой неотъемлемую

часть его культуры; о чем он имеет четкое представление; признаки, которыми обладает определенный предмет, для того, чтобы перенести его качества на другой объект. Следует отметить, что наряду с традиционными словами, обозначающими артефакты (*валенок, борщ*), в речи используются и вещи недавнего происхождения: *Растишка, Камаз, Burberry* и прочие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Категории / Аристотель. –Минск : Литература,1998. – 1392 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
3. *Вартофский, М.* Модели. Репрезентация и научное понимание : пер. с англ. / М. Вартофский.– М. : Прогресс, 1988 –508 с.
4. *Гличев, А. В.* Что такое качество? / А. В. Гличев, В. П. Панов, Г. Г. Азгальдов. – М. : Экономика ,1968. – 135с.
5. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 183 с.
6. Национальный корпус английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.english-corpora.org/bnc/. – Дата доступа : 01.02.2021.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/new/. – Дата доступа : 18.02.2020.
8. *Поцелуевский, Е. А.* Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними / Е. А. Поцелуевский // Проблемы семантики. – М., 1974. – 383 с.

Подсекция № 2

И. А. Михалевич (*Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы*)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РОМАНАХ С. И. ВИТКЕВИЧА

В статье проанализированы иноязычные вкрапления в прозе известного польского писателя первой половины XX века С. И. Виткевича. Приводится определение понятия, называются основные причины использования иностранных слов польским автором с учетом их функциональной нагрузки, а также выявляются основные способы введения вкраплений и даются соответствующие примеры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иноязычные вкрапления; иностранное слово; заимствование; польская литература XX века.

This article is devoted to the analysis of foreign language inclusions in the prose of the famous polish writer of the first half of the twentieth century, Stanislaw Ignacy Vitkevich. The paper provides a definition of the concept, names the main reasons for the use of foreign words by the polish author, taking into account their functional load, and also defines the main ways of introducing inclusions and provides relevant examples.

K e y w o r d s: foreign language inclusions; foreign word; linguistic borrowing; Polish literature of the twentieth century.

Проблема анализа иноязычных заимствований встречается в различных областях науки, не исключением является и литературоведение, где заимствования играют особую роль, поскольку, как и любые другие слова, подчиняются индивидуально-авторским особенностям стиля.

Сам термин *иноязычные вкрапления* был введен в обиход в 1966 году советским лингвистом А. А. Леонтьевым, который впервые дал их классификацию и отнес к числу средств «сосуществования двух текстов» [1, с. 62]. Продолжил исследование данного феномена, а впоследствии значительно расширил значение понятия лингвист Л. П. Крысин, понимавший под термином *иноязычные вкрапления* особые группы слов, применение которых зависит от уровня знания говорящим того либо иного иностранного языка, а также зачастую и от жанровых и стилистических особенностей речи [2, с. 8]. Заслуга Л. П. Крысина заключается также в разделении иностранных слов на две большие группы: интернационализмы (могут быть использованы и поняты в текстах любого языка) и слова, которые не являются интернационализмами [2, с. 15]. Вслед за А. А. Леонтьевым и Л. П. Крысиным вопросом описания и классификации иноязычных вкраплений занимались и другие известные лингвисты и ученые, такие как Ю. Т. Люстрова-Правда («Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века»), Л. В. Чернец («Иноязычная речь в художественном произведении»), С. И. Манина («Прагматические функции иноязычных вкраплений»), А. В. Агеева («Типология иноязычных вкраплений в русских текстах») и многие другие. Такое многообразие работ, посвященных иноязычным вкраплениям, объясняет актуальность данного исследования.

В настоящей статье мы обращаемся к творчеству известного польского писателя, философа и художника XX века Станислава Игнация Виткевича (Виткация) (1885–1939). Одна из знаменитых особенностей его художественного стиля – это обилие в текстах различного рода иноязычных вкраплений. Проанализировав два основных романа польского писателя «Pożegnanie jesieni» (1925–1926) ‘Прощание с осенью’ и «Nienasycenie» (1930) ‘Ненасытимость’, мы выяввили, что у Виткевича встречаются заимствования из шести языков (русского, немецкого, английского, французского, латинского и итальянского). Такое разнообразие в рамках одного произведения литературовед В. В. Мочалова объясняет тем, что для Виткевича-философа, стремящегося постичь тайну «единства в многообразии» отдельных существований, такое многообразие языков в одном тексте служило инструментом отражения этой множественности, так как «картина мира не безразлична к тому языку описания, на котором она воссоздана» [3, с. 117].

Анализируя целый ряд разнообразных заимствований в романах С. И. Виткевича, следует особо отметить причины использования иноязычной речи, а именно их функциональную нагрузку в произведениях. Рассмотрим более подробно каждую из них.

1. Отсутствие семантической параллели в польском языке.

*Jakiś nowy zupełnie "**katzenjammer**" (czyż niema na to polskiego słowa?) – prawie obłęd* [4, s. 203]. – 'Какое-то совершенно новое «**похмелье**» (неужели для этого нет польского эквивалента?) – какое-то наваждение' [5, с. 205].

*Na nieprzygotowanego, tonącego w zachwycie Atanazego, zwaliła się góra niewiarogodnej ohydy i przerażenia – przesadził dawkę i cały "**katzenjammer**" czy "**pochmielje**" (dziwne to, że niema na to polskiego słowa), które mogło przyjść nazajutrz powoli, zrealizowało się nagle, w jednej chwili, w najwyższej swej potędze* [4, s. 248]. – 'На неподготовленного, тонущего в восторге Атаназия, обрушилась гора невероятной гадости и ужаса – он перебрал дозу, и все «katzenjammer» или «pochmielje» (странно все-таки, что нет польского эквивалента), которое могло прийти еще только завтра, уже сейчас, в данную минуту происходило, причем в самом мощном исполнении' [5, с. 249].

В обоих примерах автор своими комментариями указывает на отсутствие подходящего польского эквивалента для описания данного состояния.

2. Обозначение другой национальной культуры часто сопровождается обилием иноязычной лексики. Так, к примеру, о быте Индии, куда отправились главные герои «Прощания с осенью», свидетельствует английское "***bullock-cartem***" 'воловья упряжка', которая являлась основным средством передвижения в этой стране:

*Zostawili automobilie i bez służby, puścili się we dwoje tylko, dwukolnym "**bullock-cartem**" w dwa garbate woły, z jednym woźnicą* [4, s. 369]. – 'Оставили автомобили и без слуг отправились вдвоем на «**воловьей упряжке**» – двуколке, запряженной двумя горбатыми буйволами, управляемой одной возницей' [5, с. 371].

3. Знак принадлежности героя к определенной профессии, указание на социальный статус.

*Musi na początku być ta podstawa, to co na przykład Husserl, w stosunku do swojej teorji, nazywa „**phemenologische Enstellung**"* [4, s. 72]. – 'Сначала должна быть такая установка, которую Гуссерль в своей теории называет «**феноменологическая точка зрения**»' [5, с. 73].

В вышеприведенном примере немецкое "***phemenologische Enstellung***" 'феноменологическая точка зрения' используется автором с целью указания на род деятельности Гуссерлья, который является философом.

Отметим, что чаще всего немецкие заимствования появляются в речи персонажей при дебатах на философскую тематику, при этом автор использует выражения известных философов: Канта, Ницше и других.

4. Отражение личного опыта автора.

Романы С. И. Виткевича пестрят упоминанием о России и русскоязычными заимствованиями, что неслучайно, так как были написаны после опыта службы польского писателя в качестве подпоручика лейб-гвардии Павловского полка на русской земле.

*No tak, przecie jako lejtenant służył w "**gwardiejskom ekipażu**", nic dziwnego. – przypominał sobie Atanazy* [4, s. 160]. – 'Ну да, ведь в бытность лейтенантом он служил в «**гвардейском экипаже**», ничего удивительного, – вспомнил Атаназий' [5, с. 159].

*Nic to: pzypominał sobie rozkoszne chwile w "**lejb-gwardji kawalergardzkom połku**"* [4, s. 232]. – 'Ничего подобного: он вспомнил блаженные мгновения в «**лейб-гвардейском кавалерийском полку**»' [5, с. 231].

При этом в отличие от заимствований из других языков русскоязычные предаются в основном при помощи транслитерации, что литературовед В. В. Мочалова объясняет стремлением С. И. Виткевича подчеркнуть принципиальную непереводимость «русского начала», отсутствие аналогов в европейской литературе [3, с. 123].

5. Отражение характеров героев, а также понятий, связанных с эмоциональной сферой.

Так, русская фраза Гели Берц демонстрирует ее вспыльчивую натуру:

***Opupieł, czto li**? – powtórzyła łagodniej Hela* [4, s. 23]. – 'Opupieł, czto li? – повторила уже ласковей Геля' [5, с. 22].

В следующем примере при помощи немецкого вкрапления Зося раскрывает истинную натуру главного героя «Прощания с осенью» Атаназия Базакбала:

*Moralny Kuba Rozpruwacz – "**ein psychischer Lustmörder**"* [4, s. 184]. – 'Моральный Джек Потрошитель – «**психический убийца на почве сладострастия**»' [5, с. 188].

Необходимо также отметить, что для выражения состояний и свойств характера героев, понятий, связанных с эмоциональной сферой, наиболее часто С. И. Виткевич обращается к русским заимствованиям.

Что касается способов введения иноязычных вкраплений, в «Прощании с осенью» и «Ненасытимости» нами были выделены следующие.

1. Наиболее часто встречаются **слова, словосочетания либо даже целые предложения в польской речи персонажа**:

*Azali nie czeka mnie jeszcze raz to wszystko **da kapo** – całe umieranie – i to już po raz trzeci?* [4, s. 104]. – 'Ужель меня ждет все то же еще раз **с начала** – все это умирание – причем уже в третий раз?' [5, с. 100];

*Grał też na fortepianie, ale była to tak zwana "**reine Fingermusik**", bez żadnej na razie przyszłości* [4, s. 111]. – 'Играл он и на фортепиано, но это была так называемая «**музыка исключительно для пальцев**», без какого бы то ни было пока будущего' [5, с. 107].

Ah – non, pas si bête que ça [6, s. 107]. – 'Ну нет – нашли дурака!' [7, с. 102].

2. **Иностранная лексика в польской транслитерации** представлена, как было сказано выше, прежде всего, заимствованиями из русского языка:

W każdom russkom samom błagorodnom czełowiekie jest w głubinie niemnożko griazi i swinstwa [6, с. 157];

*"**Valentinoobraznoje suszczestwo**"* – jak nazwała go wczoraj księżna [6, s. 26]. – '«Valentinoobraznoje suszczestwo» – как назвала его вчера княгиня' [7, с. 20].

3. **Готовые, клишированные фразы на иностранном языке** чаще всего относится к латинским заимствованиям, однако встречаются фразы и на немецком и английском языках:

Umarł na to samo choróbsko, które ja przezwyciężyłem. ***Osteomyelitis scrofulosa*** [6, s. 46]. – Он умер от той же болезни, которую я преодолел. **Туберкулезный остеомиелит** [7, с. 40];

*"**Musik ist höhere Offenbarung als jede Religion und Philosophie**". – Cha, cha! I to powiedziało to wielkie osiemnastowieczne dziecię – Beethoven* [6, s. 55]!

'«**Музыка – более высокое откровение, нежели религия и философия**». – Ха, ха! И это сказало большое дитя восемнадцатого века – Бетховен!' [7, с. 50].

4. **Контаминированное вкрапление**, называемое также явлением «ломаной речи», когда иностранное слово употребляется по законам языка-реципиента. В нижеприведенном примере французское заимствование используется на польский лад, о чем упоминает и сам автор:

Defajdyści, jak z polska po francusku nazwano ***defaite'ystów****, przepełzali bokami jak gady, szepcząc jedynie sobie wzajemnie potworne wiadomości* [6, s. 193]. – Дефайдисты, как на польский лад «по-французски» называли **«дефетистов» (капитулянтов)**, сползались с флангов, как гады, нашептывая друг дружке ужасные вести [7, с. 197].

Принимая такое разделение, мы отметим преимущественную соотнесенность русскоязычных заимствований со вторым способом, немецких и латинских – с третьим.

Говоря о функционировании иноязычных вкраплений, следует отметить функцию языковой компетенции, предложенную Э. А. Китаниной, которая заключается в своеобразной избирательности автора, т.е. он адресует свое творчество не широкому кругу читателей, а лишь части, способной оценить это произведение по достоинству [8, с. 113–115]. Эта функция полностью характеризует замысел С. И. Виткевича, который считал, что его творчество способны понять лишь избранные. Недаром, несмотря на обилие иностранных вкраплений, в оригиналах рукописей писателя нет ни сносок, ни перевода иноязычных слов. При этом зачастую в одном предложении встречаются сразу несколько заимствований из разных языков, например:

W ostatnim wypadku my byśmy, my, garstka ludzi prawdziwych, wartych życia, wygrali na pewno, ***a après nous pust' wsio propadajet*** [6, s. 118]. – 'В последнем случае мы, горстка настоящих, достойных жизни людей, наверняка выиграли бы, а после нас пусть все пропадет' [7, с. 119].

Из всего вышесказанного можно заключить, что иноязычные вкрапления широко распространены в романах С. И. Виткевича. Объясняется это не только самобытностью его творчества, но и в целом интернациональностью

литературного процесса. Наиболее часто встречаются русскоязычные заимствования, которые появляются после российского фрагмента его биографии, а также немецкие заимствования в виде фраз знаменитых немецких философов, писателей и музыкантов. Примечательно, что иноязычные вкрапления по большей части сохраняют свою семантику, что, в свою очередь, дает возможность наиболее точно передать специфику страны или ситуации, о которой идет речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев, А. А*. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – 1966. – С. 60–68.
2. *Крысин, Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 206 с.
3. *Мочалова, В. В.* Семантика русскоязычных заимствований у Ст. И. Виткевича и «образ» России / В. В. Мочалова // Studia polonica: К 60-тилетию Виктора Александровича Хорева : сб. науч. ст. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН ; редкол.: Б. Ф. Стахеев (отв. ред.), О. Р. Медведева, В. В. Мочалова. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. – С. 117–132.
4. *Witkewicz, S. I.* Pożegnanie jesieni : powieść / S. I. Witkewicz. – Warszawa : Niezależna oficyna wydawnicza, 1981. – 450 s.
5. *Виткевич, С. И.* Прощание с осенью: роман / С.И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и примеч. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. – 460 с.
6. *Witkewicz, S. I.* Nitnasycenie / S. I. Witkewicz. – Warszawa. : Państwowy instytut wydawniczy, 1982. – 429 s.
7. *Виткевич, С. И.* Ненасытимость: роман / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и примеч. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2004. – 633 с.
8. *Китанина, Э. А*. Прагматика иноязычного слова в русском языке / Э. А. Китанина. – Ростов-на-Дону : Наука, 2005. – 143 с.

Я. В. Розанова (*Томск, НИ ТПУ*)

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕРМИНОЛОГИИ ПОЛИМЕРОВ
(на примере современного английского языка)

В работе рассматривается процесс формирования корпуса лексических единиц предметно-понятийной отнесенности «Химия полимеров», который соотносится с двумя селективными процедурами: поиском источников для наиболее полного охвата терминологической лексики и отбором терминологических единиц в соответствии с дифференцирующими признаками. Описаны критерии отбора терминологической лексики из аутентичной научно-технической литературы на английском языке. Корпус имеет семасиологическую организацию и носит гетерогенный характер, что подтверждается наличием в нем общеупотребительной лексики в специальном значении, общенаучных и общетехнических единиц, а также сугубо профессиональных терминов. В процессе

формирования корпуса выявлены специфические характеристики данной терминосистемы: неоднородность, обилие номенклатурных единиц, многокомпонентных терминов, наличие широкого ряда синонимов, что свидетельствует о развивающемся, довольно молодом характере исследуемой терминосистемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: терминосистема; химия полимеров; критерии отбора; формирование корпуса; современный английский язык.

The current paper deals with the process of compilation of a corpus comprising lexical units of the terminological system “Chemistry of polymers”. To compile the corpus, two selective procedures need to be followed: firstly, to choose relevant and valid sources according to the principles set in order to reach a greater terminological coverage; secondly, to create a list of terms related to the polymer sphere in compliance with the differentiating characteristics. The author overviews the general requirements for terminology selection and specifies the main ones which have been considered in the course of polymer corpus formation. The original sources, on the basis of which the corpus was compiled, are presented. In the result of the work done, the corpus under discussion has revealed a semasiological organization and a heterogeneous structure. It consists of different types of vocabulary: both general English units in their specified meaning and academic, engineering vocabulary together with specialized polymer-related lexis. The terminological system of polymers has a great number of nomenclature units, attributive groups, synonymous equivalents, which demonstrate its developing character and a relatively young age.

K e y w o r d s: terminological system; chemistry of polymers; differentiating characteristics; terminology selection; corpus compilation; modern English.

Терминология любой области знания служит основным средством обработки, хранения, развития и трансляции знания в науке. Процесс порождения наименований неразрывно связан с развитием самой отрасли. В действительности «термины используются как средство закрепления результатов познания в специальных областях знаний и деятельности; термины, наряду с функцией фиксации, выполняют и функцию открытия нового знания» [1, с. 70]. Данная взаимосвязь прослеживается и в научной сфере «Химия полимеров», которая является одной из наиболее интенсивно развивающихся отраслей. Рост производства полимерной продукции тесным образом сопряжен с появлением новых номинаций, обновлением и укрупнением терминологии. Увеличение объема знаний в разделе науки «Химия полимеров» требует систематизации этой информации, ее структурирования, переработки, упорядочения и т.д. Данной процедуре предшествует поиск тематически релевантных типов источников для наиболее полного охвата терминологической лексики и отбор специальной лексики для формирования корпуса единиц терминосистемы полимеров. Поиск исходного материала для формирования корпуса единиц терминологии полимеров (на материале современного английского языка) включает анализ первичных и вторичных источников, определение степени их терминологической насыщенности. В качестве первичных послужили источники, которые относятся к сфере фиксации терминологии (терминологические словари, справочники, компендиумы в виде сборников терминов), а в качестве вторичных выступили источники, относящиеся к сфере ее функционирования (научные статьи в периодических

изданиях, монографии, учебные пособия, хрестоматии) [2, с. 12; 3, с. 78]. Компиляция корпуса химии полимеров осуществлялась с учетом этих двух сфер применения.

Отбор собственно терминологических единиц затрагивал вопросы, связанные с критериями включения лексической единицы в корпус, разграничением термина от не термина, от общенаучных, смежных и общетехнических единиц. Известно, что одной из функций термина является выражение и формирование профессионального понятия специальной области знания, другими словами, «термины это – слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» [4, с. 61]. При этом однозначность термина может выражаться несколькими лексическими единицами [1, с. 34], что является довольно распространенным явлением в корпусе «Химия полимеров»: *mass-distribution function, weight-distribution function* служат средством выражения одного понятия на рус. ’функция молекулярно-массового распределения полимера’ или *chain identity period, identity period, chain repeating distance, repeating distance* ‘период идентичности полимера’. Выборка терминологических единиц для формирования корпуса требует установления дифференциальных оснований с целью ограничения исходного списка от нерелевантных единиц. Однозначный ответ относительно универсального перечня критериев отбора терминов до сих пор не сформулирован, что остается предметом для дискуссии. Однако в ряде исследований [5; 1; 2; 6; 7] выделяются и обосновываются основополагающие и желательные классификационные признаки термина, к которым относятся: содержательная точность, номинативность, системность, принадлежность термина к специальной области знаний, деривационная способность, тенденция к образованию терминологических оппозиций, мотивированность и т.д.

При отборе специальной лексики для компиляции корпуса «Химия полимеров» единицы рассматривались с позиции синтаксического, семантического и прагматического аспектов [5, с. 31], а также требований, сопряженных с ними. Синтаксический аспект соотносится со строением и формой термина и включал такие характеристики термина, как соответствие норме языка, деривационный потенциал термина, краткость, точнее способы достижения формальной краткости, мотивированность, образные выражения. Также во время отбора единиц учитывалась способность термина образовывать терминологические оппозиции.

Семантический аспект, связанный с содержанием понятия, выражаемого терминологической единицей, включал следующие основания для отбора – однозначность, полнозначность, отсутствие синонимов. Данные критерии соотносятся с таким требованием к термину, как наличие дефиниции, при этом «сама дефиниция должна содержать термины и быть понятна в полной мере профессионалу, а не обывателю» [8, л. 21]. Однако зачастую терминологическая единица может быть знакома «обывателю» и не требовать предметной компетенции для анализа ее содержания. Это обусловлено тем,

что для создания собственной отраслевой терминологии химики пользовались в основном двумя языками: греческим и латинским. Безусловно, это явление повлияло на терминосистему химии полимеров, о чем свидетельствует присутствие латинской приставки *de* (рус. ‘де’), имеющей коннотацию с ‘удалением, ‘отсутствием’ в терминах *delamination* рус. ‘расслоение полимера’, *denaturation* рус. ‘денатурирование’, *depolymerization* рус. ‘деполимеризация’. Греко-латинский след просматривается в использовании конфикса *mono* (греч. *monos* ‘один’) в интернациональном термине *monomer* рус. ‘мономер’ или *poly* (греч. *polys* рус. ‘много’ и *me’ros* рус. ‘часть’) в ключевом термине *polymer* рус. ‘полимер’ и т.д. [9, с. 291]. Требование к отсутствию синонимов не рассматривалось как основополагающее ввиду выраженной синонимии в корпусе: *Kratky-Porod chain, worm-like chain, continuously curved chain* рус. ‘червеобразная цепь макромолекулы’; *apparent molar mass, apparent molecular weight, apparent relative molecular mass* рус. ‘средняя (кажущаяся) молекулярная масса’.

Исходной базой для создания корпуса единиц и его исследования послужили аутентичные научно-технические издания современного английского языка, представленные следующими типами научных документов: собственно-научный, научно-информативный, научно-справочный и учебно-научный [10, с. 178]. Данные классификационные группы первичных и вторичных источников позволили в достаточной степени охватить тематическое поле «Химия полимеров», что составило 1 754 специальные единицы. Словарный состав корпуса научно-технической отрасли «Химия полимеров» имеет семасиологическую организацию и носит гетерогенный характер, что подтверждается наличием в корпусе общеупотребительной лексики в специальном значении, общенаучных и общетехнических единиц, а также сугубо профессиональных терминов. Общенаучная лексика – *theory* рус. ‘теория’, *structure* рус. ‘структура’, *variable* рус. ‘переменная величина’, *sequence* рус. ‘последовательность, цепь’, *experiment* рус. ‘эксперимент’; общетехническая лексика – *calculations* рус. ‘расчёты’, *equation* рус. ‘уравнение’, *length* рус. ‘длина’, *plot* рус. ‘точечная диаграмма’, ‘схема’; узкопрофессиональная лексика – *addition polymerization* рус. ‘поликонденсация’, *board-shaped polymer* рус. ‘жесткоцепной полимер’, *photochemical aging* рус. ‘фотохимическое старение’, *sintering* рус. ‘спекание’; общеупотребительные слова в специальном значении – *backbone* – общеизвестное значение слова на рус. ‘главная опора’ (Cambridge Dictionary: электронный ресурс), узкоспециальное значение в терминологии полимеров на рус. ‘главная цепь макромолекулы’ (Англо-русский словарь по химии и технологии полимеров); *blooming* – общеизвестное значение слова на рус. ‘цветущий’, ‘пышущий здоровьем’ (Merriam Webster Dictionary: электронный ресурс), узкоспециальное значение в терминологии полимеров на рус. ‘выпотевание’ (Англо-русский словарь по химии и технологии полимеров) и т.д.

Предварительный анализ корпуса позволил судить о довольно молодом и формирующемся характере данной терминосистемы ввиду присутствия

в выборке многокомпонентных терминологических сочетаний (*drying control chemical additive* рус. ‘DCCA реагенты, химические регуляторы структурообразования’; *even-membered liquid-crystal dimer* рус. ‘жидкокристаллический димер с четным количеством атомов углерода’; *main-chain polymer liquid crystal* рус. ‘основная цепь жидкокристаллического полимера’) и эксессивной синонимии. За единицу отбора принимался термин, соотносимый с одним понятием независимо от количества компонентов в составе термина, например: *wear* рус. ‘износ’, *tack* рус. ‘межфазная адгезия’, *lower critical solution temperature* рус. ‘нижняя критическая температура растворения’, *number-average relative molecular mass* рус. ‘среднечисловая молекулярная масса’. Также в состав корпуса были включены: а) имена собственные, фигурирующие в корпусе в качестве терминов-эпонимов *Avrami equation* рус. ‘уравнение Аврами’, *Flory constant* рус. ‘константа Флори-Хаггинса’, *Fréedericksz transition* рус. ’переход Фредерикса’; б) номенклатурные единицы: *chloroacetate* рус. ‘хлорацетат’, *acrylonitrile* рус. ‘акрилонитрил’ и т.д.; в) сокращения (при этом само сокращение и слово, подвергшееся контракции, считались отдельными единицами, так как при последующем сегментировании корпуса подобные словоупотребления могут быть отнесены в разные словарные сегменты): *CAP cellulose acetate propionate* рус. ‘ацетопропионат целлюлозы’, *EC ethyl cellulose* рус. ‘этилцеллюлоза’, *EP epoxide* рус. ‘соединение с эпоксидным циклом’; г) гибридные образования, где продуктивная часть имеет буквенное или нумерологическое обозначение: *z-average molar mass* рус. ‘z-средняя молекулярная масса полимера’, *X-ray resist* рус. ‘рентгенорезист’; д) дериваты принимались за отдельную единицу корпуса: *alkylation* рус. ‘алкилирование’, *alkylated* рус. ‘алкилированный’, *alkylating* рус. ‘алкилирующий’; *ablation* рус. ‘абляция, унос массы’, *ablator* рус. ‘абляционный материал’; е) термин, представленный несколькими вариантами, для выражения одного и того же понятия считался одной единицей: *cyclic polymer / ring polymer* рус. ‘кольцевой полимер’; ж) единица, представленная разными вариантами написания: *polymerization / polymerization* рус. ‘полимеризация’, учитывалась как совпадающая; з) форма единственного и множественного числа термина не учитывалась, так как при переходе от одной формы слова к другой не происходило изменений в семантике термина: *homopolymer / homopolymers* рус. ‘гомополимер’ / ‘гомополимеры’; *oligomer* / *oligomers* рус. 'олигомер’ / ‘олигомеры’. В корпус не вошли: а) сокращенные названия организаций и торговых марок, б) вышедшие из употребления термины, в) имена собственные, обозначающие исторических личностей или географические объекты, г) единицы академической и общеинженерной лексики, не ограниченные специальным значением, подверглись элиминации квантитативным методом.

Формирование корпуса терминосистемы «Химия полимеров» представляет собой два взаимосвязанных этапа, включающих поиск, отбор источников терминологической лексики с учетом регистра, синхронности, семантической ценности, нормативности и селекцию самих терминологических

единиц в соответствии с установленными дифференцирующими критериями. Термины, включенные в состав корпуса в соответствии с критериями отнесенности, позволили выявить специфические характеристики данной терминосистемы, а именно: гетерогенность, обилие номенклатурных и многокомпонентных терминологических единиц, наличие широкого ряда синонимов, присутствие общеупотребительных слов в специальном значении, высокую словообразовательную способность терминолексики, что свидетельствует о развивающемся, довольно молодом характере терминосистемы «Химия полимеров».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лейчик, В. М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
2. *Герд, А. С.* Основы научно-технической лексикографии: как работать над терминологическим словарем / А. С. Герд. – Л. : ЛГУ, 1986. – 73 с.
3. *Гринев-Гриневич, С. В*. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь / С. В. Гринев-Гриневич. – М. : Либроком, 2009. – 224 с.
4. *Реформатский, А. А*. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 275 с.
5. *Гринев-Гриневич, С. В.* Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
6. *Лотте, Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 158 с.
7. *Суперанская, А. В.* Общая терминология: Вопросы теории / А. В.Суперанская. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.
8. *Зяблова, О. А*. Принципы исследования языка для специальных целей (на примере языка экономики): дис. …д-ра филол. наук : 10.02.19. – М., 2005. – 316 л.
9. *Розанова, Я. В.* Становление терминологии отрасли «Химия полимеров» в английском языке / Я. В. Розанова // Страны. Языки. Культура : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 дек. 2019 г. – Махачкала : ДГТУ, 2020. – 391 с.
10. *Брандес, М. П.* Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1983. – 271 с.

Е. В. Романаускас (*Минск, МГЛУ*)

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ ‘ИМЯ СОБСТВЕННОЕ’

Данная статья посвящена исследованию русскоязычных паремий с компонентом ‘имя собственное’. Уделено внимание определению термина *паремия* и его месту во фразеологии. Проведен анализ употребления паремий с компонентом ‘имя собственное’ в русскоязычном дискурсе при помощи Национального корпуса русского языка. Результаты исследования приведены в виде статистических данных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паремиология; пословица; поговорка; имя собственное; корпус.

This article is dedicated to Russian proverbs and saying with proper names. The author discusses the concept of proverbs and adages and their place in phraseology. The author analyses the usage of proverbs and adages with the “proper name” component in Russian discourse with the help of The Russian National Corpus. The research results are presented in the form of statistical data.

K e y w o r d s: paremiology; proverb; adage; proper noun; corpus.

Объектом данного исследования являются русскоязычные паремии с компонентом ‘имя собственное’. Для начала уточним терминологию, а затем перейдем к непосредственному анализу самих единиц и их дискурсивного функционирования.

Под термином *паремия* многие современные исследователи понимают афоризмы народного происхождения – краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения; с самых древних времен афоризмы постоянно сопутствовали всем цивилизациям мира, они синтетически обобщали мудрость народа, отображали его интересы и чаяния, являясь своеобразными сгустками общественного мнения [1, с. 3]. Советский фольклорист и паремиолог Г. Л. Пермяков определял понятие *паремиология* следующим образом: «паремиология – это наука, изучающая пословицы и поговорки» [2, с. 11].

Советский филолог Н. Т. Федоренко отмечает, что «пословицы – важнейший материал для изучения исторических событий, этнографии быта и мировоззрения народа. <…> Поговорки же представляют собой народные, устойчивые в речи, меткие выражения, в отличие от пословиц не имеющие законченного умозаключения. Поговорка одночленна и являет собой как бы половину пословицы: *палка о двух концах, дело мастера боится, совет да любовь* и т.д.» [1, с. 36].

Авторы книги «Фразеология и паремиология» Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко также занимались вопросом разграничения пословиц и поговорок. Они подчеркивали, что «пословицы имеют ряд существенных различий в содержании, структуре и семантике» [3, с. 245]. Авторы дают следующие определения понятиям *пословица* и *поговорка*: «таким образом, пословицы – это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и “безóбразную” структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста. Поговорками считаются устойчивые выражения не эквивалентные суждению. Поговорки не обладают семантической независимостью от внешнего контекста, и их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь» [3, с. 249].

В состав паремий могут входить лексические единицы разнообразной семантики. Достаточно многочисленна в русском языке и группа паремий, опорным словом которых является имя собственное.

Современные лингвисты по-разному определяют понятие *имя собственное*. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» оно детермини-

руется следующим образом: «Собственное имя (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [4, с. 358]. В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии» дается схожее определение понятия: «Имя собственное – существительное (субстантиват), называющее предмет, лицо или явление как единичное, индивидуальное, безотносительно к признакам, служащим для выделения класса предметов. К этому классу относятся имена личные, фамилии, названия разнообразных географических и астрономических объектов, индивидуальные наименования транспортных средств, произведений литературы и искусства и т.п.» [5, с. 17].

На основе приведенных выше определений можно сделать вывод, что главное предназначение имени собственного состоит в выделении какого-либо объекта из ряда ему подобных для подчеркивания его индивидуальности, что отличает его от имени нарицательного, главной целью которого является назвать определенный предмет, соотнося его с классом однотипных либо родственных предметов.

Все многообразие имен собственных в изучаемых языках допускает их классификацию. В частности, в современной русской ономастике наиболее признанной является классификация имен собственных А. В. Суперанской. В зависимости от критерия, положенного в основу, автор выделяет следующие группы классификаций [6, с. 66]:

а) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые. В зависимости от именуемого объекта она выделяет антропонимы – личные имена людей; зоонимы – клички животных; мифонимы − имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпопеях, сказках, былинах;

б) наименования неодушевленных предметов: топонимы – наименования населенных пунктов; космонимы и астронимы – наименования космических объектов; фитонимы – наименования растений; названия средств передвижения; сортовые и фирменные названия;

в) имена собственные комплексных объектов: названия предприятий, учреждений; хрононимы – имя исторически значимого отрезка времени; названия праздников, торжеств; названия мероприятий, войн; названия произведений литературы; документонимы; названия стихийных бедствий; фалеронимы – имена собственные ордена, медали. Н. В. Подольская в своем «Словаре русской ономастической терминологии» расширяет классификацию А. В. Суперанской. Она выделяет следующие группы имен собственных [7, с. 8]:

1) имена космического пространства (космонимы, астронимы);
2) имена земного пространства (топонимы);
3) имена земного пространства (живая и неживая природа);
4) имена живого и неживого пространства (суши и мирового океана);
5) имена сфер человеческой деятельности.

На основе вышеприведенных классификаций можно сделать вывод, что система имен собственных богата и разнообразна. Попробуем изучить их разновидности в составе паремий на конкретных примерах (211 единиц), отобранных в результате сплошной выборки из книги «Народная мудрость. Сборник русских пословиц» [8]. Что касается семантики имен собственных в составе паремий, в исследуемом материале отмечены два основных вида имен собственных: антропонимы и топонимы. Антропонимы представлены именами (183 паремии, напр., *как у Сенюшки две денежки – так Семен да Семен, а как у Сенюшки нет ни денежки, так ни во что и сам Семен*; *по Сеньке – шапка, по Ивашке – рубашка, по Еремке – колпак*; *на Ивана слава, а виноват-то Савва*).

Топонимы представлены названиями стран (7 единиц: *я тобой горжусь, милая Русь*; *природа создала Россию только одну: она соперниц не имеет*; *Россия – огромная сила*; *России не быть покоренной*; *чтобы Россия была сильна – налоги плоти сполна*; *кому на Руси живется хорошо – платить налоги не грешно*; *в России три напасти: дураки, дороги и налоги*) и городов (18 единиц, напр., *все дороги ведут в Москву*; *Москва – мать городов русских*; *Москва слезам не верит*).

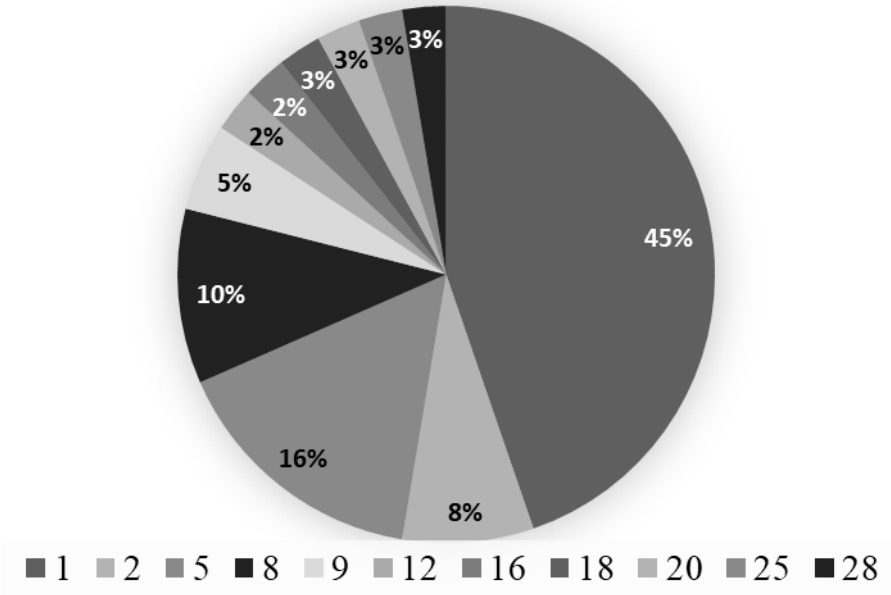
Кроме того, среди отобранных паремий встречаются единицы, включающие названия праздников и торжеств (3 единицы: *напекла Хавронья на Маланьину свадьбу*; *вот тебе, бабушка, и Юрьев день*; *без Троицы дом не строится*).

Таким образом, в отобранных паремиях с компонентом ‘имя собственное’ антропонимы составляют 87 %, топонимы – 12 %, а группа названий праздников и торжеств – 1 %. Среди топонимов астионимы составляют 72 %, а хоронимы – 28 %. Наиболее частотными по употреблению именами собственными являются: *Москва* (18), *Иван* (14), *Фома* (14), *Россия/Русь* (7), *Филат* (6), *Пахом* (5).

В качестве источника употребления искомых паремий был выбран Национальный корпус русского языка. Он охватывает прежде всего период от середины XVIII до начала XXI века, представляющий как язык предшествующих эпох, так и современный, в разных социолингвистических вариантах – литературном, разговорном, просторечном, отчасти диалектном. В корпус включаются оригинальные (непереводные) произведения художественной литературы (проза и драматургия, в дальнейшем также поэзия), имеющие культурную значимость, а также представляющие интерес с точки зрения языка. Но Национальный корпус ни в коей мере не является только корпусом языка художественной литературы. Помимо художественных текстов, в корпус в большом количестве включаются и другие образцы письменного (а для современного этапа – и устного) языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, публичные выступления, частная переписка, дневники, документы и т.п. [9].

В результате работы с Национальным корпусом русского языка были найдены примеры для 38 паремий. В большинстве случаев для одной

единицы был выявлен 1 случай употребления (17 паремий). Рекордное число раз (28) использовалась паремия *Москва слезам не верит*. На втором месте по частоте употребления находится паремия *по Сеньке – шапка, по Ивашке – рубашка, по Еремке – колпак* (25), на третьем – *Федот, да не тот* (20), на четвертом – *на бедного Макара и шишки валятся* (18), на пятом месте – *твердит, что сорока Якова, одно про всякого* (16), на шестом – *Москва белокаменная* (12). Остальные единицы употреблялись в 9 случаях (2 паремии), 8 случаях (4 паремии), 5 случаях (6 паремий) и 2 случаях (3 паремии) соответственно. Полученные данные можно представить в виде следующей диаграммы (рисунок).



Случаи употребления паремий

Все отобранные источники можно разделить на следующие группы: 1) произведения художественной литературы, 2) публицистика, 3) мемуары, 4) интернет-форумы. Из общего числа источников (188) 157 (84 %) принадлежит к первой группе, 23 (12 %) – ко второй группе (из них 5 принадлежит к категории «газеты» и 18 к категории «журналы»), 6 (3 %) – к третьей группе и 2 (1 %) к четвертой группе соответственно.

Употребление искомых паремий охватывает период с середины XVIII до начала XXI века. Шесть случаев употребления паремий (3 %) относятся к XVIII веку, 61 случай (32 %) – к XIX в., 90 случаев (48 %) – к XX в., 31 случай употребления (17 %) относится к XXI веку.

Таким образом, наибольшее количество отобранных паремий с компонентом ‘имя собственное’ (84 %) употребляется в произведениях художественной литературы XIX и XX вв. соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоренко, Н. Т.* Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.

2. *Пермяков, Г. Л.* Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
3. *Алефиренко, Н. Ф.* Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалаврского уровня филол. образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
4. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энцикл., 1990. – 709 с.
5. *Варбот, Ж. Ж.* Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1998. – 54 с.
6. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного. / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
7. *Подольская, Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
8. *Якутин, Ю. В.* Народная мудрость : сб. рус. пословиц / Ю. В. Якутин. – 2-е изд. – М. : Издат. дом «Экономическая газета», 2009. – 320 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new/index.html. – Дата доступа : 04.08.2020.

Е. Г. Устименко (*Минск, МГЛУ*)

СЛОВАРНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ МЕТАЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности метаязыка словарных толкований глаголов движения, обозначающих направления вверх, вниз, внутрь, наружу, в русском и немецком языках. Установлено, что в сравниваемых языках дефиниции глаголов движения отличаются по объему представленной информации, а также по типам информации. Специфика семантики глаголов движения с дейктическими элементами *hin* / *her*, обозначающих направление, в немецком языке связана с особенностью репрезентации пространства, что находит отражение в дефиниции глаголов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метаязык; дефиниция; глаголы движения; направление движения; русский язык; немецкий язык.

The article deals with the metalanguage features of definitions of the motion verbs, denoting the directions up, down, inward, outward in Russian and German. It has been established that in the compared languages the definitions of the motion verbs differ in the amount of information presented, as well as in the types of information. In German the specificity of the semantics of the motion verbs with deictic elements *hin* / *her*, denoting direction, is connected with the peculiarity of spatial representation, which is revealed in the definition of the verbs.

K e y w o r d s: metalanguage; definition; motion verbs; direction of motion; the Russian language; the German language.

Одной из актуальных задач лексикографии является проблема толкования лексических единиц. В разных лексикографических источниках одно и то же слово толкуется различно. Для решения данной проблемы лингвисты, занимающиеся составлением толковых словарей, а также исследователи,

работающие в русле лексической семантики, пытаются разработать метаязык описания словарных дефиниций. Р. О. Якобсон в «Избранных работах» вводит понятие метаязыка и связывает его с процессом усвоения языка ребенком. Ученый полагает, что «развитие языка ребенка зависит от его способности вырабатывать в себе метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке» [1, с. 316].

Исследователи О. С. Ахманова, Н. Б. Гвишиани, исследуя метаязык лингвистики, трактуют данное понятие более узко и полагают, что метаязык является частью естественного языка. О. С. Ахманова в словаре лингвистических терминов дает следующее определение метаязыка: «язык “второго порядка”, т.е. такой язык, на котором говорят о языке же (языке-объекте); язык, объектом которого является содержание и выражение другого языка» [2, с. 224]. Н. Б. Гвишиани, изучая метаязык языкознания, также определяет его как «“язык второго порядка”, по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как язык-объект, т.е. как предмет языковедческого исследования» [3, с. 64].

Ученый М. Бирвиш, исследуя некоторые семантические универсалии немецких прилагательных, задается вопросом: что является универсальными элементами языка и как их можно установить? По его мнению, чтобы ответить на этот вопрос, нужно учитывать не только связь языка и мышления, наличие семантических примитивов и возможность их интерпретации, но и проводить предварительный анализ разных языков, принимая во внимание психологические, физиологические и биологические особенности. Ученый формулирует по этому вопросу эвристический принцип, согласно которому «семантический анализ лексической единицы завершен, если он приводит к сочетанию базовых элементов, которые являются истинными составляющими универсального набора семантических признаков, т.е. которые можно интерпретировать с точки зрения основных понятий апперцептивного аппарата человека» [4, p. 35].

Одной из значимых семантических концепций о метаязыке описания значений в лингвистике является концепция А. Вежбицкой. Согласно данной концепции семантическим метаязыком является часть естественного языка со своим словарем и синтаксисом. Данный метаязык состоит из семантических примитивов, т.е. простейших семантически неделимых элементов, с помощью которых возможна декомпозиция более сложных значений в простые. Данные семантические примитивы характеризуются универсальностью, так как могут переводиться на все языки [5, с. 8–9; 6].

Еще одна семантическая концепция, связанная с проблемой языка толкований, была разработана в 1960-ых годах представителями Московской семантической школы (А. К. Жолковским, И. А. Мелчуком, Ю. Д. Апресяном). Подходы к метаязыку описания значений изложены в лингвистической модели «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука. Согласно данной модели естественный язык – это своего рода преобразователь смысла в текст и наоборот [7; 8, с. 12]. Модель «Смысл ↔ Текст» является многоуровневой,

и процесс построения текста с заданным смыслом проходит через все уровни, начиная от уровня языкового текста (фонологического) до уровня языкового смысла (семантического). При этом между этими уровнями находятся синтаксический и морфологический, отражающие особенности фразы и словоформы. Все уровни, кроме семантического, делятся на поверхностные и глубинные подуровни. В данной концепции семантический язык конструировался как своего рода логический язык, состоящий из искусственных слов, общечеловеческих понятий [7; 8].

Теория «Смысл ↔ Текст» во многом схожа с семантической концепцией А. Вежбицкой. Однако можно выделить два различия. В Московской семантической школе полагают, что множество семантических примитивов возникают стихийно в результате толкования, в концепции Вежбицкой примитивы являются результатом сознательного «языкового строительства». Второе отличие – универсальность семантических примитивов. В Московской семантической школе, в отличие от А. Вежбицкой, не разделяют положение о том, что семантические примитивы можно перевести на разные языки, что придает, по мнению Вежбицкой, универсальный характер метаязыку [5, с. 9].

Исследователь Ю. Д. Апресян на примере выделенных Вежбицкой семантических примитивов *want* и *хотеть* показывает, что семантические примитивы не всегда просты по смыслу и поэтому не характеризуются универсальностью. Так, значение английского глагола *want* пересекается со значением глагола *wish*. Первый глагол, наряду с идеей чистого желания, выражает идею нужды, недостатка, отсутствия, а глагол *wish* – идею беспредметности желания. Следовательно, более простой семантический компонент, репрезентирующий пересечение значения данных глагольных единиц, никак не вербализуется в английском языке [9, с. 36].

То же самое прослеживается и в значении русских глаголов *хотеть* и *желать*. Значение *хотеть* не отражает полностью значение глагола *желать*. Глагол *хотеть*, помимо идеи чистого желания, выражает идею потребности, действенной воли, намерения. Специфика глагола *желать* заключается не только в его значении, но и в прагматике. Таким образом, в русском языке также не вербализуется более простой компонент, составляющий пересечение значений глаголов *хотеть* и *желать* [Там же, с. 36–37].

Ученый Ю. Д. Апресян делает вывод о том, что с помощью семантического метаязыка, мыслимого как подъязык языка объекта, хорошо описывается национальная семантика. Универсальная семантика должна строится на основе искусственного логического языка, примитивы которого – семантические кварки – это реально существующие смыслы, никогда не вербализуемые в естественном языке [Там же, с. 38].

Поддерживая идею Ю. Д. Апресяна об универсальной семантике, Н. В. Перцов в статье «К проблеме построения семантического метаязыка» оспаривает тезис о том, что семантика естественного языка должна строиться на базе ограниченного подъязыка естественного языка. Автор полагает, что помимо языковых средств естественного языка, необходимо использовать искусственные слова-конструкторы, позволяющие раскрыть значение той

или иной единицы. Основным аргументом является то, что в каждом языке есть лингвоспецифичные единицы, которые не имеют прямых аналогов в других языках, следовательно, не могут быть точно переведены на другие языки [10].

Таким образом, анализ литературы показал, что семантический метаязык представляет собой подъязык естественного языка со своим словарем и синтаксисом.

Цель данной статьи – рассмотреть и сравнить метаязык словарных дефиниций глаголов движения, обозначающих направления вверх, вниз, внутрь, наружу, в русском и немецком языках. Материалом исследования послужили дефиниции глаголов движения (их первого значения), приведенные в одних из самых авторитетных толковых словарей: малого академического словаря под редакцией А. П. Евгеньевой в русском языке [11] и толкового словаря «Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» в немецком языке [12].

Анализ словарных дефиниций исследуемых глаголов показал, что в сравниваемых языках используются разные подходы при толковании. Выявлено, что в русском и немецком языках толкования отличаются по двум параметрам: объему и типам информации. Рассмотрим некоторые дефиниции глаголов движения, обозначающих определенное направление. Дефиниция глагола *вспорхнуть* – «**быстро** взлететь, **легко** подняться вверх (**о птице**, **бабочке** и т.п.)». В немецком языке переводным эквивалентом служит глагол *aufflattern*, толкование которого «**flatternd** auffliegen» ‘развеваясь / колыхаясь, взлетать’. Из дефиниции немецкого глагола выводится информация о манере перемещения вверх. В русском языке в толковании глагола *вспорхнуть* содержится информация о скорости и характере полета вверх, а также о субъекте перемещения.

Глагольная единица *карабкаться* толкуется как «лезть вверх, цепляясь ногами и руками, хватаясь за что-либо». В немецком языке переводными эквивалентами данного глагола являются лексемы *klettern*, *hinaufklettern*, *heraufklettern*. Дефиниция *klettern* – «nach oben, **über ein Hindernis** gelangen, wobei Hände, **Füße**, Beine zum Festhalten, Festklammern benutzt werden», дословно: ‘подняться вверх, преодолевая препятствие, используя руки, ступни, ноги при удерживании, хватании’, глагол *hinaufklettern* толкуется как «nach [**dort**] oben, in die Höhe klettern», дословно: ‘карабкаться туда вверх, в высоту’, глагол *heraufklettern* – «**von dort** unten **hierher** nach oben klettern», дословно: ‘карабкаться оттуда снизу сюда вверх’. В русском языке дефиниция глагола *карабкаться* более компактная по сравнению с дефиницией глагола *klettern*. В немецком языке более подробно членится информация о частях тела, с помощью которых субъект карабкается, помимо рук и ног, используются ступни. Кроме того, в толковании глагола *klettern* содержится семантический признак ‘преодоление препятствия’. В словарных дескрипциях немецких коррелятов *hinaufklettern*, *heraufklettern* профилируется информация о направлении по отношению к говорящему либо от говорящего, что никаким образом не отражается в толковании глагола *карабкаться* в русском языке. Данный семантический компонент в значение глагольных единиц в немецком языке привносят дейктические элементы *hin* / *her*.

Позиция по отношению к говорящему или от говорящего объективируется в семантике таких глаголов, как, например, *hineinfliegen* / *hereinfliegen* ‘влететь’, *hinauslaufen* / *herauslaufen* ‘выбежать’. Данная особенность отражается в их дефиниции: *hereinfliegen* – «**von dort** draußen **hierher** nach drinnen fliegen», дословно: ‘лететь оттуда снаружи сюда внутрь’, *herauslaufen* – «**von dort** drinnen **hierher** nach draußen laufen», дословно: ‘бежать оттуда изнутри сюда наружу’. Несмотря на отсутствие указания на позицию от говорящего, в дефинициях лексем *hineinfliegen* – «in etwas fliegen», дословно: ‘лететь во что-то’, *hinauslaufen* – «nach draußen laufen», дословно: ‘бежать наружу’, данная особенность характерна для семантики этих глагольных единиц. Помимо глаголов *hineinfliegen* / *hereinfliegen*, *влететь* имеет еще один переводной эквивалент в немецком языке – глагол *einfliegen*, толкование которого «hineinfliegen; in etwas fliegen» ‘влететь; лететь во что-то’. В русском языке глаголы *влететь*, *выбежать* толкуются следующим образом: *влететь* – «летя, на лету проникнуть, попасть куда-либо», *выбежать* – «бегом удалиться откуда-либо; бегом появиться где-либо». Проанализировав словарные дефиниции данных глаголов в сравниваемых языках, мы установили, что в немецком языке для толкования используется производящий глагол (*fliegen* ‘лететь’, *laufen* ‘бежать’), обозначающий способ перемещения. В русском языке данные глагольные единицы толкуются с помощью наречий, обозначающих способ перемещения (*на лету*, *бегом*), и других пересекающихся по значению глаголов (*проникнуть*, *попасть*; *удалиться*, *появиться*).

Схожими по объему и типам информации являются словарные толкования глагола *падать* и его коррелята *fallen*. *Падать* означает «валиться на землю, устремляться сверху вниз под действием собственной тяжести, **перестав удерживаться где-либо**», дескрипция глагола *fallen* – «(von einem Körper) durch seine Schwere **aus einer bestimmten Höhe** abwärts-, in Richtung Boden bewegt werden» ‘(о теле) под действием своей тяжести двигаться **с определенной высоты** вниз, по направлению к земле’. В русском языке в толковании содержится указание, в результате чего происходит падение, так как объект или субъект перестает удерживаться. В немецком языке конкретизируется точка падения, т.е. падение происходит с определенной высоты.

Таким образом, проанализировав словарные толкования глаголов движения, обозначающих направления вверх, вниз, внутрь, наружу, мы установили, что дефиниции данных глаголов в русском и немецком языках отличаются по объему и типам информации. Специфика глаголов движения, обозначающих направление, в немецком языке связана с особенностью репрезентации пространственных отношений по направлению к говорящему либо от говорящего. Данный компонент в семантику глаголов движения привносят дейктические элементы *hin* / *her*. Анализ словарных толкований показал, что в сравниваемых языках в дефинициях глагольных единиц представлены разные семантические компоненты, что затрудняет сопоставление семантики коррелирующих глаголов. Для выявления более полного набора семантических компонентов изучаемых глаголов необходимо учитывать особенности метаязыка, а также привлечь контекстуальный анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон, Р. О.* Речевая коммуникация / Р. О. Якобсон // Избр. работы : пер. с англ., нем., фр. яз. ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – С. 306–318.
2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов : [около 7 000 терминов] / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
3. *Гвишиани, Н. Б.* К вопросу о метаязыке языкознания / Н. Б. Гвишиани // Вопр. языкозн. – 1983. – № 2. – С. 64–72.
4. *Bierwisch, M.* Some semantic universals of german adjectivals / M. Bierwisch // Foundations of Language. – 1967. – № 3. – P. 1–36.
5. *Падучева, Е. В.* Феномен Анны Вежбицкой / Е. В. Падучева // Язык. Культура. Познание : пер. с анг. / отв. ред. М. А. Кронгауз. – М. : Рус. словари, 1996. – С. 5–32.
6. *Wierzbecka, A.* Semantics. Primes and Universals / A. Wierzbecka. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1996. – 500 p.
7. *Мельчук, И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» : семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. – М. : Наука, 1974. – 314 с.
8. *Мельчук, И. А.* Язык : от смысла к тексту / И. А. Мельчук. – М. : Яз. слав. культуры, 2012. – 176 с.
9. *Апресян, Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах / Ю. Д. Апресян // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. – 1994. – Т. 53. – № 4. – С. 27–40.
10. *Перцов, Н. В.* К проблеме построения семантического метаязыка [Электронный ресурс] / Н. В. Перцов // Тр. междунар. конф. «Диалог – 2006». – Режим доступа : http://www.dialog-21.ru/media/1994/percov.pdf. – Дата доступа : 21.02.2021.
11. МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. язык, 1981–1984. – 4 т.
12. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.duden.de. – Дата доступа : 25.03.2020.

Л. В. Парахонько (*Бельцы, БГУ им. А. Руссо*)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПЛЕОНАСТИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Данная статья посвящена изучению семантических возможностей плеонастических оборотов на материале рекламы, прессы и художественных произведений. Рассматриваются условия определения границы между нормативностью и ненормативностью данного феномена. Выявляется возможность рассмотрения плеоназма как негимпликационального образования, которое представляет собой совокупность понятий отрицательной импликации, т.е. семантических признаков, несовместимых с интенсионалом экспликандума. В связи с этим отмечается способность плеонастических сочетаний обладать интеллектуально-когнитивным потенциалом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: плеоназм; нормативность / ненормативность феномена; негимпликациональное образование; функциональный признак; интеллектуально-когнитивный потенциал.

The given article is devoted to the study of the semantic possibilities of pleonastic forms on the material of advertising, media and works of fiction. The conditions for determining the

border between the normative value and non- normative value of this phenomenon are discussed. The possibility of considering pleonasm as a set of concepts of negative implication, that is, semantic features that are incompatible with the intension of the explicandum, is recognized, in connection with which the ability of pleonastic combinations to have intellectual and cognitive potential is noted.

K e y w o r d s: pleonasm; normative value / non-normative value of the phenomenon; non-standard formation; functional feature; intellectual and cognitive potential.

Проблема классификации плеоназма, его многостороннее понимание, сходство с тавтологией привели к трудностям при анализе текста в XX веке [1, л. 158].

Так, например, к исследуемому типу избыточности относят корневую редупликацию – частичный или полный повтор корня. Корневой плеоназм служит для выражения различных грамматических значений, например: 1) расчлененной множественности; 2) собирательной множественности; 3) обобщенности и др. [2, с. 81].

Однако подобная классификация является спорной, т.к. другие ученые считают корневую реитерацию тавтологией (В. А. Виноградов, С. Е. Никитина и Н. В. Васильева, Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова и др.).

В связи с неоднозначным отношением к плеоназму мы придерживаемся определения, сформулированного Т. А. Ковалевой: «плеоназм – вид избыточности, состоящий в намеренном или ненамеренном полном или частичном дублировании компонентов высказывания посредством разнокоренных (“нетождественных”) лексем (своя автобиография, вернуться обратно) или грамматических форм (белая роза), а также отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания» [1, с. 158].

Данную дефиницию плеоназма считаем наиболее точной, т.к. выработаны критерии разграничения, распознания вышеуказанного типа семантической погрешности.

Помимо неточности, существующей в понятийно-терминологическом аппарате, в научном мире бытует мнение о релятивной, двойственной оценочности изучаемого вопроса – правильности и неправильности его употребления. Это обстоятельство мы наблюдаем и в сигнификате, понятийной структуре плеонастического оборота.

Для того, чтобы хотя бы попытаться внести ясность в упомянутый спор, мы провели анализ семантики плеонастических структур, опираясь на классификацию Т. А. Ковалевой, так как ее диссертация, посвященная тавтологии и плеоназму в русском языке XXI века, является наиболее современной и актуальной (2017 г.). Однако мы несколько ее изменили, потому что, во-первых, язык характеризуется «текучестью» и диалектичностью связей, свойств объективного мира, а значит, и отсутствием в нем жестких непреложных границ. Во-вторых, мы по-разному смотрим на данную научную проблему: к полю тавтологии относим не только однокоренные сцепления, но и синонимические пары слов (путь – дорога). Следовательно, выражения типа *эгоизм* и *себялюбие* нами воспринимаются как тавтология в широком

смысле, а не плеоназм, учитывая минимальный семантический отросток между этими лексическими компонентами, что, в свою очередь, означает их тождество. В-третьих, такие предложения, как *Он мучительно* ***вспоминал,*** *восстанавливал в* ***памяти****, как учил его дед* определяем в качестве пропозициональной тавтологии.

Именно этим положением обусловлена актуальность исследования и его цель – изучить семантику плеонастических выражений (на материале рекламы, прессы и художественных произведений).

Итак, охарактеризуем плеоназм с учетом смысловой нагрузки в современном русском языке:

I. Плеонастические выражения, основанные на отношениях частичной синонимии компонентов:

1) с семантикой близких по значению предметов или явлений:

а) копирующие понятийное содержание словесного знака: *Где же* ***откровенность и искренность,*** *будто бы сродные вашей нации?* [3, с. 38]. Откровенность – 1) отвлеч. сущ. к откровенный (книжн.), т.е. искренний, не утаивающий своих мыслей, чистосердечный; 2) искренность, неумение скрывать, таить в себе [4, стб. 934–935];

б) конкретизирующие означаемое: В акушерстве и гинекологии в течение первых восьми недель в зависимости от стадии развития **эмбриона (зародыша)** принято применять следующие термины: *«Ооцит» – женская половая клетка, которая при слиянии с мужской половой клеткой (сперматозоидом) образует зиготу, из которой в дальнейшем формируется новый живой организм* [5, с. 40]. Эмбрион – 1) организм человека или животного на начальной стадии развития; зародыш; 2) перен. разг. зачаток какой-л. мысли, идеи и т.п. [6, с. 31].

2) с семантикой признака:

а) составляющие высказывания являются абсолютными дуплетами в плане значения: *Мы действительно* ***просто и элементарно*** *надоели друг другу* [7]. *Элементарный – слишком простой, поверхностный, ограниченный* [8, стб. 1417]. *Да, имел место разговор.* ***Банальный, тривиальный****, каких было сотни во все времена и во всех мирах и будет еще тысячи* [9]. *Тривиальный – неоригинальный, банальный* [10, с. 809];

б) один из компонентов дополняет и уточняет семантику другого: *А ты* ***свободный, эмансипированный*** *маленький народ и имеешь полное право требовать от партнёра любви и статусных подарков* [11]. *Эмансипированный – 1) произвести (производить) эмансипацию кого-чего-нибудь; 2) свободомыслящий, достигший эмансипации* [8, стб. 1419–1420]. *Он* ***гибкий и эластичный****. Можно гнуть и резать обычным ножом* [12]. *Эластичный – упругий и гибкий*; *растяжимый* [10, с. 905], гибкий – 1) легко сгибаемый, упругий; 2) переносное значение – богатый оттенками, изменяющийся в своих проявлениях (гибкий голос, стих); 3) переносное значение – легко поддающийся изменениям, преобразованиям (гибкая технология, производство); 4) переносное значение – способный трезво оценить обстановку, обстоятельства и приноровиться к ним [Там же, с. 133];

в) семантически близкие признаки действия, компоненты которого равнозначны в плане семантики: *Теперь, как будто, заметно еще более безукоризненное исполнение*; *интонация, отделка каждого такта, стиль данной вещи, наконец нужный блеск и огонь – все* ***безупречно, безукоризненно****. Безупречный – ничем не опороченный, безукоризненный* [10, с. 48].

Необходимо отметить, что, как правило, синонимический способ толкования имплементирует (выполняет) функцию конкретизатора обозначаемого, т.е. поясняемый синоним называет понятие, тот же круг предметов, что и поясняемое слово, поэтому оно точно транслирует экстенсию определяемого класса.

1. С семантикой одинаковых процессов или действий: дублирующих семантику друг друга: *А я на сборах потешал всю компанию бегунов. В любой обстановке* ***шутил, балагурил****, пел озорные частушки* [13]. Балагурить (*разг.)* – говорить весело, пересыпая речь шутками, остротами [14, с. 56]. Однако совпадение в семантике происходит только в первом лексико-семантическом варианте вербальной единицы *шутить*: говорить, поступать смешно, забавно; делать что-л. ради потехи. *Ш. к месту и не к месту. Остроумно ш.* [Там же, с. 1508]. Отсюда следует, что лексема «шутить» отличается экспликационном свойством: логико-синтаксическим отношением между именем вещи и именем его квалификатора или отношениями, соединенными в подчинительное сочетание. Так, например, глагол *балагурить*, в отличие от *шутить*, не требует наличия актанта-объекта (участника ситуации): 2. насмехаться; подшучивать, смеяться над кем-, чем-л. Кроме этого, в экстенсионал (объем) *балагурить* не входят следующие семы, которые являются спецификатором, «традиционными» значениями лексемы *шутить*: 3. относиться к чему-л. несерьёзно, без должного внимания, пре-небрегать чем-л. *Ш. своим здоровьем, со своим здоровьем;* 4. шу́тишь! в зн. частицы (разг.). Выражает несогласие, возражение. *Нет, шутишь, я туда не поеду* [Там же, с. 1508].

Таким образом, глагол *шутить* по своему денотативному содержанию является глубинной, полипредикативной (многокомпонентной) структурой. Важно также добавить, что рассматриваемые языковые единицы дифференцируются друг от друга и стилистической принадлежностью: *балагурить* относится к разговорному стилю, а *шутить* – к нейтральному. Это значит, что исследуемые глагольные лексемы представляют собой квазисинонимы – заменяют друг друга не во всех контекстах.

II. Плеонастические выражения, которые заключаются во включенности семантики одного компонента в семантику другого:

1) семантика признака:

а) сема признака избыточна, так как включена в лексическое значение предмета или явления, о котором идет речь: ***Белокурого блондина*** *двух лет от роду, Антона Кобченко, без преувеличения знают во всем мире* [15]. *Блондин – белокурый, светлорусый, светловолосый мужчина* [16, стб. 156];

б) понятийное содержание признака дублируется частично, так как родственный ему компонент дополняет его характеристику: *И вдруг это*

могущественное здание, со всем своим великолепием, исчезло в несколько часов, как ***бедная хижина*** [17]. *Хижина – небольшой бедный домик, избушка* [10, с. 859];

в) семантика признака предмета не нуждается в расширителе или другом качественном утверждении, потому что, учитывая конситуацию (экстралингвистические условия), не существует иного определения у означаемого: *В современной научной медицине препараты* ***полыни горькой*** *используют для возбуждения аппетита, усиления деятельности пищеварительных органов* [18, с. 3]. Полынь – эфироносное растение с мелкими корзинками цветков, с сильным запахом и горьким вкусом [10, с. 556]. Однако данный бином не является логической ошибкой и лексически избыточным, так как реализует дейктическую функцию – указывает на вид растения. В природе существуют следующие разновидности полыни: полынь Гмелина, полынь горькая, полынь луизианская, полынь молочноцветковая, полынь однолетняя, полынь рутолистная и т.д. [19].

Следующий пример, в отличие от предыдущего, является репрезентантом алогизма, т.к. свидетельствует о нарушении взаимного приспособления слов по линии их вещественных значений: ***Детская няня*** *отвечает за безопасность ребенка дома и на улице* [20]. Об этом говорит дефиниция субстантива *няня*. Так, по данным Толкового словаря Ушакова, няня – женщина, занимающаяся уходом за детьми [4, стб. 608];

г) избыточная семантика признака действия: *Нет особенного и в том, что после кофе они вместе* ***спускаются вниз*** [21, с. 73]. Спускаться – переместиться сверху вниз [10, с. 757].

2) семантика предмета или явления:

а) избыточная семантика явления включена в значение другого предмета и поэтому не требует уточняющих добавлений: *Камчатские медведи отказались от спячки. Специалисты связывают такое поведение медведей с тем, что на берегах Курильского озера продолжается* ***нерест рыбы****, которой питаются животные* [22]. Нерест – метание рыбами-самками икры и одновременное оплодотворение ее самцами [4, стб 547]. Необходимо отметить, что подобное явление считается речевой погрешностью, потому что полностью дублирует компонент высказывания «нерест» и тем самым исчерпывает коммуникативный аспект;

б) абсолютно семантически избыточное дополнение или обстоятельство, т.к. их значения целиком входят в значение глагола: *Проблема социальной незащищенности прежде всего вызвана недостаточным и нестабильным снабжением населения страны продуктами питания, которые производятся на внутреннем рынке или* ***импортируются из-за границы*** [23]. Импорт – ввоз из-за границы [16, стб. 1197];

3) избыточная семантика времени, заключенная в значении процесса или действия: *То есть я рисовал, потом стирал, снова рисовал и снова стирал, а больше всего на свете я не люблю переделывать что-то* ***уже сделанное*** [24]. Уже (нареч.) – случилось наступило, совершилось (какое-л. действие, состояние [14, с. 1377]. Но важно подчеркнуть, что данный плеонастический оборот

выполняет уточняющую функцию, т.к. подразумевает необратимость действия, отсутствие темпорального реверса. Таким образом, происходит десемантизация плеоназма;

4) семантика числа, целиком входящая в значение предмета или явления: *Это когда* ***один*** *человек стоит и читает смешной* ***монолог*** *– чем, собственно, и прославился Вадим, когда был резидентом Comedy Club* [25]. Монолог – речь одного лица, обращенная к слушателям или к самому себе [10, с. 362];

5) индивидуализирующие плеоназмы: ***Лично для меня*** *эта борьба за приоритет Добровольческой армии, веденная вокруг моего имени, была до крайности тягостна* [26, с. 328]. Можно использовать слово *лично*, чтобы подчеркнуть, что говорите именно о себе [27]. Однако вышеуказанный индивидуализирующий плеоназм имплементирует психологическую функцию; приобретает антропоцентрическую мотивированность: человек в центре окружающего мира сам категоризирует, конкретизирует и предает оценке экстралингвистическую действительность [28, s. 80];

6) избыточная предикативная единица: *Выяснилось, что те, кто купил себе одежду или, к примеру, плеер, испытали* ***минутное*** *удовольствие,* ***но скоро от него не осталось и следа*** [29]. Минутный – то же, что кратковременный (разг.) [4, стб. 222].

Таким образом, анализ семантики плеонастических конструкций делает возможными следующие умозаключения: во-первых, в современном русском языке *плеоназм* функционирует как разнородный феномен, описывающий излишество, которое проявляется по-разному: на основе полной или частичной синонимии, вхождении одного в значение другого, избыточности отдельных единиц высказывания. Во-вторых, эксплицирующее значение не всегда содержательно равно интенсионалу эксплицируемого, а значит, необходим контекст, позволяющий распознать «присутствие» нового смысла поверх содержания экспликандума (имени вещи). Следовательно, плеонастические фигуры обладают контракцией (стяжением) смысла, плеонастические сочетания гиперсемантизированы. В противном случае возникает «конфронтация» с простым дублированием интенсионала; такой бином неэкономен и логически аномален. В-третьих, стилистически оправданными можно считать плеонастические выражения, построенные на неполной синонимии. При этом каждый синоним указывает на новый, дополнительный оттенок смысла; неизвестное становится явным, раскрывается близким по значению словом. Кроме этого, синонимы отличаются и стилистически. Значит, создается экспрессия плеонастического знака. Получить данный результат помогает синтаксическая конструкция: однородные члены предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалева, Т. А.* Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века : полисистемный аспект : дис. … канд. филол. наук / Т. А. Ковалева. – Владимир, 2017. – 256 л.

2. *Благова, Г. Ф.* Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении / Г. Ф. Благова // Вопр. языкозн. – М. : Наука, 1968. – № 6. – С. 81–97.
3. *Ростопчина, Е. П.* Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., коммент. А. М. Ранчина. – М. : Правда, 1991. – 166 с.
4. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1938. – Т. 2. – 1440 стб.
5. *Еремеева, О. И.* К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека / О. И. Еремеева, Н. А. Сайфуллина // Инновац. наука. – 2016. – № 3–2. – С. 40–44.
6. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. язык, 2000. – 1209 с. – Режим доступа : https://www.efremova.info/letter/+ eh.html?page=31. – Дата доступа : 12.02.2021.
7. *Белкина, Е.* От любви до ненависти [Электронный ресурс] / Е. Белкина. – М. : ЛитМир, 2001. – 318 с. – Режим доступа : https://www.litmir.me/br/?b=245227 &p=7. – Дата доступа : 12.02.2021.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1940. – Т. 4. – 1502 стб.
9. *Барабаш, Н.* Мир без трусов, спорт без Плющенко // Комсомольская правда. – 2014. – 17 февр.
10. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка : 70 000 слов / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. язык, 1990. – 917 с.
11. *Раскольников, Р.* Как развести партнера на подарки [Электронный ресурс] / Р. Раскольников. – Режим доступа : https://www.rosbalt.ru/blogs/2013/12/18/1213150.html. – Дата доступа : 12.02.2021.
12. Гибкий кирпич (Гибкий клинкер) [Электронный ресурс] // Экофасад. – Режим доступа : https://ecofasad.com.ua/tablet/gibkiy-klinker.php. – Дата доступа : 16.02.2021.
13. *Болотников, П.* Три заповеди // Труд-7. – 2004. – 24 июня.
14. *Кузнецов, С. А.* Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
15. *Мистюкова, Т.* В Воронежской области покрестили сына беженки из Донбасса, о семье которого снимал репортаж Андрей Стенин // Комсомольская правда. – 2015. – 27 янв.
16. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935. – Т. 1. – 1562 стб.
17. *Жуковский, В. А.* Певец во стане русских воинов [Электронный ресурс] / В. А. Жуковский. – М. : Эксмо, 2008. – 105 с. – Режим доступа : https://unotices.com/book.php?id=155349&page=92. – Дата доступа : 09.03.21.
18. *Куприянов, А. Н.* Такие разные полыни / А. Н. Куприянов // Биология. – 2003. – № 29. – С. 1–7.
19. Полынь (Artemisia) сем. Сложноцветные [Электронный ресурс] // Энциклопедия декоративных садовых растений. – Режим доступа : http://flower.onego.ru/zlak/artemisi.htmlhttp://flower.onego.ru/zlak/artemisi.html. – Дата доступа : 09.03.2021.
20. Как найти няню для ребенка в Австрии [Электронный ресурс] // Immigrant Invest. – Режим доступа : https://immigrant-austria.com/ru/blog/baby-sitter-in-austria/. – Дата доступа : 09.03.21.

21. *Маканин, В. С.* Отставший. Повести и рассказы / В. С. Маканин. – М. : Худож. лит., 1988. – 164 с.
22. *Третьяков, Д.* Камчатские медведи отказались от спячки из-за нерестящейся рыбы Австрии [Электронный ресурс] // lenta.ru. – 2014. – 13 нояб. – Режим доступа : https://dosug.md/ru/news/148505/. – Дата доступа : 19.01.2021.
23. Проблема социальной незащищенности [Электронный ресурс] // Reverso Context. – Режим доступа : https://context.reverso.net. – Дата доступа : 19.01.2021.
24. *Хаханов, А.* Контрольная по «измам» [Электронный ресурс] / А. Хаханов, М. Хаханова // Новая газета. – 2018. – № 25. – С. 4–14. – Режим доступа : https://novayagazeta.ru/articles/2018/03/11/75758-kontrolnaya-po-izmam. – Дата доступа : 15.12.2020.
25. *Галыгин, В.* Товарищ Галыгин – человек и телесериал // Комсомольская правда. – 2010. – 11 февр.
26. *Деникин, А. И.* Pro et contra, антология / сост., пролог, эпилог, коммент., библиограф., научно-справочн. аппарат Г. М. Ипполитова. – СПб. : РХГА, 2018. – 1136 с.
27. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель ; АСТ, 2003. – 1582 с. – Режим доступа : http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-203-3.htm#zag-2144. – Дата доступа : 10.03.2021.
28. *Małocha-Krupa, A.* Słowa w lustrze. Pleonazm–Semantyka–Pragmatyka / A. Małocha-Krupa. – Wrocław : Uniw. Wrocławskiego, 2003. – 245 s.
29. *Серван-Шрейбер, Д.* Смысл в том, чтобы отдавать [Электронный ресурс] // Psychologies. – Режим доступа : https://www.psychologies.ru/story/smyisl-v-tom-chtobyi-otdavat/. – Дата доступа : 09.03.2021.

Чжан Сыюй (*Минск, БГУ*)

ЛЕКСЕМА *ДИПЛОМАТ* В ЯЗЫКЕ И В ТЕКСТЕ

Статья посвящена функционированию лексемы *дипломат* в русском языке и соответствующей лексемы в китайском языке. В статье акцентируется внимание на истории дипломатии в России и Китае в сравнительном аспекте. Определяется смысл данного термина, выявляется момент его зарождения, а также развитие этих слов в разных периодах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дипломат; посол; дипломатия; лексема; история дипломатии.

The article is devoted to the functioning of the lexeme diplomat in Russian and the corresponding lexeme in Chinese. The article focuses on the history of diplomacy in Russia and China in a comparative aspect. The meaning of this term is determined, the moment of its origin is revealed, as well as the development of these words in different periods.

K e y w o r d s: diplomat; ambassador; diplomacy; lexeme; history of diplomacy.

История русской дипломатии восходит к первому знаковому двустороннему акту IX в. – соглашению «О мире и любви» с Византийской империей 860 г., вследствие которого Россия впервые получила международное признание.

Можно предположить, что в тот период, как правило, использовали общеславянское слово *посолъ*, которое было образовано от глагола *посълати* (с чередованием *ъ/о*). Однако сама эта лексема *посолъ* в значении ‘дипломатический представитель’ фиксируется в памятниках древнерусской письменности в XIII в. – в 1263 г.: *А оже убьють новгородца посла за морем или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривнъ серебра* [1, с. 205], хотя, возможно, сам текст относится к более раннему периоду – ~ 1199 г. Приблизительно в то же время появляются обозначения различных рангов послов: *посолъ большой, великий* (*и полномочный*), *меньший*: *Ту же приѣхавше послы великы от свѣискаго короля* (1323 г.).

Кроме того, мы также можем найти это слово в словаре современного русского языка в значении ‘дипломатический представитель высшего ранга’ [2, с. 935] что свидетельствует об использовании данного слова в современном русском языке в той же самой функции, ср. *Остановиться Ельцин планирует на улице Гренель в Париже, в резиденции российского посла* [3].

В русском языке у слова *посол* есть еще одно значение: ‘тот, кто послан к кому-л. с каким-л. поручением’, например, *Пока молодые мужчины искали в тайге сына Тусяды, ходили послами к родичам, трое стариков, выделенных на охрану, не могли усмотреть за оградой, которую хоры рушили в разных местах* [4]. Следует сказать, что в древнерусском языке эта лексема также фиксируется в подобном значении ‘вестник, гонец, посланец’: *Видѣвше [побѣду] радовахуся, творяху посла от князя* (1216). Как видно, этот лексико-семантический вариант зафиксирован несколько раньше, чем имеющий значение ‘дипломатический представитель’, однако временная разница здесь настолько незначительна, что невозможно с уверенностью сказать, какое из значений появилось ранее, возможно предположить их одновременное появление.

Термин с соответствующим значением появляется в китайском языке значительно раньше – еще до новой эры, что связано с древней традицией китайской дипломатии. В Древнем Китае первая официальная должность дипломата называлась 行人 [xing ren] ‘пешеход’ [5, с. 2081]. Этот термин широко использовался в Древнем Китае в периоды Западной Чжоу (1027 до н.э. – 770 до н.э.), Весны и Осени (770–476/403 гг. до н.э.) и Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н.э.). Это было связано с тем, что в древности дипломатам было неудобно путешествовать и приходилось преодолевать большие расстояния. «Пешеходы» делились на два официальных класса: 大行人 [da xing ren] ‘пешеход первого ранга’ и 小行人 [xiao xing ren] ‘пешеход второго ранга’. Эти слова в значении ‘дипломат’ непосредственно упоминаются в «Чжоу ли» («Книга этикета эпохи Чжоу»), там также четко обозначаются обязанности дипломатов: 大行人掌大宾之礼，及大客之仪，以亲诸侯。小行人掌邦国宾客之礼籍，以待四方之使者。‘Пешеход первого ранга отвечает за прием самых важных гостей и обслуживание местных вассальных князей. Пешеход второго ранга принимает гостей и посланников вассалов со всего мира’. По словам известного ученого Цзя

Гунъян из династии Тан: 释曰大行人待诸侯身，小行人待诸侯之使者，其邦之礼籍，则诸侯及臣皆在焉 ‘Пешеходы первого ранга принимают князей, а второго ранга принимают посыльных. Это национальный этикет. Таким образом, князья и посланники довольны, а страна стабильна’ [6, с. 893]. Видно, что 行人 [xing ren] ‘пешеход’ был чиновником, отвечающим за прием иностранных гостей во времена династии Западная Чжоу. В период Весен и Осеней в Древнем Китае насчитывалось минимум 148 государств, в это время дипломаты направлялись в другие страны для переговоров в качестве представителей монарха. В «Цзо-Чжуань» записано: 秋，晋人执宋行人乐 祁犁 ‘Летом государство Цзинь задержало дипломата царства Сун Ле Цили ’ [7].

Можно сделать вывод, что у русского слова *посол* и китайского слова 行人 [xing ren] есть общие элементы во внутренней форме, связанные с обозначением движения, перемещения. Эти элементы указывают на то, что профессиональная деятельность представителей данных профессий была связана с перемещением, в узком смысле – с контактами между различными странами и представителями указанных стран. Разница между этими двумя терминами заключается в том, что слово *посол*, как было показано выше, по-прежнему широко используется в современном русском языке. В современном же китайском языке слово 行人[xing ren] больше не обозначает дипломатического работника. Современное значение данного слова возвращает нас к его происхождению, его этимологии – это ‘люди, идующие по дороге’, а также‘торговцы, которые участвуют в одних и тех же фирмах’ [8].

Что касается термина *дипломат*, следует сказать, что это слово заимствовано русским из французского языка (фр. *diplomate*) в конце XVIII в. – начале XX в.: «Словарь русского языка XVIII в.» в качестве первого употребления указывает 1785 г.: *<Игельштром> боялся, чтоб не дошла какая либо нескромная вѣсть о его сношениях с Шведским войском до иностранных дипломатов* [9, с. 134]. Однако в это время нельзя говорить о вхождении данного слова в систему языка, поскольку первый толковый словарь русского языка – «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) – еще не фиксирует его.

В словаре современного русского языка слово *дипломат* определяется как ‘должностное лицо министерства, ведомства иностранных дел, работающее в качестве представителя какого-л. государства в другой стране’ [10, с. 260]. Первоисточником этого политического термина явилось греческое слово *diploma* [11, с. 254], означавшее официальные документы (в том числе, употребляя современную терминологию, такие понятия, как удостоверение, инструкция, сегодняшние верительные грамоты). Буквально оно означало ‘удваиваю’ – способ, которым они складывались. В Древней Греции послы, направлявшиеся на переговоры, получали инструкции, грамоты, удостоверяющие их полномочия. Последние предъявлялись должностному лицу города, ведавшему дипломатическими делами. Они представляли собой дощечки, сложенные вместе. Их называли диплома [12, с. 13].

В Древнем Китае использовался аналогичный термин – 使节 [shi jie]. Первоначально это слово означало верительные грамоты, которые держали в руках дипломаты, посланные за границу из Древнего Китая [13]. В династии Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.), когда Су Ву, дипломат и государственный деятель династии Хань, был послан с дипломатической миссией в Хунны (кочевой народ, проживавший у границ Китая в эпоху Хань), его называли посланником, держащим 使节 [shi jie] ‘верительные грамоты’. Одно из составляющих этого термина 节 [jie] представляет статус императора. Любой посол, имеющий в руках 节 [jie], репрезентирует императорское Присутствие, символизирующее императора и государство, и может осуществлять власть от имени императора. Когда чиновник отправлялся к вассалу, император давал ему верительную грамоту, которая называлась 使节 [shi jie]; когда посланник получал назначение в другую страну, император также давал ему 使节. Большинство 使节 [shi jie] были сделаны из бронзы и отлиты с различными изображениями животных в зависимости от района службы. Есть такая запись в древних китайских документах: 凡邦国之节，山国用虎节，土国用人节，泽国用龙节。[Там же] ‘Те, кто служил в горных районах, получали “тигровые *jie*”; те, кто служил на равнинных территориях, получали “человеческие *jie*”; те, кто служил на озерных и прудовых территориях, получали “драконьи *jie*”’. Для изготовления верительных грамот 使节 [shi jie] обычно использовали бамбук для ручки, украшенной хвостом яка и другими элементами. Когда Чжан Цянь (китайский путешественник и дипломат, умер в 114 г. до н.э.) отправился на Запад, он также имел при себе 使节 [shi jie]. Позже данное слово также начало использоваться для номинации дипломатического работника. В настоящее время термин 使节 [shi jie] утратил значение ‘верительная грамота’, однако он продолжает использоваться для номинации дипломата и до сих пор широко употребляется в китайском языке.

Можно сделать вывод о сходстве значения слова *дипломат* со словом 使节 [shi jie], поскольку и то, и другое образовались в результате метонимического переноса значения, так как мотивировавшие их лексемы первоначально имели значение ‘документ, верительная грамота’, которой обладает дипломатический работник.

Таким образом, несмотря на то, что история русской и китайской дипломатии различаются по многим параметрам, прежде всего, по времени своего развития, можно обнаружить общие черты в механизме образования основных дипломатических терминов русского и китайского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. / М. А. Бобрик [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1991. – Т. 17. – 205 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 935 с.

3. Национальный корпус русского языка / Э. Гусейнов. – 2002.
4. Национальный корпус русского языка / А. Григоренко. – 2013.
5. 夏征农，辞海。上海：上海辞书出版社 (Ся Чжэннун. Энциклопедический словарь «Цы Хай». – Шанхай : Шанхай. лексикограф. изд-во. – Т. 6. – 2006 – 2081 с.).
6. 阮元，十三经注疏。上海：上海古籍出版社 (Жуань Юань. Тринадцатиканоние с комментариями и толкованиями. – Шанхай : Шанхай. изд-во древних книг. – 1816. – 893 с.).
7. 语料库 (Национальный корпус китайского языка ; «Цзо-Чжуань»).
8. 汉典 (Электронный словарь китайского языка. – Режим доступа : https://www.zdic.net/hans/%E8%A1%8C%E4%BA%BA. – Дата доступа : 10.03.2021.).
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. / М. А. Бобрик [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1991. – Т. 17. – 134 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 260 с.
11. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – 1999. – Т. 1. – 254 с.
12. *Попов, В. И.* Современная дипломатия – теория и практика / В. И. Попов. – М. : Науч. кн., 2000. – 13 с.
13. 汉典 (Электронный словарь китайского языка. – Режим доступа : https://www.zdic.net/hans/%E4%BD%BF%E8%8A%82. – Дата доступа : 10.03.2021.).

Е. О. Миронова (*Минск, МГЛУ*)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЩЕНИЙ

В данной статье исследуется частеречная принадлежность обращений. На основе анализа литературы по этой теме и анализа немецких художественных фильмов были выявлены основные части речи, которые являются обращением, их формы и частотность. Также были проанализированы грамматические формы отдельных частей речи и особенности наименования адресата.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обращение; частеречная принадлежность; существительное; местоимение; имя собственное; частотность.

This article examines the part-of-speech nature of the address. The part of speech nature / reference of addresses, their forms and their frequency were identified through the analysis of theoretical literature and German feature films. Certain parts of speech were analyzed from the point of view of the semantics of the form and according to the name of the addressee.

K e y w o r d s: address; part-of-speech nature; noun; pronoun; proper noun; frequency.

Для изучения морфологического аспекта обращений нами были проанализированы работы различных лингвистов, например: классификация английского обращения М. В. Панкратовой с точки зрения морфологических характеристик, классификация В. И. Карасика, в которой описывается, какие части речи относятся к стандартным и нестандартным вокативам, точка зрения Д. Э. Розенталь и М. А. Теленковой на частеречную принадлежность обращения и т.д. Благодаря проведенному анализу литературы по данной теме можно сделать вывод, что в большинстве языков формы обращения

выражаются в основном тремя классами слов: местоимением, глаголом и существительным (сюда относятся и субстантивированные прилагательные или эквивалентные им словосочетания для названия лиц или предметов, дополненными синтаксически зависимыми словами; причастия, а также значительно реже в роли обращений могут выступать и числительные). Наиболее употребим и многообразен класс существительных, для которого характерна такая форма, как звательный падеж – особая форма имени (чаще всего существительного), используемая для идентификации объекта, к которому направлено обращение. Название этой формы «падежом» условно, т.к. в строго грамматическом смысле звательная форма падежом не является [1, л. 62]. «Представляется достоверным, что звательный падеж стоит особняком в падежной системе и, скорее, отстоит от нее. Прагматическая нагрузка обращения способствует его семантической и синтаксической изолированности от остальных членов падежной системы. Дело в том, что в падежной парадигме каждая из форм, отражая определенные семантические отношения (объектности, орудийности, партитивности и т.д.), служит для скрепления слова с другими словами в предложении, для введения его в синтаксическую связь одним из принятых в языке способов. Звательная же форма, напротив, не организует никакой связи с другими словами в предложении, она как бы отделяет обращение от текста, придавая обращению своеобразный самостоятельный статус. Поэтому звательную форму, на наш взгляд, нельзя считать падежом» [2, с. 16].

Среди существительных обращение могут выражать:

1. Имена собственные. Самым употребительным средством при выражении обращений являются антропонимы, которые в немецком языке состоят из имени и фамилии, а также могут состоять из двух личных (или индивидуального и среднего имени) и фамилии или только фамилии, с добавлением перед ней слова *Frau*/*Herr*. Примеры соответственно [3, с. 42]:

1) *Paul Müller, erscheine!* ‘Пауль Мюллер, покажитесь!’.

2) *Ilse Marie!* ‘Ильза Мария!’.

3) *Herr Lohkamp!* ‘Господин Локамп!’.

2. Имена нарицательные. Среди имен нарицательных выделяют:

1) прозвища – «имена, употребляемые с целью уточнения, идентификации лица, данные человеку по какой-либо его характерной черте, свойству» [4, с. 274]: *Dicker* ‘Толстяк’; *Süße* ‘Милая’.

2) термины родства: *Großvater, kannst du mir sagen, wo hier ein Stab ist?* ‘Дедушка, ты можешь мне сказать, где здесь палка?’; *Aber, Vater … sagte sie* ‘Но папа … – сказала она’.

3) употребляющиеся с названиями профессий формы обращения *Herr* / *Frau* (могут иногда употребляться самостоятельно): *Herr Ober!* ‘Официант!’.

4) титулы: *Eure Majestät* ‘Ваше Величество’; *Herr Richter* ‘Ваша честь’.

5) существительные, передающие определенный вид отношений, например, дружеские: *Kumpel!* ‘Приятель!’.

6) ласкательные термины: *Anni, mein Schatz* ‘Анни, моя дорогая’.

3. Субстантивированные прилагательные: *Der Kranke, kommen Sie in Ihr Krankenzimmer zurück!* ‘Больной, идите обратно в Вашу палату!’.

4. Субстантивированные причастия: *Abfahrende, nehmen Sie bitte Ihre Plätze!* ‘Уезжающие, займите, пожалуйста, Ваши места!’.

5. Субстантивированные числительные: *Sehr gut, der Sechste!* (номер игрока в команде) ‘Очень хорошо, шестой!’.

Далее приведен пример местоимения в качестве обращения: *Und ihr, kommt mal her!* ‘И вы, идите-ка сюда!’.

Из класса глаголов в качестве обращений употребляются глагольные формы, зачастую в тех случаях, когда адресат не знаком говорящему. Если рассматривать более точно, то в виде повелительных форм или вопросительных глагольных конструкций [5, с. 47]:

Kommen Sie bitte schneller! ‘Идите, пожалуйста, быстрее!’.

Kommt nach vorne! ‘Идите вперед!’.

Как отдельный случай можно рассматривать употребление междометий в качестве обращений. Они употребляются в ситуациях, когда собеседники незнакомы [6, с. 39]:

Eh, pass auf und nimm die Finger weg! ‘Эй, будь внимательней и убери руки!’.

Для выявления частотности каждой части речи именно в немецком языке методом сплошной выборки были отобраны обращения из двух немецкоязычных фильмов – «Волна» („Die Welle“) и «Зачетный препод» („Fack ju Göhte“). Общее количество отобранных микроконтекстов, содержащих обращения, составило 414 единиц.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что обращения, выраженные именами существительными, безусловно, превалируют над обращениями, выраженными другими частями речи, и составляют 83 %. Ниже приведены примеры: *Hallo, mein Schatz* ‘Привет, дорогая’; *Hier, Jungs* ‘Здесь, парни’.

Реже встречаются обращения, выраженные междометиями – 4 %. Например: *Hey, wir haben doch gerade abgestimmt, oder?* ‘Эй, мы же только что проголосовали, не так ли?‘; *Ey, ich hab einen Schuss gehört, beeilt euch mal!* ‘Эй, я слышала выстрел, поторопитесь!’; *Ey, die hat ein Messer* ‘Эй, у нее нож’.

Наиболее редко обращения выражаются только местоимениями – 2 %: *Na, wo habt ihr euch eingetragen?* ‘Куда вы записались?’; *Und ihr auch, los, weg hier* ‘И вы тоже, вон отсюда’; *Und du auch?* ‘И ты тоже?’.

Это можно объяснить тем, что среди обращений чаще всего встречаются те, которые выражены именами собственными, а они, в свою очередь, являются именами существительными. А также тем, что обращения, выраженные именами существительными, часто употребляются в сочетании с местоимениями или междометиями для усиления экспрессивной функции, например: *Pass auf, was du sagst, du, Assi* ‘Следи за языком, отморозок’; *Ey, Jungs… was haltet ihr hier von?* ‘Эй, парни… Что вы думаете об этом?’; *Was geht denn mit dir, du, Spast?* ‘Что с тобой, ты, придурок?’.

В ходе анализа в просмотренных фильмах нами не было обнаружено обращений, выраженных прилагательными и причастиями.

Далее нами были проанализированы грамматические формы обращений, выраженных именами существительными.

В качестве обращений, выраженных именами существительными, могут выступать имена собственные и имена нарицательные. Собственные имена существительные, выступающие в роли обращений, отличаются большей частотностью (67 %) и используются в повседневном формальном и неформальном общении: *Caro, du wolltest mir noch helfen* ‘Каро, не хочешь помочь?’; *Daniel, du hast das ganz toll gemacht* ‘Даниель, ты сделал это отлично’. Собственные имена существительные, выступающие в роли обращений, отличаются также и вариативностью. Такие обращения выражаются:

1) полной формой имени: *Elisabeth, lass sie doch* ‘Элизабет, оставь’; *Rainer, kann ich dich mal kurz sprechen?* ‘Райнер, могу я с тобой быстро поговорить?’.

2) краткой формой имени: *Lisa, setz dich einfach mal hin* ‘Лиза, просто садись’; *Ferdi, fällt dir was dazu ein?* ‘Ферди, тебе что-нибудь пришло в голову?’.

3) уменьшительно-ласкательной формой имени: *Hey, Tommy* ‘Хэй, Томми’; *Lisi, der Drucker geht nicht* ‘Лизи, принтер не работает’.

4) только фамилией: *Willst du Geld, Schnabelstedt?* ‘Тебе нужны деньги, Шнабельштет?’.

5) сочетанием имени и фамилии: *Chantal Ackermann?* ‘Шанталь Акерман?’.

На следующем этапе анализа обращения, выраженные нарицательными именами существительными, были, в свою очередь, разделены на несколько групп в зависимости от наименования адресата.

Среди обращений, выраженных нарицательными именами существительными, наиболее часто встречаются названия лица – 58 %:

Alter, willst du mich verarschen? ‘Старик, ты меня хочешь облапошить?’. либо группы лиц:

Ey, Jungs, wartet mal ‘Эй, парни, подождите-ка’; *Vielen Dank, Kinder* ‘Большое спасибо, дети’.

Единственным примером обращения, выраженного одушевленным существительным-не лицом, является обращение мужа к жене, которое встретилось нам в одном из фильмов:

Na meine kleine Honig-Biene, wollen wir beide vielleicht unsere eigene kleine Projektwoche machen? ‘Моя маленькая пчелка, может мы устроим свою проектную неделю?’.

Поскольку такая форма обращения не является нормой, встречается она нечасто, обычно при обращении к членам семьи и близким людям. Что касается обращений, выраженных неодушевленными именами существительными, то наиболее типичным примером здесь может служить слово *Schatz,* чаще всего употребляемое супругами при обращении друг к другу. Частотность таких обращений составляет 37 %: Hallo, *mein Schatz!* ‘Привет, дорогая!’ (супруг супруге); *Ich hab voll die schöne Wohnung, danke, Schatz* ‘У меня прекрасная квартира, спасибо, дорогая’ (супруг супруге).

Таким образом, из всех используемых частей речи в качестве обращений в немецком языке преобладают обращения, выраженные именами существительными. Среди них наибольшей частотностью и вариативностью обладают имена собственные, которые используются в повседневном формальном и неформальном общении. Такие обращения могут выражаться полной либо краткой формой имени, а также уменьшительно-ласкательной формой имени, только фамилией, сочетанием имени и фамилии. При этом они могут употребляться в сочетании с местоимениями или междометиями для усиления экспрессивности. Среди обращений, выраженных нарицательными именами существительными, наиболее часто встречаются наименования лица / группы лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баракова, М. Г.* Лингвистическая природа и прагмакогнитивные функции обращения (на материале современной англоязычной художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Г. Баракова. – М., 2005. – 181 л.
2. *Гольдин, В. Е.* Обращение : теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов : М. : Либроком, 1987. – 134 с.
3. *Сейтжанов, Ж. Е.* О статусе, формах и функциях обращения / Ж. Е. Сейтжанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Вып. 66. Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 17. – С. 117–119.
4. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
5. *Минина, О. Г.* Обращение в современном английском языке. Коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Минина ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2000. – 15 с.
6. *Панкратова, М. В.* Формальные и функциональные характеристики речевых единиц обращения : лингвистическая интерпретация примеров языкового материала / М. В. Панкратова // Вестн. ИГЭУ. Соц.-гуманит. исследования. – 2008. – № 1. – С. 88–92.

В. А. Палатовская (*Санкт-Петербург, СПбПУ*)

КАТЕГОРИЯ ДИМИНУТИВНОСТИ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается категория диминутивности, а также ее функционирование в различных сферах жизнедеятельности. Целью данной работы является анализ понятия диминутивности, рассмотрение краткой истории происхождения диминутивов и диминутивных суффиксов на материале русского и английского языков, а также рассмотрение приемов перевода уменьшительности. Таким образом, изучение данной статьи может быть полезно как специалисту в области языкознания, так и в области переводоведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диминутивность; уменьшительность; перевод; суффикс; СМИ.

The article discusses the category of diminutiveness, and its functioning in various spheres of life. The aim of this article is to analyze the concept of "diminutiveness", to consider a brief history of the origin of diminutiveness and diminutive suffixes on the material of the Russian and English languages, as well as to consider the methods of translating diminutiveness. In this way, consideration of this article can be useful both for a specialist in the field of linguistics and in the field of translation studies.

K e y w o r d s: diminutiveness; diminutivity; translation; suffix; mass media.

На сегодняшний день категория диминутивности или уменьшительности представляет собой сложное и недостаточно изученное языковое явление. Понятийная категория уменьшительности тем или иным образом представлена во всех языках и выражается в различных языковых формах. В русском и английском языках преобладающим способом выражения диминутивности является суффиксация. Само понятие *диминутивность* имеет двойственный характер. Во-первых, понятие диминутивности несет в себе категорию неопределенного и малого количества. Во-вторых, данное явление обладает оценочным эффектом, то есть, как правило, говорящий выражает какое-либо отношение к предмету или адресату. Таким образом, в работе будет охарактеризована и проанализирована категория диминутивности в различных аспектах коммуникативной ситуации.

Перейдем к определению понятия диминутивности. *Диминутивность* представляет собой некую семантическую структуру или совокупность семантических элементарных смыслов, часто с нечетко обозначенными границами, и имеет разнообразные средства выражения в разных языках [6, с. 233]. О. С. Ахманова под диминутивностью понимает «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками – ласкательности, уничижительности и т.п.» [1, с. 102]. Так, в русской грамматике закрепились термины *уменьшительно-ласкательный* и *уменьшительно-уничижительный / пренебрежительный* по отношению к значениям диминутивов, выражающим уменьшительность.

Как уже было упомянуто выше, категория уменьшительности обладает некой двойственностью. Представим каждую группу диминутивности в русском языке отдельно.

1. К первой группе относятся диминутивы с семантикой уменьшительности (от производящих основ), например, *домик, ножка* и т.д.

2. Ко второй группе относятся диминутивы с постоянной прагматической составляющей, основа которой обозначает вещество или предмет, например, *водичка, молочко, солнышко* [5, с. 8].

Так, можем отметить, что категория диминутивности – это семантико-прагматическая категория, которая является составной частью категории количества и которая может переплетаться с категорией оценки и эмотивности.

Подчеркнем, что категория диминутивности достаточно разноплановая. Так, диминутивы могут обозначать не только уменьшительный признак или неполноту состояния, но и оценку, отношение говорящего к собеседнику,

в чем заключается прагматическая и оценочная составляющая диминутивности и коммуникационного акта. Диминутивность в аспекте уменьшительности и эмотивности имеет различное проявление в разных языках. Таким образом, в одних языках более актуализованной оказывается сема уменьшительности, а в других – эмоциональная оценка диминутивов.

Диминутивность в английском языке имеет иную классификацию. Говоря об истории происхождения английских диминутивов, можем отметить, что уже в самых ранних из дошедших до нас памятниках обнаруживаются средства выражения диминутивности в германских племенных диалектах. Так, в восточногерманском отмечены три диминутивных показателя:

– *ilo* / *-ulo* в именах уменьшительных мужских;

– *ika* – в личных именах;

– и суффикс *i(n),* где *-n* выступает лишь в косвенных падежах.

На юге Германии образование уменьшительности происходило посредством суффикса – *lin.* С течением времени суффикс *lin* был заменен на суффикс *kin*. Позже этим же суффиксом оформлялись диминутивы имен собственных и в древнеанглийский период, например, *Tomkin* (*Tom / Tomas + -kin*), *Malkin* и др. Кроме этого, были зафиксированы имена нарицательные, оформленные данным суффиксом, например, *napkin* (платочек), *lambkin* (ягненок) и др. Стоит отметить, что в английский язык также проникают старофранцузские суффиксы, такие как *-el, -et, -in, -on, -ot*, что впоследствии повлияло на образование уменьшительности [5, с. 21].

Примерно в XVII в. были зафиксированы имена нарицательные с суффиксами французско-латинского происхождения на *-ette* / *-t*: *rabbit* (кролик), *cigarette* (сигарета), *hamlet* (деревушка) и др.

В XV в. в Англии появляется суффикс *-ie / -y*, который получил особое распространение среди имен собственных: *Jonnie, Jonny* (от *John*), *Bettie, Betty* (от *Elisabeth*). Позже появляются диминутивы с этим суффиксом от имен нарицательных: *daddy* (папочка), *doggy* (собачка), *kitty* (котенок).

В современном английском языке существительные, оформленные данным суффиксом, можно разделить на три группы.

1. Существительные, обозначающие родственные отношения, формы обращения к членам семьи: *daddy* ‘папочка’, *granny* ‘бабушка’ *sonny* ‘сыночек’ и т.д.

2. Существительные, ласково называющие животных: *birdie* ‘птичка’, *kitty* ‘котенок’ и т.д.

3. Существительные со значением маленьких вещей, которые часто используются в детской речи или по отношению к ребенку: *bookie* ‘книжечка’, *bunny* ‘кролик’ и т.д. [Там же, с. 27].

Так, перед нами появляется вопрос о среде использования диминутивных суффиксов. Наиболее ярко суффиксы уменьшительности представлены в детской речи. Уменьшительные слова морфологически однотипны, что обеспечивает легкое усвоение и становление базы для последующего словообразования. Таким образом, в детской речи, как правило, преобладает

большая часть уменьшительности (мячик, стульчик и т.д.) и производные от имен собственных в английском языке, например, Jimmy, Tommy. Если говорить о передаче уменьшительности на детский язык, так называемый «baby talk», то, как правило, большинство таких выражений передается с особо оформленной интонацией, например, *Whoose a prettyy baybeeee?*, где имитируется певучая интонация. В такой манере можно передать и большинство слов, которые могут выполнять функцию уменьшительности, а также подражать словам, которые произносят дети. Кроме интонации, как уже упоминалось, уменьшительность можно передать при помощи суффиксов или добавления слова *little, small, honey и др.*

В русском языке категория диминутивности, пожалуй, является одной из самых развитых языковых категорий. Преобладающим способом выражения уменьшительности в русском языке является прием суффиксации при помощи соответствующих уменьшительно-ласкательных суффиксов. В русском языке диминутивность представлена как уменьшительно-ласкательными суффиксами: *-ик, -ок, -ичек, -очек, -еньк* (*-оньк*) и т.д., выражающими различные оттенки значения (ключик, комочек, душенька, воробышек), так и пренебрежительно-уменьшительными: *-ишк, -енк* (*-онк*) и т.д. (умишко, душонка) [2, с. 119].

Активное использование диминутивности наблюдается в сфере средств массовой информации. Существительные, обладающие признаком уменьшительности, нередко используются в социальных сетях, блогах, статьях на различные темы. Ведущая и журналист Ксения Туркова в статье «Колоночка про диминутивчики» призналась, что многие радиослушатели разозлились, услышав, казалось бы, невинное *Сегодня прохладненько*. Часто встречаются диминутивы в заголовках различных материалов СМИ. Е. К. Раденкова отмечает, что заголовок относится к тем композиционным элементам печатного медиатекста, которые играют решающую роль для его целостного восприятия и которые совмещают целый ряд функций [7, с. 115]. Приведем несколько примеров. *«Маленький **комочек** счастья»: Татьяна Навка показала трогательные фото из роддома* (Cosmopolitan, 21.08.2019), ***Гламурненько**: Филипп Киркоров презентовал свой «пернатый» вертолет* (Вечерняя Москва, 08.08.2019). Так, можем сказать, что в заголовках диминутивы зачастую придают описываемому объекту яркость и выполняют роль так называемой «ловушки внимания». К «ловушкам внимания» также можем отнести сферу обслуживания, где довольно часто можно услышать речь, наполненную уменьшительностью. Обычно такое явление наблюдается в попытке создать дружелюбную и приятную атмосферу среди говорящих. Например, *серенькая машинка, хорошенький кремчик, свеженькая сметанка* и т.п. [3, с. 93].

Приведем несколько примеров диминутивности и в английских названиях: *To You, the **Birdie!*** (The Guardian, 11.05.2002), *Talking to ourselves: the science of the **little voice** in your head!* (The Guardian, 21 Aug 2014), ***Doggy** star Uggie to release autobiography* (Reuters, 30.04.2012). *Federer beaten in Halle by teenage **starlet** Zverev* (Reuters, 18.06.2016).

Необходимо отметить важность прагматической функции в категории диминутивности. Кроме эмоционально-оценочной функции, диминутивы могут выражать признак симпатии, фамильярности или нефамильярности, близости, просьбы и т.д. Данные признаки уменьшают психологическую дистанцию между участниками коммуникационного акта. «…Речевое формулирование в функционально-прагматическом подходе рассматривается как акт выбора таких языковых средств, которые обеспечивают оформление и выражение задуманных целей и коммуникативных эффектов» [8, с. 137]. Так, для выражения эмоционально-экспрессивной ценности диминутивность используется не только в детской речи или по отношению к ребенку, но и в качестве дополнительного компонента коммуникации с целью эффективного взаимодействия.

Кроме этого, такие признаки достаточно хорошо отражены в художественной литературе, где очень важен прагматический и эмоциональный аспекты.

Однако, как мы можем заметить, категория диминутивности часто встречается в совершенно разных сферах жизнедеятельности, в ходе чего данная категория может представлять собой некую проблему при переводе. Полного соответствия достигнуть достаточно тяжело в силу различных языковых и культурных факторов. Однако передать диминутивность можно при помощи суффиксации и добавления таких слов как, *little, small, tiny, honey, sweetie* и т.д. В художественном тексте диминутивность, как правило, является смыслообразующим средством, а также играет важную роль в создании речевого портрета персонажа или описании ситуации. Анализ способов перевода диминутивности показывает, что недостаточная выраженность категории уменьшительности в английском языке на морфологическом уровне чаще всего заставляет обращаться к приему компенсации с использованием добавления прилагательных, в случае если для полноценной передачи ситуации уже упомянутых английских суффиксов недостаточно. Также можем выделить такие приемы, как описательный перевод, транскрипция / транслитерация (при переводе имен). В качестве примера приведем несколько слов с самыми частыми вариантами перевода в художественном тексте: «душенька моя» – *my dear,* «страданьице» – *little trouble,* «матушка» – *mother dear* и др. Приведем в пример несколько строк из стихотворений С. А. Есенина в переводе на английский язык: *Ты жива еще,* ***моя старушка?*** – *Are you still alive,* ***my dear granny?***, ***Звездочки ясные****, звезды высокие!* – ***Stars little stars****, you're so high and so clear*. Мы видим, что чаще всего уменшительность передается при помощи добавления слов *little, dear* и т.д. для создания уменьшительного или эмоционального образа. Несмотря на то, что слово *granny* уже само по себе обладает более мягкой и уменьшительной коннотацией, при переводе на английский язык все равно добавляется уменьшительное слово *little* для воссоздания наиболее полного образа ситуации.

Говоря о научной и профессиональной речи, можем сказать, что роль уменьшительности здесь представлена иным образом. В большинстве слу-

чаев данная грамматическая форма используется в качестве терминов: кулачок (деталь механизма), спинка (стула) и т.п. [4, с. 40]. Будучи характерной особенностью научной и профессиональной речи, диминутивы используются как в данных специфических значениях, так и в обыденной разговорной речи.

Таким образом, можем сказать, что категория диминутивности представлена как в английском, так и в русском языках и выражается в различных языковых формах. В английском и русском языках преобладающим способом выражения уменьшительности является суффиксация. Как правило, категория диминутивности связана с определенными функциональными стилями речи: в основном с детской речью (или применяемой непосредственно к детям), разговорным стилем, а также с некоторыми жанрами и сферами специальной и профессиональной коммуникации.

Центральным вопросом исследования является разделение денотативного и прагматического значения, выражаемого диминутивами в русском и английском языках. В результате изучения был получен материал, анализ которого позволил заключить, что диминутивность обладает эмоционально-оценочной функцией, которая формируется в каждом языке своим способом и с помощью собственных средств, к которым и относятся различные диминутивные суффиксы или лексико-семантические конструкции со значением уменьшительности.

При переводе диминутивности на английский язык необходимо не допускать избыточности или существенных потерь, а также учитывать различия на культурном уровне. Для передачи уменьшительности допускаются такие варианты перевода, как описательный перевод (при помощи добавления слов *small, little, tiny, honey* и т.д.), добавление уже существующих в английском языке суффиксов, транскрипция или транслитерация (при переводе имен), а также воссоздание интонации при переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая ; отв. ред. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1996. – С. 110–145.
3. *Горбунова, Л. И.* Язык как знаковая система особого рода : учеб. пособие / Л. И. Горбунова. – Иркутск : ИГУ, 2013. –108 с.
4. *Кузьменкова, В. А.* Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания / В. А. Кузьменкова // Язык. Сознание. Коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 38–50.
5. *Либерт, Е. А.* Диминутив в западногерманских языках / Е. А. Либерт ; Ин-т филол. СО РАН ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. – 126 с.
6. *Плунгян, В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : УРСС, 2003. – С. 200–250.

7. *Раденкова, Е. К.* Трансформации прецедентных высказываний как средство передачи экспрессивно-оценочных смыслов в газетных заголовках / Е. К. Раденкова // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. – 2015. – № 9. – 115 с.
8. *Чернявская, В. Е.* Метапрагматика коммуникации : когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст [Электронный ресурс] / В. Е. Чернявская // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Язык и литература. – 2020. – № 17 (1). – С. 135–147. – Режим доступа : https://doi.org/10.21638/spbu. – Дата доступа : 10.09.2020.

Подсекция № 3

В. В. Фоменко (*Горки, БГСХА*)

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В статье рассматривается понятие лексико-фразеологического поля как разновидности семантического поля, проведен обзор научных работ, посвященных его исследованию, принципам организации и структурирования на примере лексико-фразеологического поля «Здравый смысл» в английском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическое поле; лексико-фразеологическое поле; лексика; фразеология; парадигматические отношения.

The article examines a lexico-phraseological field as a type of a semantic field, gives an overview of scientific studies, principles of organization by means of the example of the lexico-phraseological field “common sense” in English.

K e y w o r d s: semantic field; lexico-phraseological field; lexis; phraseology; paradigmatic relations.

Сравнение семантических систем различных языков дает возможность определить общечеловеческие универсалии и национальную специфику отражения окружающего мира в сознании носителей языка. Семантическое поле все чаще исследуется как фрагмент национальной языковой картины мира.

По мнению Л. М. Васильева, главной задачей современных семантических исследований является изучение значений единиц языка в их всевозможных связях, изучение состава и структуры семантических полей, имеющих, несмотря на все трудности их практического выделения, психологическую и лингвистическую реальность. Исходя из этого, анализ языкового содержания методом поля представляется наиболее эффективным и перспективным [1, с. 96].

Полевый метод исследования применяется в качестве общего приема анализа языковых явлений и категорий, который проявляется прежде всего в организации лексики по принципу ядра и периферии, а также в вычленении в нем лексико-семантических группировок различных типов, образующих

определенную иерархию. Полевый подход дает возможность представить модель языковой системы как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер [2, с. 38].

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» поле – это «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [3, с. 380]. Следует отметить характерные свойства семантических полей: системный характер связи слов или их отдельных значений, взаимоопределяемость лексических единиц, относительная автономность поля, непрерывность смыслового пространства, обозримость и психологическая реальность для среднего носителя языка.

Семантическое поле представляет собой ономасиологические и семасиологические группировки слов, имеющие иерархическую организацию, объединенные одним родовым значением и представляющие в языке определенную семантическую сферу [4, с. 65].

В качестве одного из методов исследования структуры семантического поля избран лексикографический, который представляется основным при решении задач идентификации и анализа семантической структуры. Дефиниционный материал словарей отражает системную организацию лексики в языке.

Лексика и фразеология не являются изолированными областями языка. На целесообразность исследования семантических полей применительно к фразеологии указывал А. В. Кунин. Семантическая структура фразеологизма – понятие многоаспектное, включающее в себя не только фразеологическое значение, она «определяется также построением всего образования в целом, также системными языковыми и речевыми связями [5, с. 159].

Наиболее актуальным и общепризнанным в лексикологии в настоящее время является понятие лексико-фразеологического поля. Полевый метод исследования выявляет семантические признаки, категории и системные отношения единиц языка на всех его уровнях. В языке лексика и фразеология объединяются в единое интегральное образование – лексико-фразеологическую систему языка. Фразеологические единицы расширяют возможности языковой вербализации понятий. Фразеологизмы хранят в себе и передают информацию, отражают национальное своеобразие языка.

Лексико-фразеологическое объединение является одним из разновидностей семантического поля. Эта иерархическая структура представлена множеством лексических и фразеологических единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу, компоненты которой вступают между собой в различные семантические корреляции. Лексико-фразеологическое поле выступает в качестве системы, хранящей в памяти индивида сведения об объективной реальности.

Можно предположить, что семантические группы лексики и фразеологии «сосуществуют», то есть подавляющим большинством общих понятий

соотносятся определенные круги как лексики, так и фразеологии. Вследствие этого представляется вполне реальным построение лексико-фразеологических семантических полей [6, с. 101–121].

Фразеосемантическое поле трактуется как совокупность фразеологических единиц, которые описывают в языке определенное семантическое пространство, объединяются интегральным (общим) семантическим признаком, обладают дифференциальными (дополнительными) признаками. Таким образом, фразеологические единицы содержат ряд составляющих: денотативный компонент, передающий информацию о классе предмета; грамматический компонент, указывающий на включенность фразеологической единицы в системные отношения; аксиологический (ценностный) компонент [7, с. 81–88].

Анализ лишь лексических единиц языка носит односторонний характер. Поэтому целесообразно рассматривать лексико-семантические и фразеосемантические поля с близкой семантикой как единое лексико-фразеологическое поле большего объема.

В данной работе рассматривается содержательный аспект лексико-фразеологического поля на примере понятия *здравый смысл*, вербализованного лексическими и фразеологическими единицами в английском языке. Понятие *здравый смысл* имеет большой информационный объем и включает систему общепринятых представлений о реальности, накопленную многими поколениями в рамках культуры народа. Выявление комплекса языковых средств, семантический анализ и их систематизация позволяют выделить национально-культурные особенности их семантики.

Определение состава, структуры и границ лексико-фразеологического поля целесообразно проводить на основе лексикографических данных от понятия к словам для отождествления подлежащих анализу единиц (ономасиологический подход). Далее состав поля уточняется семасиологическим путем – обнаружением семантических связей между значениями слов путем дефиниционного и компонентного анализа.

В первую очередь целесообразно определить область ономасиологических представлений и соответствующих слов, относящихся к понятию. В качестве объекта семасиологического исследования выделяется лексико-семантическая группа, которая интерпретируется как поле на основании общего смыслового признака. Таким образом, семасиологическое исследование проводится на основе указанного ономасиологического понятия, которое задает семантические границы поля.

Так, внутри лексико-фразеологического поля «Здравый смысл» можно выделить следующие объединения слов (микрополя) на основании категориального дифференциального признака в структуре семемы: wisdom ‘мудрость’, sense ‘разум’, sanity ‘здравомыслие, здоровье’, inborn ability ‘врожденная способность’, practicality ‘прагматизм, практичность’, rationality ‘рациональность’, discernment ‘проницательность’.

На основе четко выделенных связей, обнаруживаемых в дефиниционном материале словарей, возможно выявить семантически тождественные слова

и включить их в общую лексико-семантическую группу (процедура трансфор-мация объяснения И. В. Арнольд). Сходство лексических единиц основы-вается на том, что они могут быть подобны друг другу по компонентам (семам) своей семантической структуры, то есть на основании интегральной общей семы. Наличие и повторяемость в значениях разных слов этой иерар-хически главной архисемы делает соответствующие слова парадигматически отнесенными по смыслу [8, с. 11].

После установления имени поля и выделения его конституентов следует приступить к анализу понятийных отношений между элементами поля парадигматического типа – равнозначности (синонимы), противоположности (антонимы), соположенности (семантический ряд), включения (гиперо-гипонимические отношения). Единицы семантического поля связаны системными отношениями. Общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными. Каждое из этих значений образует микрополе [9, с. 9].

Так, синонимический ряд *common sense* ‘здравый смысл’ представлен следующими лексемами: *good sense* ‘здравый смысл’, *horse sense* ‘здравый смысл’, *judgement* ‘рассудительность’, *wisdom* ‘мудрость’ и др.

Антонимия в лексико-фразеологическом поле представлена единицами, взаимоисключающими определенный признак. Бинарная оппозиция имеет положительную и отрицательную маркированность: *common sense* ‘здравый смысл’ – *folly* ‘безумие, глупость, отсутствие здравого смысла’; *judgment* ‘рассудительность’ – *misjudgment* ‘неправильное суждение’.

При обобщении лексикографических данных можно выделить следующие конструктивные компоненты для положительного плана: указание на способность человека, указание на результат деятельности в виде формирования мыслей, указание на практическую деятельность.

Обобщение данных отрицательного плана определило отсутствие признака: безрассудство, неразумность, недостаток ума: *fatuity* ‘глупость’, *folly* ‘безумие, глупость, отсутствие здравого смысла’, *foolishness* ‘глупость’, *frivolity* ‘легкомыслие’, *ignorance* ‘незнание, невежество, неведение’.

Общая для целого ряда единиц часть словарной дефиниции, определяющая границы и конституенты лексико-семантического поля с обобщающим смыслом, на основании которого объединяются слова – идентифицирующая формула. Выделение семантических полей начинается с установления имени поля – идентификатора, выражающего общий смысл для входящих в поле конституентов. Семантическое поле включает в себя слова, которые прямо отвечают идентифицирующей формуле, а также слова, имеющие синонимическое отождествление конструктивных компонентов. Так, мы можем рассматривать «practical ability to make decisions» как идентифицирующую формулу здравого смысла.

С помощью метода компонентного анализа выделяется лексико-фразеологическое поле «здравый смысл», представляющее собой парадигматическую структуру, ядерные и периферийные единицы, объединенные общим семантическим признаком. В состав ядерной группы следует включать слова,

соответствующие идентифицирующей формуле, без включения сем, расширяющих содержание. Лексико-фразеологическое поле «Здравый смысл» представляет собой совокупность лексико-фразеологических единиц, характеризующихся наличием определенных парадигматических отношений и объединенных общей семантической идеей *способности мыслить, рассуждать и принимать разумные решения.* Исходя из заданного на лексическом уровне понятия, следует выявить фразеологические единицы, в которых оно отражено.

К лексико-фразеологическому полю «Здравый смысл» в английском языке можно отнести следующие лексемы: *wisdom* ‘мудрость’, *sapience* ‘разум’, *sense* ‘разум’; *good sense* ‘здравый смысл’, *horse sense* ‘здравый смысл’, *rationality* ‘разум’, *reason* ‘разум’; *reasonableness* ‘разумность’ и соответствующие фразеологизмы: *be in one’s right mind (be of sound mind)* ‘быть в здравом уме’, *to have one’s feet on the ground* ‘обладать здравым смыслом’, *be as sober as a judge* ‘быть здравомыслящим’ и др.

Полевая модель позволяет отразить словарный состав языка как набор отдельных семантических групп, а также объективно существующий системный характер взаимоотношений между языковыми единицами. Так, в составе лексико-фразеологического поля «Здравый смысл» в английском языке выявляются лексические и фразеологические множества с системными отношениями, реализующимися прежде всего в парадигматических связях, в частности в синонимических и антонимических отношениях. Представление о лексике и фразеологии как о многоаспектном и системном объекте реализуется в построении взаимосвязанных подсистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев, Л. М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики : сб. избр. ст. / Л. М. Васильев. – Уфа : БашГУ, 2006. – 524 с.
2. *Стернин, И. А*. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл. : Наука, 1990. – 683 с.
4. *Жеребило, Т. В.* Термины и понятия лингвистики : Общее языкознание. Социолингвистика : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2011. – 280 с.
5. *Кунин, А. В*. Курс фразеологии современного языка : учеб. пос. для ин-тов и фактов. иностр. яз. / А. В. Кунин – 3-е изд., стереотип. – Дубна : Феникс, 2005. – 488 с.
6. *Ножин, Е. А.* Англо-русский фразеологический словарь по семантическим группам / Е. А. Ножин // Иностр. яз. : сб. ст. – 1966. – № 2. – С. 101–121.
7. *Сабурова, Н. А.* Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филол. науки. – 2002. – № 2. – С. 81−88.
8. *Романовская, А. А*. Системная организация лексики : взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
9. *Гулыга, Е. В.* Лексико-грамматические поля в современном немецком языке / Е. В Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.

А. О. Ефименко (*Минск, БГУ*)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «CRIME» («ПРЕСТУПЛЕНИЕ») В ДЕТЕКТИВАХ Ж. СИМЕНОНА И БУАЛО-НАРСЕЖАКА

В статье рассматриваются особенности лексики во французском детективном романе XX века. Сравниваются сюжетно-композиционные отличия, средства художественной выразительности и особенности использования полицейской лексики в романах Ж. Сименона и Буало-Нарсежака. Объясняются авторские приемы подбора значений из ЛСП «Crime». Сделаны выводы о специфических стратегиях, посредством которых в тексте задействуются особые лексико-семантические и ассоциативные связи. В статье использованы историко-литературный и компаративный методы исследования. Итоги исследования позволяют проследить развитие и трансформацию французского детектива и формирование его новых поджанров согласно требованиям времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ЛСП; французская литература; детектив; композиция; полицейская лексика; лексический анализ.

The article examines the features of vocabulary in a French detective novel of the twentieth century. The plot and compositional differences, means of artistic expression and features of the usage of police vocabulary in the novels of J. Simenon and Boileau-Narsejac are compared. The author's methods of selection of values from the lexico-semantic field "Crime" are explained. Conclusions are made about specific strategies by means of which special lexical-semantic and associative connections are used in the text. The article uses historico-literary and comparative research methods. The results of the study allow to trace the development and transformation of the French detective and the formation of its new subgenres according to the historical requirements.

K e y w o r d s: Lexico-Semantic Field; French literature; detective; composition; police vocabulary; lexical analysis.

Жанровые свойства детектива привлекают читателей прежде всего фиксированной композицией, устойчивостью шаблона, повторением клише и стереотипов. Задача героя детективного романа – выявить причину, по которой произошло преступление, и установить, кто виновник происшествия. Само понятие преступления (crime) – одно из центральных в детективной матрице, поскольку оно иллюстрирует нарушение, произошедшее в фикционном мире произведения, и лежит в основе сюжета. Лексические единицы, которые объединены полем «Crime», представляют собой особый пласт лексики, используемый в детективах. В процессе эволюции детективного романа вместе с формой изменялись также и особенности употребления лексики. Поскольку изначально детективный канон представлял собой процесс расследования, различные способы его описания, запутанность сюжета и соблюдение логических связей, то в тексте подробно описывались место, жертва, обстоятельства, указывались время и некоторые второстепенные детали. Это позволяло вовлечь читателя в сюжетную интригу и дать ему возможность самому принять участие в процессе расследования вместе с главным героем. Типичным образцом классического детектива во французской литературе стали романы Ж. Сименона о комиссаре Мегрэ.

После Второй мировой войны французский детектив видоизменяется, вбирая в себя черты психологизма, авторские отступления и красочные описания, ранее не использовавшиеся в этом жанре. Специфической лексики в нем становится меньше. Если роль автора классического детектива заключалась в том, чтобы моментально захватить внимание читателя с помощью логической задачи, то новый, поздний детектив играет с читательскими ожиданиями и предлагает новый сюжет, более сложный и запутанный. Тем не менее основные понятия, лежащие в основе детективного жанра в целом, сохраняются. Мы рассмотрели некоторые отличия, произошедшие в процессе изменения жанра, на примере такого центрального понятия, как преступление (crime).

Используя лексику семантического поля «Crime», просчитали частотные совпадения в классических детективах Ж. Сименона и психологическом де тек-тиве Буало-Нарсежака, а потом сравнили их количество.

Для исследования были выбраны детективы Ж. Сименона о комиссаре Мегрэ « Au Rendez-Vous des Terre-Neuvas » (34 400 словоупотреблений), « Maigret et le clochard » (16 600 словоупотреблений) и четвертый детектив тандема Буало-Нарсежак « Sueurs froides » (46 000 словоупотреблений). Всего было проанализировано 97 000 лексических единиц.

После изучения лексико-семантических компонентов поля «Crime» и частоты их употребления в тексте был проведен сравнительный анализ. Н а первом его этапе мы установили структуру ЛСП «Crime» во французском языке с помощью следующих словарей: Larousse, CNRTL : Centre Nationale de Ressources Textuelles et Lexicales, TLFi : Trésor de la langue Française informatisé, Le Robert Dictionnaire d’Aujourd’hui, а затем посмотрели на реализацию поля в детективах.

Сравнительный анализ поля «Crime» проводился:

1. По количественному признаку.

На основе дефиниционного анализа в структуре поля слова *crime* выделено 4 семантических слоя и 6 синонимических кругов: центр ядра (первый круг синонимов), зона ядра (второй круг синонимов), периферия (третий круг синонимов), дальняя периферия (четвертый, пятый и шестой круги). Все эти слои взаимосвязаны между собой и находятся в определенных семантических отношениях.

Ядро поля включает в себя 13 существительных, прямых синонимов слова *crime*. Их можно объединить в условную группу «Crime volontaire» (умышленное преступление). Они формируют центр ядра, или первый круг поля. Зона ядра (второй круг) состоит из 30 существительных-синонимов слов первого круга. В эту группу попадают слова с условным значением ‘crime volontaire et in volontaire’ (умышленное и неумышленное преступление). Периферия, или третий круг насчитывает 27 существительных, которые объединяет групповое значение ‘le déclin’ (упадок). Это синонимы понятий второго круга. И, наконец, дальняя периферия № 1, или четвертый круг состоит из 9 существительных, которые объединить какой-либо общей темой крайне сложно: *malheur, artifice, truc, groupe, aliénation, fourberie, partialité,*

désaccord, *caprice* (несчастье, уловка, хитрость, группа, отчуждение, обман, пристрастие, несогласие, каприз). В пятом кругу, или на дальней периферии № 2 присутствуют 4 слова: *astuce*, *tromperie*, *dispute*, *toquade* (уловка, обман, аргумент, увлечение). В шестом, и последнем кругу (крайняя периферия № 3) существительных остается всего 3: *mensonge*, *querelle*, *fantaisie* (ложь, ссора, фантазия).

2. По характеру семантических отношений.

Анализ компонентов поля существительного *crime* выявил такие семантические отношения, как синонимия, квазисинонимия, антонимия и гипонимия. В семантическом поле слова *crime* были выделены такие квазисинонимы, как *incident, acte, fredaine, anomalie, cas*, объединенные общей семой accident. К синонимам можно отнести *mensonge, truc, tribulation*, обладающие общими семами ‘délit’ и ‘escroquerie’. Также внутри данного поля выделяется явление гипонимии: слово *délit* и его квазисиноним *incident* могут рассматриваться как гиперонимы для слов *dommage, insulte, injustice*, потому что гипонимы в таком случае будут иметь более частную сему к понятию *délit*, определяющую частный характер преступления. Антонимия представлена существительными *coupable* и *innocent*, которые входят в группу субъектов понятия *crime* и противопоставляются по семе ‘culpabilité’ (вина). Также антонимы встречаются в группе лексики, характеризующей существительное *crime*: выражения *par mégarde* и *prémédité* противопоставляются по семе ‘spontanéité’ (умышленность).

3. По частоте употребления.

Лексико-семантическое поле «Crime» насчитывает 86 существительных-синонимов и 104 понятия, связанных с этим полем по смыслу, всего 190 лексических единиц. Для сравнения: в целом в исследованных текстах задействованы 49 единиц из поля «Crime», в тексте Ж. Сименона употреблены 35 понятий, у Буало-Нарсежака – 22 понятия, на 13 лексических единиц меньше.

Рассмотрим сначала употребление существительных-синонимов понятия *crime*, которые расположены в центре ядра поля. Из 13 синонимов в текстах употреблены три наиболее распространенных: *cas, faute, peine* (дело, ошибка, наказание), при этом Сименон употребляет слова *cas* и *faute* в два раза чаще, чем Буало-Нарсежак. Также важно, что контекстуально существительное *peine* у Сименона употребляется преимущественно в значении ‘sanction appliquée pour une faute commise’ (наказание за совершенный проступок), а у Буало-Нарсежака – в значении ‘souffrance morale’ (моральное страдание), которое предполагает еще и стойкую эмоциональную окраску.

Теперь проанализируем количество использованных в тексте синонимов поля «Crime» в кругах с первого по шестой. Зона ядра, периферия и дальняя периферия представлены 73 существительными, из них 9 употребляются в текстах. Это слова *accident, attaque, bizarrerie, coup, différence, écart, tort, tromperie, curiosité*. Из них Буало-Нарсежак выбирают более общие и эмоционально окрашенные понятия, такие как *bizarrerie, coup, écart, tort, tromperie*

(странность, удар, разрыв, заблуждение, обман); в то время как Ж. Сименон, напротив, использует более частные выражения, характеризирующие природу расследования: *accident, attaque, coup, différence, tromperie,* curiosité (происшествие, нападение, удар, разница, обман, любопытство). Стоит также отметить, что среди этих слов преобладает употребление тех, у которых ярко выражена сема ‘agression’ со значением ‘attaque non provoquée, injustifiée et brutale’ (несправедливое и жестокое нападение).

Затем сравним совпадения с семами, выделенными среди существительных поля «Crime». Из 9 понятий, выделенных в рамках лексико-семантического поля, в текстах были использованы 4: *souffrance, accident, groupement, mal*. Эти семы у разных авторов представлены неравномерно. Сименон использует три понятия из заданных полем, при чем именно те, которые не несут в себе значения переживаний: ‘accident’, ‘groupement’, ‘mal’ (происшествие, группировка, зло). В тексте Буало-Нарсежака присутствует часто повторяемая сема ‘souffrance’ (страдание), одно из основных значений которой – ‘эмоциональное состояние’, ‘état prolongé de douleur physique ou morale’ (пребывать в состоянии эмоциональной или физической боли).

Далее проведем анализ лексики, связанной с полем понятия «Crime». Из 104 лексических единиц в текстах встречаются 33: *accuser, affaire, arrêter, assassin, attaque, avocat, avou, avouer, causer, cherché, chercher, coupable, crime, dossier, enquête, faire, fait, frapper, garder, identifier, innocent, interrogatoire, interroger, lieu du crime, passionel, policier, preuve, scène de crime, suivre, témoigne, tirer, trouver, tuer*. Из заданных слов в детективах Ж. Сименона употреблены 29 понятий, среди них с наиболее высокой частотностью употребления – глаголы действия, такие как *arrêter, causer, chercher, faire, suivre, tirer, trouver, tuer* (останавливать, становиться причиной, искать, делать, преследовать, стрелять, находить, убивать). В тексте Буало-Нарсежака встречается всего 20 лексических единиц, а слова с наиболее высокой частотностью повторяют те же глаголы действия, что и у Ж. Сименона: *arrêter, causer, chercher, faire, suivre, tirer, trouver, tuer*; кроме того, добавляются *identifier* и *avouer* (опознавать и признавать). Однако показательным является тот факт, что Буало-Нарсежак избегает использовать профессиональные термины, которые получили значительную частотность в текстах Сименона. Например, это термины *assassin, attaque, cherché, coupable, crime, innocent, interrogatoire, lieu du crime, scène de crime* (убийца, нападение, розыск, виновный, преступление, невиновный, допрос, место преступления, сцена преступления).

В целом из 190 лексических единиц, образующих лексико-семантическое поле «Crime», в детективах Ж. Сименона используется 76 понятий, а в детективе Буало-Нарсежака – всего 52. В детективах Сименона « Au Rendez-Vous des Terre-Neuvas » и « Maigret et le clochard » лексическое поле «Crime» представлено полнее, чем у Буало-Нарсежака, несмотря на невысокую частотность употребления некоторых лексических единиц. В текстах Ж. Сименона представлен пласт особой терминологии, связанной с ролью субъекта

в поле «Crime», а также характеристики самого понятия преступления. Также по высокой частотности употребления в тексте глаголов действия можно утверждать, что большую часть сюжета произведения занимает именно деятельность героя, то есть расследование им совершенного преступления.

В детективе Буало-Нарсежака « Sueurs froides » лексика поля «Crime» представлена единицами с более широкой семантикой, она не ограничивается профессиональными понятиями и глаголами действия. Авторы отдают предпочтение гиперонимам, общеупотребляемым и эмоционально окрашенным выражениям и глаголам, используют понятия, связанные внутри поля «Crime» отношениями квазисинонимии и антонимии. По частотности употребления глаголы эмоционального состояния конкурируют с глаголами действия, на основе чего заключаем, что для сюжета произведения внутреннее состояние героя не менее важно, чем его деятельность и, соответственно, фабула.

Таким образом, на основе проведенного лексического анализа можно сделать следующие выводы:

1. Семантическое поле понятия «Crime» богаче представлено в раннем, классическом детективе, чем в его более позднем варианте.
2. Если в классическом французском детективе основой сюжета является расследование, а главный герой – активный действующий персонаж, то в более позднем варианте детектива важно отобразить еще и внутренний мир героя, его личную оценку событий и переживания.
3. Несмотря на то, что на фабульном и сюжетном уровне произведение Буало-Нарсежака « Sueurs froides » считается детективом, а сами авторы известны в первую очередь как писатели детективных романов, в тексте прослеживается несоответствие детективному канону и на лексическом, и на сюжетном уровне.
4. Анализ лексики романа « Sueurs froides » обнаруживает важность употребления эмоционально окрашенных понятий, связанных с переживанием, и, соответственно, предполагает в тексте психологизм, который ранее не использовался в детективах.

Н. Я. Кошкіна (*Мінск, БДУ*)

ВАРЫЯТЫЎНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ НАМІНАЦЫІ Ў БЕЛАРУСКАМОЎНЫМ ДЫСКУРСЕ ПАЧАТКУ XX ст.

У артыкуле праводзіцца аналіз варыятыўных фразеаадзінак у сістэме беларускай літаратурнай мовы пачатку XX ст. на матэрыяле аўтарытэтнага перыядычнага выдання – газеты “Наша Ніва”. Вылучаюцца дзве варыятыўныя разнавіднасці – варыянтныя і сінанімічныя фразеалагізмы, указваюцца розныя віды фразеалагічных варыянтаў і сінонімаў, прыводзіцца паказальны ілюстратыўны матэрыял. Робяцца высновы адносна характару фразеалагічнай варыянтнасці, якая служыць паказчыкам пэўнага ўзроўню развіцця тагачаснай моўнай сістэмы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеалагічная адзінка; варыянтнасць; фразеалагічныя сінонімы; фразеалагічныя варыянты; фразеалагічная норма.

In the article the variable phraseological units in the system of the Belarusian literary language of the beginning of the XX century on the material of an authoritative periodical – the newspaper “Nasha Niva” – are analyzed. There have been found out two variable varieties (variant and synonymous phraseological units), besides different types of phraseological variants and synonyms are specified, the presentation of illustrative material is given. Conclusions are drawn about the nature of phraseological variability, which serves as an indicator of a certain level of development of the language system of that time.

K e y w o r d s: phraseological unit; variance; phraseological synonyms; phraseological variants; phraseological norm.

Навуковы разгляд фразеалагічнага складу сучаснай беларускай літаратурнай мовы мае трывалую традыцыю ў беларускім мовазнаўстве. Асаблівасці фразем як спецыфічных моўных адзінак (у літаратурнай і дыялектнай мове ў цэлым і ў творчасці канкрэтных паэтаў і пісьменнікаў) грунтоўна і шматаспектна прааналізаваны ў шэрагу прац беларускіх навукоўцаў (Ф. Янкоўскага, А. Аксамітава, М. Даніловіча, Г. Малажай, І. Лепешава, В. Ляшчынскай, М. Аляхновіча, І. Хлусевіч, В. Калючыц, Н. Леўчанка і інш.).

Пры гэтым найменш даследаваным застаецца гістарычны кірунак вывучэння фразеалогіі. У прыватнасці пытанні спецыфікі пачатковага этапу фарміравання фразеалагічнай сістэмы новай беларускай мовы ў XIX – пачатку XX ст., хоць і былі прадметам навуковай увагі [1], усё яшчэ распрацаваны беларускімі фразеолагамі недастаткова поўна. Вывучэнне ж тэндэнцый развіцця фразеалагічнага складу на тым этапе, калі закладваліся нарматыўныя асновы сучаснай беларускай літаратурнай мовы, можна адносіць да адной з найбольш перспектыўных задач беларускай гістарычнай фразеалогіі. Такі аналіз дае магчымасць атрымаць аб’ектыўнае ўяўленне пра вытокі сучаснай фразеалогіі, прасачыць шляхі і заканамернасці яе фарміравання. Асабліва выніковым можа быць даследаванне з’яў варыянтнасці і сінанімii ў фразеалогіі дадзенага перыяду, які вызначаецца адметнасцю ў плане суадносін паняццяў *варыянтнасць* і *норма*. У беларускай літаратурнай мове XIX – пачатку XX ст. гэтыя паняцці не проціпастаўляюцца, бо ў варыянтнасці выразна выступаў стан тагачаснага моўнага дынамічнага развіцця [2, с. 14] і “менавіта ў межах варыянтнага поля адбываліся найважнейшыя працэсы, звязаныя з пачатковым перыядам станаўлення і развіцця новай беларускай літаратурнай мовы, з выпрацоўкай функцыянальных стыляў і нацыянальных нормаў” [Там жа, с. 3]. Адпаведна вывучэнне варыянтных фразеалагічных намінацый дазваляе выявіць спецыфічныя адзнакі фразеалагічнай нормы на важным этапе моўна-гістарычнага развіцця. Для беларускай фразеалагічнай навукі такі аналіз пытанняў нормы з гістарычнага пункту погляду мог бы быць каштоўным не толькі ў тэарэтычным, але і ў практычным аспекце, бо аб’ектыўнае ўяўленне аб гісторыі моўнага будаўніцтва “дае магчымасць устанавіць традыцыйныя формы і дапушчальныя межы ўмяшання грамадства ў сістэму мовы і яе функцыянавання” [3, с. 23] і “дазваляе захаваць моўна-культурную пераемнасць у ходзе моўнага ўдасканалення або рэфармавання” [4, с. 26].

У якасці факталагічнай крыніцы ў артыкуле выкарыстоўваўся “Слоўнік мовы “Нашай Нівы” (1906–1915)” (Т. 1–4, Мінск, Тэхналогія), які ўключае

фразеалагічны матэрыял перыяду пачатку XX ст., сістэматызуе разнастайныя тыпы фразеалагічных адзінак і аб'ектыўна адлюстроўвае склад фразеалогіі ў беларускамоўным дыскурсе пачатку XX ст.[1]

Навукоўцы адзначаюць, што фразеалагічная варыянтнасць як лінгвістычная праблема мае амаль паўсотгадовую гісторыю [5]. У лінгвістыцы за гэты час сфармулявана шмат азначэнняў паняццяў *варыянтнасць / сінанімія* і *фразеалагічная варыянтнасць / сінанімія* ў прыватнасці. Мы ў сваім даследаванні будзем прытрымлівацца наступных азначэнняў і крытэрыяў адрознення варыянтных і сінанімічных адносін у фразеалогіі, якія падаюцца нам найбольш адпаведнымі спецыфіцы разглядаемага фактычнага матэрыялу. Варыянты і сінонімы ў рамках існуючай лінгвістычнай традыцыі будуць разглядацца "як з'явы адпаведна фонамарфалагічнага і лексіка-семантычнага ўзроўню" [2, с. 24]. У агульнамоўным сэнсе *варыянтамі* будуць лічыцца відазмены адной і той жа адзінкі мовы, "якія захоўваюць тоеснасць марфолага-словаўтваральнай структуры, лексічнага і граматычнага значэння і адрозніваюцца або з фанетычнага боку (вымаўленнем гукаў, складам фанем, месцам націску ці камбінацыяй гэтых адзнак) або словаўтваральнымі афіксамі (суфіксамі, флексіяй)" [6, с. 38], *сінонімамі* – "словы блізкія або тоесныя па сваёй семантыцы, якія абазначаюць адно і тое ж паняцце, але розняцца паміж сабой адценнямі значэння, стылістычнай афарбоўкай, або абедзвюма прыкметамі" [7, с. 9]. Пры размежаванні з'яў варыянтнасці і сінаніміі ў фразеалогіі будзе ўлічвацца, што *фразеалагічныя сінонімы* адрозніваюцца такімі кампанентамі кананатыўнага аспекту значэння, як вобразнасць, інтэнсіўнасць, эматыўная ацэначнасць, а таксама функцыянальна-стылістычнай прыналежнасцю. *Фразеалагічныя варыянты* ў сваю чаргу вызначаюцца тым, што, маючы аднолькавы сэнс, у структурных адносінах яны паказваюць мінімальную розніцу, часам у выглядзе аднаго кампанента [8, с. 161].

Пры выкарыстанні такіх крытэрыяў адабраны намі фактычны матэрыял быў раскласіфікаваны наступным чынам.

Варыянтныя фразеалагізмы прадстаўлены такімі разнавіднасцямі:

1. *Фанетычныя* фразеалагічныя варыянты, якія адрозніваюцца гукавым складам аднаго з кампанентаў: *апусьціць рукі / апушчаць рукі* (*apuščać ruki*) – спыніць дзейнасць, прызнаўшы сваю бездапаможнасць: *...нейкі туман пайшоў па гасударстве; неяк, як-бы гніець жыцьце, а людзі сьвятлейшыя і рукі апусьцілі* (1910, № 6, с. 99); *Дык ня трэба апушчаць рук і глядзець зусім безнадзейна на сваю і сваёй бацькоўшчыны будучыну* (1914, № 38, с. 1); *Ludzi apuščajuć ruki, ničoha nia robiac, čekajuc dla swajej pracy lepšych dzion I adkładajuc jaje* (1910, № 2, с. 22) [СМНН 1, с. 146]. У прыведзеных прыкладах можна таксама назіраць *графічную* варыянтнасць, выкліканую адрозным графічным афармленнем усёй фраземы.

2. *Словаўтваральныя* варыянты, якія адрозніваюцца адзін ад другога словаўтваральнай структурай аднаго з фразеалагічных кампанентаў: *чуць ногі*

[1] У спасылках слоўнік будзе пазначацца абрэвіятурай СМНН з указаннем тома, адкуль узятая цытата.

валачы / *čuc-čuc wałačy nohi* – ледзьве ісці, з цяжкасцю перастаўляць ногі: *Čuc nohi wałoče [starec], u nos štos barmoče* (1910, № 16–17, с. 261). *A jon, u abodranych apratkach, zmoreny, hałodny, čuc-čuc wałok swaje nohi* (1910, № 15, с. 238) [СМНН 1, с. 272].

3. *Марфалагічныя* варыянты – гэта разнавіднасці фразеалагізмаў, якія маюць розныя склонавыя, асабовыя, лікавыя і іншыя формы аднаго ці двух кампанентаў: а) *няма за што рук [сваіх] зацяць / ня мае за што рук [сваіх] зацяць* – пра стан галечы: *Эх, наперла лиха Грышку! Рук няма за што зацяць... Хиба выпьем па килишку, – Лягчэй будзе гараваць!* (1908, № 6, с. 6. Якуб Колас. На прадвесні) [СМНН 2, с. 48]; *Яфимка цяжка уздыхае, З бядой ня можэ савладаць, Галодны дзеци, сам ня мае За што и рук сваих зацяць* (1908, № 12, с. 8. Галубок. Доля мужыка) [СМНН 2, с. 184]; б) *не прысци ў голаву* / *ў haławu nie prychodzie* – не дадумацца да чаго-н. *Никому и ў голаву не прышло паглядзець, што то были за листки* (1907, № 30, с. 4); *z hodu ŭ hod što raz bolej i dalej zanosiać jany [piaski] mieščanskije šnury uradžajnaj ziamli, i nikomu ŭ haławu nie prychodzie baranicca ad hetaj nawalnicy* (1910, № 40, с. 620) [СМНН 1, с. 412]; в) *круціць мазгамі / круціць мазги* – напружана думаць, меркаваць, мазгаваць, стараючыся разгадаць што-н.: *Стаў ён [Пахом] круциць мазгами, яким бы тут спосабам пазбыцца бяды сваей* (1908, № 20, с. 3); *[Зміцер] Хай круцяць мазги [пакупнікі], ашукацца не дам: «Вось мусиць быць заяц, за зайца прадам!»* (1908, № 21, с. 3) [СМНН 2, с. 423]; г) *лёгкі на язык / лёгак на язык* – здатны на трапныя выказванні, востры на язык; гаваркі, які гаворыць вольна, без запінкі: – *Гэтаки ён сацыалист, як ты, прымерам, маёй кабыле дзядзька, – адказаў яму [мужыку] Андрэй Падгорны, лёгки на язык чалавек* (1907, № 30, с. 3). *Праўда, кароль не так лёгак на язык, як бацька* (1914, № 17, с. 2) [СМНН 2, с. 467].

4. *Марфолага-словаўтваральныя* варыянты, у якіх структурныя змены кампанентаў прыводзяць да змен граматычных характарыстык або кампаненты якіх адрозніваюцца і словаўтваральнымі, і граматычнымі паказчыкамі: а) *пайсці рукой / isci rukoj* – ладзіцца, шанаваць, ісці ладам, паспяхова. *Гаспадарка не пайшла рукой: зламаў конь нагу – прадала [Сымоніха] на скуру; ліхо нейкае ўбілося ў карову – дарэзала…* (1910, № 30, с. 458. Казюк Колышко. Сьмешны доктар); *Wyjšoŭ [cyhan] z kleci – pakul što Sprawa idzie rukoju* (1910, № 12, с. 198. Albert Paŭłowič. Sprytny cyhan) [СМНН 3, с. 590]; б) *круциць галавой / пакруціць галавой* – думаць (падумаць) над вырашэннем якога-н. пытання, праблемы: *Праўда, есць шмат у Беларуси и глухих кутоў, гдзе гаспадарка идзе саўсим слаба: мужыки там мала круцяць над ёю галавами* (1908, № 18, с. 2); *Мужыки пакруцили трохи галавой и надумалися [сена-жаци] абсушываць* (1908, № 19, с. 4) [СМНН 1, с. 412]; в) *закруціць галаву / закручываць галоўкі* – прывабіць (прывабліваць) каго-н., выклікаць пачуцце закаханасці да сябе: *Заўседы вяселая, заўседы чырвоная, з вялікімі і пекнымі шэрымі вачамі, яна [Агатка] не аднаму дзяцюку у сяле закруціла галаву* (1914, № 19, с. 2. Міхалка Галка. Любоў Агаткі); *Вось яна [Мар'янка] і пачала закручываць бедным хлопцам галоўкі, ды аж і сэрцы пашчыпліваць* (1912, № 18, с. 2. К. Олехновіч-Чэркас. Сусьветны жаніх) [СМНН 2, с. 105]; г) *волас дыбам / валасы дыбком* – пра адчуванне вялікага страху, жаху: *Волас дыбам, сэрцэ бьецца. Хорт дарогай ўсё нясецца!* (1912,

№ 14, с. 3). *Валасы дыбком у Архіпа становяцца, хочэ ён падняць галаву, пабачыць лепей труну страшную, – цяжка галава, не паднімаецца..* (1913, № 32, с. 3) [СМНН 1, с. 618].

5. *Лексічныя* варыянты, якія адрозніваюцца адным з кампанентаў, пры гэтым захоўваецца рознаўзроўневая тоеснасць і агульнае значэнне фразеалагічных адзінак, а адрозныя кампаненты выступаюць як цалкам узаемазамяняльныя: а) *глядзець ваўком* / *пазіраць воўкам* – таіць злосць на каго-н.; злосна пазіраць: *Папраўдзі тая умова [паміж Японіей і Рассеей] варта акуратнай увагі, бо раней тые гасударствы глядзелі ваўком адзін на аднаго* (1910, № 28, с. 419). *...стаіць на яго [Апанаса] даросе той самы Анёл, каторы кались благаславіў их ды пазирае на яго воўкам* (1908, № 18, с. 4. Л. Н. Толстой. Два браты и золата) [СМНН 1, с. 316][1]; б) *як пшаніцу прадаўшы (спаць, храпці)* / *як пяньку прадаўшы* – вельмі моцна (спаць): *А ўжо сацыалист спаў, як пшаницу прадаўшы. Ен начаваў у папа* (1907, № 30, с. 4); *– І так выспаўся, як пяньку прадаўшы, вясёла адгукнуўся Архіп і пачаў адзявацца* (1913, № 31, с. 3) [СМНН 3, с. 344].

У цэлым здольнасць уступаць у варыянтныя адносіны дэманструюць 34 % фразеалагічных адзінак. Такія даныя атрымаліся пры падліку колькасці варыянтных фразеалагізмаў сярод 100 адвольна адабраных у «Слоўніку мовы “Нашай Нівы”».

Сярод фразеалагізмаў, якія былі аднесеныя да **сінанімічных**, вылучаюцца наступныя разнавіднасці.

1. *Стылістычныя* сінонімы, адрозныя паводле стылістычнай афарбоўкі і сферы выкарыстання: а) *wyprawicca na toj świet* / *nohi wyciahnuć* / *Богу душу аддаць* – памерці: *…u susedniaj wioscy adzin sielanin kuplaje toj spirytus, katory užywajecca zamiesta hazy, i, razbawiŭšy wadoj, pradaje zamiesta harełki. Adzin pamaĭza ad takoj pryprawy ŭžo wyprawiŭsia na toj swiet* (1910, № 11, с. 181) [СМНН 2, с. 365]; *Kon haspadara A.P. biez pytannia zabraŭšysia u kamoru, tak abjeŭsia žytniaj muki, što na druhi dzien i nohi wyciahnuй* (1910, № 7, с. 116) [СМНН 2, с. 393]; *Во нарэшці ў пятніцу зрана Савасьцей Богу душу атдаў.* [СМНН 1, с. 615].

2. *Семантычныя* сінонімы, якія маюць суадноснае фразеалагічнае значэнне, якое пры гэтым фарміруецца на рознай вобразнай аснове: *мароз прабег (прайшоў, перайшоў) па скуры (па целу, па скуры)* / *мурашкі скачуць па целе / валасы падымаюцца* (*волас дыбам*) – пра пачуцце жаху, страху, зведанага кім-н., у выніку чаго чалавек адчувае холад, дрыжыкі, мае ўражанне, што ў яго варушацца валасы на галаве: *Заверне [пьяны] табе такое, што ажно мароз па скуры пяройдзе* (1914, № 11–12, с. 3) [СМНН 2, с. 520]; *Па целе так проста и скачуць мурашки!* (1908, № 16, с. 4. И. Л. Сват) [СМНН 2, с. 563]; *У мяне на галаве валасы падымалися* (1908, № 8, с. 44); *Волас дыбам, сэрцэ бьецца. Хорт дарогай ўсё нясецца! Хорт – ня хорт, чорт – ня чорт* (1912, № 14, с. 3) [СМНН 1, с. 311].

[1] Тут можна назіраць таксама праявы *акцэнтнай* варыянтнасці: *воўкам / ваўком.*

Як відаць з прыведзеных прыкладаў, узаемаадносіны варыятыўных фразеалагічных адзінак у беларускім моўным дыскурсе пачатку XX ст., адлюстраваным на старонках “Нашай Нівы”, у цэлым упісваюцца ў класіфікацыйную схему, распрацаваную сучаснымі фразеолагамі [9, с. 22–27]. Адметнымі выступаюць толькі графічныя варыянты (аформленыя кірыліцай і лацінкай), што тлумачыцца нестабільнасцю графічных нормаў у разглядаемы перыяд. Працэнт фразеалагічных выразаў, ахопленых з’явай варыянтнасці (34 %), таксама выглядае суадносным з зафіксаваным у сучаснай мове, дзе, як указваюць даследчыкі, варыянты маюць 31 % фразеалагізмаў [9, с. 22].

Нават прыведзены невялікі ілюстратыўны фрагмент дэманструе, што фразеалагічная варыятыўнасць у мове пачатку XX ст. “не з’яўляецца наўмысным пераўтварэннем ФА, заснаваным на “асаблівай прыгажосці абгрунтаваных адступленняў ад нормы” (Л. В. Шчэрба)” [10, с. 61], а выступае як натуральная праява тагачаснага стану агульнай моўнай сістэмы. На этапе моўнага фарміравання варыянтнасць і сінанімія ў фразеалагічнай сферы, як і ў мове ўвогуле, служыць сведчаннем пэўнага ўзроўню развіцця, а разнастайнасць фразеалагічных сродкаў выступае ў якасці своеасаблівага назапашвальнага фонду, на базе якога ў далейшым можа выпрацоўвацца фразеалагічная норма.

ЛІТАРАТУРА

1. *Олехнович, Н. Н.* Фразеология белорусского литературного языка XIX – начала XX вв. : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. Н. Олехнович. – Минск, 1983. – 19 с.
2. Мова “Нашай Нівы” (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія / пад рэд. д-ра філ. навук, праф. В. П. Лемцюговай. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 303 с.
3. *Семенюк, Н. Н.* Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов / Н. Н. Семенюк // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1970. – С. 23–45.
4. *Гапоненка, І. А.* Спецыфіка нормы беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. / І. А. Гапоненка // Весн. БДУ. – Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2013. – № 3. – С. 25–32.
5. *Федуленкова, Т. Н.* Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема [Электронный ресурс] / Т. Н. Федуленкова // Вестн. ОГУ. – 2005. – № 4. – Приложение «Гуманитарные науки». – С. 62–69.– Режим доступа : http://vestnik.osu.ru/2005_4_1/11.pdf. – Дата доступа : 17.02.2021.
6. *Горбачевич, К. С.* Вариантность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Ленинград : Наука, 1978. – 240 с.
7. *Евгеньева, А. П.* Проект словаря синонимов / А. П. Евгеньева. – М. : Сов. энцикл., 1964. – 46 с.
8. *Сеидова, Н.* О разграничении синонимии и вариативности в области фразеологических единиц [Электронный ресурс] / Н. Сеидова // Вісн. Дніпропетровськ. ун-ту ім. Альфреда Нобеля. – Сер. «Філологічні науки». – 2015. – № 1 (9). – С. 160–163. – Режим доступа : https://phil.duan.edu.ua/images/PDF/2015/1/24.pdf. – Дата доступа : 10.02.2021.

9. *Хлусевіч, І. М.* Варыянтнасць фразеалагізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / І. М. Хлусевіч / пад рэд. праф. І. Я. Лепешава. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 100 с.
10. *Аксамітаў, А. С.* Развіццё фразеалагічнага складу мовы і літаратурная норма / А. С. Аксамітаў // Беларус. лінгвістыка. – 1987. – Вып. 31. – С. 61–63.

A. O. Trigubovich (*Minsk, MSLU*)

PRAGMATIC FUNCTIONS OF CULTURE-SPECIFIC WORDS IN LITERARY DISCOURSE

В данной статье освещаются проблемы определения культурно-специфической лексики, ее функционирования в художественном дискурсе, а также передачи средствами языка перевода. Установлено, что данный пласт лексики играет важную роль в процессе создания особой образности, колорита художественного произведения, а также передачи страноведческой информации. Материалом для исследования послужил роман «Пушкин и Пиковая Дама» современной американской писательницы Э. Рэндалл. В статье предлагаются способы передачи культурно-специфической лексики средствами русского языка (транскрипция и транслитерация, калькирование, использование функционального аналога, трансформация, родо-видовая замена, описательный перевод). Выбор конкретного способа перевода реалий обусловлен необходимостью адекватной передачи коммуникативно-прагматических установок автора художественного произведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурно-специфическая лексика; культурема; прагматические функции; художественный дискурс; способы передачи.

The article elucidates the views on defining culture-specific vocabulary, its functioning in the literary discourse as well as the ways of rendering in the target language. It is stated that culture-specific words play an important role in forming the unique cultural atmosphere of a given work of fiction while also carrying essential country-specific information. The practical part of the research is based on the novel “Pushkin and the Queen of Spades” by Alice Randall. The following ways of rendering culture-specific words by means of the Russian language are suggested: transcription and transliteration, semantic borrowings, functional equivalents, transformation, substitution, and descriptive translation. The choice of the specific way of rendering such words in the target language is determined by the necessity to convey the communicative and pragmatic aspects of a given work of fiction.

K e y w o r d s: culture-specific vocabulary; cultureme; pragmatic functions; literary discourse; ways of rendering.

So far, scholars have seemingly not agreed on the clear-cut definition of the vocabulary comprising the cultural aspect pertaining to individual countries and their cultural heritage. In non-fiction literature, this vocabulary is normally referred to as background vocabulary, culturally marked words, country-specific words, culture-specific elements or items, culturemes, etc. Sometimes, these lexemes are defined as a special means of expression implying that the former generally denote various objects, items, phenomena, etc., pertaining to the life, culture and peculiarities of social development of a particular country without existing in the target language(s) and, consequently, being familiar to the representatives of the target culture(s).

Newmark P. introduces the notion of a “cultural word which the readership is unlikely to understand, and the translation strategies for this kind of concept depend on the particular text-type, requirements of the readership and importance of the cultural word in the text” [1, p. 96].

Baker M. refers to such cultural words as “culture-specific items” conceding they may express a concept which is totally unknown in the target culture. She points out that the concept in question may be “abstract or concrete, it may relate to a religious belief, a social custom, or even a type of food” [2, p. 21].

Nord uses the term “cultureme” to refer to these culture specific items. He defines cultureme as “a cultural phenomenon that is present in culture X but not present (in the same way) in culture Y” [3, p. 34]. According to Pamies, A., “culturemes constitute a shared knowledge, generating implicit allusions to customs, prejudices, religion, mythology, superstitions, historical facts, famous characters (real or fictional), agriculture, hunting, fishing, livestock, trade, folk medicine, colors, fine arts, literature, songs, gastronomy, clothing, artistic creations, games, sports, etc.” [4]. He also claims that “culturemes should be distinguished from realia, since contrary to the latter (e.g., rs. *vodka* ‘водка’, *balalaika* ‘балалайка’), whose referents are lexical gaps in all the other languages because their original referent existed only in one country, the literal referent of a cultureme may exist in many places. For instance, the Russian cultureme *береза* is not a lexical gap (eng. ‘birch tree’). Hence, there is no direct relation between realia and culturemes, however, nothing prevents the former from becoming the latter if their literal referent has also an extralinguistic symbolic function. Realia are defined with regard to other languages, while culturemes are intra-linguistically active, but when a realium is at the same time a cultureme, the translation difficulties increase” [Ibid].

Gambier refers to such concepts as “culture-specific references” and asserts that they connote different aspects of life: “Culture-specific references connoting different aspects of everyday life such as education, politics, history, art, institutions, legal systems, units of measurement, place names, foods and drinks, sports and national pastimes, as experienced in different countries and nations of the world” [5, p. 159].

It should be noted that whatever the view on how to interpret the notion in question, culturemes, from the functional point of view, are essential to the literary discourse for they are regularly used by fiction writers for numerous purposes. Namely, the ethnically and culturally specific semantics of such items makes it possible for the target culture readership to steep in the source language culture as well as background knowledge that to a great extent determines the meaning of the whole of a message [6].

Pamorozskaya N. notes that “culture-specific words help form the nationally and historically specific atmosphere, or the cultural background of a given work of fiction” [7, c. 59]. “It is not only the plot of the novel that readers take interest in, but also the epoch pictured by the author. Culture-oriented linguistics helps solve one of the major philology problems, that is the proper interpreting of a given text,

while the culture-oriented approach to the analysis of culture-specific words in a given work of fiction helps identify the components of its cultural image" [7, c. 59].

Schumager, E. underlines that "culturemes carry essential country-specific information allowing readers by means of words themselves to take a glance at the life of other people, find the reflection of numerous specific material, social and spiritual processes the society of a given culture is undergoing" [8, c. 129].

The above-mentioned opinions seem to be shared by Bondareva, L. claiming "the use of such vocabulary serves the formation of a specific temporal, local, social, and cultural atmosphere of a given text" [9].

What must be kept in mind in this respect is that culture-specific vocabulary does not normally have exact rendering equivalents in languages other than the original one and have to be approached individually by fiction translators. Cultural translation is one in which additions are made which cannot be directly derived from the original wording. Thus, these additions might take the form of ideas culturally foreign to the source language or elements which are simply inserted to provide necessary background information.

Indeed, one of the most difficult problems while translating fiction texts consists in the proper way of rendering differences between cultures. People of a given culture look at things from their own perspective. However, in the case of similar cultures the conditions are not the same: when the cultures are similar, there is less difficulty in translating. This is because both languages will probably have terms that are more or less equivalent for the various aspects of the culture. When the cultures are very different, it is often difficult to find equivalent lexical items.

Thus, a translator who uses the cultural approach is simply recognizing that every language contains elements which are derived from its culture, that every text is anchored in a specific culture, and that conventions of text production and reception vary from culture to culture. Awareness of such issues can at times make it more appropriate to think of translation as a process which occurs between cultures rather than simply between languages. Most cultural words, according to Newmark, "are easy to detect since they are associated with a particular language and cannot be literally translated. There are cases where literal translation would distort the meaning and thus the translation may include an appropriate descriptive-functional equivalent" [1, p. 95].

The novel under consideration is 'Pushkin and the Queen of Spades' written by Alice Randall, a contemporary American novelist [10]. The novel elucidates the life of Windsor Armstrong, an African-American literature professor whose son is about to marry a Russian lap dancer. The interesting fact about the novel is that it abounds in both American and Russian culture-specific elements with the story set in both the countries. In this article, I would like to suggest the ways of rendering American culturemes used in the novel by means of the Russian language.

Depending on the semantic type of the cultureme itself as well as the "culture load" it carries, the ways of rendering are suggested as follows:

1. Transcription, sometimes combined with transliteration, can be used while rendering proper names and place names (it must be noted, however, that at times it is better to make additional remarks in footnotes for readers to better understand the essence of the lexical unit in question as well as its cultural background): *Marvin Gaye* 'Марвин Гэй (1939–1984, американский музыкант, стоявший у истоков современного ритм-энд-Блюза)', *John Harvard* 'Джон Гарвард (1607–1638, английский миссионер, в честь которого назван Гарвардский университет)', *Cleveland Park* 'Кливленд-Парк (район г. Вашингтона)', etc.;

2. Word for word translation, or the method of semantic borrowings, can be employed in cases when transcription and translation fail or when they are seen as phonetically "inconvenient" in the target language: *World's Fair* 'Всемирная выставка', *The Top of the Flame* 'кафе «На вершине пламени»', etc.;

3. Providing functional equivalents can be resorted to when rendering lexemes comprising the cultural component similar to the one native to the target language : *Prohibition* '«Сухой закон» в США в 1920–1933 гг.', *hillbilly* 'деревенщина', *Ferris wheel* 'колесо обозрения', etc.;

4. Transformation is often used when rendering the titles of books, songs, movies, names of organizations, etc. Sometimes, if the translator considers it necessary, additional remarks can be made to specify the cultural background of a given culture word: *Bewitched* '«Моя жена меня приворожила» (американская комедия положений, транслировавшаяся на канале ABC с 1964 по 1972 г.)', *Closet Freak* '«Притворно-нормальный» (песня американского рэп-исполнителя Си-Ло)', *Make it Clap* '«Давай же хлопать» (песня американского рэп-исполнителя Басты Раймз)', etc.;

5. Substituting generic notions for subnotions is quite popular as the equivalent in the target language presents a simplified and generalized version of the original notion, however, in such cases, the specific cultural character of the source language item is lost : *Cutty Sark* 'виски', *Now and Later* 'жевательные конфеты', *Jim Beam* 'бурбон', etc.;

6. Descriptive translation is used if all the methods mentioned above prove abortive, or it can be combined with the latter as in most cases it is the only way to properly render the cultural component of a given culture word: *negritude* 'самосознание африканских народов', *niggerati* 'ниггерати (ироничное название группы афроамериканских художников и других деятелей искусства периода «Гарлемского Возрождения» (1920-е гг.))', *graduation gown* 'мантия, предназначенная для церемонии вручения дипломов', etc.

It can be concluded by reiterating that culture-specific words always present a challenge for a fiction translator since they contain the semantics alien to the target culture and, in most cases, language. However, due to the functions such vocabulary performs in the literary discourse, the conflict of cultures has to be

coped with. It is often through the translator's competence and being aware of the ways culture-specific elements can and should be rendered by means of the target language that the right choice of the latter is made depending on the context and target readership.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Newmark, P.* A Textbook of Translation / P. Newmark. – N. Y. and London Prentice-Hall, 1988. – 292 p.
2. *Baker, M.* In Other Words : A Coursebook on Translation / M. Baker. – London and N. Y. : Routledege, 1992. – 332 p.
3. *Nord, C.* Translating as a Purposeful Activity : Functionalist Approaches Explained / C. Nord. – Manchester : St. Jerome, 1997. – 154 p.
4. The Concept of Cultureme from a Lexicographical Point of View [Electronic resourse]. – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/316459084_The_Concept_of_Cultureme_from_a_Lexicographical_Point_of_View. – Date of access : 31.03.2021.
5. *Gambier, Y.* Doubts and Directions in Translation Studies / Y. Gambier. – The Netherlands : John Benjamins, 2007. – 362 p.
6. Особенности употребления реалий в художественном произведении [Электронный ресурс] / А. С. Хасанова. – Алматы : Центрально-Азиат. ун-т, 2013. – Режим доступа : http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Xasanova.....4....13.pdf. – Дата доступа : 31.03.2021.
7. *Паморозская, Н. И.* Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения / Н. И. Паморозская // Лексика и культура. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. – 59–62 с.
8. *Шумагер, Е. И.* Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой / Е. И. Шумагер // Лексика и культура. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. – 124–129 с.
9. Прагматические функции слов-реалий в ретроспективном дискурсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-funktsii-slov-realiy-v-retrospektivnom-diskurse/viewer. – Дата доступа : 31.03.2021.
10. *Randall, A.* Pushkin and the Queen of Spades / A. Randall. – N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2004. – 282 p.

А. А. Горбацевич (*Минск, МГЛУ*)

ЗООМОРФИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются особенности функционирования зооморфизмов как средства создания языкового портрета человека. Анализируются вторичные значения зоолексем, зафиксированные в лексикографических источниках и их корреляция с образами, существующими в сознании носителей русского языка, выявляемыми посредством ассоциативного эксперимента.

К л ю ч е в ы е с л о в а: зооморфизм: зооморфная метафора; метафорический перенос; национально-культурный компонент; прагматика.

The article deals with the peculiarities of the functioning of zoomorphisms as a means of creating and describing a linguistic portrait of a person, analyzes the secondary meanings

of zoomorphisms, recorded in lexicographic sources, and their correlation with the images that exist in the consciousness of native speakers of the Russian language which are revealed through the associative experiment.

K e y w o r d s: zoomorphism; zoomorphic metaphor; metaphoric transfer; national-cultural component; pragmatics.

Вопросы, как и каким представляет себе человек мир животных, сосуществующий рядом с ним, как и с чем ассоциируется этот мир в сознании человека, всегда находились в поле интереса исследователей.

Ассоциации в принципе являются одним из ключевых механизмов возникновения вторичных значений. Лингвист М. В. Никитин в своей работе «О семантике метафоры» говорит, что «вторичные переносные значения мотивированы разнообразными ассоциативными связями первичных значений. При этом первичное значение определяет ядро номинационного потенциала слова, а совокупность интенсиональных и связанных с ними импликациональных признаков первичного значения очерчивает общее поле этого потенциала посредством данного слова» [1, с. 100].

Таким образом, результатом подобных ассоциаций человека с представителями животного мира становятся зооморфизмы, обладающие мощным прагматическим потенциалом.

Зооморфизмы возникают в процессе перенесения человеческих свойств на животных, названия которых впоследствии используются для обозначения и характеристики людей. Как отмечает Г. Н. Скляревская, такой тип метафорического переноса (животное – человек) играет в языке роль одного из самых ярких и экспрессивных средств. С помощью зооморфной метафоры человек номинирует самые разнообразные характеристики человека, в том числе и характеристики внешности, являющиеся ключевыми в создании языкового портрета [2, с. 90].

Исследователь В. М. Каменская подчеркивает, что подобное описание человека имеет большое значение в психологии общения и интерперсональной коммуникации. Оно является неотъемлемой частью комплекса представлений, соотносимых с понятием *языковая личность* – синтезированного образа носителя языкового сознания [3, с. 3].

Более того, данный пласт лексики не статичен и изменяется с течением времени, как и сам язык. Меняется лексический состав, одни лексемы приходят на смену другим, расширяется или же сужается значение отдельных лексем. Следовательно, раскрытие значения зооморфизма сопряжено с определенными трудностями. С одной стороны, словари не всегда успевают своевременно фиксировать все оттенки значений, с другой стороны, невозможно извлечь из сознания носителей языка все вариации образов, закрепленные за наименованиями животных.

Проанализировав вторичные значения, зафиксированные в Новом словаре русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой [4], и контексты, воспроизводимые в художественных текстах, представленных в Нацио-

нальном корпусе русского языка [5], мы обнаружили следующие аспекты внешности человека, которые могут быть переданы с помощью зооморфной метафоры:

– Общее впечатление (красивый / некрасивый): ‘некрасивая женщина’ – *выдра*; ‘очень некрасивый человек’ – *крокодил, обезьяна*; ‘красивый мужчина’ – *сокол*.

– Рост и телосложение: ‘толстый, грузный, неповоротливый человек’ – *боров, буйвол, кабан, слон, медведь, бегемот*; ‘крупный, сильный мужчина’ – *бык*; ‘крупная женщина’ – *кобыла, корова, лошадь*; ‘худая женщина’ – *выдра*; ‘стройная, грациозная девушка’ – *газель*; ‘рослый и сильный, статный мужчина’ – *жеребец*.

С целью сравнения полученной картины с представлениями, зафиксированными в сознании носителей языка, в результате анализа фактического материала, извлеченного из лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, было решено провести ассоциативный эксперимент. Респондентам было предложено записать названия животных, с которыми у них ассоциируются те или иные черты внешности. Для анализа были выбраны следующие стимулы:

– Общее впечатление (красивый / некрасивый): красивый мужчина; красивая женщина; красивый человек (и мужчина, и женщина); некрасивый мужчина; некрасивая женщина; некрасивый человек.

– Рост и телосложение: грузный, неповоротливый мужчина; статный юноша, мужчина; крупная, грузная женщина; худая, тощая женщина. Стройная, грациозная девушка, женщина.

В анкетировании (март 2021 г.) приняли участие 75 респондентов-носителей русского языка, из которых 67 % составили женщины и 33 % – мужчины. Если говорить о возрастной отнесенности, то 61 % составили люди в возрасте от 18 до 30 лет, 33 % – от 31 до 45 лет, 6 % – респонденты в возрасте от 46 до 60 лет.

В результате анализа нами были получены следующие результаты.

Для описания красивого мужчины респонденты чаще всего используют лексемы *лев* (26 % вхождений), *тигр* (20 % вхождений), *конь, жеребец*. Также встретились названия таких животных, как *ястреб, филин, лось, сокол, бык, леопард* и другие, однако они были немногочисленны и могут быть объяснены наличием личных, индивидуальных ассоциаций респондентов. 15 человек затруднились ответить, указав, что не используют названия животных для описания привлекательных мужчин.

Для характеризации красивой женщины участники эксперимента чаще обращались к следующим зооморфизмам: *пантера* (упомянули 30 % респондентов), *кошка* (27 %), *лань* (24 %). Среди менее частотных ассоциаций можно выделить лексемы *тигрица, львица, лисица, ласка, сойка*. Еще 10 человек не нашли подходящих ассоциаций для того, чтобы охарактеризовать красивую женщину.

На данном этапе анкетирование не позволило выявить статистически достоверные закономерности функционирования гендерно нейтральных

зооморфизмов (используемых для характеристики внешности человека независимо от его гендерной принадлежности). Более 25 % респондентов пропустили этот пункт, а остальные 55 участников опроса предъявили 23 уникальные зоолексемы, среди которых фиксируется широкая палитра образов: начиная с *кота, барса* и *леопарда* и заканчивая *журавлем* и *драконом*.

Говоря об описании некрасивого человека, более половины респондентов воздержались от ответа. Согласно полученным комментариям многие считают, что некрасивых людей не существует, либо признают такие сравнения неэтичными, либо осознанно стараются не употреблять названия животных в негативном контексте, что значительно расходится с данными, полученными в результате анализа художественным текстов, где негативные коннотации преобладали.

Если пытаться выделить наиболее частотные ассоциации, можно отметить лексему *обезьяна*, которая была упомянута 10 % респондентов по отношению к некрасивому мужчине. Для описания некрасивой женщины сравнительно часто употреблялись слова *жаба* (26 % из 28 человек, давших какие-либо ассоциации, и 8 % от общего числа респондентов), *обезьяна / мартышка / макака* (по 3 %). При метагендерной референции наиболее частотными зооморфизмами были *обезьяна* (27 % из 26 человек, давших какие-либо ассоциации, и 9 % от общего числа участников), *жаба, крыса*. Зафиксированное в словаре вторичное значение лексемы *крокодил* (крокодил – очень некрасивый человек) не нашло своего репрезентативного отражения в нашем эксперименте (в каждой категории он был упомянут 3 раза для характеристики некрасивого мужчины и по 2 раза для некрасивой женщины и человека в целом безотносительно пола).

Ассоциативные реакции на группы признаков «толстый, грузный, неповоротливый человек» и «крупный, грузный мужчина» было решено объединить в одну категорию, поскольку, несмотря на то что в словарных статьях используется лексема *человек*, указывающая на метагендерную референцию, в проанализированных контекстах из Национального корпуса русского языка эти зооморфные образы используются только по отношению к лицу мужского пола или лицу, пол которого не ясен.

В нашем эксперименте на данный стимул – грузный, неповоротливый мужчина – дали какие-либо ассоциации 62 из 75 опрошенных, причем, как и в предыдущих случаях, одним респондентом могла быть предложена не одна ассоциация, а целый ряд. Самыми частотными ассоциациями выступили образы *медведя* (упомянули 30 % респондентов), *бегемота* (29 %), *слона* (19 %), *борова* (8 %), *кабана* (8 %), что практически полностью соответствует информации, зафиксированной в словаре. Единственным исключением стала лексема *буйвол*, которая была упомянута в данной категории лишь одним респондентом.

Если вести речь о способах описания полной и грузной женщины средствами зооморфной метафоры, то самыми частотными, среди предложенных нашими респондентами, оказались образы *коровы*, *свиньи, бегемота*,

слона / слонихи и *медведицы*. Некоторые значения лексем, зафиксированные в словаре, либо не были обнаружены вовсе (*кобыла*), либо их упоминание было единичным (*лошадь*). Среди других индивидуальных ассоциаций можно отметить образы *жабы, тюленя, мамонта, панды.*

Сравнить худую, тощую женщину с каким-либо животным не смогли 33 участника исследования (для сравнения описание грузной женщины вызвало затруднения только у 15 человек из опрошенных). Среди зафиксированных ассоциаций не представляется возможным выделить доминанту, поскольку получено 23 различные зоолексемы, среди которых фиксируются образы *богомола, цапли, жирафа, крысы, скумбрии, тощей кошки* (интересно, что здесь используется неоднословная номинация). Вышесказанное может свидетельствовать о том, что в сознании носителей языка нет общих закрепившихся образов для описания подобной характеристики внешнего вида женщины. Представленная в словаре лексема *выдра* была упомянута только одним участником эксперимента.

Для описания высокого и статного юноши треть респондентов выбрала зооморфную метафору, основанную на образе *оленя*. Еще одним популярным образом стал образ *жирафа*. Среди индивидуальных ассоциаций, предложенных участниками нашего эксперимента, можно отметить сравнения с *гепардом, гончей, конем, аистом.*

Для характеристики стройной грациозной девушки абсолютно доминирующим оказался образ *лани* – его выбрали 56 % опрошенных. Интересно, что словарь подобное вторичное значение этой лексемы не фиксирует. Предложенный же словарем образ *газели* в своих ответах упомянули 12 % респондентов. Среди других индивидуальных ассоциаций можно назвать образы *кошки, цапли, антилопы, косули, ласки.*

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что зооморфная лексика является очень динамичным пластом лексики, поэтому некоторые расхождения между значениями, зафиксированными в лексикографических источниках, и реальной языковой картиной мира, существующей в сознании носителей языка, вероятнее всего, неизбежны.

Зооморфная метафора является одним из наиболее красочных и живописных средств художественной выразительности, позволяющих ярко и точно создать языковой портрет. Будучи отражением многовековых наблюдений человека за внешним видом и повадками животных, зооморфная лексика передает отношение людей к их «братьям меньшим», являясь тем самым важным компонентом культурно-информационного фонда в каждом языке. Следовательно, исследование зооморфной метафоры помогает зафиксировать уникальность культуры носителей русского языка и понять особенности их менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин, М. В.* О семантике метафоры / М. В. Никитин // Вопр. языкозн. – 1979. – № 1. – С. 91–102.

2. *Скляревская, Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
3. *Каменская, В. М.* Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / В. М. Каменская ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 18 с.
4. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.efremova.info. – Дата доступа : 30.03.2021.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 29.03.2021.

В. С. Кременевская (*Минск, МГЛУ*)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КАТЕГОРИИ ЛОКАТИВНОСТИ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются структура и семантические особенности способов обозначения движения и перемещения в китайском языке и выявление их корреляций в русском языке. Особое внимание уделяется случаям изменения моделей, номинирующих ситуацию локализации в китайском и русском языках. Цель исследования – изучение структурно-семантических характеристик конструкций с семантикой движения и перемещения в тексте китайскоязычного художественного произведения и выявление путей достижения эквивалентности при передаче их значений в тексте перевода на русский язык.

К л ю ч е в ы е с л о в а: локализатор; локализуемый предмет; пространственные отношения; субъективно-ориентированные конструкции; объективно-ориентированные конструкции.

The article discusses the structure and semantic features of the means of signaling motion and movement in Chinese and the identification of their correlations in Russian. Special attention is paid to cases where models nominating localization in Chinese and Russian have changed. The purpose of the study is to study structural semantic characteristics of constructions of semantic movement and displacement in the text of a Chinese-language artistic work and to identify ways to achieve equivalence when conveying their meanings in the text of a translation into Russian.

K e y w o r d s: localizer; localizable object; spatial relations; subjectively oriented constructions; objectively oriented constructions.

В процессе освоения иностранного языка каждый из нас сталкивается с необходимостью выразить информацию о движении объекта / субъекта, поскольку движение является неотъемлемой частью жизни человека. В процессе межкультурного взаимодействия необходимо передавать эту информацию средствами различных языков. Представители разных языковых культур зачастую формируют национально-специфичные представления об окружающем мире, этим объясняется различие в способах выражения пространственных отношений различными языками. Известно, что разные языки демонстрируют разнообразный спектр глаголов движения, который отражает национальную специфику восприятия и интерпретации характера движения и перемещения в пространстве разнообразными народами.

Как отмечал В. Г. Гак, ситуация локализации в русском языке включает три обязательных компонента: локализуемый предмет, пространственное отношение и локализатор, также может быть выделен факультативный компонент – характеристика движения или местонахождения [1, с. 6].

В русском языке локализуемый объект выражается при помощи существительных или местоимений, локализатор, как правило, репрезентируется дейктическими наречиями, существительными с предлогами или без них. Средства выражения пространственных отношений в русском языке входят в соответствующее функционально-семантическое поле и относятся к разным языковым уровням: морфематическому (глагольные приставки, флексии существительных или их субститутов), лексическому (глаголы движения и перемещения, локативные наречия и субстантивы), синтаксическому (предлоги и предложные сочетания).

В китайском языке все глаголы движения вне контекста обозначают идею движения вообще. Значение направленности для китайского языка является производным: оно осуществляется при помощи дополнительных средств: маркеров результативности либо маркеров направления.

Исследователи Т. П. Задоенко, Хуан Шуин отметили, что китайские глаголы направления движения по их значению и по грамматической функции подразделяются на 2 группы: а) глаголы, обозначающие движение, ориентированное в пространстве; б) глаголы, обозначающие движение, ориентированное по отношению к говорящему (к нему или от него) [2, с. 125].

В китайском языке пространственные отношения номинируются при помощи конструкций с маркерами пространственной ориентации (модификаторами направления). Такие конструкции образуются от односоставных (т.е. однокомпонентных) и двусоставных (т.е. двухкомпонентных) глаголов, следовательно, могут быть двухкомпонентными или трехкомпонентными.

Порядок следования модификаторов в данных конструкциях также фиксированный: глагол + объективно-ориентированный модификатор + субъективно-ориентированный модификатор. Позиция существительного в двухкомпонентных и трехкомпонентных конструкциях может изменяться: оно может находиться между модификаторами либо после них. Например: *Ta* ***paojinlai*** *le wuzi (ta* ***paojin*** *wuzi* ***lai*** *le) = Он вбежал в комнату.*

Среди двухкомпонентных конструкций следует различать конструкции, в которых: а) совмещаются маркеры объективной и субъективной направленности; б) в которых представлены маркеры субъективной направленности либо маркеры объективной направленности.

Двухкомпонентные конструкции со значением субъективной пространственной ориентации образуются путем присоединения к глаголу способа действия модификаторов 来 *lai* ‘прийти’ или 去 *qu* ‘уйти’. Например: 跑 *pao* ‘бежать’ + 来 *lai* ‘прийти’ = 跑来 *paolai* ‘прибежать’. Типичным для данной конструкции является постпозиция модификатора, при этом в случае включения в модель распространителя-локализатора последний разрывает модель и перемещает модификатор в финальную позицию. Например: *Ta* ***pao*** *wuzi* ***lai*** *le = Он прибежал в комнату.*

Двухкомпонентные конструкции со значением объективной пространственной ориентации образуются путем присоединения к глаголу способа передвижения следующих модификаторов: 进 *jin* ‘войти’, 出 *chu* ‘выйти’, 上 *shang* ‘поднять(ся)’, 下 *xia* ‘спустить(ся)’, 回 *hui* ‘вернуться’, 过 *guo* ‘пройти (через)’, 起 *qi* ‘подняться (оторваться от поверхности)’. Например: 跑 *pao* ‘бежать’ 下 *xia* ‘спустить(ся)’ = 跑下 *paoxia* ‘сбежать’.

Конструкции, которые интегрируют значения субъективной и объективной направленности, могут быть двухкомпонентными и трёхкомпонентными. Например: 拿 *na* ‘брать’ + 起 *qi* ‘подняться’ + 一张报纸 *yizhang baozhi* ‘одна газета’ 来 *lai* ‘сюда (к говорящему лицу)’ = 拿起一张报纸来 *na qi yizhang baozhi lai* ‘взять одну газету сюда (к говорящему лицу)’; 拿 *na* ‘брать’ + 起 *qi* ‘подняться’ + 来 *lai* ‘сюда (к говорящему лицу)’ + 一张报纸 *yizhang baozhi* ‘одна газета’ = 拿起来一张报纸 *na qi lai yizhang baozhi* ‘взять одну газету сюда (к говорящему лицу)’.

Из текста романа «Страна Вина» Мо Яня нами было отобрано и проанализировано 96 предложений. При переводе с китайского на русский структура предложений претерпевает ряд грамматических трансформаций. Нами было выделено 72 предложения, в которых отражена наиболее распространенная тенденция к опущению локализаторов как в языке оригинала, так и в переводе на русский язык.

Среди отобранных конструкций были выделены три типа моделей.

1. Двухкомпонентные конструкции, в которых представлен маркер объективной либо субъективной направленности (всего 15), среди них фиксируются:

- 5 предложений, в которых локализаторы опущены только в русском переводе;
- 8 предложений, в которых локализаторы опущены и в китайском, и в русском языках;
- 2 предложения, в которых локализаторы присутствуют в русском переводе, но опускаются в языке оригинала.

2. Двухкомпонентные конструкции, в которых совмещаются маркеры объективной и субъективной направленности (всего 28), при этом наш материал демонстрирует:

- 22 предложения, в которых локализаторы опущены и в китайском, и в русском языках;
- 6 предложений, в которых локализаторы присутствуют в русском переводе, но опускаются в языке оригинала.

3. Трехкомпонентные конструкции (всего 29), в их числе:

- 18 предложений, в которых локализаторы опущены и в китайском, и в русском языках;
- 3 предложения, в русском переводе которых отсутствует ситуация локализации, в языке оригинала опущен локализатор;

- 5 предложений, в которых локализаторы присутствуют в русском переводе, но опускаются в языке оригинала.
- 3 предложения, в которых локализаторы опущены только в русском переводе.

Одной из причин опущения локализаторов в китайском и переводном русском текстах является включение говорящего в ситуацию локализации. Автор и/или переводчик не уточняют место, в котором разворачивается ситуация локализации, поскольку предполагается, что говорящий уже находится в ней. Также подобные опущения встречаются в предложениях, выражающих речь говорящего, и объясняются тем, что устная речь представителей разных народов полна опущений и эллипсисов.

Рассмотрим пример, в котором локализатор отсутствует только в китайском языке: *Gunhuiqu shui = А ну катись обратно спать*. В китайском варианте пространственные отношения выражены трехкомпонентной конструкцией, состоящей из глагола способа действия *gun* ‘катить’, объективного модификатора *hui* ‘вернуться’ и субъективного модификатора *qu* ‘туда’. Локализуемый субъект отсутствует, локализатор опущен. В русском же переводе пространственные отношения выражаются глаголом *катиться* в императиве и уточняются наречием *обратно*. Локализуемый субъект выражен синкретично в императивной форме глагола. Локализатор выражается дейктическим наречием *обратно*.

Другой случай, в котором опущение локализатора происходит только в русском переводе: *Ta gang yao zou, nu siji cong dishang pa qilai, shuang xi gui di, shuangshou cheng qi, haoxiang yi zhi qingwa, haoxiang yige ying’er = Когда он собрался уходить, шоферица приподнялась и встала на четвереньки, упершись в пол руками – ну как лягушка или ребенок-ползунок.* В оригинале локализуемый субъект выражен существительным *nusiji* ‘женщина-водитель’. Локализатор выражен существительным *di* ‘пол’ в сочетании с локативным полупредлогом *cong* ‘с’ и полупослелогом *shang* ‘на’, занимает позицию перед трехкомпонентной конструкцией и выступает в качестве обстоятельства места. Пространственные отношения выражены трехкомпонентной конструкцией, состоящей из глагола способа перемещения *pa* ‘ползти’, объективного модификатора *qi* ‘поднять(ся)’ и субъективного модификатора *lai* ‘сюда’. В русском переводе локализуемый субъект выражен существительным *шоферица*. Локализатор опущен, но имплицитно выражен в существительном *пол*. Пространственные отношения выражаются глаголом *приподняться* с префиксом со значением ‘неполнота действия’ и глаголом *встать*.

Еще один пример, в котором локализаторы отсутствуют и в языке-оригинале, и в переводном варианте: *Dagou lan yangyangde paqilai = Пес неторопливо поднялся.* В оригинале локализуемый субъект выражен существительным *dagou* ‘пес’. Пространственные отношения выражаются трехкомпонентной конструкцией, состоящей из глагола способа перемещения *pa* ‘ползти’, объективного модификатора *qi* ‘поднять(ся)’ и субъективного моди-

фикатора *lai* ‘сюда’, локализатор опущен. В русском переводе локализуемый субъект выражен существительным *пес*, пространственные отношения выражаются глаголом *подняться* с префиксом со значением ‘направленность действия, движения снизу вверх’. Локализатор опущен.

В современном китайском художественном тексте существует очевидная тенденция к опущению локализатора, хотя в литературном языке он должен быть. В русском языке отсутствие локализатора восполняется предложно-падежными формами и дублируется контекстуально. Локативные отношения зачастую выражаются дважды: глагольным префиксом и предлогом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория функциональной грамматики : Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.
2. *Задоенко, Т. П.* Основы китайского языка. Основной курс / Т. П. Задоенко, Хуан Шуин. – М. : Наука, 1986. – 720 с.

Е. А. Степанова (*Минск, МГЛУ*)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МЕТАФОРИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

В статье раскрывается проблема выявления роли национально-специфического видения деятельности человека в языковой картине мира, отраженной в метафоре. Продемонстрирован состав и семантическое наполнение метафорических моделей английского языка экономического дискурса в области санкций. Выявлено, что метафорические модели по тематике, структуре и составу отвечают взглядам, принятым и широко распространенным в определенной культурной общности. Доказано, что в сфере экономики метафора выступает инструментом реализации манипулятивных стратегий, адаптируясь под национально-специфические черты культуры, в которой они реализуются.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс экономических санкций; экономическая терминосистема; метафоризированная лексика; метафорическая модель; культурная общность.

The article reveals the problem of identifying the role of a national and specific view on human activities in the linguistic picture of the world, reflected in the metaphor. The composition and semantic content of metaphorical models of the English economic discourse in the field of sanctions are demonstrated. It was found that metaphorical models in terms of a subject matter, structure and composition correspond to the views accepted and widespread in a certain cultural community. It is proved that in the sphere of economics the metaphor acts as a tool for the implementation of manipulative strategies, adapting itself to the national and specific features of the culture in which they are implemented.

K e y w o r d s: economic sanctions discourse, economic terminology system; metaphorical vocabulary; metaphorical model; cultural community.

Каждое слово как одна из основных структурных единиц языка обладает многогранной семантикой. Обозначая явление, субъект или предмет, слово не только называет феномен действительности, но и соотносит его с соответ-

ствующим обобщенным отображением в сознании человека основного представления о свойствах явления [2, с. 4]. Так, называя одним словом схожие предметы с разными характеристиками, мы отвлекаемся от их индивидуальных особенностей и сосредоточиваем внимание на основных чертах, которые являются общими для сопоставляемых предметов. В случае, когда слова характеризуются полисемией, название одного объекта действительности может переноситься на другой объект на основании их схожести в ряде черт, а значение лексической единицы определяется контекстом. Иносказание возбуждает у человека сеть ассоциаций на основании схожести сопоставляемого и воплощается в языковой форме.

Одним из широко распространенных способов семантического образования новых наименований в языке является метафоризация [3, с. 98]. Метафоризированные единицы как предикатные слова образуют зону расчлененности смысла, необходимую для фиксации сообщаемого, его ясности, обеспечивающей взаимопонимание собеседников [1, с. 348–349]. По этой причине научное сообщество стоит перед трудностью определения семантической специфики метафоризированной лексики в терминосистемах различных стран. Различия очевидны ввиду неодинаковой картины мира, а единство понимания между культурами может быть достигнуто только в случае, если будут определены основы метафоризации лексических единиц в той или иной сфере, что и предопределило ход развития исследования.

Одной из важнейших сфер общественной жизни на сегодняшний день является экономика. Целью экономического дискурса является освещение актуальных проблем и событий в области мирового хозяйства, а также формирование конкретного отношения к различным изменениям и побуждение к соответствующим действиям. В последнее время в виду обширных общественно-политических контактов между странами в социуме возрастает значимость темы экономических санкций как мероприятия запретительного характера, которое используется для принуждения к изменению политики и экономики. В данном случае использование метафоры в текстах экономических санкций способствует выстраиванию эффективных межличностных отношений.

Для компонентно-семантического анализа из англоязычных финансово-аналитических изданий было отобрано и рассмотрено 100 единиц англоязычной метафоризированной лексики из сферы экономических санкций. Материал был классифицирован в соответствии с принадлежностью конкретным метафорическим моделям, таким как «санкции – это быт», «санкции – это живой организм», «санкции – это спорт», «санкции – это война», «санкции – это строение», «санкции – это природа».

Анализ показал, что наиболее распространенной является модель «санкции – это живой организм», в ее структуру вошло 27 единиц метафоризированной лексики экономических санкций без учета повторов в контекстах. В составе модели было выделено 5 фреймов (процессы организма, болезнь, возраст, действия, чувства).

При метафорическом переосмыслении лексика со значением биологических процессов и их результатов отражает специфику развития и состояния экономики в случае наложения санкций, что можно видеть на примере фрейма «процессы организма». Позитивные изменения метафорически могут быть представлены в виде лексических единиц, выражающих значение выздоровления: *Trump's Sanctions Make Economic Recovery in Venezuela Nearly Impossible* 'Санкции Трампа делают восстановление экономики Венесуэлы практически невозможным', в то время как ухудшения поясняются посредством метафор со значением заболевания: *This causes headache for the economy* 'Это является причиной экономической головной боли' [5; 13].

Возраст является детерминантой состояния, в том числе и в области экономических санкций. Так, процессы дезактуализации ассоциируются со старением: *The Korean economy is in great danger of becoming an aging economy* 'Экономика Кореи находится в большой опасности, становясь стареющей экономикой', а процессы обновления или же чья-либо неопытность в силу недавнего начала деятельности ассоциируется с молодостью: *The European Central Bank is only in its infancy* 'Европейский центральный банк только находится на стадии зарождения' [9].

Фрейм «чувства» содержит метафоры, отражающие негативные эмоциональные последствия влияния на объекты санкций: *Russia is suffering an economic crisis under the weight of plunging oil prices and sanctions from Western countries* 'Россия переживает экономический кризис из-за падения цен на нефть и санкций со стороны западных стран' *The markets have been jittery* 'На рынках стало неспокойно' [Там же].

На втором месте по количеству представленной в отобранном материале метафоризированной лексики лидирует группа лексем, относящихся к модели «санкции – это быт», в которой представлено 19 единиц лексики, группированной в соответствии с 3 фреймами (коммуникация, труд, питание). Стоит обратить внимание, что избранная тематика обусловлена непосредственной близостью к повседневной человеческой деятельности, что позволяет понять специфику жизни реципиента и с формировать у него посредством речи определенные взгляды на те или иные изменения в экономике и обществе.

Так как экономические санкции предполагают дипломатическую коммуникацию, логично, что данный аспект находит отражение и в области метафоризации: *It was sanctions that drove Iran to the negotiating table in the first place* 'В первую очередь санкции побудили Иран сесть за стол переговоров' [11]. Аналогия в области труда проводится в аспекте стимулирования: *Money supply is not adequate to grease the wheels of economic growth* 'Финансового оснащения недостаточно, чтобы смазывать колеса экономического роста' и ограничения деятельности: *Of other countries, to impose economic sanctions, it'd really begin to dry up the enormous amount of money coming into North Korea, a lot of it from China – from Chinese banks − whereas, if we sanction the Chinese banks, there could be friction with China* 'Что касается других стран, введение экономических санкций действительно начнет истощать огромные денежные запасы, поступающие в Северную Корею,

в основном из Китая, а именно из китайских банков, тогда как, если мы наложим санкции на китайские банки, это могло бы вызвать трения с Китаем' [11; 12]. Также стоит отметить немногочисленные, однако широко употребительные метафоры, связанные с тематикой пищи, что обусловлено аналогией в аспекте разделения в случае нужды, последовательного приготовления чего-либо и реализации: *First, the current sanctions are contributing to the shrinking of Russia's overall economic pie, thus forcing the regime to make unpopular decisions* 'Во-первых, нынешние санкции способствуют сокращению доли России во всех аспектах, вынуждая режим принимать нестандартные решения' [7].

Практически равной по наполнению модели «санкции – это быт» является модель «санкции – это природа». В данном случае в микроконтекстах упоминается 18 единиц, распределенных на 3 крупных фрейма – «флора», «фауна», «явления природы».

Если говорить о фрейме «флора», можно заметить, что в сфере экономики действие санкций нередко ассоциируется с развитием в положительном направлении и обновлением, поэтому аналогия проводится с процветанием и новой жизнью: *America offers a thriving market* 'Америка предлагает процветающий рынок' [6]. Когда санкции приводят какой-либо аспект экономики в запустение, проводится сравнение с джунглями, непроходимой заросшей сорняком территорией: *China warns more sanctions against Venezuela 'will only bring the law of the jungle'* 'Китай предупреждает, что большее количество санкций в отношении Венесуэлы «только призовет закон джунглей к действию»' [4]. Появление преимуществ и высоких положительных показателей в экономике за счет санкций ассоциируется с урожаем, санкции сравниваются с плодоносящим деревом, дающим благо: *US and EU eye low-hanging-fruit trade deal* 'США и ЕС рассматривают выгодную торговую сделку' [14].

Если говорить о фрейме «фауна», можно заметить, что введение экономических санкций может сравниваться с охотой на основании применения агрессивных действий и мер в отношении соперника: *Because they will always try to put him on a chain, and as soon as they succeed in doing so they tear out his fangs and his claws* 'Потому что они всегда будут пытаться посадить его на цепь, и как только им это удастся, они вырвут ему клыки и когти' [8].

Фрейм «явления природы» находит свое отражение в сфере экономических санкций, когда они способствуют торможению или ускорению процессов в экономике, что является основой для аналогии с природными процессами: *The extent of the trade restrictions varies, but restrictions most often encompass a weapons embargo, entry ban and imposition of freezing of funds and economic resources* 'Степень торговых ограничений варьируется, но ограничения чаще всего включают эмбарго на поставки оружия, запрет на въезд и заморозку средств и экономических ресурсов' [10].

Из вышеуказанного следует, что с точки зрения мотивационной базы образности англоязычный социум предпочитает использовать преимущественно антропоморфные, анималистические, биоморфные, метеорологическую метафоры, а также метафоры состояний. Это позволяет говорить о том, что картина мира англоязычного человека содержит идею о том, что все про-

цессы в области жизнедеятельности естественны и в той или иной мере приходят в состояние баланса, что отражено и в лексическом фонде сферы экономики, в частности в теме экономических санкций. Таким образом, метафора является успешным инструментом доступной формулировки понятий концептуальной сферы для широкой общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
2. *Виноградов, В. В.* Основные типы лексических значений слов / В. В. Виноградов // Вопр. языкозн. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
3. *Чудинов, А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. –178 с.
4. China warns more sanctions against Venezuela 'will only bring the law of the jungle' [Electronic resource] / South China Morning Post. – 2021. – Mode of access : https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2189270/china-warns-more-sanctions-against-venezuela-will-only-bring. – Date of access : 15.01.2021.
5. CNN Business [Electronic resource] / CNN Business. – 2021. – Mode of access : https://edition.cnn.com/business. – Date of access : 15.01.2021.
6. Financial Times [Electronic resource] / Financial Times. – 2021. – Mode of access : https://www.ft.com/. – Date of access : 15.01.2021.
7. Here's how we know sanctions against Russia are working [Electronic resource] / Washington Post. – 2021. – Mode of access : https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/08/06/heres-how-we-know-sanctions-against-russia-are-working/. – Date of access : 15.01.2021.
8. Putin claims US, Europe sanctions 'declaw' Russia [Electronic resource] / New York Daily News. – 2021. – Mode of access : https://www.nydailynews.com/news/world/putin-claims-u-s-europe-sanctionsdeclaw-russia-article-1.2049510. – Date of access : 15.01.2021.
9. Russia says will give sanction hit Rusal short-term liquidity [Electronic resource] / Reuters. – 2021. – Mode of access : https://fr.reuters.com/article/us-usa-russia-sanctions-rusal-siluanov/russia-says-will-give-sanction-hit-rusal-short-term-liquidity-idUSKBN1HI24U. – Date of access : 15.01.2021.
10. Sanctions [Electronic resource] / Danish Business Authority. – 2021. – Mode of access : https://danishbusinessauthority.dk/sanctions. – Date of access : 15.01.2021.
11. Sanction quotes [Electronic resource] / Brainy Quote. – 2021. – Mode of access : https://www.brainyquote.com/topics/sanctions-quotes. – Date of access : 15.01.2021.
12. The Impact of Economic Sanctions on Russia and its Six Greatest European Trade Partners [Electronic resource] / HAL. – 2018. – Mode of access : https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01918521/document. – Date of access : 15.01.2021.
13. Trump's Sanctions Make Economic Recovery in Venezuela Nearly Impossible [Electronic resource] / The Nation. – 2021. – Mode of access : https://www.thenation.com/article/archive/trumps-sanctions-make-economic-recovery-in-venezuela-nearly-impossible. – Date of access : 15.01.2021.
14. US and EU eye low-hanging-fruit trade deal [Electronic resource] / Politico. – Politico, 2021. – Mode of access : https://www.politico.eu/article/us-and-eu-eye-low-hanging-fruit-trade-deal/. – Date of access : 15.01.2021.

Д. В. Шрубок (*Минск, МГЛУ*)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРАВНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале выступлений политиков ФРГ)

Работа посвящена выявлению функциональных характеристик сравнения в немецкой политической речи с применением методов лингвистического наблюдения, количественного подсчета, контекстуального анализа и лингвистической интерпретации результатов. Установлено, что в политической речи используется логическое сравнение. Выявлены средства выражения микрополя равенства и неравенства в политической речи, а также продемонстрированы объекты сравнения в данных фразах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сравнение; политический дискурс; структура; микрополе неравенства / равенства; конституенты сравнения.

The work is devoted to the identification and analysis of the functional characteristics of comparison in German political speech, using the methods of linguistic observation and contextual analysis as well as quantitative counting and linguistic interpretation of the results. It is established that that a logical comparison is used in political speech. The means of expressing the microfield of equality and inequality in political speech are identified and the objects of comparison in these phrases are demonstrated.

K e y w o r d s: comparison; political discourse; structure; microfield of equality / inequality; constituents of comparison.

Познание окружающего мира и нас самих связано с одним из широко распространенных видов когнитивной деятельности – сравнением. В социологическом словаре понятие *сравнение* трактуется как познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов, с ее помощью выявляются количественные и качественные характеристики предметов, признаки, детерминирующие возможные их отношения [1]. С риторической точки зрения, это фигура речи, «состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, сходного с первым» [2, с. 449].

В настоящей работе мы обратимся к функционированию категории сравнения в институциональном дискурсе, а именно в публичной немецкоязычной речи политиков. Цель работы – выявление функциональных характеристик сравнения в немецкой политической речи. Источником материала являются выступления четырех немецкоязычных политиков от правящей партии ХДС, членов правительства ФРГ за 2020 год (А. Меркель, Х. Браун, Ш. Зайберта и Й. Шпана). Их выступления представлены на официальном портале bundesregierung.de.

Основными прагматическими установками политического дискурса являются идеологическое и политическое воздействие на аудиторию, удержание и завоевание политической власти, поэтому реализация в нем любой семантической категории подчинена определенным прагматическим целям, основная из которых воздействующе-информационная. Воспроизводимые в речи сравнения способны оказывать влияние на принятие, а также изменение

аудиторией своих решений и намерений. Это делает сравнение мощным суггестивным инструментом в контексте политической борьбы за власть, в процессах политизации общества.

Способы выражения сравнения могут быть имплицитными и эксплицитными. К *имплицитным* следует отнести метафору как одно из важнейших средств создания образности в языке, основывающуюся на вторичной номинации, которая, однако, не рассматривается в рамках данного исследования. *Эксплицитная* система языковых средств выражения сравнения, которые объединены по семантико-функциональному признаку выражения сравнительных отношений, является гетерогенной и представлена разноуровневыми единицами: морфологическими, синтаксическими, лексическими, словообразовательными, а также их всевозможными комбинациями.

Материал показал, что политики используют в своей речи предметно-логические сравнения, необразные сравнения, суть которых заключается в сопоставлении «однородных понятий», отражающих идентичные предметы и явления объективной действительности» [3, с. 568]. В политической речи сравнение реализуется чаще всего на морфологическом и лексическом уровнях (таблица).

Частотность выражения сравнения в речи политиков партии ХДС

Уровень вербализации ФСП сравнения	Относительная частотность, %	Средства выражения сравнения	Частотность, %
Морфологический уровень	52	Сравнительная степень	36
		Превосходная степень	16
Лексический уровень	33	Прилагательные	16
		Глаголы	15
		Существительные	2
Синтаксический уровень	9	Синтаксические обороты с *als, wie, sowie*	4
		Сложноподчиненное предложение с als, so, wie	3
		Сложноподчиненное предложение с *je … desto (umso), so…so*	1,5
		Сложноподчиненное высказывание с союзами *aber, doch, sondern*	0,5
Словообразовательный уровень	6	Префиксация	6

Наиболее употребительными в нашей выборке оказались морфологические средства реализации сравнения (52 %), а именно сравнительная и превосходная степени сравнения, которые составляют ядро функционально-семантического поля сравнения. При этом отмечается преобладание сравни-

тельной степени. В публичных речах сравнение, выраженное сравнительной степенью, реализуется с точки зрения синтаксиса предикативно либо в качестве обстоятельства образа действия, например:

Merkel A.: Europa ist in einer solchen Situation natürlich noch ***wichtiger als in ganz normalen Zeiten*** [4] ‘Европа в такой ситуации, конечно, еще более важна, чем в вполне нормальное время’.

Braun H.: Außerdem haben wir den Zugang zur Grundsicherung gerade für Solo-Selbstständige ganz offen und ***viel einfacher*** *gestaltet* [Там же] ‘Кроме того, мы сделали доступ к поддержке базового дохода вполне открытым и намного более простым, особенно для индивидуальных предпринимателей’.

В случае употребления в политической речи сравнительной степени в высказывании эксплицируется объект сравнения, который сравнивается с его некоторым предыдущим состоянием.

Вторыми по частотности в выборке являются лексические средства (33 %), к которым мы, вслед за М. А. Кондратьевой [5], относим лексемы, обладающие оценочной функцией, а именно: глаголы (*reduzieren* ‘уменьшать’, *nachlassen* ‘ослаблять, ухудшаться’, *verringern* ‘уменьшить’, *vermindern* ‘снижать’, *schärfen* ‘ужесточить’, *lindern* ‘облегчить’, *abschwächen* ‘ослабить’, *verdoppeln* ‘удвоить’ и др.); качественные прилагательные (*abweichend* ‘отличающийся’, *anders* ‘по-другому’ и др.); существительные (*Teuerung* ‘подорожание’, *Verstärkung* ‘усиление’ и др.); существительные противопоставления (*Gegensatz* ‘противоположность’, *Widerspruch* ‘противоречие’, *Gegenteil* ‘противоположность и др.). Их семантика указывает на то, что нечто выше / ниже нормы и таким образом относится к микрополю неравенства. На лексическом уровне, согласно эмпирическому материалу, доминируют такие качественные прилагательные, как *gleich* ‘одинаково’, *identisch* ‘идентично’, *verschieden* ‘различно’ *anders* ‘по-другому’, которые могут интенсифицироваться наречием *vollkommen* ‘совершенно, абсолютно’. Что касается лексем *gleich* ‘одинаково’, *identisch* ‘идентично’, то в семантику данных слов входят семы ‘сходство’, ‘подобие’, подчеркивая равенство характеристик объектов. Наименьшую частотность продемонстрировали предложные группы с семантикой противопоставления: *im Gegenteil,* ‘в противоположность’, *im Gegensatz* ‘наоборот’, поскольку они всегда акцентируют внимание.

Сравнение представляет собой трехчленную конструкцию, которая состоит из объекта сравнения (того, что сравнивается), эталона сравнения (того, с чем сравнивается) и основания сравнения (общего признака предметов). Так, в следующем примере объектами сравнения являются ответственность платформ, а также правила регистрации. А. Меркель использует в речи глаголы *stärken, schärfen,* семантика сравнения у которых возникает из сравнительной степени *stärker / schärfer* + глагола *machen*. Объект в данном высказывании совпадает с эталоном сравнения. Сравнение осуществляется на основании изменения характеристик объекта во времени, например, прошлое и нынешнее состояние:

Merkel A.: Hier geht es vor allen Dingen darum, die Verantwortung der Plattformen zu ***stärken****, die Meldepflichten noch einmal zu* ***schärfen****, hier wird es*

noch einmal präzisiert [4] ‘Речь идет о необходимости усилить ответственность со стороны платформ (электронных интернет-платформ), ужесточить (правила) регистрации’.

Для выражения сравнения в политической речи на синтаксическом уровне нечастотно используются сравнительные сложноподчиненные предложения и синтаксические обороты (9 %), а именно синтаксические конструкции so + Positiv + wie + Positiv, nicht so…wie…, anders als + Wortverbindung, mehr als + N, например: *anders als noch vor einer Woche* ‘в отличие от того, что было неделю назад’; *so schnell wie noch nie* ‘так быстро, как никогда раньше’; *nicht wieder so ist wie vorher* ‘не так, как раньше’; *so gut wie möglich* ‘так хорошо, насколько это возможно’; *so schnell wie möglich* ‘как можно скорее’; *mehr als 30 Millionen*; ‘более 30 миллионов’.

На словообразовательном уровне, который представляет периферию функционального поля сравнения, в корпусе исследовательского материала были выявлены аффиксальные дериваты, указывающие на усиление градации признака, а именно полупрефиксы *riesen-, über-, super-, außer-*, например: *Riesenthema* ‘громадная проблема’*, übergroß* ‘огромный’*, außergewöhnlich* ‘чрезвычайный’. Существование сравнения в «экономной», краткой композитной форме, выражающего значение сложного синтаксического целого, является специфической особенностью немецкого языка. Например:

*Merkel A.: In diesen **außergewöhnlichen** Zeiten geht es jetzt aber darum, gemeinsam alles dafür zu tun, dass Kinder und Jugendliche nicht die Verlierer der Pandemie sind* [Там же] ‘В это необычное время речь идет о том, чтобы совместно сделать все возможное ради того, чтобы из-за (последствий) пандемии не пострадали дети и подростки’.

Семантические инварианты сравнения заключаются в сопоставлении ситуаций для нахождения черт сходства или различий между ними, образуя соответственно микрополе *равенства* и *неравенства*. Выявлено, что неравенство, различающее признаки предметов и явлений действительности, представлено в политической речи существенно чаще (80 %).

Установлено, что в политической речи сравнения употребляются с целью продемонстрировать положительную или отрицательную оценку явлений и действий, к которым имеет отношение действующая партия и правительство, в соответствии с главной целью оратора – удержание власти. Положительная оценка реализуется в случае демонстрации правильной линии поведения правительства в глазах граждан. В политической речи сравнение употребляется для демонстрации сильных сторон политики ФРГ по сравнению с другими странами, для того, чтобы подчеркнуть положительные моменты в политике партии. Так, в следующем примере (1) оратор сравнивает интенсивность (основание сравнения) выработки электроэнергии альтернативными источниками энергии. В результате увеличивается объем содержания высказывания путем включения информации об ожиданиях правительства:

(1) *Merkel A.: So ist der Anteil des Stroms aus erneuerbaren Energiequellen am Bruttostromverbrauch sogar **stärker** gestiegen, **als** wir **es uns** ursprünglich*

vorgenommen hatten [4] ‘Доля электроэнергии из возобновляемых источников энергии в валовом потреблении выросла даже больше, чем мы планировали изначально’.

В примере (2) А. Меркель подчеркивает, что ФРГ не так пострадала от пандемии по сравнению с другими странами, что демонстрирует правильную политику правительства. Позиция эксплицитного сравнения за вербальной рамкой эмфатизирует неравенство и оценку, т.е. говорящий подчеркивает лучшее положение в Германии: (2) *Merkel A.: Gerade in Zeiten der Corona-Pandemie wissen wir, dass alle Mitgliedsstaaten* (эталон сравнения) *der Europäischen Union betroffen sind – und* ***viel schwerer als*** *wir* (объект сравнения – ФРГ) [Там же] ‘Именно во время пандемии коронавируса мы знаем, что пострадали все государства-члены Европейского Союза – и гораздо сильнее, чем мы’.

Негативная оценка употребляется для сопоставления ситуаций, при этом объект сравнения становится рангом ниже, чем эталон. Подобное сравнение является стимулом для формулирования планируемых, необходимых действий.

При реализации сравнения может осуществляться ретроспекция путём отсылки к определенному временному промежутку в прошлом, сравнение оказывается локализованным на временном отрезке в результате того, что один и тот же объект рассматривается в двух временных точках. Уточнение временного отрезка сравнения осуществляется за счет темпоральных локализаторов, например:

Merkel A.: Unsere Städte, unser Verkehr, unser wirtschaftliches und privates Leben sehen vollkommen ***anders*** *aus als noch vor einer Woche* [Там же]. ‘Наши города, наш транспорт, наша экономическая и личная жизнь выглядит совершенно по-другому, чем еще неделю назад’.

В данном высказывании объектом сравнения выступает текущий облик городов, транспорта, экономической и личной жизни в начале пандемии, который сравнивается с эталоном, их обликом неделю назад. Использование при темпоральной локализации различных частиц, например, ограничительной частицы *noch* ‘еще’, способствует реализации положительной оценки того, что действие осуществлено в краткий период в прошлом.

Установлено, что в политической речи микрополе *равенства*, целью которого является установление подобия ситуации в ФРГ и других странах, представлено прилагательными, сложноподчиненным предложением с союзами *so, als, wie*, сложноподчиненным предложением *je ... desto (umso), so…so*. Например:

Merkel A.: Und da ist diese gefährliche zweite Welle der Pandemie, in der unser Land ***wie*** *so viele europäische Länder steckt* [Там же] ‘Эта и есть та опасная вторая волна пандемии, в которую попала наша страна, как и многие европейские страны’.

Таким образом, анализ материала позволяет сформулировать следующие выводы: в политических публичных выступлениях сравнение носит логический характер. Доминируют средства выражения сравнения с семан-

тикой неравенства, чтобы акцентировать внимание на отличии признаков объектов, действий, результатов. Сравнение в данном типе текста обладает ретроспективными функциями, отсылая адресата к прошлому, где находится эталон сравнения. В выборке преимущественно используются сравнения с положительной оценкой для сохранения и формирования положительного имиджа политика/политической партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// gufo.me/content_soc/sravnenie-2659.html. – Дата доступа : 27.02.2021.
2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – С. 449.
3. *Кондаков, Н. И.* Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – 2-е изд. – М. : Изд-во «Наука», 1975. – С. 568.
4. Официальный сайт Правительства ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.bundesregierung.de/. – Дата доступа : 24.12.2020.
5. *Кондратьева, М. А.* Стилистический потенциал компонентов функционально-семантического поля сравнения в немецком языке (на материале публицистических текстов) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Кондратьева. – М., 2014. – 184 л.

Т. Ф. Шубич (*Минск, МГЛУ*)

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ МАРОК ШВЕЙЦАРСКОГО ШОКОЛАДА В РАМКАХ КУЛЬТУРНОГО КОДА

В статье рассмотрены основные особенности наименований марок шоколада. Описаны способы отражения ценностей швейцарцев в наименованиях. Представлен разбор ключевых ценностных ориентиров представителей немецкого, французского, итальянского, а также ретороманского этноса. Страна представляет собой синкретизм разных народов и культур, что также отражается в номинации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурный код; теория номинации; наименования марок швейцарского шоколада; семантические характеристики; ценности.

The article discusses the main features of the naming of chocolate brands. The ways of reflecting the values of the Swiss in the names are described. The analysis of the key value orientations of representatives of the German, French, Italian, as well as the Romansh ethnos is presented. The country is a syncretism of different peoples and cultures, which is also reflected in the nomination.

K e y w o r d s: cultural code; nomination theory; names of brands of Swiss chocolate; semantic characteristics; values.

Национальное своеобразие языковой картины мира проявляется в способах номинации данного языка, поскольку слово выступает как знак и образ внеязыковых реалий: что увидел тот или иной народ в названном предмете, по каким признакам осуществил наименование, какой образно-символический потенциал лексики использовал.

Исследователь Ю. М. Лотман, опираясь на теорию семиосферы, подошел ко всей культуре как к знаково-коммуникативной системе, отождествив культурные коды и язык: «Язык – это код плюс его история» [1, с. 15]. В данном случае Ю. М. Лотман понимает семиотическую трактовку кода как процедурную систему связанных договоров для соотношения означающих и означаемых в определенных областях понятий.

Процедуры кодирования и декодирования в семиотическом анализе наделяются важнейшими функциями, создающими в любом тексте некий каркас, в рамках которого передающий сообщение использует знаки с определенным смыслом, а затем получающий сообщение интерпретирует их смыслы, понимая, о чем идет речь. Коды реализуются в знаково-символьной форме, где знаки не только замещают реальные объекты, но и определяют характер коммуникативной деятельности.

Культурный код является идеальным образованием, приписывающим символам смыслы, а символы – это материальные объекты, которые с помощью определенного культурного кода превращаются в носителей информации. Но для того, чтобы эти сообщения могли быть восприняты, декодированы потребителями информации, адресаты должны быть ознакомлены с культурным кодом. Конвенционально установленная ясность культурного кода его реципиентами обеспечивается процессом их социализации в рамках определенной культуры, доминирующей в общественной системе.

Термин *культурный код* нередко используется в отечественных исследованиях, однако ученые до сих пор спорят о формулировке определения данного термина.

Коды реализуются в знаково-символьной форме, где знаки не только замещают реальные объекты, но и определяют характер коммуникативной деятельности [Там же, с. 27].

Работы Ф. де Соссюра позволяют видеть коды в многочисленных культурных текстах. Исследователь говорит о культурном коде, который тянется нитью сквозь культурный текст, совокупность знако-символьных систем, смыслы и значения которого человек постоянно считывает и расшифровывает.

Основным способом сохранения и передачи культурных традиций нации, их непрестанного развития и обновления является ее культурный код. Он представляет собой отшлифованную веками исторического развития народа систему уникальных архетипов, образов и ценностей, характеризующих его идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки. Культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в поступках и деятельности людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения.

С этой точки зрения Швейцария всегда была и остается состоятельной страной. Швейцарские часы, швейцарский сыр, швейцарский шоколад. Не глядя на языковой плюрализм, отличительной чертой наименований фирменного швейцарского шоколада является сема англ. ‘Swiss’, итал. ‘Suisse’: *Swiss* prestige superior, *Swiss* dream, *Swiss* original, Lait *suisse.*

Культурный код отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих личностноформирующую и личностновозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и духовных предпочтений и ожиданий индивидов, их социальных групп [2, с. 232].

Механизмы формирования ценностных ориентаций мало исследованы в социологии. Чаще всего ценностные ориентации рассматриваются как результат актуализации индивидом системы ценностей и норм общества.

Швейцария является поликультурной страной со свободными нравами, где каждая из культур имеет право на борьбу за существование. Глобализация и мобилизация мирового социума лишь косвенно затронула швейцарский народ, активно популяризируя английский язык. В номинациях немецкой части Швейцарии часто упоминается сема ‘gold’: *Goldhenn, Goldkenn,* Alpose *Gold,* Fine *Gold*. Обращаясь к историческому прошлому, Швейцария превратилась в мировой банк именно во время Второй мировой войны, когда Германия хранила все награбленное золото в банках Швейцарии. Сама же Швейцария сохраняла нейтралитет в боевых расстановках сил.

Французская часть населения ссылается в свойственной французам манере на изысканность, удовольствие, превосходство: *Les Grandes, Excellence, Creation, Grand Plaisir*. Таким образом французская часть населения прописывает свой культурный код истинного ценителя.

Итальянская часть населения, несмотря на численное меньшинство, сохраняет свою культурную идентичность и продолжает придерживаться стереотипа о нации прекрасных кулинаров. Таким образом, в наименовании марок шоколада на итальянском частотными являются называние самого продукта и имени создателя кондитерской фабрики: *Maestrani, Maestrani`s chocolarium, Bachmann chocolate*.

Стоит отметить, что культурные коды, приписывая символические значения объектам и явлениям, создают основу для формирования представлений о ценностной значимости этих объектов и явлений для человека. Объект, чтобы стать объектом ценностной ориентации, должен быть замечен индивидом в качестве ценности. Именно культурный код выделяет для субъекта определенный предмет как тот, который может быть представлен объектом ценностного отношения.

Ценностные ориентации формируются на основе субъективной картины реальности, представленной в сознании индивида. Данная картина реальности в свою очередь основывается на смыслах, которые приписываются объектам и явлениям культурой общества и которые генерируются и транслируются через систему культурных кодов. Так, культурные коды конструируют систему субъективных координат, в которой разворачивается жизнедеятельность индивида. В этой системе формируются культурные потребности, базирующиеся на символическом значении объектов и явлений реальности.

Культурные коды производятся на основе системы прецедентных феноменов, которыми часто выступают распространенные в определенной культуре мифы и мифологемы [3].

Данное явление встречается не часто в номинации кондитерских изделий. Однако страна со столь насыщенной историей не стала исключением. Например, *Tchirren* – персонаж античной мифологии, эпоним тирренов. По разным версиям, либо сын Атиса и Каллитеи, либо сын Геракла и Омфалы, либо их потомок, либо сын Телефа и Гиеры. С детства отличался великим разумом, родился седым.

Aveline – Авелин Валлен воительница, участвовавшая в сражении при Остагаре и бежавшая из Лотеринга вместе со своим мужем, сэром Уэсли, во время Пятого Мора.

Термин *номинация* в лингвистике довольно частотное явление, он является многозначным, что вызывает определенные затруднения при его определении.

Этот термин употребляется для обозначения процесса присвоения имени объекту и для обозначения данного имени. Выделяют п е р в и ч н у ю и в т о р и ч н у ю номинацию. *Первичная* номинация – присвоение наименования объекту или явлению, которые еще не имеют названия. *Вторичная* номинация – присвоение имени объекту или явлению названия, которое уже используется в языке [4].

В качестве примеров вторичной номинации могут послужить наименования марок шоколада, в состав которых входят географические имена. Например, марки шоколада, чье название со временем превратилось в нарицательное имя: *Toblerone* (вершина горы Маттерхорн), *Geneva* (столица Швейцарии), *Ragusa* (город на юге Италии).

В настоящее время нет сведений о зависимости имени бренда и его успешности, однако исследование процесса «нейминга» может дать множество интересных данных культурологического и лингвистического характера: о предпочитаемых, популярных или модных, принимаемых или отвергаемых именах предприятий, составляющих портрет той или иной культуры.

Также стоит отметить, что в Швейцарии довольно распространенным явлением является называние марок, брендов фамилий создателя. Данной чертой обладают все представители поликультурной федерации: *Frey, Läderach, Cailler, Camille Bloch*. Современные кондитеры отдают предпочтения более дорогим названиям, таким как *Swiss Dream, Swiss Original, Goldkenn, Excellence, Chocolate Stella*.

Примечательной особенностью нейминга Швейцарии является полное отсутствие наименований товаров на ретороманском языке, что вполне объясняется языковой политикой страны. Ретороманское население составляет 0,5 % и, как правило, ретороманцы двуязычны.

Таким образом, культурный код Швейцарии выполняет две формально противоположные функции: с одной стороны – поддержку статики общества путем сохранения и воспроизводства традиций, а с другой – обеспечение его динамики посредством творческих инноваций. Культурные коды позволяют снимать противоречия индивидуума и общества, старого и нового, своего и чужого, нормативного и ситуативного.

Любой код – это прежде всего информативная система условных знаков (символов), организованных по законам собственного синтаксиса, следова-

тельно, код – это язык. Соответственно, культурный код – это информативная система знаков культуры (ее символов, артефактов) или язык культуры, имеющий конкретное значение в определенном этническом контексте в своем хронотопе. Код – составляющая единица культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 464 с.
2. *Красных, В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 282 с.
3. *Рапай, К.* Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему / Л. Рапай. – М. : Моск. шк. управления, 2008. – 166 с.
4. *Серебренников, Б. А.* Языковая номинация (виды наименований) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 356 с.

Л. С. Шуплякова (*Минск, МГЛУ*)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «УГРОЗА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

В статье рассматривается понятие когнитивной лингвистики *концепт*, а также роль концепта «threat» в современном медиадискурсе. Представляются результаты анализа номинативного пространства и понятийной составляющей данного концепта на материале англоязычных периодических изданий. На основе проведенных исследований выделены лексико-семантические поля атрибутивного, субстантивного и глагольного характера, представляющие концептосферу «угроза», описаны признаки, формирующие ядро концепта, дается оценка его семантическим составляющим. Статья отражает особенности вербальной презентации концепта “threat” современными англоязычными средствами массовой информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: когнитивная лингвистика; массмедийный дискурс; концепт; номинативное пространство; ядро концепта; понятийная составляющая; лексема.

The article examines a cognitive linguistics term “concept” as well as the role of the concept of “threat” in modern media discourse. The article presents the results of the analysis of the nominative space and the concept core component based on the material of the English-language periodicals. Upon the conducted research lexical and semantic fields of attributive, substantive and verbal structures representing the concept sphere of threat are identified, the features that form the core of the concept of “threat” are described and its semantic components are considered. The article reflects the peculiarities of the verbal presentation of the concept of “threat” by modern English-language mass media.

K e y w o r d s: cognitive linguistics; mass media discourse; concept; nominative space; concept core; conceptual component; lexeme.

Когнитивная лингвистика основывается на таком понятии, как *концепт*, определяемом в качестве «глобальной мыслительной единицы, представляющей собой основу знаний о мире, которая формируется в сознании человека» [1, с. 57].

Сегодня акцентируется, что язык – это главный инструмент познания мира и получения новых знаний. Он является не только средством общения и передачи информации, но и отражает реальность, мир, в котором живут люди, а также все происходящие в нем изменения.

Процесс отражения мира человеком регулируют эмоции. Е. С. Кубрякова пишет: «Вопрос о том, что же “отражает”, “отображает” или... “вербализует” язык, не должен повисать в воздухе. Психологи предлагают нам считать, что в принципе мы обозначаем не вещь, не отдельный объект, а совокупность ощущений и впечатлений от этого объекта» [2, с. 16]. В свою очередь вербализованная эмоция есть имя концепта эмоции, который функционирует в лингвокультуре, отражает опыт определенного индивида или социума в целом.

К сожалению, сегодня некоторые изменения, произошедшие в результате интеграции стран, привели к возникновению отрицательных явлений во многих сферах человеческого взаимодействия: повысились показатели загрязненности окружающей среды; появились понятия *международный терроризм, международный конфликт, международная угроза*; увеличилась степень агрессивности и враждебности в поведении политиков, выступления которых часто включают негативно окрашенную эмоциональную составляющую; немаловажна и охватившая нашу планету эпидемиологическая ситуация.

Материалом для данного исследования послужили авторитетные англоязычные периодические издания: «Daily Chronicle», «The New York Times», «The Washington Post», «USA Today», «The Daily Mirror», «The Guardian», «The Times». Были проанализированы статьи, опубликованные в период за январь-март 2021 года.

В зависимости от ситуации и контекста понятие *угроза* может иметь разные смысловые оттенки, в том числе в одном и том же языке, начиная от вербализации предупреждения о возможной неприятности, дискомфорте, опасности до явного воздействия с целью запугать, устрашить.

Проводя анализ особенностей вербализации концепта «угроза», воспользуемся этимологическим словарем. Как показывает Online Etymology Dictionary, английское слово *threat* имеет несколько смежных по значению источников происхождения: от староанглийского *preat*, что значит *crowd, troop* ‘толпа’, а также *oppression* ‘угнетение’, ‘притеснение’, *coercion* ‘принуж-дение’, ‘насилие’, *menace* ‘угроза’, ‘опасность’; от глагола *preotan,* имевшего значение *to trouble* ‘беспокоить’; также упоминается латинское *trudere*, что в английском *to press, thrust* ‘давить’, ‘толкать’.

Несмотря на множество толкований термина *угроза*, суть понятия все же остается общей. Обычно под данным термином понимаются различные виды манифестаций, посылов, в которых говорящий так или иначе утверждает, что нанесет какой-нибудь вред либо создаст определенные проблемы, доставит дискомфорт тому, кто, по предположению, не выполнит его указаний, вступит в конфликт, выразит противоречие и т.д. Различия в интерпретации термина *угроза* зависят от истории нации, культуры, менталитета и коллективного восприятия данного феномена.

К слову, в английском массмедийном дискурсе номинативное пространство концептосферы «threat» основывается на сочетании и наложении друг на друга лексико-семантических полей субстантивного, атрибутивного и глагольного характера.

Субстантивные словосочетания, чаще фиксируемые в заголовках к текстам СМИ, в современной английской прессе представлены такими семантическими группами, как акты, случаи, инциденты, атаки угрозы: *threat incidents* ‘инциденты угрозы’, *attack on press rights* ‘атака на права журналистов’, *a message of menace* ‘посыл угрозы’, *the threat review* ‘обзор фактов угрозы’; организации / команды по оцениванию вероятности / степени угрозы: *threat assessment team* ‘группа по оцениванию масштаба угрозы’; угроза / риск, связанный с потерей работы во время пандемии: *hazard pay* ‘доплата за вредные условия труда’, *job risks* ‘риски, связанные с выполнением работы’, *job-safety crisis* ‘кризис в обеспечении безопасности на рабочем месте’, *rescue plan payments* ‘план финансового оздоровления’ и т.д.

Однако наиболее распространены словосочетания, вербализующие направленность / происхождение угрозы: *threat to the public* ‘угроза обществу’, *a threat from within* ‘внутренняя угроза’, *threat of immigration sweeps* ‘угроза иммиграционного роста’, *threat on social media* ‘притеснение социальных медийных ресурсов’, *threat of mass shooting* ‘угроза массового расстрела’, *threat from perfect storm of crises* ‘угроза следующих друг за другом кризисов’, *threat to democracy* ‘угроза демократии’, *threat to migrants’ rights* ‘угроза правам иммигрантов’, *a menace to society* ‘угроза обществу’, *peril for humanity* ‘опасность для человечества’, *a source of anxiety* ‘источник тревоги’ и т.д.

Не менее широко в англоязычной периодике используются атрибутивные словосочетания, выражающие рассматриваемый концепт в качестве сущности, происхождения, первичности угрозы: *primary threat* ‘первичная угроза’, *the real threat* ‘настоящая угроза’, *offensive threat* ‘наступающая угроза’, *existential threat* ‘геополитическая угроза существованию’, *fundamental threat* ‘фундаментальная угроза’, *unspecified threat* ‘неустановленная угроза’, *national security threat* ‘угроза национальной безопасности’, *health-jeopardizing employment* ‘угрожающий здоровью вид деятельности’; степень угрозы: *high threat* ‘высокая степень угрозы’, *top threat* ‘главная угроза’, *dual threat* ‘двойная угроза’, *multi-dimensional threat* ‘многоаспектная угроза’, *a growing menace* ‘растущая угроза’; вероятность угрозы: *potential threat* ‘потенциальная угроза’, *possible threat* ‘возможная угроза’; угроза в социальных сетях: *Facebook threat* ‘угроза в Фейсбук’, *online threat* ‘угроза в сети’; угроза терроризма: *automated bomb threat* ‘угроза применения автоматического взрывного устройства’, *school shooting threat* ‘угроза обстрела в школе’, *violent assault* ‘насильственное нападение’; эпидемиологическая и экологическая ситуация: *coronavirus threat* ‘угроза распространения коронавируса’, *Zika virus threat* ‘угроза распространения вируса Зика’, *global threat* ‘глобальная угроза’, *climate change threat* ‘угроза изменения климата’; миграционный кризис: *deportation threat* ‘угроза депортации’, *coastal migrant threat* ‘угроза приграничной миграции’ и т.д.

Глагольная сочетаемость в основном представлена словоупотреблениями, которые имеют в составе глагол, выражающий угрозу, и объект воздействия. Примеры такого использования: *to threaten economy* ‘угрожать экономике’, *to threaten to destabilize Iraq* ‘угроза дестабилизировать Ирак’, *to warn residents about unemployment scam* ‘предупредить резидентов о проблемах занятости’, *to warn of rising anti-Semitism* ‘предупредить о растущем антисемитизме’, *to warn against gatherings* ‘предостеречь от ненужных собраний’, *to put vulnerable at risk* ‘подвергать риску наиболее уязвимых’, *to put IT staff under extreme stress* ‘ставить представителей сферы информационных технологий в трудные условия’ и т.д.

Глагольные словосочетания также условно можно разделить на лексические группы: 1) физического уничтожения: *to kill* ‘убивать’, *to destroy* ‘разрушать’, *to hang* ‘вешать’, *to shoot* ‘стрелять’, *to slaughter* ‘избивать’, *to wipe out* ‘разрушать’, ‘смывать’ и т.д.; 2) социальных санкций: *to pursue* ‘преследовать’, *to bring to justice* ‘привлекать к ответственности’, *to keep in custody* ‘держать под арестом’ и т.д.; 3) преследования: *to hunt down* ‘выслеживать’, *to target* ‘прицеливаться’, *to ferret out* ‘выискивать’, ‘разведывать’ и т.д.; 4) лишения: *to strip* ‘изъять’, *to clean from* ‘очистить’, *to disarm* ‘обезоружить’ и т.д.

При анализе лексико-семантической структуры, вербализующей концепт, необходимо учитывать, что основной признак концепта является значимым для всех носителей культуры и хорошо им известен, дополнительный признак актуален лишь для некоторой группы носителей культуры [3, с. 59].

Для того чтобы исследовать структуру и выявить понятийные составляющие концепта «угроза», формируемые средствами массовой информации, снова обратимся к текстам британских СМИ. Приведем некоторые примеры.

Intimidation ‘запугивание’ – *Harsh measures – putting an entire community under an absolute curfew for a continuous lengthy period of time, demolishing homes, uprooting olive or citrus trees, physical intimidation and terror tactics employed by raiding army units, shooting, killing, cutting off water or electricity supplies and telephone links to villages or towns, mass arrests, intimidatory interrogation techniques – can either create a temporary lull or activate an eruption* [4]. В данном контексте автор статьи использует лексическую единицу *intimidation*. В словаре Cambridge Online Dictionary дается следующее определение глагола *to intimidate* ‘запугивать’: *to intentionally frighten someone, especially so that they will do what you want* ‘намеренно запугивать кого-либо с целью добиться запугиваемым выполнения того, что хочет запугивающий’ [5]. Синонимы лексемы *intimidation – coercion* ‘принуждение’, *frightening* ‘запугивание’, *daunting* ‘пугающий’, *scare tactics* ‘тактика запугивания’ [6]. Проанализировав вышеприведенное определение и синонимичный ряд слова *intimidation*, приходим к выводу, что, используя данную языковую единицу, автор статьи хочет подчеркнуть противоречивое воздействие тактик запугивания. Он дает читателю понять, что такой метод

угрозы, когда разрушаются дома, вырываются с корнем деревья, блокируются водоканалы и поступление электричества, обрывается телефонная связь в городах и селах, может привести как к временной деморализации общества, так и обострить противостояние.

Harm ‘вред’ – *Young women are being driven to self-harm as a result of poverty, debt and their struggles to pay household bills, research shows* [7]. Рассматриваемая лексема *harm* определяется, как *hurt or damage* ‘вред’ [5]. Обозначим синонимы: *abuse* ‘злоупотребление’, *damage* ‘вред’, *loss* ‘потеря’, *mischief* ‘зло’, *violence* ‘жестокость’ [6]. Так, используя данную лексическую единицу, автор стремится донести читателю информацию о склонности моло-дых женщин к нанесению вреда самим себе по причине бедности, больших долгов, постоянного поиска средств для оплаты коммунальных счетов. Такая ситуация приводит к формированию ощущения безысходности и толкает к разрушительным действиям и необдуманным поступкам.

Ominous ‘угрожающий’ – *A tyrant’s era came to an end and today is the final day of his ominous reign* [8]. Прилагательное *ominous* определено в Oxford Online Dictionary, как *suggesting that something bad is going to happen in the future* ‘подразумевающий, что что-то плохое должно случится’ [9]. Выделенные синонимы – *apocalyptic* ‘апокалиптический’, ‘катастрофический’, *dangerous* ‘опасный’, *dark* ‘темный’, *gloomy* ‘мрачный’, *perilous* ‘рискованный’, *sinister* ‘зловещий’, *threatening* ‘угрожающий’ [6]. С помощью лексемы *ominous* автор выражает свое негативное отношение к политику, акцентируя, что «эра тирана» заканчивается, описывает его правление, как нечто зловещее и грозное.

Итак, используя некоторые примеры англоязычного массмедийного дискурса, были отобраны атрибутивные, субстантивные и глагольные словосочетания, наиболее часто употребляемые в современном англоговорящем обществе, которые далее были разделены на лексико-семантические поля, представляющие концептосферу «угроза». Также определены концептуальные признаки, формирующие понятийную составляющую концепта «угроза». Установлено, что ядро концепта *threat* ‘угроза’ образуют такие лексемы, как *intimidation* ‘запугивание’, *warning* ‘предостережение’, *danger* ‘опасность’, *pressure* ‘давление’, *risk* ‘риск’, *jeopardy* ‘опасность’, *terrorism* ‘терроризм’, *ominous* ‘угрожающий’. Как показывают примеры, в ядро концепта входят лексические единицы, обладающие негативной семантикой, что по-прежнему отражает присутствие острых проблем как на политической арене, так и в жизни общества; также демонстрирует стремление автора донести до читателя необходимую информацию, обнаруживает содействие в формировании мнения адресата, высказывает призыв оставаться неравнодушным к текущим событиям в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2001. – 191 с.

2. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН Ин-т языкознания / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
3. *Стернин, И. А.* Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.
4. The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.theguardian.com/international. – Date of access : 17.01.2021–24.01.2021.
5. Cambridge Online Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://dictionary.cambridge.org/. – Date of access : 17.01.2021–24.01.2021.
6. Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.thesaurus.com/browse/word. – Date of access : 17.01.2021–24.01.2021.
7. BBC News [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.bbc.com/. – Date of access : 18–24.01.2021.
8. Daily Chronicle [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.shawlocal.com/. – Date of access : 03–07.03.2021.
9. Oxford Online Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/. – Date of access : 17.01. 2021–24. 01.2021.

Е. Н. Бурак (*Минск, МГЛУ*)

ЗООНИМ *МЫШЬ* В КИТАЙСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (на материале фразеологических единиц)

В статье в сопоставительном аспекте рассматривается зооним *мышь* в китайской и английской лингвокультуре на материале фразеологических единиц. Автором выделяются семантические группы фразеологизмов в китайской и английской лингвокультурах, в рамках которых выявляются универсальные и специфические особенности семантики языковых единиц.

К л ю ч е в ы е с л о в а: зооним; семантическая группа; семантика; лингвокультура; фразеологическая единица; китайский язык; английский язык.

The article in a comparative aspect examines the zoonym *rat / mouse* in the Chinese and English linguoculture on the material of phraseological units. The author identifies the semantic groups of phraseological units in the Chinese and English linguocultures, within the framework of which the universal and specific features of the semantics of the linguistic units are revealed.

K e y w o r d s: zoonym; semantic group; semantics; linguoculture; phraseological unit; Chinese language; English language.

Фразеологические единицы представляют собой богатый материал при изучении культуры народа и особенностей его мышления. Изучая образы животных, можно выявить, какие качества человека у народа ценятся больше всего, какие поступки характеризуются как отрицательные или положительные, а также какие ассоциации закрепились за тем или иным зоонимом, их коннотации.

Изучение фразеологических единиц, содержащих в своей структуре компонент-зооним, способствует осмыслению внутреннего и внешнего мира человека, его поведения и взаимоотношений с миром животных.

Под *зоонимом* в данной работе понимается «лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [1, л. 12].

В лингвистике не ослабевает интерес к изучению фразеологических единиц, наблюдается активизация исследований, обусловленная интересом взаимосвязи языка и культуры. В китайской мифологии *мышь* – одно из самых почитаемых животных лунного китайского календаря. Тем не менее изучение фразеологизмов с компонентом восточного зодиака *мышь* в сопоставительном аспекте на материале китайского и английского языков еще не получило широкого распространения. Этим и объясняется актуальность данного исследования.

Согласно самому известному китайскому толковому словарю, *мышь* 鼠 1) крыса, мышь; также родовая морфема в названиях мелких животных, живущих в дуплах или норах; 2) мышь (1-е животное из цикла 12, соответствует циклическому знаку 子, обозначающему год Мыши); 3) нечистое животное; вредитель, злодей; супостат.

Также в китайском языке существуют нейтральные признаки, описывающие внешний вид и физиологические особенности животного («представитель млекопитающих, передние резцы которого растут до конца жизни»; «часто грызет вещи и стирает резцы», «быстро размножается», «имеет очень много разновидностей»), и негативные характеристики, указывающие на вредоносность мышей: «является разносчиком заболеваний», «наносит вред земледелию и лесоводству», «портит еду, запасы и постройки [2].

В Oxford Dictionary мы находим такое определение *мыши* / *rat*: 1) a rodent that resembles a large mouse, typically having a pointed snout and a long tail; 2) informal, derogatory A despicable person, especially a man who has been deceitful or disloyal; 3) used to express mild annoyance or irritation.

Сравнивая толкования в английском и китайском языке, приходим к выводу, что в Китае издревле почитают мышь, она является первым знаком в 12-летнем цикле, каждый год которого посвящен определенному животному. Однако наряду с положительным значением компоненту-зооними *мышь* присуще и отрицательное значение.

Нами был проведен анализ 22 фразеологических единиц с зоонимом *мышь*, относящихся к китайской лингвокультуре, и 15 фразеологических единиц, относящихся к английской лингвокультуре (табл. 1).

Анализ показал, что во фразеологизмах китайской лингвокультуры с зоонимом *мышь* чаще всего преобладают различные качества характера человека.

На основе отобранного материала китайские фразеологические единицы можно отнести к следующим семантическим группам (рис. 1):

- негативные действия человека;
- положительные действия человека;
- негативные черты характера человека;
- величина предмета.

Таблица 1

Фразеологические единицы китайского языка

Ченъюй 成语	Дословный перевод	Интерпретация	Классификационное значение
猫哭老鼠 māokūlǎoshǔ	Кот оплакивает мышь	Лить крокодиловы слезы	Негативные действия человека
抱头鼠窜 bàotóushǔcuàn	Обхватить голову и убежать как мыши	Давать деру	Негативные действия человека
城狐社鼠 chénghúshèshǔ	Крыса из храма земли	Коррумпированные чиновники и дворяне, которые охотятся на простых людей	Негативные действия человека
胆小如鼠 dǎnxiǎorúshǔ	Становится маленьким, как мышь	Заячья душа; труслив, как мышь	Негативные черты характера человека
过街老鼠 guòjiēlǎoshǔ	Крыса, перебегающая улицу	Черный кот дорогу перешел	Негативные действия человека
猫鼠同眠 māoshǔtóngmián	Кошка и крыса спят вместе	Рука руку моет	Негативные действия человека
首鼠两端 shǒushǔliǎngduān	Крыса, которая, выходя из норы, долго оглядывается во все стороны	Проявлять нерешительность, колебаться	Негативные действия человека
马捉老鼠 mǎzhuōlǎoshǔ	Лошадь ловит мышь	Бестолково суетиться	Негативные действия человека
罗雀掘鼠 luóquèjuéshǔ	Ловить воробьев и вытаскивать мышей из нор	Мобилизовать все ресурсы	Положительные действия человека
鼠窃狗盗 shǔqiègǒudào	Красть (тащить) что попало	Мелкий жулик	Негативные черты характера человека
蛇头鼠眼 shétóushǔyǎn	Змеиная голова с крысьим взором	Хитрый человек	Негативные черты характера человека
鼠雀之辈 shǔquèzhībèi	Мышиное отродье	Невежественный, низкий человек	Негативные черты характера человека
鼠穴寻羊 shǔxuéxúnyáng	Разыскивать овцу в крысиной норе	Неэффективное дело	Негативные действия человека

Окончание таблицы 1

贼头鼠脑 zéitóushǔnǎo	Вор с крысиным мозгом	Подлый человек	Негативные черты характера человека
庙垣之鼠 miàoyuánzhīshǔ	Крыса в стенах храма	Могущественный злодей	Негативные черты характера человека
虎头蛇尾 hǔtóushéwěi	Змеиная голова, а хвост мыший	Начать за здравие, а кончить за упокой; бросать что-то на полпути	Негативные действия человека
虫臂鼠肝 chóngbìshǔgān	Плечо насекомого и печень мыши	Незначительная величина	Величина предмета
穷鼠啮狸 qióngshǔnièlí	Доведенная до отчаяния мышь кусает лису	Отчаяние толкает на риск, загнанный в угол опасен	Негативные действия человека
十鼠同穴 shíshǔtóngxué	Десять крыс в одной норе	Собрать всех вместе и уничтожить одним махом	Негативные действия человека
鼠牙雀角 shǔyáquèjiǎoë	Крысьи зубы и воробьиный клюв	Склочная тяжба, сутяжничество	Негативные действия человека
两鼠斗穴 liǎngshǔdòuxué	Две мыши дерутся	Метафора двух противников: кто лучше, тот и побеждает	Негативные действия человека
鼷鼠饮河 yǎnshǔyǐnhé	Крыса пьет из реки	Метафора об ограниченности желаний	Негативные действия человека

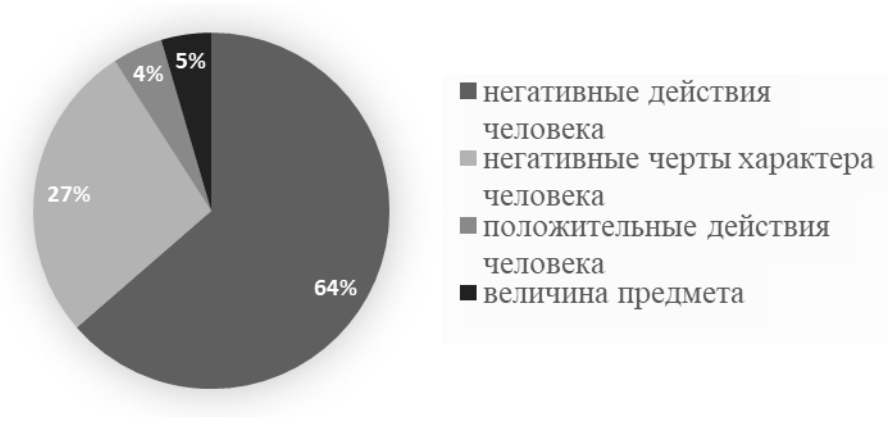


Рис. 1. Семантические группы китайских фразеологических единиц

Примером фразеологизма, относящегося к семантической группе «Негативные действия человека», может послужить ченъюй *城狐社鼠 (chénghúshèshǔ)* ‘крыса из храма земли’, обозначающий коррумпированных чиновников и дворян, которые наживаются на простых людях. Эта фразеологическая единица обозначает жадного человека, который стремится получить больше и не может расстаться со старыми вещами. В английском языке звучит, как *a pack rat.* К этой группе также можно отнести выражение *猫鼠同眠 (māoshǔtóngmián)* ‘кошка и крыса спят вместе’ – метафора халат-

ности и потакания плохим людям, а также метафора сговора, вероломство друзей. В английском языке схожее значение имеет устойчивый оборот *when the cat's away the mice will play* ‘без кота мышам раздолье’. Смысл заключается в том, что без присмотра руководства никто не хочет работать и соблюдать порядок.

Фразеологизм *罗雀掘鼠 (luóquèjuéshǔ)* ‘ловить воробьев и вытаскивать мышей из нор’ обозначает *положительные действия человека* и имеет значение ‘мобилизовать все ресурсы, привести что-либо в деятельное состояние’.

К семантической группе «Негативные черты характера человека», можно отнести фразеологизм 鼠雀之辈 *(shǔquèzhībèi)* ‘мышиное отродье’, который обозначает невежественного, низкого, подлого человека.

虫臂鼠肝 (chóngbìshǔgān) ‘плечо насекомого и печень мыши’ – это метафора обозначает очень маленькие, бесполезные вещи и относится к группе, обозначающей *величину предмета*.

Английские фразеологические единицы можно отнести к следующим семантическим группам (табл. 2):

- негативные действия человека;
- негативные черты характера человека;
- негативные чувства человека;
- финансовое положение человека;
- положительные действия человека (рис. 2).

Таблица 2

Фразеологические единицы английского языка

Устойчивое сочетание	Перевод	Классификационное значение
Like a rat in a hole	В безвыходном положении	Негативные чувства человека
To smell a rat	Почувствовать подвох	Негативные действия человека
Like a drowned rat, as wet as a drowned rat	мокрый, как мышь	Негативные чувства человека
A pack rat	Человек, который с трудом расстается с ненужными и старыми вещами; плюшкин	Негативные черты характера человека
A rat fink	Стукач	Негативные черты характера человека
A rat race	«Крысиные бега»; очень суровая, жестокая конкурентная борьба	Негативные действия человека
Rat on smb. sell smb. down the river	Предавать кого-то	Негативные действия человека
Rat out smb.	Бросить, оставить в беде; предать	Негативные действия человека
Quiet as a mouse	Тихий, как мышь	Негативные черты характера человека

Окончание таблицы 2

Mouse potato	О человеке, который проводит много времени за компьютером	Негативные действия человека
Play cat and mouse with someone	Играть в кошки-мышки с кем-либо	Негативные действия человека
As poor as church mouse	Бедный как церковная мышь	Финансовое положение человека
To speak like a mouse in a cheese	Говорить неразборчиво	Негативные действия человека
To mouse over a book	Корпеть над книгой, усердно работать	Положительные действия человека
When the cat's away the mice will play	Без кота мышам раздолье	Негативные действия человека

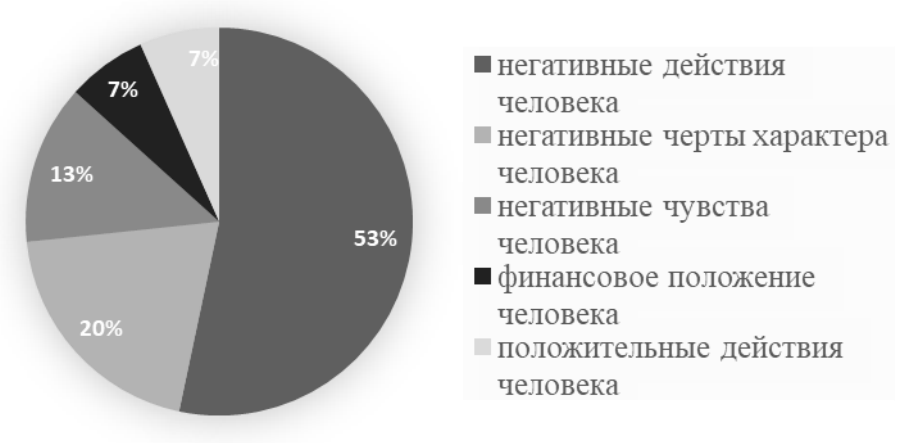


Рис. 2. Семантические группы английских фразеологических единиц

Примером фразеологизма в английском языке, относящегося к семантической группе «Негативные черты характера человека», может послужить выражение *a rat race*, обозначает ‘крысиные бега’; очень суровую, жестокую конкурентную борьбу. В китайском языке такое же значение имеет фразеологизм *鼠牙雀角 (shǔyáquèjiǎo)* ‘крысьи зубы и воробьиный клюв’, обозначает склочную борьбу и 两 鼠斗穴 (*liǎngshǔdòuxué)* ‘две мыши дерутся’. Общая черта – борьба за превосходство (табл. 3).

К группе «Негативные черты характера человека» можно отнести английское выражение *quiet as a mouse* и китайское выражение *胆小如鼠 (dǎnxiǎorúshǔ)*, используются для описания трусливого, тихого, робкого человека, аналог в рус. яз. ‘заячья душа’. В английском языке *a rat fink* ‘стукач’ можно сопоставить с китайским *贼头鼠脑 (zéitóushǔnǎo)* ‘вор с крысиным мозгом’, так описывается подлый человек.

В английском языке в отличие от китайского удалось выделить группу «Негативные чувства человека»: *like a drowned rat, as wet as a drowned rat.*

Также используется фразеологизм, обозначающий отрицательное *финансовое положение: As poor as church mouse* ‘бедный как церковная мышь’.

Примером фразеологизма, относящегося к семантической группе «Положительные действия человека», может послужить английское выражение *to mouse over a book* ‘корпеть над книгой, усердно работать’.

Таблица 3

Сопоставление значений зоонима *мышь* в китайской и английской лингвокультуре

Значение	Китайская лингвокультура	Английская лингвокультура
Негативные действия человека	+	+
Негативные чувства человека	–	+
Негативные черты характера человека	+	+
Финансовое положение человека	–	+
Величина предмета	+	–
Положительные действия человека	+	+

На основании проведенного анализа можно установить, что в английской и китайской культурах зооним *мышь* имеет разные культурные коннотации, которые достаточно тесно связаны с историей, обычаями, языковой культурой, особенностями человека, его чувствами, эмоциями и действиями.

Фразеологические единицы как в английском, так и в китайском языках носят оценочный характер с преобладанием отрицательных коннотаций.

Также удалось выявить наличие уникальных фразеологизмов, характерных только для одной культуры.

Выявление семантики очень важно для лучшего понимания языка и мышления людей, которые на нем говорят.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галимова, О. В.* Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков) : дис. … канд. фил. наук : 10.02.20 / О. В. Галимова. – Уфа, 2004. – 227 л.

2. Китайский толковый словарь [Электронный ресурс] / 汉典. – 2004. – Режим доступа : https://www.zdic.net/hans. – Дата доступа : 05.02.2021.

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

И. В. Чучкевич (*Минск, МГЛУ*)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МАТРИЧНЫХ ДЕНОТАТИВНЫХ ОБЛАСТЕЙ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ИЛЛОКУТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Предлагаемая статья посвящена изучению особенностей реализации матричных денотативных областей на примере структур, отраженных при помощи предложений с иллокутивными глаголами. Представлены результаты дефиниционного анализа иллокутивных глаголов, которые являются ядром отраженной в предложении ситуации. Проведена последующая детализация полученных данных путем рассмотрения формальной структуры предложений с иллокутивными глаголами-предикатами. Как итог, выделен и описан структурный минимум исследуемых матричных денотативных областей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: матричная денотативная область; включающая ситуация; включенная ситуация; иллокутивные глаголы; субъект; объект; каузатор; адресат.

The article proposed is devoted to the study of the features of matrix denotational fields actualized in language by means of sentences with illocutionary verbs. The results of the definitional analysis of illocutionary verbs, presenting the core of the situation reflected in the sentence, are put forward. The obtained data are verified by considering the formal structure of sentences with illocutionary verbs-predicates. As a result, the obligatory components of the matrix denotational fields under investigation are established and described.

K e y w o r d s: matrix denotational field; incorporating situation; incorporated situation; illocutionary verbs; subject; causator; object; addressee.

В системе семантической интерпретации предложения, известной как композиционный синтаксис, денотативная область представляет собой некоторую ментальную структуру, отражающую познавательную деятельность человека. Так как мир объективной действительности многообразен и многогранен, то и наше сознание отличается многообразием находящихся в нем денотативных областей и многогранностью каждой из них. И здесь, казалось бы, мы сталкиваемся с проблемой несоразмерности объема информации, поступающей из внешнего мира, и объема информации, который способно уместить сознание одного индивида. Но денотативная область не является прямым отражением конкретных событий, а представляет собой некоторый способ когнитивного отражения класса событий [1]. Поэтому, несмотря на обусловленность экстралингвистическими факторами, денотативные области все же имеют некоторые закономерности организации, что позволяет провести их типологизацию. Выделяют простые и сложные денотативные области. Сложная денотативная область включает в качестве своих составляющих другие самостоятельные ситуации. В зависимости от характера отношений между взаимодействующими ситуациями сложные денотативные

области делятся на комплексные и инкорпорирующие. Последние базируются на ранговых отношениях, когда одна ситуация низшего ранга включается в качестве одной из составляющих в ситуацию высшего ранга. Такого рода иерархия также может быть различна по характеру взаимодействия конституентов [2, л. 64].

Объектом нашего исследования является матричная инкорпорирующая денотативная структура, в которой включающая денотативная область не предопределяет характеристики включенной, но сама включающая без включенной не существует [3, с. 6]. Одним из вариантов реализации матричной денотативной области в языке являются предложения, содержащие иллокутивные глаголы. Согласно Дж. Л. Остину, иллокутивные глаголы не описывают наши действия и не утверждают, что мы что-то делаем. Самим актом их произнесения мы производим определенное действие, т.е. это глаголы, обозначающие речевые действия или мыслительную операцию. Ученый выделяет 5 общих классов иллокутивных актов, т.е. 5 классов иллокутивных глаголов соответственно [4]:

– *Вердиктивы* представляют оценку каких-либо фактов (осуждение или одобрение). Например, *appreciate* ‘ценить’;

– *Экзерситивы* используются для выражения влияния, проявления власти. Например, *appoint* ‘назначать’;

– *Комиссивы* выражают намерения и взятые на себя обязательства. Например, *promise* ‘обещать’;

– *Бехабитивы* имеют дело с установками и социальным поведением. Например, *apologise* ‘приносить извинения’;

– *Экспозитивы* представляют результаты обсуждений, доказательства, используются для прояснения причин. Например, *state* ‘утверждать’.

Подтверждение того, что представленные выше примеры обозначают речевое действие либо мыслительную операцию, можно найти в дефинициях данных глаголов [5; 6; 7; 8]:

Анализ дефиниций позволил выявить основные характеристики матричных денотативных структур, реализованных посредством предложений с иллокутивными глаголами. К ним относятся: наличие речевого либо ментального действия; наличие адресата; включенная ситуация является одним из участников включающей ситуации – объектом.

Чтобы детализировать данные, полученные в результате компонентного анализа дефиниций, было проведено дальнейшее исследование. В частности была рассмотрена денотативная структура предложений с каждым из иллокутивных глаголов-предикатов и выявлены особенности реализации матричных денотативных областей на языковом уровне.

Так, в матричной денотативной структуре, реализованной при помощи глагола *appreciate* ‘ценить’, компонентами включающей ситуации являются говорящий, выполняющий семантическую роль субъекта, и объект. Объект включающей денотативной структуры в свою очередь представляет отдельную (включенную) ситуацию. Например: *That’s why I appreciate what Spin*

Master is doing with the new Air Hogs Supernova ‘Вот почему я ценю то, что Спин Мастер делает с новой Эир Хогз Сьюпернова’; *I appreciate that the pension could be accessed before the age of 70 in the form of a cash draw down or an annuity given the pension* ‘Я признательна, что пенсию можно получать до достижения 70-летнего возраста в виде выплаты наличных или выплат из страхового фонда’.

Включенная ситуация на поверхностном уровне может быть представлена довольно разнообразно: отглагольным существительным, часто в комбинации с притяжательным местоимением: *I appreciate his creativity* ‘Я ценю его творчество’, предикативной конструкцией: *I appreciate you spending some time and energy to put this informative article together* ‘Я ценю, что вы потратили свое время и силы на составление этой информационной статьи’ или посредством придаточного предложения: *That’s why I appreciate what Spin Master is doing with the new Air Hogs Supernova* ‘Вот почему я ценю то, что Спин Мастер делает с новой Эир Хогз Сьюпернова’.

Компонентами включающей ситуации в матричной денотативной структуре с глаголом-предикатом *appoint* ‘назначать’ являются каузатор (говорящий) и объект. Могут наблюдаться некоторые вариации при отражении включенной ситуации. Как правило, включенная ситуация репрезентирована статально, следовательно, в ней представлены объект (как правило, одушевленный) и его состояние. Иногда включенная ситуация отражена при помощи динамического-глагола предиката и содержит субъект, производящий действие, отраженное глаголом-предикатом, и других участников и характеристики в зависимости от отражаемой денотативной области. Например: *I appoint my brother Joe and my sister Jane as executors of this will* ‘Я назначаю своего брата Джо и сестру Джейн исполнителями этого завещания’; *And I appointed you to go and bear fruit* ‘И я приказал тебе пойти и принести плод’.

Матричную денотативную структуру, реализованную при помощи глагола-предиката *promise* ‘обещать’, можно описать следующим образом. Включающая ситуация представлена каузатором (говорящим), адресатом, который не всегда отражен на поверхностном уровне, и объектом. Объект включающей ситуации реализует отдельно взятую денотативную область, т.е. репрезентирует включенную ситуацию. Например: *I’ve promised her mother that Silvia will continue with her studies* ‘Я пообещал ее матери, что Сильвия продолжит учебу’.

Семантическая роль каузатора во включающей ситуации и семантическая роль субъекта включенной ситуации может коррелировать с одним и тем же денотатом – автором сообщения: *But **I** promised earlier in my speech that I would mention service in the Royal Artillery during the Second World War* ‘Но ранее в своем выступлении я обещал, что (я) упомяну службу в Королевской артиллерии во время Второй мировой войны.’

Партиципантами включающей ситуации с глаголом-предикатом *apologise* ‘приносить извинения’ являются субъект (говорящий), адресат и каузатор. Адресат на поверхностном уровне часто не отражается, а лишь подразу-

мевается. Каузатор включающей денотативной структуры представляет отдельную включенную ситуацию. Субъекты включающей и включенной ситуаций могут совпадать и обозначать говорящего. Например: *Er, I must apologise again for what, er, the way I addressed you* ‘Э-э, я должен еще раз извиниться за манеру, в которой, э-э, я обратился к Вам’.

На поверхностном уровне включенная ситуация может быть представлена как одним словом (как правило, это указательное местоимение или отглагольное существительное: *...and I apologise for* ***this*** ‘…и я прошу прощения за это’; *I apologise for* ***that omission*** ‘Прошу прощения за это упущение’), так и более сложными языковыми единицами: фразой с герундием или целым придаточным предложением: *...and I apologise for* ***beginning with that gloomy prognosis*** ‘…и я прошу прощения за то, что начал с того мрачного прогноза’; *I do apologise* ***if I have laboured the point****...* ‘Прошу прощения за то, что вдаюсь в детали…’. В некоторых случаях каузатор не отражается в предложении: *I do apologise to Mrs Chairman* ‘Прошу прощения у Госпожи Председатель’.

Матричная денотативная структура с иллокутивным глаголом *state* ‘утверждать’ имеет следующие особенности. Во включающую ситуацию входят субъект (говорящий), адресат (в большинстве случаев на поверхностном уровне не отражается) и объект. Объект включающей ситуации отражает отдельную денотативную область, т.е. включенную ситуацию. Например: *I state to you that the general nature of the Commission’s inquiry is to ascertain, evaluate, and report upon the facts* ‘Я заявляю вам, что общий характер расследования Комиссии заключается в установлении, оценке и сообщении фактов’.

Субъекты включенной и включающей денотативной структур могут совпадать и представлять говорящего: *Therefore* ***I*** *state that I will only speak up if* ***I*** *hear from the General himself pertaining to this battle of Snoul* ‘Поэтому я заявляю, что буду говорить только в том случае, если я узнаю от самого генерала, что касается битвы при Сноуле’. Часто во включающей ситуации отражен характеризатор образа действия: *To balance the politics I state* ***clearly****, they were not held accountable by the opposition* ‘Чтобы сохранить политическое равновесие, я со всей уверенностью заявляю, что они не были привлечены оппозицией к ответственности’.

Сведения, полученные в результате дефиниционного анализа иллокутивных глаголов, а также сравнительного анализа денотативной составляющей предложений с данными глаголами, позволили выявить и описать обязательные компоненты исследуемой матричной денотативной структуры:

1. Включающий конституент матричной денотативной области предполагает инициацию каких-либо действий, состояний, положений. Инициация каких-либо действий подразумевает наличие инициатора, т.е. активного деятеля, субъекта. В рамках данного исследования субъект – это семантическая категория со значением производителя действия. Однако субъект производит

собственное действие. В матричной денотативной структуре же включающий компонент может каузировать включенную ситуацию. Это значит, что исходный компонент включающей ситуации может являться не только производителем собственного действия, но и вызывать действие другого субъекта или приводить объект своего воздействия к определенному состоянию, т.е. являться каузатором. Таким образом, одной из отличительных черт матричной денотативной области является присутствие субъекта либо каузатора в качестве исходного компонента.

2. В матричных денотативных структурах, отраженных при помощи глаголов-предикатов *state* ‘утверждать’, *apologise* ‘приносить извинения’ и *appreciate* ‘ценить’, исходным компонентом является **субъект**. В качестве субъекта может выступать только одушевленное существо. Причем это должно быть не просто одушевленное существо, а сам говорящий, т.е. существо, которое обладает человеческой формой мышления: ***I*** *state to you that the general nature of the Commission’s inquiry is to ascertain, evaluate, and report upon the facts* ‘Я заявляю вам, что общий характер расследования Комиссии заключается в установлении, оценке и сообщении фактов’.

3. В матричных денотативных структурах с глаголами-предикатами *appoint* ‘назначать’ и *promise* ‘обещать’ исходным компонентом является **каузатор**. Каузатором выступает одушевленное лицо, а именно сам говорящий: *But* ***I*** *promised earlier in my speech that I would mention service in the Royal Artillery during the Second World War* ‘Но ранее в своем выступлении я обещал, что (я) упомяну службу в Королевской артиллерии во время Второй мировой войны’. Однако стоит отметить, что в денотативной структуре, реализуемой при помощи глагола-предиката *apologise* ‘приносить извинения’, присутствуют как субъект, так и каузатор. Субъект является исходным компонентом матричной денотативной структуры, в то время как каузатор занимает вторую аргументную позицию и представляет включенную ситуацию, имеющую собственных участников: ***I*** (субъект) *do have to apologise Your Lordships, to your Lordships,* ***if its meaning is not immediately clear****...* (каузатор) ‘Я должен извиниться перед Вашей Светлостью, если его значение не сразу становится ясным...’.

4. **Адресат** включающей ситуации может быть представлен эксплицитно, т.е. иметь формальное выражение: *You promise* ***me*** *you will never tell anybody* ‘Ты обещаешь мне, что никогда никому не скажешь’, либо имплицитно, т.е. подразумевается, но формально не выражен: *…but I promise I’ll let you know if I have any problems* ‘…но я обещаю, что дам вам знать, если у меня возникнут проблемы’.

5. **Объект** включающей ситуации отражает отдельную денотативную область и представляет собой конституент низшего ранга в исследуемой матричной структуре. Включенная денотативная область может быть любой. Тем не менее существуют определенные закономерности как по составу партиципантов, так и по специфике их отражения в языке. Что касается

состава участников, входящих во включенную денотативную структуру, то здесь обязательно наличие субъекта: *Er, I must apologise again for what, er, the way* ***I*** *addressed you* ‘Э-э, я должен еще раз извиниться за манеру, в которой, э-э, я обратился к Вам’ либо объекта, если ситуация отражена статально: *I appoint* ***my said wife Frances Cicely Gethen*** *to be the Guardian of my Children during their Minorities and her Widowhood* ‘Я назначаю свою жену Фрэнсис Сисели Гетен опекуном моих детей в период их несовершеннолетия и ее вдовства’. Объект, представляющий включенную ситуацию, на поверхностном уровне может отражаться не только посредством придаточного предложения: *I promise* ***that I will look into it*** ‘Я обещаю, что изучу это’, но и инфинитивной либо герундиальной фразой: *…the Soviet government promises* ***to save the vast Aral region*** ‘…Советское правительство обещает спасти обширный Приаральский регион’, предикативной конструкцией: *I appreciate* ***you spending some time and energy*** *to put this informative article together* ‘Я ценю, что вы потратили свое время и силы на составление этой информационной статьи’, отглагольным существительным: *On transport within cities, Rifkind promised* ***research*** *into the development of new rapid transit networks, coupled with a range of initiatives to help buses move* ‘Что касается городского транспорта, Рифкинд пообещал провести исследования по развитию новых сетей скоростного транспорта, а также ряд программ, которые помогут автобусам передвигаться’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова-Мицевич, И. В.* Структура и взаимодействие смысла и значения английского предложения [Электронный ресурс] / И. В. Иванова-Мицевич // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – № 2. – Режим доступа : http://tverlingua.ru/archive/023/5_23.pdf. – Дата доступа : 22.11.2013.
2. *Иванова-Мицевич, И. В.* Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Иванова-Мицевич. – Воронеж, 2009. – 110 л.
3. *Абраменко, В. С.* Принципы структурной типологии денотативных областей / В. С. Абраменко, И. В. Иванова-Мицевич // Соловьевские чтения – 2018 : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : А. В. Ломовая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2020. – С. 3–7.
4. *Остин, Дж. Л.* Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике / Прогресс. – 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 22–130.
5. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://dictionary.cambridge.org/. – Date of access : 08.02.2021.
6. Collins Online Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.collinsdictionary.com/. – Date of access : 08.02.2021.
7. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ldoceonline.com/. – Date of access : 08.02.2021.
8. Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/. – Date of access : 08.02.2021.

Ю. В. Овсейчик (*Минск, МГЛУ*)

СЕМАНТИКА ПРОТИВИТЕЛЬНОГО СОЮЗА *MAIS* ‘НО’ В МОДЕЛИ P *MAIS QUE* Q В ДИАХРОНИИ

Статья посвящена выявлению семантических свойств ядерного сочинительного союза *mais* ‘но’ в период старо- и среднефранцузского языков при осложненном соединении компонентов (модель P *mais que* Q). Установлено, что союз *mais* ‘но’ при соединении двух неавтономных высказываний указывает на косвенный характер противительных отношений – взаимоисключающее противопоставление и противопоставление «вопреки ожиданию».

К л ю ч е в ы е с л о в а: сочинительный союз; противительные отношения; диахрония; семантика.

The article is devoted to identifying of the semantic properties of the nuclear coordinator mais ‘but’ during the Old and the Middle French languages in a complicated combination of components (модель P mais que Q). It has been established that the coordinator mais ‘no’ when connecting two non-autonomous utterances indicates the indirect nature of adversarial relations – mutually exclusive opposition and opposition “conflicting expectations”.

K e y w o r d s: coordinator; adversative relations; diachrony; semantics.

В ходе исторического развития потребность говорящего в связующих единицах, обозначающих разнообразные отношения между ситуациями в реальной действительности, возрастает, это закономерно приводит к появлению новых лексем либо изменению качественных характеристик уже имеющихся союзов.

В старофранцузском синтаксисе сосуществовали различные средства связи частей сложного предложения, унаследованные из латыни, которые подразделялись на сочинительные союзы (*et, ne, ou, mais, se, ains, car, or, donc*) при автономном семантико-синтаксическом характере соединяемых частей сложного предложения, и на подчинительные (*comme<quomo, si<si, quand<quando, que<quod*, в том числе и производные от *que* и *come* при семантическом характере зависимости между главным предложением и придаточной частью) [1].

Цель исследования заключается в выявлении семантических свойств противительного союза *mais* ‘но’ при осложненном соединении компонентов (модель P *mais que* Q) в период старо- и среднефранцузского языков (IX–XVI вв.).

Материалом для исследования послужили данные подкорпусов старо- и среднефранцузского языков Национального корпуса французского языка Frantext [2]. Выявлено, что употребительность союза *mais* ‘но’ в период среднефранцузского языка увеличивается по сравнению с периодом старофранцузского языка в два с половиной раза (с 5,3 % до 13,24 % от общего количества вхождений всех союзов в каждом подкорпусе, или 5 109 и 28 163 вхождений соответственно), что отражает изменение значимости данной единицы в системе средств сочинительной связи.

В период старофранцузского языка, со второй половины X в. сочинительный союз *mais* ‘но’ соединяет две противопоставленные друг другу части, каждая из которых соответствует действительности, и служит для введения противоположной ситуации [3; 4]. Например: *Cist nus sunt pres, mais trop nus est loinz Carles* ‘Нечестивые близко от нас, а Карл слишком далеко’ (*Chanson de Rolland*, фр. «Песнь о Роланде»).

В лексикографических источниках фиксируются два способа употребления лексемы *mais* ‘но’ в роли союза в старо- и среднефранцузском языках [4]. Первое, «чистое», неосложненное, представляет соединение двух компонентов (модель P *mais* Q). Второе, осложненное, обусловлено сочетанием с многозначным простым союзом *que* ‘что’, употреблявшимся для введения придаточных предложений различной семантики (модель P *mais* ***que*** Q), и уже фиксируется в конце X в. [4; 5].

Результаты дистрибутивного анализа показывают, что сочетание *mais que* соединяет две части сложного предложения в малочисленных контекстах в подкорпусах старо- и среднефранцузского языков (104 и 695 контекстов с моделью P *mais* ***que*** Q, или 1,7 % и 2,41 % от количества вхождений союза *mais* в подкорпусах соответственно). Факт существования сложных предложений, построенных с использованием союзного сочетания *mais que*, подтверждает, что эволюция сложного предложения во французском языке отличается от традиционной индоевропейской схемы, в соответствии с которой выделяются три последовательные ступени развития сложного предложения: бессоюзие > сочинение > подчинение [1].

Выявленные контексты распределяются на две группы в зависимости от того, какую часть вводит союзное сочетание. Высказывания первой группы представляют следующую последовательность соединенных компонентов: *mais que Q, P*. Высказывания второй группы строятся по модели *P, mais que Q*. Причем и в том, и в другом случае союз *que* создает значение ирреального условия, которое блокирует возможность употребления каких-либо других наклонений кроме сослагательного. Союзное сочетание служит опорой для соединения неравноправных компонентов, о чем свидетельствуют модально-временные формы глаголов (индикативное и сослагательное).

Применение следующих трех критериев для дифференциации противительной семантики союза *mais* при осложненном соединении компонентов: характер противопоставления (прямой / косвенный), тип реализации компонентов (существование / несуществование) и наличие/отсутствие элемента ожидания, – позволило установить два типа отношений: взаимоисключающее противопоставление и противопоставление «вопреки ожиданию».

При реализации модели *mais que Q, P* содержание двух пропозиций не соответствуют действительности. Вводимая сочетанием *mais que* пропозиция представляет достаточное условие для реализации благоприятной, желательной для говорящего, ситуации. Между соединяемыми компонентами устанавливается отношение взаимоисключающего противопоставления: имеет

место ситуация ‘обычно если не-*P*, то не-*Q*’ **либо** имеет место другая, противоположная, ситуация ‘обычно если *P*, то *Q*’, которое требует дополнительных когнитивных операций вывода от адресата.

Рассмотрим следующие примеры.

(1) *Monsigneur,* ***mès que*** *nostre chapitainne soit arivés par de delà* [Q]*, nous ferons bonne guerre et forte* [P] ‘Мой господин, лишь бы наш капитан прибыл, мы проведем хорошую и сильную войну’ (Froiss., Chron. R. – 1 375. – P. 35 [2]);

(2) ***Mais que*** *bon vent ayons arriere* [Q]*, Nous serons tost en noz pays* [P] ‘Но хоть (лишь бы дул хороший встречный ветер, мы быстро окажемся в нашей стране’) (Myst. st Adr. P. – 1 450. – P. 169 [2]).

Поясним пример (1). Некоторое желательное положение дел *P* ‘ведение успешной войны’ обычно возможно при определенном условии *Q* ‘прибытие капитана’ и противопоставляется другому положению дел, неблагоприятному, не-*P* ‘поражение в войне’ при нарушении условия не-*Q* ‘отсутствие капитана’.

Приведенные ниже трансформации примера (1) с придаточным условия и с изменением сослагательного наклонения на индикативное иллюстрируют либо две потенциальные взаимоисключающие ситуации (1а) ‘прибытие капитана и победа на войне’ и (1б) ‘отсутствие капитана и поражение в войне’, либо две ситуации с несовместимыми фактами или событиями (1в) ‘отсутствие капитана и победа в войне’ либо (1г) ‘прибытие капитана и поражение в войне’. Причем содержание последних двух трансформаций нарушает логику событий и не соответствуют реальному положению дел в интерпретации говорящего.

(1а) *Si notre capitaine arrive, nous ferons bonne guerre* ‘обычно если *P*, то *Q*’;

(1б) *Si notre capitaine n’arrive pas, nous ne ferons pas bonne guerre* ‘обычно если не-*P*, то не-*Q*’;

(1в) **Si notre capitaine arrive, nous ne ferons pas bonne guerre* ‘обычно если *P*, то не-*Q*’;

(1г) **Si notre capitaine n’arrive pas, nous ferons bonne guerre* ‘обычно если не-*P*, то *Q*’.

Прокомментируем пример (2). Некоторая ситуация *P* ‘скорое возвращение в страну’ возможна при определенном условии *Q* ‘попутный ветер’. Естественно полагать, что при попутном ветре можно быстрее добраться до места. При нарушении условия не-*Q* ‘встречный ветер’ невозможно изменить положение дел *P* ‘добраться до города’. Аналогичные трансформации для примера (2) демонстрируют либо две потенциальные взаимоисключающие ситуации (2а) ‘попутный ветер и скорое возвращение’ и (2б) ‘встречный ветер и опоздание’, либо две ситуации с несовместимыми явлениями и событиями (2в) ‘попутный ветер и опоздание’ либо (2г) ‘встречный ветер и скорое возвращение’. Последние две трансформации представляют нарушение некоторой объективной закономерности.

(2а) *Si le bon vent est en arrière, nous serons tôt* ‘естественно, если *P*, то *Q*’;

(2б) *Si le bon vent n’est pas en arrière, nous ne serons pas tôt* ‘естественно, если не-*P*, то не-*Q*’;

(2в) **Si le bon vent est en arrière, nous ne serons pas tôt* ‘естественно, если *P*, то не-*Q*’;

(2г) **Si le bon vent n’est pas en arrière, nous serons tôt* ‘естественно, если не-*P*, то *Q*’.

Считаем допустимым толковать употребление противительного союза при осложненном соединении компонентов *mais que Q, P* следующим образом: ‘говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа *Q*, а не наоборот’. Лаконичная структура позволяет выразить сложные многогранные логико-семантические отношения асимметричного характера емко, однако для ее интерпретации необходимо наличие определенных фоновых знаний о ситуации или о закономерностях устройства мира.

Перейдем к рассмотрению реализации модели *P, mais que Q*. Содержание первой пропозиции *P* соответствует действительности. Содержание второй пропозиции *Q* противопоставлено ожиданиям говорящего на основании общих знаний об окружающем мире, так как некоторое положение дел *Q* (‘разгорелось пламя’, ‘быть принятым королем’) имеет место при определенном условии не-*P* (‘раздуть огонь’, ‘согласие короля’). Естественно, что дыма без огня не бывает, но появление огня желательно для говорящего в определенных обстоятельствах (3). Обычно, если король не дал аудиенцию, можно уходить, однако в данной ситуации «вопреки ожиданию» можно подождать (4).

(3) *Il est presque chault, se me semble. Soufflons encor une allenee ; Il n’y a plus de fumee* [P], ***Mesque*** *tout soit bien embrasé* [Q] ‘Думаю, что почти тепло. Давай еще раз подуем; больше нет дыма, лишь бы все воспламенилось’ (Myst. st Laur. S.W. – 1 499. – P. 246) [2];

(4) *Ja ne sera reprocié que par lasqueté il roy vous refusse* [P], ***mais que*** *vous le voelliez atendre* [Q] ‘Меня упрекнут только в том, что король отказал вас принять, но хотели бы вы его подождать’ (Froiss., Chron. R. – 1375. – P. 121) [2].

В представленных примерах (3, 4) нет необходимости опираться на семантику условия при трансформации, поскольку опущение элемента *que* влечет за собой появления индикатива, не изменяя характер отношений между пропозициями на семантическом уровне. Трансформации (3а) и (4а) репрезентируют противительные отношения «вопреки ожиданию». В трансформациях (3б) и (4б) наличие противительного союза нарушает семантическую и прагматическую целостность высказывания.

(3а) *Il n’a plus de fumée, mais tout s’enflamme*;

(4а) *Le roi ne vous a pas accepté, mais vous pouvez l’attendre*;

(3б) **Il n’a plus de fumée, mais tout ne s’enflamme pas*;

(4б) **Le roi ne vous a pas accepté, mais vous pouvez ne pas l’attendre.*

Представляется допустимым толковать употребление противительного союза при осложненном соединении компонентов *P, mais que Q* следующим образом: ‘говорящий считает, что обычно или естественно ситуация типа *P* влияет на положение дел; в результате если *P*, то не-*Q*, однако вопреки ожиданию желательно, чтобы *Q*’.

Таким образом, в период старо- и среднефранцузского языков союз *mais* ‘но’ при осложненном соединении компонентов устанавливает связь между двумя неавтономными высказываниями, что позволяет говорить о расширении его сочетаемостных свойств. Основное предназначение союза заключается в указании на косвенный характер противительных отношений: взаимоисключающее противопоставление и противопоставление «вопреки ожиданию». Семантическое наращение союза *mais* происходит за счет значения гипотетичности и желательности соединяемых частей сложного предложения, это приводит в последующем к появлению новых конструкций для выражения противительно-уступительного отношения, что требует последующих исследовательских процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сабанеева, М. К.* Историческая грамматика французского языка / М. К. Сабанеева, Г. М. Щерба. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 272 с.
2. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.frantexte.fr /. – Дата доступа : 15.12.2020.
3. Centre National des resources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cnrtl.fr/. – Дата доступа : 15.12.2019.
4. *Godefroy, F.* Dictionnaire de l’ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle / F. Godefroy. – Paris, 1881–1902. – 10 vol. – Режим доступа : http://micmap.org/multidic/https://doi.org/10.3406/lfr.2004.6783. – Дата доступа : 14.01.2020.
5. Dictionnaire du Moyen Français. – Режим доступа : http://www.atilf.fr/dmf/. – Дата доступа : 22.10.2020.

А. Л. Волкова (*Минск, МГЛУ*)

К ВОПРОСУ ОБ ЭМФАЗЕ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ В ПРОСОДИИ

В статье рассматривается соотношение понятий *эмфаза* и *интенсификация в просодии*, а также поднимается актуальная проблема просодических средств выражения эмфазы. Анализируется использование тонов сложной конфигурации во французском языке как средства выражения эмфазы и интенсификации в полемическом дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: просодия; эмфаза; интенсификация; тоны сложной конфигурации; фонетика.

The article examines the relationship between the concepts of emphasis and intensification in prosody, and also raises the actual problem of prosodic means of expressing emphasis. This article is also devoted to the peculiarities of using tones of the complex configuration when expressing emphasis and intensification in French.

K e y w o r d s: prosody; emphasis; intensification; tones of complex configuration; phonetics.

Эмфаза принадлежит к числу понятий, используемых в лингвистике для отражения субъективного начала в языке и речевой коммуникации. Ее связывают с дискурсивными операциями, нацеленными на выражение говорящим уровня информационной и эмоциональной значимости компонентов текста.

Несмотря на широкое применение в лингвистике, термин *эмфаза* отличается неоднозначностью содержания и нечеткостью границ, отделяющих его от таких понятий, как *эмотивность* (эмоциональность), *интенсификация, выделение* (подчеркивание).

Большинство авторов считают эмфазу одним из средств эмоциональной выразительности речи, характеризующейся эмоциональной вовлеченностью говорящего и обусловленной этим эмоциональной напряженностью: «Эмфаза – это усиление эмоциональной выразительности речи, достигающееся сменой интонации и применением различных риторических фигур» [1, с. 911].

Однако обязательное наличие эмоционального компонента в эмфазе признается далеко не всеми авторами. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эмфаза трактуется как «выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее экспрессивность речи» [2].

В ряде исследований эмфаза понимается одновременно и как эмоциональная выразительность, и как выделение, подчеркивание в речи отдельных элементов высказывания (эмфаза-контраст).

Анализ подходов к определению содержания эмфазы позволяет сделать вывод о правомерности выделения эмоциональной и логической эмфазы. Необходимо отметить при этом, что «выразительность» эмоциональной эмфазы, так же как и логической, достигается путем экспрессивного усиления речи, т.е. выделения, подчеркивания, а главное отличие логической эмфазы от эмоциональной заключается в том, что логическая эмфаза представляет собой подчеркивание элементов высказывания без эмоциональности.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о соотношении логической и эмоциональной эмфазы с понятием интенсификации. Как представляется, понятия эмфазы и интенсификации взаимосвязаны и обладают рядом общих признаков. К ним относится признак выделенности, характерный как для обоих видов эмфазы, так и для интенсификации.

Другим общим признаком оказывается градуальность. Интенсификация как лингвистическая категория неразрывно связана с понятием градуальности – противопоставленности некоторого нейтрального состояния двум маркированным противоположно направленным значениям. Эти маркированные значения в принципе могут иметь несколько градаций, но базовый принцип оппозиции сохраняется. Например, в просодии типичные уровневые тональные системы являются троичными (ровный / высокий / низкий уровни), однако могут добавляться сверхвысокий и сверхнизкий уровни. При этом всегда в качестве точки отсчета присутствуют нейтральные значения признака (нейтральная долгота гласного, ровный тон и т.п.), которые соответствуют нейтральным значениям семантических характеристик [3].

Так, градуальный характер интенсификации проявляется в том, что наряду с интенсификацией, т.е. усилением признака «хорошо» или признака «плохо», выделяют операцию деинтенсификации оценки (т.е. ослабления одного из двух признаков). Обе процедуры отражают движение степени выраженности признака по оценочной шкале в зонах «одобрение» (+) и «неодобрение» (–), причем и в той, и в другой зоне возможна как интенсификация, так и деинтенсификация [4].

Так же как и интенсификация, эмфаза имеет градуальный характер, обусловленный наличием в ее составе оценочного и аффективного компонентов, каждый из которых градуален по своей сути:

1) оценка предполагает положительное / отрицательное отношение говорящего к предмету речи;

2) аффективность предполагает определенную степень заинтересованности / незаинтересованности говорящего по отношению к предмету речи.

Интенсификация и эмфаза отличаются близостью цели. Интенсификация направлена на усиление элемента высказывания или всего высказывания в целом с целью воздействовать на слушающего, поразить или убедить его [5, с. 391]. Цель эмфазы – выражение (эмоционального) отношения говорящего для оказания воздействия на адресата.

Как видно, цель эмфазы шире цели интенсификации. Это позволяет утверждать, что понятия эмфазы и интенсификации находятся в отношениях выключения: эмфаза включает в себя интенсификацию, так как для ее выражения используются различные средства интенсификации. То есть правомерно считать, что любая эмфаза подразумевает определенную интенсификацию сообщения [6, с. 344].

Во французском языке вопрос о языковых средствах эмфазы представляет особый интерес. Это обусловлено тем, что синтаксическая (фиксированный порядок слов в предложении) и просодическая (окситонический ритм) структуры языка накладывают ограничения на использование некоторых способов эмфатического выделения, например, изменение порядка слов.

К просодическим средствам выражения эмфазы относятся:

1) эмфатическое ударение (выделение слова с целью выражения эмоционального отношения);

2) изменение значений ч.о.т., то есть изменение высоты голоса. Тон может повышаться, понижаться или оставаться ровным. Выделение ровным тоном будет являться показателем эмфазы лишь в том случае, когда оратор специально прибегает к данному тону [7];

3) длительность гласных и согласных. Как правило, удлиняется слово, которое хотят выделить, и сокращаются слова, находящиеся рядом с эмфатически выделенным словом;

4) увеличение значений интенсивности. Повышение интенсивности часто сопровождает изменение высоты голоса в сторону повышения;

5) экспрессивные паузы;

6) качество голоса в тех случаях, когда у собеседника в целом монотонная речь. Если качество голоса изменяется, это воспринимается как эмфатическая речь [7].

Как отмечает Т. М. Николаева [8], эмоциональный момент (т.е. эмфаза) воплощается в двух аспектах: в общей эмоциональной окраске всего высказывания либо в эмоциональной окраске отдельных компонентов.

Подобного рода выводы получены и на материале французского языка. Так, О. Багу выделяет два типа эмфазы: эмфазу лексическую (просодические характеристики не выходят за рамки отдельного слова) и супралексическую (просодические характеристики находят отражение в просодической структуре фразы в целом) [9].

Таким образом, с точки зрения синтагматических рамок приложения эмфазы можно выделить следующие ее разновидности: «глобальная» эмфаза и «локальная» эмфаза.

При локальной эмфазе сочетание эмфазы с речевыми актами может сопровождаться формированием эмфатического фокализованного коммуникативного компонента: эмфатической ремы или эмфатической темы, а также эмфатических компонентов вопросов и императивов.

К числу мелодических единиц, способных выражать локальную эмфазу, относятся маркированные формы, в частности тоны сложной конфигурации, поскольку известно, что чем более модулированной является тональная структура, тем более она предрасположена к выражению различного рода семантико-прагматических значений. Тоны сложной конфигурации характеризуются сменой направления движения ч.о.т. на главноударном слоге просодической синтагмы или на главноударном и заударных слогах.

Двунаправленное – восходяще-нисходящее – движение ч.о.т. соотносится с тремя различными воспринимаемыми качествами: простыми резко восходящим и замедленно-ускоренным нисходящим тонами, а также сложным восходяще-нисходящим [10]. Функциональная дистрибуция тонов сложной конфигурации определяется особенностями их семантики и прагматическими установками говорящих.

В задачу настоящего исследования входило исследование участия интенсификации в выражении эмоциональной и логической эмфазы посредством тонов сложной конфигурации.

Материалом для исследования послужили аргументативные конструкции полемического дискурса. Это обусловлено тем, что главная цель аргументации совпадает с целью интенсификации – усиление воздействия на слушающего с целью поразить или убедить его. Кроме того, различия в просодической реализации логической и эмоциональной эмфазы особенно ярко проявляются в полемическом и аргументативном дискурсах в силу их прагматических особенностей.

При проведении исследования было установлено, что при э*моциональной эмфазе* интенсификации подвергаются такие признаки, как длительность и интенсивность гласного. Вместе с увеличением интенсивности повышается высотный уровень тона.

Установлено, что эмоциональная эмфаза выражается **резко восходящим** тоном в рематической части высказывания для выражения эмоционального отношения:

(1) *On est quasiment à 600 millions d'euros maintenant de dépenses* ***↑publiques****, municipales sur la propreté de notre ville* 'Выделяется почти 600 миллионов евро сейчас на государственные и муниципальные расходы для поддержания чистоты в нашем городе'.

Эмоциональная эмфаза также выражается **сложным восходяще-нисходящим** тоном, который отличается высоким эмфатическим потенциалом и наиболее часто употребляется при возникновении полемики:

(2) *Les violences ont amené à des dispositifs policiers hors* ***/\norme***[1] *qui dissuadent beaucoup de gens* 'Насилие привело к созданию чрезвычайных полицейских механизмов, которые удерживают многих людей'.

Приведенный выше пример является аргументом-утверждением. Словосочетание *hors norme* 'чрезвычайные', главноударный слог которого является экспонентом сложного восходяще-нисходящего тона, само по себе имеет оценочное значение, сложный тон придает эмоциональную окрашенность этому словосочетанию. Кроме увеличения длительности главноударного гласного и высокого регистра, эмоциональность создается за счет широкого интервала сложного тона.

При выражении *логической эмфазы* высотный уровень тона ниже, чем при эмоциональной эмфазе, при которой он соответствует, как правило, средневысокому или высокому регистрам. Если логическая эмфаза выражается сложным восходяще-нисходящим тоном, то он характеризуется нешироким интервалом изменения высоты голоса. При логической эмфазе, как и при эмоциональной эмфазе, интенсификации подвергаются длительность и интенсивность гласного. Однако степень интенсификации не является такой ярко выраженной, как при эмоциональной интенсификации. В связи с чем высотный уровень тона не выше среднего регистра, а длительность главноударного гласного увеличивается не так заметно.

Логическая эмфаза выражается, как правило, **нисходящим** тоном **сложной конфигурации**, который употребляется в аргументах для усиления ядра ремы и для того, чтобы выразить свою причастность к тому, о чем идет речь. Данный тон также используется в качестве средства убеждения, так как выражает высокую степень уверенности в высказываемом положении: (3) *On a mis 15 ans dans la loi et si on mettait 13 ans, ça veut dire qu'on abaisserait le* ***↓seuil*** [2] 'В законе прописано 15 лет, а если мы скажем 13, то это значит, что

[1] /\ – показатель сложного восходяще-нисходящего тона

[2] ↓– нисходящий тон сложной конфигурации

мы снизим порог’. В данном примере увеличивается длительность и интенсивность главноударного гласного, кроме этого, падение тона начинается с более высокого уровня по сравнению с нейтральным высказыванием.

Установлено, что *логическая эмфаза* может выражаться резко восходящим тоном в тематической части высказывания для выделения информативно значимого элемента.

Так, например, в следующем высказывании говорящий относится к ситуации с негодованием, и **резко восходящий** тон среднего регистра с увеличением интенсивности главноударного гласного показывает усиление ключевых элементов темы, которая противопоставляется рематическому компоненту «tout ça n'est pas possible».

(4) *Je pense que ce qui* ***se*** ***↑passe***[1] *au niveau de violences inouïes, inacceptables auxquelles nous faisons* ***↑face*** *et auxquelles les Parisiens sont confrontés depuis le mois de novembre de l’année dernière, tout ça n’est pas possible* ‘Я думаю, то, что происходит на уровне беспрецедентного, неприемлемого насилия, с которым мы сталкиваемся и с которым парижане сталкиваются с ноября прошлого года, – все это нельзя больше терпеть’.

Таким образом, анализ просодических признаков тонов сложной конфигурации показал, что интенсификация используется при выражении как логической, так и эмоциональной эмфазы. Она проявляется в увеличении значений просодических признаков, определяющих логический или эмоциональный характер эмфазы. При эмоциональной эмфазе главноударный слог – носитель тона – характеризуется увеличением длительности гласного и его интенсивности, а тон отличается повышением регистра (средне-высокий и высокий) и расширением интервала. При логической эмфазе также происходит увеличение длительности и интенсивности гласного, однако изменения значений данных параметров менее значительны по сравнению с эмоциональной эмфазой. Интенсификация, проявляющаяся в увеличении значений трех акустических параметров, не является единственным способом выражения эмфазы и ее дифференциации (эмоциональнная ~ логическая). Противопоставление эмоциональной и логической эмфазы коррелирует с направлением движения тона и локализацией в высказывании: эмоциональная эмфаза реализуется посредством *резко восходящего* тона в рематической части высказывания и сложным *восходяще-нисходящим* тоном, тогда как логическая эмфаза реализуется *нисходящим* тоном сложной конфигурации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. − 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

[1] ↑ – резко восходящий тон

3. *Кодзасов*, С. В. Фокализационное варьирование дискурсивных слов [Электронный ресурс] / С. В. Кодзасов. – Режим доступа : http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/kodzasov/focal-05.doc. – Дата доступа : 10.03.2021
4. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
5. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 768 с.
6. *Марузо, Ж.* Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо – Л. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1960. – 436 с.
7. *Herment-Dujardin, S.* Emphase et variation individuelle dans le débat télévisé : paramètres acoustiques et pragmatico-énonciatifs [Electronic resource] / S. Herment-Dujardin, L. Rouveyrol. – Mode d'accès : https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01514710/document. – Date d'accès : 15.03.2021
8. *Николаева, Т. М.* От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки слав. культуры, 2000. – 682 с.
9. *Bagou, O.* L'implication emphatique dans la narration orale spontannée : validation perceptive et réalisations acoustiques [Electronic resource] / O. Bagou. – Mode d'accès : https://clf.unige.ch/files/7214/4102/7732/03-Bagou_nclf23.pdf. – Date d'accès : 16.03.2020.
10. *Морозова, Л. П.* Структурно-функциональные характеристики тонов сложной конфигурации во французском языке / Л. П. Морозова // Романия : языковое и культурное наследие – 2019 : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. – С. 44–51.

Я. С. Детскина (*Минск, МГЛУ*)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся понимания и восприятия политического дискурса с точки зрения базовой парадигмы «текст – дискурс». В результате были выявлены синтаксические особенности английского и американского политических дискурсов с учетом таких параметров, как абсолютная частота и процентное соотношение синтаксических средств к общему числу предложений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: текст; дискурс; дискурс-анализ; политический дискурс; синтаксические средства.

The article deals with the issues of understanding and perception of political discourse from the point of view of the text-discourse paradigm. As a result, the syntactic features of the English and American discourses were identified, taking into account such parameters as the absolute frequency and the percentage of syntactic means to the total number of sentences.

K e y w o r d s: text; discourse; discourse analysis; political discourse; syntactic features.

Понятие *текст* имеет множество трактовок и достаточное количество методологических парадигм исследования. Под текстом в самом широком

смысле понимается любой целостный продукт речевой деятельности. Текст в узком смысле трактуется в зависимости от того, какой из его аспектов берется в качестве основы определения. Например, текст определяется как «актуализованный или могущий быть актуализованным отрезок речи, выражающий определенное содержание и выполняющий определенную функцию» [1, p. 70].

Текст как динамическое явление рассматривается в ряде аспектов. Первый из них утверждает, что текст – это коммуникативно-информационная категория: ее ядро формируется постоянным взаимодействием двух исходных композиционных элементов содержания – пропозиции и иллокуции. Основная задача – это реализация коммуникативной функции, т.е. передачи чего-то кому-то. Следующий аспект обращает внимание на то, что текст – познавательно-оценочная категория. Это процесс постоянного взаимодействия двух исходных композиционных элементов содержания – денотации и интерпретации, которые могут быть прочитаны как «знание» – «отношение» (реализация функции: отражение реальности и ее оценка). Также текст рассматривается как психосоциальная категория, формирующаяся через взаимодействие двух исходных композиционных элементов содержания – сущности и смысла (реализация функции идентификации: индивид как творец внутреннего и внешнего мира) [2, с. 12].

Понятие *дискурс* существует относительно недавно, однако оно (так же, как и понятие *текст*) многозначно и многопланово. Понятие *дискурс* соотносится с понятием *текст*. В широком смысле дискурс рассматривается как любой текст (устный и письменный, современный и исторический, реальный и искусственно сконструированный) во всей его полноте и многозначности, полифоничности и полифункциональности. Дискурс – это текст, «открываемый» субъектами в процессе коммуникации. В дискурсе деятельность сужена до ее социально-ориентированных речевых проявлений. План содержания дискурса, кроме непосредственно коммуницируемого, включает в себя целый комплекс знаний о мире, социуме, коммуникантах, коммуниктивных кодах и их взаимодействии [Там же, с. 10].

Само понятие *дискурс* пришло к нам вместе с понятием *дискурс-анализ*. В результате в анализ текстов были включены такие категории, как жанр, сценарий, фрейм, миф, роль, статус, интерпретация. Как видно, дискурс-анализ игнорирует не только границы каждого конкретного текста, но и дисциплинарные разграничения, приобретая статус междисциплинарного исследовательского направления.

Актуальность рассмотрения политического дискурса связана со значительно возросшей ролью политики в жизни современного общества. Тематика представляется актуальной для исследования уже в том смысле, что «политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий» [3, с. 61]. Для политического дискурса характерны: расширение диапазона языковых средств, процесс стандартизации, который охватывает лексический и синтаксический уровни [4, с. 28].

По своей природе политический текст должен быть в достаточной степени динамичным, так как такой текст способен призвать к некоторым действиям, пробудить определенные эмоции. Динамический, экспрессивный синтаксис активно используется для убеждения. К динамическому синтаксису относятся некоторые стилистические фигуры, синтаксические построения, используемые для усиления высказывания.

Тексты были рассмотрены с учетом следующих параметров, наиболее часто используемых для придания тексту динамичности: эллиптические предложения, побудительные конструкции, риторический вопрос, вопросно-ответные конструкции, анафора, антитеза [5, с. 61].

Так, например, в тексте «Speech to Saban Forum» эти параметры представлены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Синтаксические особенности английского политического дискурса в тексте «Tony Blair speech to Saban Forum»

№ п\п	Синтаксические средства	Абсолютная частота использования	Процентное соотношение к общему числу предложений
1	Эллиптические предложения	–	–
2	Побудительные конструкции	4	11 %
3	Риторический вопрос	–	–
4	Вопросно-ответные конструкции	3	8 %
5	Анафора	4	11 %
6	Антитеза	1	3 %

В сравнении с другими проанализированными синтаксическими средствами побудительные конструкции характеризуются относительно высокой частотой употребления: *Pose the question to Israelis or Palestinians* ‘Задайте этот вопрос израильтянам или палестинцам’. Как правило, это связано с их эмоциональностью. Также политическая речь направлена на убеждение граждан в необходимости принятия решений, касающихся, в большинстве своем, борьбы с терроризмом, необходимости предотвратить распространение ядерного оружия.

Чтобы вызвать активный, повышенный интерес читателя / слушателя, в политических текстах используется такой стимулирующий прием, как употребление вопросно-ответных конструкций: *Ask yourself: do they want a solution to the Israeli-Palestinian question or not? If the answer is no, it can give some kind of indication as to why it is so important there is one* ‘Спросите себя: хотят они разрешения израильско-палестинского конфликта или нет? Если ответ отрицательный, это может дать какое-то указание на то, почему есть такая проблема’. Они привлекают внимание реципиента и создают непринужденность изложения.

Анафора – это повторение отдельных слов или оборотов в начале предложения или отрывков, из которых состоит высказывание. Этот прием встречается в политических текстах довольно часто. Например, *It is their blood that is shed; their land that is fought over; their future that is most at stake* ‘Проливается их кровь, идут бои на их земле, на карту поставлено их будущее’. Данный прием позволяет выделить основное слово или мысль и придать тексту динамику.

Довольно эффективна в политическом дискурсе антитеза – оборот речи, в котором для усиления выразительности и лучшего запоминания текста используются противоположные понятия. Антитеза может строиться на противопоставлении контрастных слов или контрастных образов: *It is not really the issue anymore; or, at least, of course it is the issue* ‘На самом деле это уже больше не проблема, хотя, бесспорно, это проблема’.

Таким образом, в текстах английского политического дискурса для достижения определенной степени динамичности часто используются различные стилистические фигуры и риторические конструкции. Выбор конкретных синтаксических конструкций, безусловно, зависит от тематики текста, его направленности и конкретной ситуации общения между политическим деятелем и реципиентами. Но, согласно результатам исследования, существует определенная закономерность их использования. Так, наибольшей частотой употребления среди проанализированных синтаксических конструкций в текстах характеризуются анафора и побудительные конструкции.

Анализ текста «Des Moines: Lessons from Iraq» показал следующие результаты (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Синтаксические особенности американского политического дискурса в тексте «Des Moines: Lessons from Iraq»[1]

№ п\п	Синтаксические средства	Абсолютная частота использования	Процентное соотношение к общему числу предложений
1	Эллиптические предложения	1	4 %
2	Побудительные конструкции	2	9 %
3	Риторический вопрос	–	–
4	Вопросно-ответные конструкции	–	–
5	Анафора	4	17 %
6	Антитеза	1	4 %

[1] Источник: http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=Lessons%20 from%20Iraq

Можно сделать вывод, что тексты выступлений достаточно богаты на использование различных синтаксических средств. Больше всего в выступлениях можно отметить употребление анафоры, которая характеризуются высокой частотой употребления: *Now is the time to end the war in Iraq. Now is the time to start bringing our troops out of Iraq – immediately* ‘Сейчас самое время закончить войну в Ираке. Сейчас самое время начать вывод наших войск из Ирака’. Этот прием встречается в политических текстах довольно часто. Он позволяет выделить основную фразу или мысль и придать тексту динамику.

В некоторых случаях политическая речь больше направлена на то, чтобы покорить больше своей эмоциональностью, чем логикой.

Большинство выступлений очень эмоциональны, так как при анализе текстов было подсчитано, что побудительные конструкции часто используются в предложениях: *We should not be arguing that our troops have to stay in Iraq to counter Iran* ‘Мы не должны утверждать, что нашим войскам необходимо оставаться в Ираке, чтобы противостоять Ирану’. Политическая речь чаще всего направлена на то, чтобы покорить больше своей эмоциональностью, чем логикой.

Динамичность и разговорную окраску высказыванию придают эллиптические предложения, которые выражают призыв, предложение, приглашение, совет, разъяснение, убеждение и т.д.: *Real, direct, and sustained diplomacy* ‘Настоящая, прямая и устойчивая дипломатия’.

Довольно эффективна в политическом дискурсе антитеза – оборот речи, в котором для усиления выразительности и лучшего запоминания текста используются противоположные понятия. Например, *There was an election coming up – an election that we lost* ‘Приближались выборы, выборы, которые мы проиграли’. Антитеза может строиться на противопоставлении контрастных слов или контрастных образов.

Анализ двух вариантов политического дискурса позволяет сделать вывод, что синтаксические средства играют очень большую роль в организации политического дискурса. В текстах политического дискурса для достижения определенной степени динамичности часто используются различные стилистические фигуры и риторические конструкции.

Таким образом, можно отметить, что использование синтаксических средств для выражения политических взглядов очень популярно как у американских, так и английских политиков, особенно, когда их речь посвящена проблеме борьбы с мировым терроризмом и борьбе с нераспространением ядерного оружия.

В результате проведенного синтаксического анализа текстов было установлено следующее: из всех проанализированных синтаксических конструкций наибольшей частотой употребления в политических дискурсах характеризуются анафора, побудительные предложения и антитеза.

Результаты таких исследований могут использоваться в системах автоматического индексирования, аннотирования и реферирования текста, системах порождения текста, системах машинного перевода и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brunner, G.* Texte und Diskurse : Methoden und Forschungsergebnisse der funktionalen Pragmatik / G. Brunner, G. Graeten. – Dortmund : Opladen, 1994. – 234 p.
2. *Ухванова-Шмыгова, И. Ф.* Дискурс-анализ в контексте современных исследований / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследования политического дискурса : Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; сост. : И. Ф. Ухванова-Шмыгова, А. А. Маркович, В. Н. Ухванов. – Вып. 3. – Минск, 2002. – С. 6–28.
3. *Борботько, В. Г.* Принципы формирования дискурса / В. Г. Борботько // От психолингвистики к лингвосинергетике. – М. : КомКнига, 2006. – С. 28–36.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
5. *Герасимов, В. И.* Политический дискурс-анализ / В. И. Герасимов // Полит. наука. – 2002. – № 3. – С. 61–71.

Е. С. Кудрявцева (*Минск, МГЛУ*)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С МОДАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ ЧАСТИЦЕЙ *БЫ (Б)* (на материале произведения В. Короткевича «Дзікае паляванне караля Стаха»)

Данное исследование рассматривает коммуникативно-прагматические аспекты модализации высказываний с помощью модально-волевой частицы *бы (б)* в белорусском языке. На основании когитологической концепции А. И. Фефилова в материале анализируются предложения, содержащие частицу *бы (б)*, при помощи метода элиминации модально-волевой частицы из состава предложения. Исследование выявляет, что частица *бы* вносит в предложения оттенки и эмоции (предположительной или условно-предположительной возможности действия; желательности; вежливо-предупредительного пожелания, совета, предложения; опасения). Автор приходит к выводу, что общим семантическим компонентом абсолютного большинства контекстов употребления частицы *бы (б)* является ирреальность. В результате исследования подтверждается связь частицы с языковой личностью, реализацией коммуникативных целей говорящего и выражением прагматической стороны общения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модально-волевая частица; модальность; коммуникативно-прагматический смысл высказывания; семантическое значение частицы; когитологическая концепция; прагматика.

This paper studies communicative-pragmatic aspects of the modalization of utterances with the aid of a modal-volitional particle *бы* in the Belarusian language. Based on A. Fefilov's cogitological conception the study analyses the utterances containing the modal-volitional

particle *бы* by means of eliminating the particle from the utterance. The study reveals that the particle *бы* introduces different shades and emotions such as (presumption or hypothetical possibility of action; desirability; polite-precautionary desire, advice, suggestions; apprehension) to the utterance. The author concludes that the common semantic component of an absolute majority of the contexts with the particle *бы* is irreality. The study confirms the correlation of the particle with the linguistic personality, communicative goals of the speaker and the expression of the pragmatic aspect of communication.

K e y w o r d s: modal-volitional particle; modality; communicative and pragmatic aspects of the utterance; semantic meaning of particles; cogitological conception; pragmatics.

Поворот лингвистических исследований в сторону коммуникативно-прагматического подхода, произошедший в конце прошлого столетия, обусловил повышенный интерес лингвистов к дискурсивной лексике. Несмотря на разногласия лингвистов относительно точного определения границ данной группы слов и отсутствие четких критериев отнесения той или иной языковой единицы к дискурсивным словам, частицы являются одной из важнейших составляющих данного класса слов.

Белорусский язык имеет разветвленную систему частиц, и понятие частицы как класса общепризнано. Но, несмотря на это, многие частицы по своему значению и синтаксическим функциям резко не противостоят словам других грамматических классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов.

Частица в белорусском языке – это неполнозначные слова, которые выражают дополнительные смысловые, модально-волевые, эмоционально-экспрессивные оттенки значений языковых единиц – слов, словосочетаний или предложений, а также принимают участие в выражении отдельных морфологических категорий [1, с. 610].

Среди всех разновидностей частиц особое место занимают модальные частицы, которые наряду с другими средствами (модальные слова), формируют функционально-семантическое поле субъективной модальности. В. В. Виноградов отмечал тесную связь категории модальности и частиц: «Вовлекая в свою систему полноценные слова, категория модальности нередко даже их превращает в частицы. Широкое развитие частиц связано с дифференциацией модальностей высказывания, с образованием разных модальных типов предложения. Форм глагольного наклонения оказывается недостаточно для выражения модальных оттенков высказывания. В грамматическом строе частиц обнаруживается множество переходных типов от слов к морфемам» [2].

Являясь частью семантической структуры текста, частицы связаны и с его коммуникативно-прагматической направленностью, при этом ключевую роль играют отношения между языковыми единицами и использующими их авторами (адресантами), то есть субъективно-модальные отношения.

Общепризнанная неуловимость значений частиц и трудности анализа семантики модальных частиц обоснованы отсутствием у частиц денотатив-

ных значений, однако большинство ученых сходятся во мнении, что семантика модальных частиц имеет ярко выраженную прагматическую направленность и реализуется в конкретном высказывании в ситуации непосредственного общения двух и более коммуникантов при определенных прагматических условиях [3, с. 230].

Изучение специфики языкового феномена модальных частиц представляется возможным в сфере коммуникации на основании релевантных лингвистических и экстралингвистических (контекстных) факторов. К ним относятся установка и реализация коммуникативных намерений и эмотивных интенций языковых субъектов; сведения об их оценочном восприятии объективно существующих фактов реальной действительности, об их отношении друг к другу и к конкретной ситуации общения.

Для достижения оптимального воздействия на собеседника с помощью вербальных средств фокус внимания говорящего должен быть сосредоточен на актуализации значимого в высказывании, для чего нужно выстроить иерархию компонентов смысла в соответствии с их коммуникативной значимостью. Модальные частицы как раз и способствуют тому, что первоначально равнозначные компоненты смысла высказывания субординируются, приобретая периферийный либо приоритетный статус. Выделительная, акцентирующая, субординирующая функция частиц представляется явлением универсальным, поскольку отмечается лингвистами во многих языках: русском [4, с. 58; 5, с. 8]; английском [6, с. 13]; немецком [7; 8; 9, с. 48–61].

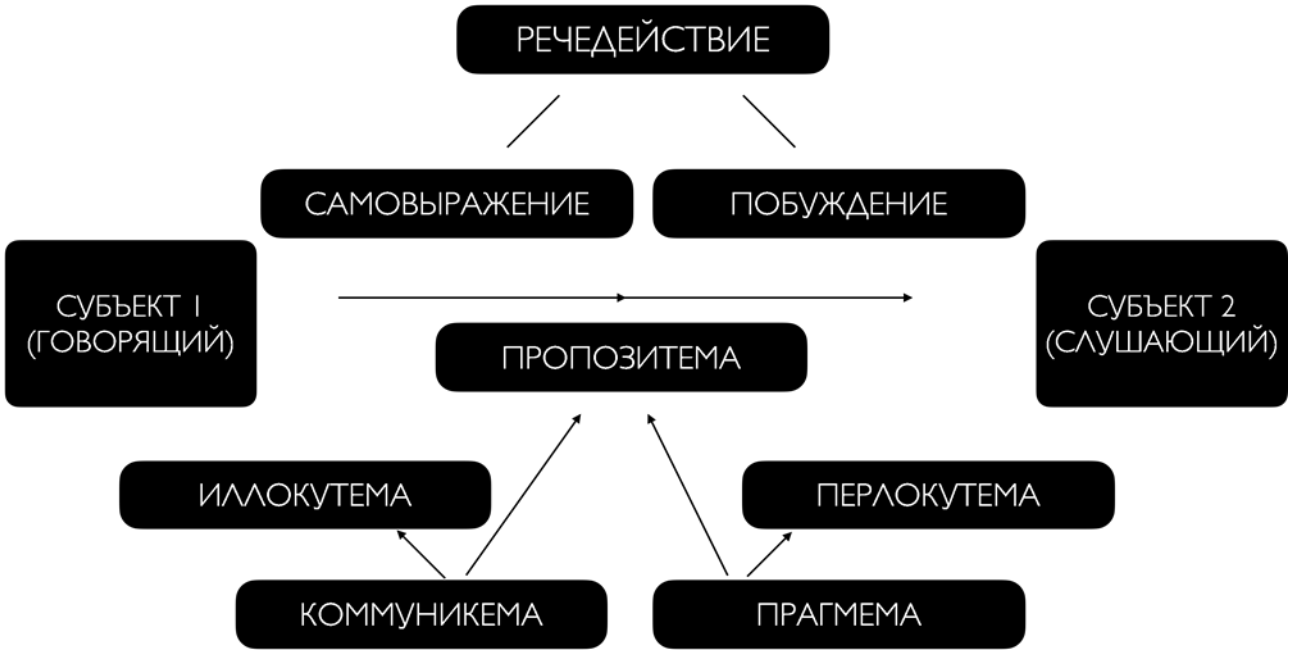
Целью данного исследования является определение роли модально-волевой частицы *бы (б)* в формировании коммуникемно-прагмемного смысла путем элиминации модально-волевой частицы из состава предложения на основании концепции А. И. Фефилова [10].

Материалом исследования послужили 140 высказываний, содержащих частицу *бы (б)*, извлеченных из произведения В. Короткевича «Дзікае паляванне караля Стаха».

Во всех исследованных случаях частица *бы (б)* является категориальным показателем сослагательного наклонения и вносит значение ирреальности, которое является грамматическим содержанием сослагательного наклонения. Модально-волевая частица *бы (б)* вносит разные субъективно-модальные оттенки и эмоции (предположительной или условно-предположительной возможности действия; желательности; вежливо-предупредительного пожелания, совета, предложения; опасения). Общим семантическим компонентом почти для всех контекстов употребления частицы *бы (б)* является ирреальность, то есть обозначение ситуаций, о которых говорящий не готов с уверенностью утверждать, что они имели место.

Исследование опирается на когитологическую концепцию А. И. Фефилова, в которой ключевыми являются термины *коммуникема* и *прагмема*. Коммуникема представляет собой двуединство локутемы (значения) и иллокутемы (собственно смысла), т.е. «то, что прямо говорится» + «то, о чем

косвенно сообщается» [11]. Прагмема представляет собой единство локутемы и перлокутемы. Это прямое или скрытое воздействие на говорящего или слушающего, цель которого подвигнуть к ответной реакции или действию. Таким образом, речедействие можно условно разделить на самовыражение говорящего, выражаемое в коммуникеме, и на побуждение, выражаемое в прагмеме (рисунок).



Комплекс единиц логико-семантического плана

1. Первое высказывание с частицей *бы (б): З якой насалодаю я* ***ўзяў бы*** *яе адсюль, павёз кудысьці далёка, цалаваў гэтыя заплаканыя вочы, маленькія рукі, ахінуў яе, як цёплым, надзейным крылом, дараваў бы свету яго непрытульнасць* (коммуникема = «я хочу ее забрать, но не могу», прагмема – «мое желание огромно»). Коммуникативно-прагматическая направленность этого высказывания выражает не только ирреальность данных событий, но и желательность данного действия. Если же изъять модально-волевую частицу из предложения, высказывание теряет форму сослагательного наклонения и значения ирреальности: *З якой насалодаю я* ***ўзяў*** *яе адсюль, павёз кудысьці далёка* (коммуникема – «я забрал ее»; прамгемема – «я ее забрал с удовольствием»). Т.е. без модально-волевой частицы высказывание теряет значения контрфактивности и желания, приобретает значение констатации факта, тем самым теряя модальное значение, хотя значение удовольствия сохраняется при помощи других лексических средств.

2. Второе высказывание: ***Маўчаў бы*** *лепей, калі Бог розуму пазбавіў* (коммуникема – «я рекомендую тебе замолчать», прагмема – «хочу, чтобы ты молчал»). В данном примере высказывание выполняет роль директива,

но модально-волевая частица смягчает коммуникативно-прагматическую направленность, превращая высказывание в суггестив, а именно уважительный совет. Элиминация частицы без какого-либо иного вмешательства в структуру предложения делает его неинформативным по причине несогласованности оставшихся элементов.

3. *Бацька* ***не мог бы быць*** *такім уважлівым да сына*. В данном высказывании коммуникема – «отец не может быть таким внимательным»; прагмема – «ему не представилось возможности попробовать, но вероятно он все же не справился бы».) В таком виде высказывание выражает коммуникативно-прагматическую направленность предостережения, что представляет собой волеизъявление, направленное на предотвращение действия адресата с целью уберечь его от неприятности или опасности. Элиминация частицы приводит нас к высказыванию *Бацька* ***не мог быць*** *такім уважлівым да сына* (коммуникема – «он не может быть внимательным»; прагмема – «информация для обдумывания»). Прагматическая направленность данного выражения сводится к констатации факта, без какой-либо модальной направленности. Высказывание становится нейтральным по иллокутивному намерению говорящего и перлокутивному воздействию на слушающего.

Говорящий строит свою речь с учетом характера обозначаемой ситуации, языковых ресурсов и собственных интенций относительно других коммуникантов. Благодаря влиянию МЧ может изменяться (усиливаться, нейтрализоваться или снижаться) коммуникативно-прагматическая перспектива (иллокутивная сила) высказывания. Кроме того, взаимодействие модально-волевой частицы *бы (б)* может увеличивать степень выраженности эмотивного признака говорящего. Элиминация частицы из состава предложения показала, что модальная частица взаимодействует со всем предложением целиком, усиливая или и вовсе придавая различную стилистическую окраску и модально-волевые значения. Во всех исследованных случаях частица *бы (б)* вносит либо значение предположительной / условно-предположительной возможности действия, либо значение желания, которое как проявление волевого процесса строится на основании стремления к удовлетворению потребностей говорящего. Таким образом, модальные частицы непосредственно связаны с языковой личностью, реализуют коммуникативные цели говорящего в конкретной ситуации общения и выражают прагматическую сторону общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская мова : Энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча ; рэдкал. : Б. І. Сачанка. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 655 с.
2. *Виноградов, В. В.* Исследования по русской грамматике : избр. тр. / В. В. Виноградов ; ред. тома Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
3. *Кубрякова, Е. С.* Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–16.

4. *Николаева, Т. М.* Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 104 с.
5. *Стародумова, Е. А.* Акцентирующие частицы в русском языке / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – С. 8.
6. *Волкова, Л. М.* Семантика и прагматика частиц в современном английском языке (на материале частиц со значением темпоральности) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. М. Волкова. – Киев, 1987. – 26 с.
7. *Башинский, В. Н.* Коммуникативно-прагматические функции частицы denn в вопросительных предложениях / В. Н. Башинский // Синтаксис предложения и текста : сб. науч. тр. – Пятигорск, 1989. – С. 45–52.
8. *Копцев, И. Д.* Модальные частицы в побудительных конструкциях немецкой диалогической речи / И. Д. Копцев // Вопросы романо-германской филол. – Калининград, 1976. – С. 67–75.
9. *Кривоносов, А. Т.* О семантической природе модальных частиц (к постановке проблемы) / А. Т. Кривоносов // Филол. науки. – 1982. – № 5. – С. 50–58.
10. *Фефилов, А. И.* Введение в когитологию : учеб. пособие / А. И. Фефилов. – М. : Флинта-Наука, 2010. – 240 с.
11. *Ошанова, Е. С.* Прагматическая направленность высказываний с модальными частицами и их участие в структурировании коммуникемно-прагмемных смыслов [Текст] / Е. С. Ошанова // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. – Тольятти, 2015. – С. 235–239.

А. Н. Куницкая (*Минск, МГЛУ*)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ НЕРАВЕНСТВА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности средств выражения отношений неравенства на синтаксическом уровне в современном немецком и русском языках. В ходе сопоставления параллельных корпусов немецкого и русского языка выявлена специфика отдельных средств выражения компаративности, установлены типологические сходства и различия в продуктивности и интенсивности употребления исследуемых синтаксических средств для передачи отношений различия и противоположности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: неравенство; различие; противоположность; сопоставительный анализ; функционально-семантическая категория компаративности; синтаксические средства.

The article examines the features of the means of expressing inequality relations at the syntactical level in modern German and Russian languages. In the course of comparing the parallel corpuses of the German and Russian languages, the specificity of individual means of expressing comparativity was revealed, typological similarities and differences in the productivity and intensity of the use of the studied syntactical means for conveying relations of difference and opposite were established.

K e y w o r d s: inequality; difference; opposite; comparative analysis; functional-semantic category of comparativity; syntactical means.

Роль сравнения в познании велика. Простое выделение предмета как такового уже предполагает различение его свойств, формы и содержания от

признаков других предметов. Способность устанавливать характер сравнительных отношений между объектами окружающей действительности является одним из наиболее значимых и универсальных свойств человеческого мышления, характерным для людей всех национальностей, говорящих на разных языках. Сравнение включено во все виды умственной деятельности либо в качестве цельного акта, либо отдельными его сторонами – отождествлением и различением. О. М. Сичивица пишет: «С помощью сравнения информация об объекте может быть получена двумя различными путями. Во-первых, она очень часто выступает в качестве непосредственного результата сравнения. Так, например, установление каких-либо соотношений между объектами, обнаружение различия или сходства между ними есть информация, получаемая непосредственно в акте сравнения. Эту информацию можно назвать первичной. Во-вторых, получение первичной информации не выступает в качестве главной цели сравнения, этой целью является получение вторичной или производной информации, являющейся результатом обработки первичных данных» [1, с. 12].

Логическая операция сравнения предполагает наличие трёхкомпонентной структуры: 1) что сравнивается (объект сравнения); 2) с чем сравнивается (эталон сравнения); 3) общий признак – основание для сравнения. Следовательно, можно выделить два основных типа сравнительных отношений: отношения равенства и отношения неравенства. В процессе сравнения существенную роль играет синтез категорий качества и количества. Качественные характеристики позволяют отличать разные явления друг от друга, выявить их внутреннюю сущность, а количественные параметры служат для измерения качества с определенных позиций, объективно или субъективно обусловленных. Таким образом, сфера отношений равенства может уточняться такими подтипами сравнительных отношений, как отношения подобия / сходства, пропорциональности / градации, тождественности; в свою очередь, сфера неравенства распадается на передачу отношений различия и противоположности.

Различие, как отмечено в философском энциклопедическом словаре, – один из важнейших типов отношений, выявляемых путем сравнения [2, с. 523]. Различие, как один из этапов логической операции сравнения, есть «деятельность мышления, посредством которой достигается познание различий, и эта деятельность получила свое обобщение и выражение в законе противоречия» [3, с. 165]. В логическом словаре-справочнике Н. И. Кондакова различие определяется как «один из приемов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется, заключающийся в том, что в сравниваемых понятиях выделяются на первое место различные признаки. Различение показывает отличие предметов не от всех других однородных предметов, но только от некоторых наиболее сходных с ним» [4, с. 509]. По мнению Аристотеля, «различное же различается от чего-то в чем-то определенном, так что необходимо должно быть нечто

тождественное, в чем различаемые вещи различаются между собой», т.е. они должны быть сопоставимы по роду или виду [5, с. 259]. Следовательно, различие не отрицает сходства, оно предполагает его как условие сравнения.

В свою очередь понятие противоположности определяется как мыслительная подкатегория для обозначения таких явлений, предметов и их сторон, которые одновременно: а) неразрывно связаны; б) взаимоисключают друг друга; в) взаимопроникают и – при определенных условиях – переходят друг в друга [2, с. 523]. Аристотель называет противоположными 1) те из различающихся по роду свойств, которые не могут вместе находиться в одном и том же; 2) наиболее различающиеся между собой вещи, принадлежащие к одному и тому же роду; 3) наиболее различающиеся между собой свойства, наличие которых возможно в одном и том же носителе; 4) наиболее различающееся одно от другого среди относящегося к одной и той же способности; 5) то, различия чего наибольшие или вообще, или по роду, или по виду [6, с. 256]. Именно наибольшее различие между свойствами сравниваемых объектов Аристотель понимает как противоположность: «законченное различие есть наибольшее различие, ибо за пределами такого различия ничего нельзя найти у вещей, различающихся по роду или по виду; вещи, больше всего различающиеся внутри одного и того же рода, противоположны; противоположны также вещи, больше всего различающиеся между собой в том, что может быть их носителем (ведь у противоположностей материя одна и та же); наконец, из тех вещей, которые подпадают под одну и ту же способность, больше всего различающиеся между собой противоположны и законченное различие между ними – наибольшее» [5, с. 260]. Таким образом, противоположность предполагает наличие различий между предметами, выросших до предельных размеров, вследствие чего они оформились в определенный субстрат (элемент системы, часть целого), который обусловливает развитие предметов, находящихся в системе, в противоположных направлениях.

Все типы отношений логической операции сравнения целесообразно рассматривать в рамках функционально-семантической категории компаративности, представляющей систему морфологических, лексических, словообразовательных и синтаксических средств языка, объединенных общностью выполняемой ими семантической функции, состоящей в выражении значения равенства / неравенства объектов или явлений, степени проявления качества, характеризующего данный объект или явление.

Каждый язык обладает собственным репертуаром средств выражения отдельных значений на различных языковых уровнях. Так, на синтаксическом уровне отношения *неравенства* в современном немецком языке передают:

1. Придаточные предложения с союзами *als, als dass*, речь в которых идет о различии признака действия / предмета или его качества. Наречие или прилагательное в главном предложении стоит в сравнительной степени (Komparativ), придаточная часть всегда находится в постпозиции: *Eher*

werden wir Kolonien auf dem Mond gründen, als dass das passiert ‘Мы, скорее, завоюем колонии на Луне, чем это случится’. На различие признака действия часто указывает наречие *anders* или прилагательное *andere* в главном предложении: *Sein Blick wärmte ih das Herz ganz anders, al Farid es getan hatte* ‘Его взгляд согревал ей сердце совсем по-другому, чем это было с Фаридом’.

2. Сравнительные конструкции с предлогом *als* + прилагательное или наречие в сравнительной степени также могут указывать на различие объекта с эталоном сравнения: *Von jetzt an war mir in der ganzen Welt nichts teurer als dieses süße Kind* ‘С той минуты не было для меня ничего дороже на свете, чем это милое дитя’. Синонимичной для выражения различия между объектом и эталоном является отрицательная компаративная конструкция с предлогом *wie* и наречием или прилагательным в положительной степени*: Er ist nicht so groß wie eine Krähe, aber er hat einen Krähenschnabel* ‘Он не такой большой, как ворона, но клюв у него, как у вороны’. Данная конструкция трансформируется в сравнительную конструкцию с предлогом *als* и прилагательным / наречием в сравнительной степени, ср.: *Die Krähe ist größer als er* ‘Ворона больше, чем он’.

3. Отношение противоположности передают сложноподчиненные предложения с союзами *während / wohingegen*: *Das fand ich auch furchtbar schwülstig, wohingegen mir die Bernsteinlawine unheimlich gut gefallen hat* ‘Мне он тоже показался ужасно напыщенным, тогда как «Янтарная лавина» мне очень понравилась’. Придаточное предложение с союзом *während* может выражать как противительное, так и временное значение. Противительные отношения однозначны, когда признак действия в главном предложении антонимичен признаку действия в придаточном: *Während früher viele mit dem Fahrrad fuhren, benutzen heutzutage die meisten das eigene Auto* ‘Ранее многие катались на велосипеде, однако в настоящее время большинство использует собственное авто’. Придаточные предложения с союзом *wohingegen* однозначно выражают отношение противоположности между признаком действия в главном и придаточном предложении, находятся в постпозиции и употребляются преимущественно в официально-деловом и научном стиле: *Früher waren Bücher sehr teuer, wohingegen sie heute ein Massenprodukt sind.* ‘Ранее книги стоили дорого, в то время как сегодня они являются продуктом массового спроса’.

4. Сложносочиненные предложения с союзами *aber, doch, jedoch, sondern* и союзными словами *dagegen, demgegenüber* также указывают на противоположность сравниваемых действий и явлений: *Das sind natürlich nur Spekulationen, aber sie haben einen realen Hintergrund* ‘Безусловно, это лишь предположения, но они не лишены реальных оснований’. *Der Kunde zahlte nicht bar, sondern er überwies den Betrag* ‘Клиент платил не наличными, а перевел всю сумму’.

5. Бессоюзное сложное предложение также выражает противоположность протекания признака действий: *Reden ist Silber, Schweigen ist Gold* ‘Сказанное слово-серебряное, несказанное-золотое’.

6. Словосочетания с предлогом *entgegen*; конструкцией *im Gegensatz zu*: *Deine Großtante hat nämlich entgegen der landläufigen Meinung ein ganz hervorragend funktionierendes Gehirn!* ‘У твоей бабушки, вопреки сложившемуся мнению, отлично работают мозги!’. *Und er hat vor nichts Angst, im Gegensatz zu mir* ‘Он ничего не боится, в отличие от меня’. Словосочетания с предлогом *entgegen* указывают на противоположность протекания реального и запланированного (намеченного) действия и являются антонимичными к словосочетаниям с предлогами *nach, entsprechend, gemäß*, которые указывают на тождество объекта и эталона: *Entgegen dem Rat der Eltern möchte Klaus nicht das Gymnsium besuchen.* ‘Вопреки совету родителей Клаус не хочет посещать эту гимназию’. Употребление конструкции *im Gegensatz zu* свойственно для официальных ситуаций общения, в то время как словосочетания с *entgegen* характерны для повседневной коммуникации.

В русском языке к средствам выражения отношений *неравенства* на синтаксическом уровне относятся:

1. Придаточное сравнительное предложение с союзами *чем* и *нежели* выражает отношения различия двух лиц, предметов или действий с точки зрения одного, общего, но в разной степени проявляющегося признака. К форме сравнительной степени могут добавляться слова *немного, чуть, гораздо, еще, куда,* которые выступают в роли «конкретизаторов» значения, уточняя степень различия двух проявлений признака: *Тут я случайно глянул вниз и разом забыл про убытки, потому что земля оказалась гораздо дальше, чем я предполагал. Народу в троллейбус набилось больше, чем / нежели он мог вместить*;

2. Сравнительные обороты со сравнительной степенью прилагательного / наречия и с союзами *чем* и *нежели* выражают различие объекта и эталона: *Пусть Новый год будет лучше, чем прошедший. Безусловно, керамическая утварь выглядит наряднее и дороже, нежели пластиковая*;

3. Словосочетания со сравнительной степенью прилагательного, наречия или предикатива и родительным падежом эталона сравнения: *Лучше собаки друга вам никогда не найти;*

4. Словосочетания, состоящие из существительного с качественным значением и существительного в родительном падеже множественного числа того же существительного с предлогом *из,* выражающие значение превосходства и указывающие на различие: *…а боярин-то их, разбойник из разбойников,…*;

5. Сложносочиненные сопоставительные предложения с союзами *а, но*, выражающие противоположность признака действий: *Собаки лают, а караван идет* (посл.);

6. К союзам дифференцирующего типа относятся союзы *в то время как, между тем как, тогда как*, характеризующие ситуации как противоположные: *Способность человека любить ограничена, в то время как потребность в любви бесконечна*;

7. Бессоюзные сложные предложения также способны выражать компаративную семантику при помощи противопоставления утвердительного и отрицательного предложений одинакового построения: *Не хвались серебром, хвались добром* (посл.); содержательного и интонационного параллелизма частей предложения: *При солнышке тепло – при матери добро* (посл.).

Таким образом, отношения неравенства на синтаксическом уровне в современном немецком и русском языке представлены простыми предложениями со сравнительными оборотами, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями, а также бессоюзными предложениями. Данные сходства обусловливаются генетическим родством исследуемых языков, в которых аналогичны как семантические типы сложносочиненных предложений, так и виды придаточных по синтаксической функции. Различия касаются объема значения или сферы функционирования отдельных союзов. Типологические различия заключаются также в структурировании придаточного предложения, а именно в более строгом оформлении в немецком языке (постановка спрягаемого глагола на последнее место). Также для передачи отношений неравенства в русском языке используются предложные и беспредложные словосочетания с существительным в родительном падеже, что является в немецком языке непродуктивным явлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сичивица, О. М.* Методы и формы научного познания / О. М. Сичивица. – М. : Высш. шк., 1972. – 95 с.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.] – М. : Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 574 с.
3. *Савинов, А. В.* Логические законы мышления / А. В. Савинов. – СПб. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. – 371 с.
4. Логический словарь-справочник / гл. ред. Н. И. Кондаков. – М. : Сов. энцикл., 1975. – 720 с.
5. *Аристотель*. Метафизика [Текст] / Аристотель. – М. : ЭКСМО. – 2015. – 442 с.
6. Мир философии : книга для чтения : в 2 ч. – М. : Политиздат, 1991. – Ч. 1. Исходные философ. проблемы, понятия и принципы. – 672 с.

М. И. Святощик (*Минск, МГЛУ*)

СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ И ИХ УРОВНЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ

Данная статья посвящена анализу систем автоматической обработки текстов и их уровневому построению. Большое внимание уделяется технологиям визуализации больших объемов текстовой информации. Рассматривается многообразие систем автоматической обработки неструктурированных текстов. Выдвигается предложение об оперативном создании приложений (прикладных программных сетей) для автоматизированной

или автоматической обработки текстов на естественном языке. Предлагаются решения задач автоматической обработки текстов (АОТ), возникающих при создании высокотехнологичных интеллектуальных систем, обеспечивающих замену человеческого труда в интеллектуальной сфере, опирающейся на использование естественного языка.
К л ю ч е в ы е с л о в а: естественный язык; автоматическая обработка текстов; компьютерная лингвистика; корпус текстов; естественный язык; текст.

This article is devoted to the analysis of automatic text processing systems and their level construction. Much attention is paid to technologies for visualizing large amounts of text information. The variety of systems for automatic processing of unstructured texts is considered. A proposal is put forward for the rapid creation of applications (application software networks) for automated or automatic text processing in natural language. Solutions to the problems of automatic text processing (ATP) that arise when creating high-tech intelligent systems that provide a replacement for human labor in the intellectual sphere based on the use of natural language are proposed.
K e y w o r d s: natural language; automatic text processing; computational linguistics; text corpus; natural language; text.

Когда речь идет о создании перспективных информационных технологий, то проблемы автоматической обработки текстовой информации выступают на передний план. Это определяется тем, что естественный язык (ЕЯ) является не только инструментом мышления, но и универсальным средством общения – средством восприятия, накопления, хранения, обработки и передачи информации [1, с. 43]. Более того, ЕЯ становится также универсальным средством описания действительности и коммуникации с вычислительной системой. В наше время, когда пользователем может оказаться практически каждый, проблема взаимодействия человека с ЭВМ на естественном языке стала важной практической задачей.

Сегодня автоматическая обработка ЕЯ (в том числе и текста ЕЯ) – это бурно развивающаяся область научных исследований и коммерческих разработок, ставящих целью создание промышленных систем обработки ЕЯ, которые должны быстро и эффективно обрабатывать в режиме реаль-ного времени огромные потоки информации, циркулирующие в информа-ционных сетях [2, с. 17].

Автоматическая обработка текстов (АОТ) предполагает решение многих задач, которые условно можно разбить на два уровня. Задачи высокого уровня представлены задачами распознавания речи, реферирования текстов, генерации документов, машинного перевода, извлечения информации, обучения языку, т.е. приложениями. К задачам низшего уровня относят грамматический разбор, снятие смысловой многозначности, корректировку орфографии и синтаксический разбор, т.е. задачи собственно лингвистической обработки ЕЯ [1, с. 43]. К настоящему времени этот круг задач значительно расширился и в целом охватывает всю индустрию развития и поддержки компьютерной формы существования ЕЯ.

Главная проблема при решении указанных задач состоит в необходимости обрабатывать неструктурированные тексты. Единый типовой алгоритм их автоматической обработки создать не удается, поскольку конкретный вид алгоритма, в первую очередь, определяется строем языка [3, P. 24].

Многообразие систем автоматической обработки неструктурированных текстов сегодня вызывает необходимость их систематизации и классификации с целью упрощения выбора решения, наиболее адекватного для конкретной задачи [4, с. 5].

Обработка текстов, которые представляют собой неструктурированную информацию, например, патенты, истории болезней, преследует задачи, которые условно делятся на категории:

1. Распространенные пользовательские задачи, с которыми потребители сталкиваются постоянно. Здесь можно отметить фильтрацию спама, проверку орфографии, автоперевод небольших текстовых фрагментов.

2. Обработка внушительных массивов текста, например, полноценный автоперевод целостных текстов, поиск релевантных ответов на вопросы, построение рекомендательных систем, которые работают с большим объемом неструктурированной информации, аналитика отзывов и мнений [5, с. 21].

Отличительной особенностью данных задач является отсутствие формализации и сложность. В реально работающих современных системах данные проблемы не решены. Вместо полноценного набора решений используются вспомогательные методы, например, такие как:

- выделение ключевых словосочетаний и слов;
- классификация текстов;
- суммаризация (автоматическое реферирование).

Здесь большое внимание уделяется технологиям визуализации больших объемов текстовой информации.

Неотъемлемой частью многих систем обработки текстов являются корпусы. Слова в корпусах наделены полными грамматическими характеристиками, например, часть речи, форма, синтаксическая роль.

Корпусы – это входные данные для обучения в задачах классификации текстов по жанрам и темам, синтаксических программ и парсеров, которые применяются для снятия омонимии и допуска анафоры. При обучении машинных переводчиков применяются параллельные корпусы, которые состоят из одинаковых текстов на разных языках. Сбор корпусов осуществляется десятилетиями. Это очень трудоемкое исследование с участием больших групп научных специалистов. В качестве примера можно привести проект под названием «Национальный корпус русского языка». Данный проект реализуется уже тринадцать лет при поддержке компании «Яндекс» [6, с. 14].

Морфологические словари являются важным типом входных данных любой АОТ. Здесь можно упомянуть библиотеку «АОТ», которая применяется во многих коммерческих и исследовательских проектах. Библиотека представляет собой словарь Зализняка в цифровом варианте.

Еще одним распространенным типом входных данных являются семантические сети (тезаурусы). WordNet – самый известный тезаурус. WordNet – ресурс связанных между собой слов. Связь между словами осуществляется по типу семантических отношений. Например, гипонимия (обобщение – частное), синонимия, гиперонимия (частное – обобщение), меронимия (часть – целое). WordNet эффективен при решении задач классификации текста, машинного перевода, генерации текстов. Стоит отметить, что пока, к сожалению, русский аналог WordNet не разработан.

Развитие АОТ-систем уже в наши дни представляет коммерческий интерес и используется при решении следующих прикладных задач:

1. Machine Translation and Translation Aids – машинный перевод;
2. Text Generation – генерация текста;
3. Localization and Internationalization – локализация и интернационализация;
4. Contolled language – работа на ограниченном языке;
5. Word Processing and Spelling Correction – создание текстовых документов (ввод, редактирование, исправление ошибок);
6. Information Retrieval – информационный поиск и связанные с ним задачи.

Нужно отметить, что это деление достаточно условное, и в реальных системах часто встречается объединение функций. Так, для машинного перевода требуется генерация текста, а при исправлении ошибок приходится заниматься поиском вариантов словоформы и т.д.

На современном этапе существует острая необходимость в оперативном создании приложений (прикладных программных сетей) для автоматизированной или автоматической обработки текстов на ЕЯ. Это обусловлено активным ростом объемов текстовой информации. В качестве примеров подобной обработки можно привести фильтрацию и сбор данных, которые находятся в разных источниках, реферирование, извлечение знаний, аннотирование. При разработке приложений часто возникают такие сложности, как интеграция огромного числа программных компонентов, которые выполняют алгоритмы текстов на естественном языке, работают на разных уровнях текста, например, обработка абзацев, слов, предложений.

Для решения задач АОТ необходимо выполнить аналитику текста на различных уровнях представления. Виды анализа:

1. Графематический, в ходе которого из массива данных выделяются предложения и слова.

2. Морфологический, в ходе которого выделяется грамматическая основа, определяется часть речи, слова приводятся к словарной форме.

3. Синтаксический, в ходе которого выявляются синтаксические связи между словами в предложениях, строится синтаксическая структура предложений.

4. Семантический, в ходе которого выявляются семантические связи между синтаксическими группами и словами, извлекаются семантические отношения.

Каждый из описанных выше анализов представляет собой самостоятельную задачу. Она не имеет своего практического применения, но активно используется в качестве составной части более глобальных задач [7, с. 62].

Компьютерная лингвистика (КЛ) существует уже более полувека и известна также под названиями «машинная лингвистика», «автоматическая обработка текстов на естественном языке». В рамках КЛ исследователями и разработчиками предложено множество решений, которые являются достаточно перспективными. Стоит также отметить, что далеко не все эти решения были воплощены в жизнь в виде программных продуктов. Несмотря на этот недостаток, компьютерная лингвистика показывает вполне реальные результаты. Это видно по различным приложениям по автоматической обработке текстов на естественном языке. Дальнейшее развитие КЛ зависит от разработки новых приложений, различных языковых моделей, в которых пока не решены многие задачи.

Неотъемлемой частью многих систем обработки текстов являются корпусы. Все слова в корпусах имеют исчерпывающие грамматические характеристики, в перечень которых входят часть речи, форма слова, синтаксическая роль. Корпусы представляют собой входные данные, которые служат для обучения в задачах классификации текстов по жанрам и темам. Кроме того, они применяются для обучения синтаксических программ, применяемых в процессе снятия омонимии и разрешения анафоры.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что КЛ (компьютерная лингвистика) появилась на стыке математики, лингвистики, информатики и искусственного интеллекта.

На современном этапе наиболее разработаны модели морфологического синтеза и анализа. Необходимо уточнить, что модели синтаксиса пока не являются устойчиво и эффективно функционирующими моделями. Они не смогли достичь этого уровня, несмотря на присутствие большого количества предложенных методов и формализмов. Модели семантики и прагматики исследованы и формализованы еще меньше, но нужно учитывать, что автоматической обработки дискурса уже требует ряд приложений. Решение существующих проблем может активизировать используемые инструменты КЛ, а также применение корпусов текстов и машинного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Компьютерная лингвистика и перспективные информационные технологии / Г. Г. Белоногов [и др.]. // Научно-техническая информация. – 2004. – № 8. – С. 30–43.
2. *Забежайло, М. И.* Интеллектуальный анализ данных – новое направление развития информационных технологий / М. И. Забежайло // Науч.-технич. информация. Сер. 2. – 1998. – № 8. – С. 6–17.
3. *Brill, E.* An Overview of Empirical Natural Language Processing / E. Brill, R. J. Mooney // AI magazine, – 1997. – Vol. 18. – № 4. – P. 13–24.
4. *Луканин, А. В.* Автоматическая обработка естественного языка : учеб. пособие / А. В. Луканин. – Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2011. – 70 с.
5. *Луканин, А. В.* Инструментарий прикладного лингвиста / А. В. Луканин // Современные направления прикладной лингвистики : материалы I Студенч. науч.-практ. конф., Челябинск, 7–9 сент. 2008 г. / Челябин. гос. ун-т ; редкол. : Ф. Г. Самсонов [и др.]. – Челябинск, 2008. – С. 34.
6. *Козлова, Н. В.* Лингвистические корпуса : определение основных понятий и типология / Н. В. Козлова // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика. – Новосибирск, 2013. – С. 95.
7. *Апресян, Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 301 с.

В. Д. Лукашевич (*Минск, МГЛУ*)

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧЭНЪЮЕВ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

(на примере чэнъюев с компонентами-зоонимами *тигр* (虎) и *дракон* (龙))

В статье рассматриваются средства повышения выразительности чэнъюев параллельной конструкции, содержащих компоненты-зоонимы *тигр* (*虎*) и *дракон* (*龙*). В ходе исследования было установлено, что основными выразительными средствами чэнъюев являются использование слов из одной понятийной ассоциации, синонимов, антонимов, фонетического параллелизма и единой грамматической структуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: чэнъюй; фразеологизм; выразительность; параллелизм; китайский язык.

This article presents the ways if increasing expressiveness of Chinese phraseological units of Chengyu, which contain zoonyms “*tiger*” (*虎*) and “*dragon*” (*龙*). In the course of the study, it has been established that the main ways of increasing expressiveness are using words of the same conceptual association, synonyms, antonyms, phonetic parallelism and common grammar structure.

K e y w o r d s: chengyu; phraseological unit; expressiveness; parallelism; the Chinese language.

Каждый национальный язык богат своими крылатыми выражениями, пословицами, поговорками и фразеологизмами, выражающими культурные особенности его носителей, в том числе ценности, обычаи и традиции народа. Китайские фразеологизмы чэнъюй, широко используемые в современном китайском языке, также не исключение. Подобные выражения придают

речи более яркую эмоциональную окраску, а присутствие в них культурных компонентов позволяет получить знания о жизненном укладе и культуре китайского народа через его язык [1, с. 120].

Неотъемлемой частью культуры Китая являются образы животных. *Дракон* и *тигр* – древнейшие символы китайского фольклора и мифологии, что также нашло отражение в языке, в том числе и во фразеологизмах – чэнъюях [2, с. 45].

В представлении китайцев *дракон* символизирует силу и авторитет, а *тигр* – бесстрашие, мощь и жизненную энергию. В китайском языке существует множество выражений, содержащих данные образы, и, хотя в китайской культуре *дракон* обладает большей популярностью, чем *тигр*, в языке существует немало выражений, где компоненты-зоонимы *дракон* и *тигр* употребляются вместе. Особое отражение данных образов можно встретить в китайских фразеологизмах чэнъюях [Там же].

«Чэнъюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще всего четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер» [3, с. 39].

Китайские фразеологизмы можно условно разделить на две группы: чэнъюй, построенные по принципу параллельного соотношения частей (чэнъюи параллельной конструкции), и чэнъюи непараллельной конструкции [4, с. 132].

В чэнъюях параллельной конструкции представлены такие виды параллелизма, как грамматический (похожий синтаксис), лексико-семантический, количественный (одинаковое число слов) и фонетический (закономерности в чередовании тонов, аллитерация или ассонанс).

Чэнъюи параллельной конструкции состоят из четырех морфем, где каждая обозначает слово, соответственно, из четырех иероглифов [3, с. 40].

Несмотря на относительную изученность структуры и лексических особенностей чэнъюев, актуальным остается вопрос о средствах повышения их выразительности. В связи с общей тенденцией стремления китайского языка к парности, симметрии и гармонии, было решено рассматривать именно чэнъюи, построенные по принципу параллельного соотношения частей [5, с. 27].

В ходе исследования были отобраны и проанализированы 64 чэнъюя параллельной конструкции, содержащих компоненты-зоонимы *тигр* (虎) и *дракон* (龙).

На основе отобранного материала в чэнъюях параллельной конструкции можно выделить следующие средства повышения выразительности (таблица):

- использование слов, входящих в одну понятийную ассоциацию;
- использование синонимов;
- использование антонимов;
- фонетический параллелизм;
- грамматический параллелизм.

Средства повышения выразительности в чэнъюях параллельной конструкции

Выразительное средство	Чэнъюй **成**语	Дословный перевод	Интерпретация
Слова из единой понятийной ассоциации	龙腾虎跃	Дракон взлетает, тигр прыгает	Бегать и прыгать, носиться туда-сюда; полон сил и энергии
	卧虎藏龙 藏龙卧虎	Крадущийся тигр, затаившийся дракон	Не выявленный гений, скрытый талант, нереализованные возможности, потенциал
	龙盘虎踞 虎踞龙盘 虎踞龙蟠 盘龙卧虎 龙蹲虎踞 踞虎盘龙 蟠龙踞虎 蟠龙卧虎 龙蟠虎伏	Дракон свился в клубок, тигр присел на задние лапы	Стратегически важный пункт; непроходимый, неприступный, неодолимый; гор. Нанкин
	风虎云龙	Рев тигра порождает ветер, а взлет дракона – облака	Взаимосвязанные явления
	潜龙伏虎	Дракон прячется в воде, тигр лежит в лесу	Недооцененный талант
	龙吟虎啸 虎啸龙吟	Свист дракона и рев тигра	О звонком, громком голосе
	龙骧虎步 龙骧虎跱	Бросок дракона и шаг тигра	Мужественный, воинственный вид; грозный
	龙精虎猛	Ловкий тигр, свирепый дракон	Энергично и агрессивно
	龙腾虎啸	Взлет дракона, рев тигра	Мужественный, воинственный вид; грозный
	龙骧虎视	Бросок дракона и взгляд тигра	Широкие, жадные стремления; честолюбивые планы
	云龙风虎	Облака приходят с драконом, ветер появляется с тигром	У великого правителя будут и мудрые советники
	虎跃龙骧	Тигр прыгает, дракон взлетает	Всеобъемлющее изменение
	虎变龙蒸	Тигр меняется, дракон парит	Всеобъемлющее изменение
	龙翔虎跃	Дракон парит, тигр прыгает	Усердная работа и следующие за ней перспективы
	乔龙画虎	Фальшивый дракон, рисованный тигр	Лицемерная вежливость
	打虎牢龙	Охотиться на тигра, загонять дракона	Расставить ловушки, чтобы поймать сильного противника

Продолжение таблицы

Слова из единой понятийной ассоциации	龙威虎振	Мощный дракон, воодушевляющий тигр	Сильный и гибкий стиль в каллиграфии
	龙拿虎跳	Дракон хватает, тигр прыгает	Яростная схватка, беспощадная борьба, жестокая конкуренция; схватка двух равных по силе противников
	龙腾虎蹴	Летящий дракон, сидящий тигр	Храбрый удар, с несокрушимой силой, неодолимый
	龙飞虎跳	Дракон летит, тигр прыгает	Смелый и необузданный
	龙威虎震	Мощный дракон, гневающийся тигр	Сильный и гибкий стиль в каллиграфии
	龙行虎变	Дракон идет, тигр меняется	Важные, большие перемены
Синонимы	虎超龙骧	Тигр возвышается, дракон поднимается	Конкуренция
	生龙活虎	Живой дракон, живой тигр	Ожить, вернуться к жизни, воспрянуть духом, преисполниться жизненных сил; бодрый, энергичный
	龙潭虎穴 虎穴龙潭 虎窟龙潭	Пучина дракона, логово тигра	Смертельно опасное место
	降龙伏虎	Усмирять дракона, укрощать тигра	Обладать огромной силой, быть могущественным
	龙争虎斗 虎斗龙争 龙斗虎争 龙战虎争 龙争虎战	Борьба тигра и дракона	Яростная схватка, беспощадная борьба, жестокая конкуренция; схватка двух равных по силе противников
	龙行虎步 虎步龙行	Движение дракона, шаг тигра	О величественном виде, царственных манерах
	虎略龙韬	Тактика тигра, стратегия дракона	Сильная военная стратегия
	龙蟠虎踞 虎据龙蟠 龙蟠虎绕	Дракон свернулся, тигр притаился	О неприступной и опасной местности
	伏虎降龙	Укрощать тигра, усмирять дракона	Обладать огромной силой, быть могущественным
	龙驰虎骤	Дракон несется, тигр мчится	Сильная и могущественная армия
	龙睁虎眼	Дракон смотрит, тигр наблюдает	Высокомерный и властный характер

Окончание таблицы

	龙幡虎纛	Флаг дракона и флаг тигра	Генеральский флаг
	龙化虎变	Дракон меняется, тигр меняется	Непредсказуемый человек
	绣虎雕龙 雕龙绣虎	Узорный тигр, гравированный дракон	О великолепном и сильном стиле каллиграфии
	擒龙捉虎	Схватить дракона и поймать тигра	Подавить, победить сильного противника
	龙拏虎攫	Дракон хватает, тигр цепляет когтями	О сильном и несдержанном жесте
Антонимы	龙拏虎掷 虎掷龙拏	Дракон хватает, тигр бросает	Яростная схватка, беспощадная борьба, жестокая конкуренция; схватка двух равных по силе противников
	龙腾虎踞	Дракон поднимается, тигр сидит	О чем-то могущественном и сильном
	龙跳虎卧 虎卧龙跳	Скачущий дракон и затаившийся тигр	О сильном и уверенном стиле в каллиграфии
Фонетический параллелизм	Используется во всех 64 чэнъюях		
Грамматический параллелизм	Используется во всех 64 чэнъюях		

В реализации лексико-семантического параллелизма основным средством повышения экспрессивности и выразительности фразеологизмов является *использование слов, входящих в одну понятийную ассоциацию* (51 % чэнъюев от общего числа проанализированных используют данное выразительное средство). Например,

龙腾虎跃 (lóngténghǔyuè) ‘дракон взлетает, тигр прыгает, обр. бегать и прыгать, носиться туда-сюда, полон сил и энергии’; лексические единицы *腾 взлетать, подниматься* и *跃 прыгать, скакать* обозначают действия, движение.

风虎云龙 (fēnghǔyúlóng) ‘рев тигра порождает ветер, а взлет дракона – облака; обр. взаимосвязанные явления’; лексические единицы *风 ветер* и *云 облака* относятся к одной лексико-семантической группе «Явления природы».

龙吟虎啸 (lóngyínhǔxiào) ‘свист дракона и рев тигра – предвестники дождя и ветра, также обр. о звонком, громком голосе’; лексические единицы *吟 крик, стон, пение* и *啸 рёв, рычание* здесь обозначают звуки, издаваемые животными.

Не менее распространенным средством повышения выразительности является *использование синонимов* (41 % чэнъюев от общего числа проанализированных используют данное выразительное средство). Например, *龙争虎斗 (lóngzhēnghǔdòu)* ‘борьба драконов и тигров, обр. в знач.: яростная схватка, беспощадная борьба, жестокая конкуренция, схватка двух равных по силе противников’, *生龙活虎 (shēnglónghuóhǔ)* ‘живой дракон и живой тигр, ожить, вернуться к жизни, воспрянуть духом, преисполниться жизненных сил, бодрый, энергичный’, *降龙伏虎 (xiánglóngfúhǔ)* ‘укрощать драконов и усмирять тигров, обр. в знач.: обладать огромной силой, быть могущественным’. Лексические единицы *争* и *斗* *война, конфликт, борьба*, *生* и *活* *жить, жизнь, живой*, *降* и *伏* *укрощать* являются синонимами.

Средством повышения выразительности чэнъюев также является *использование антонимов* (8 % от общего числа проанализированных чэнъюев):

龙跳虎卧 (lóngtiàohǔwò) ‘скачущий дракон и затаившийся тигр, обр. о сильном и уверенном стиле в каллиграфии’. Лексические единицы *跳* *прыгать* и *卧* *затаиться, лежать* являются антонимами.

Фонетический и грамматический параллелизм как средства повышения выразительности используются во всех проанализированных чэнъюях, что также является отражением стремления китайского языка к симметрии и фонетической гармонии.

Фонетический параллелизм чэнъюев проявляется в рифме, чередовании тонов, а также схожих или одинаковых финалях. Например: *龙腾虎踞 (lóngténghǔjù)* ‘дракон поднимается, тигр прыгает, обр. в знач.: сильный и могущественный’. Обе части этого чэнъюя содержат аналогичные финали (финали ‘*ong*’, ‘*eng*’ в первой половине фразеологизма, финали ‘*u*’ – во второй), рифмуются 2 и 3 тоны.

Грамматический параллелизм чэнъюев можно проследить в единой грамматической структуре обеих частей фразеологизма. Например, в чэнъюе *龙盘虎踞 (lóngpánhǔjù)* ‘дракон свился в клубок, тигр присел на задние лапы, обр. в знач.: стратегически важный пункт; непроходимый, неприступный, неодолимый’ грамматическая структура выражена по схеме «подлежащее + сказуемое».

Проанализировав выбранные чэнъюи, можно сделать вывод, что наиболее часто употребляемыми средствами выразительности являются использование слов из одной понятийной ассоциации, использование синонимов, а также фонетического и грамматического параллелизма, что обусловлено высоким уровнем экспрессивности данных средств, позволяющим выразить свои мысли не только ярко и точно, но и, благодаря фонетическому и грамматическому параллелизму, с наименьшими временными затратами.

Более того, для иностранцев, изучающих китайский язык, наличие данных выразительных средств в чэнъюе облегчает его запоминание, так как закрепить выражение в памяти помогает не только заучивание, но и выстраивание различных ассоциаций, ритм и рифма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репнякова, Н. Н.* Семантика образа дракона в китайских народных сказках и идиомах : в 2 ч / Н. Н. Репнякова // Тамбов : Грамота. – 2017. – № 8 (74). – Ч. 1. – С. 120–123.
2. *Сащенко, М. В.* Символика образов тигра и дракона в политической культуре Китая / М. В. Сащенко // Гуманит. акцент. – 2018. – № 4. – С. 45–49.
3. *Горелов, В. И.* Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1979. – 192 с.
4. *Кобжицкая, О. Г.* Выразительные возможности чэнъюй параллельной и непараллельной конструкции / О. Г. Кобжицкая // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2018. – № 8 (74). – С. 131–135.
5. *Арекеева, Ю. Е.* Чэнъюй в системе китайской фразеологии и паремиологии / Ю. Е. Арекеева // Евраз. гуманит. журн. – 2020. – № 1. – С. 21–28.

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

Р. В. Детскина, К. П. Антоник (*Минск, МГЛУ*)

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ФИЛЬТРАЦИИ СПАМА

В статье рассматриваются вопросы структуры текстов спам-сообщений, применения нейронных сетей для фильтрации спама, этапы нейросетевой технологии фильтрации спама. Анализ статистических признаков нейронной сетью напоминает байесовскую фильтрацию спама. В итоге была создана компьютерная программа, использующая наивный байесовский классификатор, который способен ответить на вопрос, к какой категории классов «спам» – «не спам» относится электронное сообщение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: спам-сообщение; фильтрация спама; нейросетевая технология фильтрации спама; автоматизация; компьютерная программа.

The article deals with the structure of spam messages, the use of neural networks for filtering spam, the stages of neural network spam filtering technology. A neural network analysis of statistical features resembles Bayesian spam filtering. As a result, a computer program has been created that uses a naive Bayesian classifier that is able to answer the question, to which category of «spam» – «not spam» classes belongs an email message.

K e y w o r d s: spam message; spam filtering; neural network spam filtering technology; automation; computer program.

Существуют различные методы борьбы со спамом, но ни один из них не дает стопроцентной гарантии защиты от нежелательных рассылок. Именно лингвистический анализ спама имеет значительную практическую ценность. Для разработки эффективных программных средств фильтрации необходимы адекватные данные о структуре и содержании текстов, а также о коммуникативных особенностях отправителей и получателей сообщений. Для создания модели фильтрации спама могут использоваться как более простые алгоритмы, основанные на анализе содержащихся в тексте слов, так и обучаемая нейронная сеть, однако для создания такой модели нужно выделить различные лексические и синтаксические особенности спам-сообщений. Все вышесказанное говорит об актуальности данного исследования.

Одной из наиболее характерных особенностей современного информационного общества, как глобальной системы, является лавинообразно нарастающий процесс его виртуализации. В эпоху электронных коммуникаций рождаются такие важные характеристики коммуникативной культуры, как анонимность коммуникаторов, горизонтальная организованность коммуникации, высокий уровень обратной связи, высокая скорость доступа к информации. Стремительное развитие компьютерных сетей расширило границы доступной информации. Развитие технологий влияет на мировоззренческие позиции людей. Интернет, являясь совершенно новым

пространством коммуникации, создает технологическую основу для формирования культурных сообществ самого разного типа от континентальных и национальных до региональных. В контексте формирования и трансформации культурно коммуникационных систем Интернет становится социокультурным феноменом, активно влияющим на содержательное наполнение, специфику способов осуществления коммуникации и культурно познавательные процессы, в связи с чем интернет-коммуникации выступают эффективным средством освоения культурного наследия. По мнению некоторых исследователей, «…интерпретация практик культурной идентификации в социальных сетях предстает как важная задача социального познания: новые идентичности навязывают свой вариант социального мира, выход в понимание глобальных и международных отношений в мире, обозначают позиции в нем российского сообщества. Культурная идентификация – это практика созидания, воплощения и символического размещения различий, мобилизующих коллективные идентичности» [3].

Интернет, электронные библиотеки, базы данных наряду с традиционной библиотекой представляют собой новые способы хранения, обработки и распространения информации. Если напечатанный текст существовал, если его читали и обсуждали, то экранная культура предполагает только циркуляцию информации. Здесь происходит автоматическая деконструкция текста, его целостность и архаичность уступает место бесчисленному многократному использованию отдельных смысловых элементов. Читатель в Интернете выступает партнером по диалогу. Пространственная и временная характеристика диалога утрачивают свою значимость, ибо информация появляется практически мгновенно и ее распространение больше не ограничивается пространственными барьерами.

Под виртуальной коммуникацией подразумевается компьютерно-опосредованное общение, участником которого может стать каждый пользователь Интернета. Виртуальная коммуникация может осуществляться посредством электронной почты, чатов, форумов.

Спам – это коммуникативная стратегия, которая ориентирована на манипулирование получателем сообщения. Она связана с предоставлением нерелевантной для него информации и навязыванием ему идей манипулятора [5]. Иногда даже человеку сложно определить, является ли сообщение спамом. Совместное использование множества способов фильтрации корреспонденции существенно увеличивает их эффективность. Однако для любого алгоритма фильтрации существует вероятность удаления вместе с нежелательными сообщениями также некоторого количества сообщений, содержащих значимую для получателя информацию. Кроме того, спам многоязычен, и корректная сортировка особенно важна для бизнес-пользователей, ведущих обширную переписку с зарубежными пользователями.

Носителем спам-информации является текст сообщения электронной почты. С лингвистической точки зрения на организацию текста спама будут

оказывать непосредственное влияние две тенденции: соблюдение стилистических рамок электронного письма как жанровой разновидности Интернет-коммуникации и использование психолингвистических приемов построения максимально эффективного рекламного текста. Они находят отражение в структуре электронного сообщения, в его композиции, в выборе лексических, стилистических и прагматических средств, соответствующих намерениям автора сообщения.

Основными чертами спама являются:

- анонимный отправитель (указан вымышленный или сгенерированный автоматически адрес);
- односторонний характер коммуникации, выражающийся в пренебрежении интересами получателя;
- императивный характер значительного числа сообщений (побуждение к приобретению товаров, услуг, посещению веб-страниц и т.д.);
- намеренное нарушение орфографии, которое не препятствует адекватному восприятию сообщения, но требует дополнительных усилий со стороны получателя (используется с целью преодолеть программные фильтры) [1, с. 42].

Каждое из сообщений образовано двумя основными компонентами: темой электронного сообщения и телом письма. Тема электронного сообщения – это микротекст, выполняющий собственную коммуникативную функцию и обладающий определенной степенью автономности по отношению к основному тексту сообщения. Целью этого текста является привлечение внимания получателя, стремление ввести пользователя в заблуждение, побуждение его к восприятию основного текста сообщения. Тело письма несет на себе основную смысловую нагрузку в плане реализации намерений отправителя. При составлении эффективного сообщения необходимо учитывать особенности электронной коммуникации, отличающие ее от традиционного общения. Кроме того, возможности электронного сообщения подразумевают широкое использование графики, аудио- и видеоматериалов, особенностей гипертекста.

Задачу фильтрации спама можно рассматривать как задачу классификации входящего потока электронных сообщений на категории «спам» и «не спам». Для решения задачи классификации широкое применение получили нейронной сети, выступающие в качестве механизма принятия решений, давая на выходе вероятностную оценку «спамности» всего сообщения. Искусственная нейронная сеть обладает способностью обучаться (в том числе обобщать свои знания, накапливать опыт), является наиболее приближенной моделью человеческого мозга, как по архитектуре, так и по принципам работы. Их использование для решения задачи классификации состоит в указании принадлежности входного образа, представленного вектором входных признаков одному или нескольким заранее определенным классам.

Применение нейросетевой технологии предусматривает выполнение следующих основных этапов [4]:

1) выбор структуры сети (задание входных, выходных параметров сети, определение числа ее слоев и нейронов в каждом слое);

2) обучение нейронной сети выбранного типа на данных, сформированных из базы электронных почтовых сообщений;

3) применение обученной нейронной сети для классификации новых почтовых сообщений на категории «спам» / «не спам».

Особенность использования обученной нейронной сети для решения поставленной задачи определяется ее обобщающей способностью, которая заключается в возможности точно классифицировать не только ранее выявленные спамовые электронные почтовые сообщения, но и распознавать новые виды спама. Веса обученной нейронной сети хранят достаточное количество информации о спамовых письмах, что определяет эффективность применения данной технологии.

Непосредственное построение эффективной нейросетевой модели спам-фильтрации возможно в рамках технологии обнаружения знаний в базах данных, включающей следующие этапы [2, с. 12]:

1) получение исходных данных электронных почтовых сообщений, включающих примеры спамовых и неспамовых писем;

2) предварительная обработка исходных данных и формирование обучающей выборки для обучения нейронной сети;

3) разработка структуры нейронной сети: задание входов, выходов, числа слоев сети и нейронов в каждом слое;

4) обучение сети для построения модели спам-фильтрации;

5) тестирование и оценка нейросетевой модели спам-фильтрации.

Поскольку исходные письма представляют собой тексты в электронном виде, необходимо из исходной текстовой информации предварительно выделить значимые параметры для анализа. Другими словами, необходимо выработать четкий набор параметров, характеризующих электронные почтовые сообщения и позволяющих производить их классификацию по категориям «спам»/«не спам». Значения выделенных параметров затем войдут в обучающую выборку. Далее необходимо создать набор данных из различных источников, на основании которого будет строиться решение поставленной задачи. Полученные исходные данные представлены в табличном виде, где каждая строка соответствует отдельному письму, а каждый столбец соответствует отдельному признаку письма. В ячейках таблицы представлены значения признаков, характеризующих конкретное электронное почтовое сообщение.

Таблица с исходными данными является еще сырым материалом для применения методов интеллектуального анализа, поэтому данные, входящие в нее, необходимо предварительно обработать. Во-первых, таблица может содержать параметры, имеющие одинаковые значения для всего столбца. Такие признаки не индивидуализируют исследуемые объекты, следова-

тельно, их надо исключить из анализа. Во-вторых, таблица может содержать некоторый категориальный признак, значения которого во всех записях различны. Очевидно, что это поле нельзя использовать для анализа данных и его надо исключить. Параллельно с очисткой данных по столбцам таблицы также необходимо провести предварительную очистку данных по строкам. Любая база данных обычно содержит ошибки, неточно определенные значения, соответствующие каким-то редким, исключительным ситуациям, и другие дефекты, которые могут снизить эффективность фильтрации спама. Такие записи необходимо отбросить, поскольку даже если подобные «выбросы» не являются ошибками, а представляют собой редкие исключительные ситуации, они все равно вряд ли могут быть использованы, поскольку по нескольким точкам статистически невозможно судить об искомой зависимости в данных.

Анализ статистических признаков нейронной сетью напоминает байесовскую фильтрацию спама, где для каждого слова или словосочетания можно установить коэффициент «спамности». Однако в отличие от байесовского фильтра здесь связи между нейронами способны динамически изменяться в процессе обучения, что позволяет эффективно обнаруживать новый и ранее неизвестный спам за счет умения нейронной сети обобщать накопленный опыт. Таким образом, внешне нейронная сеть будет схожа с байесовским фильтром, однако они различаются внутренней архитектурой, дополнительными функциями и свойствами нейронной сети: нейронная сеть не зависит от формы представления данных и способна обрабатывать семантические, фонетические и орфографические признаки, если представить их в виде числовых значений. Исходя из этого, можно оценивать текст на принадлежность к спаму комплексно, полагаясь на множество разнородных параметров, которые дополняют друг друга и уточняют оценку при принятии решения.

Нейронная сеть способна к самообучению, обнаружению ранее неизвестных спам-сообщений, в то время как эффективность байесовского фильтра зависит от постоянной коррекции коэффициентов на новых выборках, нет процесса самообучения. Для каждого нового спам-сообщения при использовании байесовского фильтра необходимо корректировать коэффициенты «спамности», а при использовании фильтрации на основе шаблонов необходимо постоянно пополнять базу шаблонов, то есть содержать специалистов, которые будут поддерживать актуальность этой базы. Нейронная сеть избавлена от многих недостатков байесовского фильтра, однако эффективность метода зависит от обучающей выборки, используемой в процессе обучения. В итоге возникает задача правильного формирования обучающей выборки, обладающей репрезентативностью и достоверностью. При неудовлетворительных результатах оценки модели необходимо вернуться к одному из этапов и выполнить все последующие этапы в указанной последовательности.

В ходе исследования была создана компьютерная программа, использующая наивный байесовский классификатор, который способен ответить на вопрос, к какой категории классов «спам» – «не спам» относится электронное сообщение. Данная программа написана на языке программирования Python и использует корпус СМС-сообщений в формате CSV в качестве обучающего алгоритма материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажмухамедов, И. М.* Усовершенствованный метод фильтрации нежелательного трафика / И. М. Ажмухамедов, К. В. Запорожец // Вестн. Астрахан. гос. тех. ун-та. Сер. Управление, вычислитель-ная техника и информатика. – 2014. – № 1. – С. 42–47.
2. *Катасёв, А. С.* Разработка нейросетевой системы классификации электронных почтовых сообщений / А. С. Катасёв // Вестн. Казан. гос. энергетич. ун-та. – 2015. – № 1 (25). – С. 12–15.
3. *Кудашова, Н. Н.* Коммуникативная теория текста и текстовый антропоцентризм [Электронный ресурс] / Н. Н. Кудашова // Балт. гуманит. журн. – 2017. – № 3. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-teoriya-teksta-i-tekstovyy-antropotsentrizm. – Дата доступа : 16.01.2021.
4. *Мироненко, А. Н.* Автоматическая фильтрация спама на базе сети формаль-ных нейронов [Электронный ресурс] / А. Н. Мироненко // Вестн. ОмГУ. – 2011. № 2. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/avtomaticheskaya-filtratsiya-spama-na-baze-seti-formalnyh-neyronov. – Дата доступа : 12.01.2021.
5. *Солдатова, А. А.* О возможности применения спам-фильтра для анализа текста / А. А. Солдатова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2014. – № 4. – С. 342–346.

Н. А. Круглик (*Минск, БГМУ*)

ГРЕЦИЗМЫ И ЛАТИНИЗМЫ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматривается этимология основных понятий, употребляемых в сфере информационных технологий. Выделяются основные пути создания новых компьютерных терминов на основе латинского и греческого языков: транслитерация, транскрибация и метафоризация. Проанализированы семантические особенности адаптации отдельных лексем из латинского языка в русском языке. Выявлены характер номинации и направление переноса значения компьютерных терминов Подчеркивается, что в процессе перевода необходимо учитывать как мотивацию термина-метафоры, так и его профессиональную специфику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационные технологии; термин; метафора; мотивированность; заимствование; латинский язык; греческий язык.

The article deals with the etymology of the main concepts used in the field of information technology. The main ways of creating new computer terms based on Latin and Greek languages are highlighted: transliteration, transcription and metaphorization. The semantic features of the adaptation of individual lexemes from the Latin language in the Russian language are analyzed.

The nature of the nomination and the direction of the transfer of meaning are revealed it is emphasized that in the process of translation it is necessary to take into account both the motivation of the term-metaphor and its professional specifics.

K e y w o r d s: information technology; term; metaphor; motivation; borrowing; the Latin language; the Greek language.

Компьютерная терминология является относительно новым, но очень быстро развивающимся, направлением в лингвистике. Это обусловлено появлением новых видов технических устройств, программное обеспечение которых постоянно обновляется и совершенствуется, что и приводит к возникновению новых терминов.

Исследование влияния информационных технологий на развитие языков сегодня очень актуально. Очень много работ в современной зарубежной лингвистике посвящено изучению не только функционирования языков в искусственно созданной среде, но и проблемы компьютерного сетевого жаргона. Влияние национальных языков порождает разнообразные межъязыковые связи, такие как заимствования, транслитерация, морфологические преобразования иноязычных слов, создание новых либо переделка старых слов.

Роль латинских и греческих заимствований в формировании и развитии культурно-исторического пласта слов общепризнана и в русском, и в зарубежном языкознании. Латинизмы и грецизмы – основа терминологического фонда многих языков. Латинский язык, являясь «золотым языком», может приспособиться к любой культуре и к любой обстановке. Слова латинского и греческого происхождения актуальны и для современного дискурса, так как они служат номинациями политических, экономических, юридических и других реалий, которые вызывают повышенный интерес у носителей языка. Не является исключением и современная компьютерная терминология.

Все латинские термины, используемые для обозначения компьютерных понятий являются интернационализированными. Даже само слово *компьютер* является интернационализмом, т.е. словом, которое употребляется во всех языках. Термин *компьютер* произошел от латинского слова *deputare* – с переносным значением ‘погасить долг’, то есть то, что было записано в виде зарубок на чей-то счет, ‘срезалось’ с палки, после того как человек отдавал долг или выполнял обязательство. *Computare* поэтому стало означать ‘вычислять, производить расчеты’, и как свидетельствует слово *computus,* которое в раннее Средневековье означало ‘запись времени’. Таким образом, слово *putare* приобрело стандартное значение ‘рассчитывать, думать, верить, считать’ [1, с. 46].

Ни один компьютер не обходится без использования различных программ – определенной последовательности действий, направленной на выполнение системой поставленных задач. Сам термин *программа* был заимствован из греческого языка через французский язык в XIX в. и восходит к греческим корням *programma* ‘афиша, объявление’, *pro* – ‘впереди’, ‘раньше’, *graphein* – ‘писать’) [Там же].

Вместе с появлением Интернета возникло и множество новых слов и понятий, которые достаточно быстро влились в нашу повседневную речь, придавая ей более обновленное, современное звучание. Многие слова являются заимствованными с других языков и имеют непосредственную тесную связь с иноязычными аналогами. Много языков приняли свое участие в формировании компьютерной лексики. Среди них английский, немецкий, испанский, французский, итальянский. Нельзя не оценить роли и классических языков, прежде всего латинского языка.

Хотя латинский язык считается «мертвым», но актуальность его заслуживает отдельного внимания. «Мертвый» уже не менее столетия латинский язык переживает период нового расцвета, сопоставимый с тем, что имел место в его истории в эпоху Возрождения. Происходит это благодаря Интернету.

К наиболее употребительным компьютерным латинского происхождения необходимо отнести: *архив* (от лат. *archivum* ‘присутственное место’); *админ* (от лат. *administrare* ‘управлять, заведовать’); *домен* (от лат. *dominium* ‘владение’); *модератор* (от лат. *moderator* ‘управляющий’); *навигация* (от лат. *navigatio* ‘мореплавание’); *промоутер* (от лат. *promoveo* ‘продвигать’); *контент* (от лат. *contentus* ‘содержание, содержимое’); *виджет* (от лат. *video* ‘смотреть’) и т.п.

Рассмотрим значение термина *информация*. В словарях указывается, что данное слово является заимствованием из латинского языка в Петровскую эпоху через польский: *informatio* ‘представление, понятие о чем-либо’ [4].

Ключевым в вычислительной техники является термин *кибернетика* – отрасль науки, изучающая способы управления в различных системах. Однако этот термин впервые встречается в трудах древнегреческого философа Платона, написанных в 400 годах до н.э. Платон употребляет термин по отношению к лучшим мастерам управления боевыми колесницами (от греч. *kybernetike* – ‘искусство управления’, от греч. *kybernao* – ‘правлю рулём, управляю’, от греч. *κσβερνήτης* – ‘кормчий’). Затем это слово попадает в латинский язык, в котором появляется новое слово *губернатор*. В английском языке слова *управлять* ‘govern’ и *правитель* ‘governor’ связаны с тем же самым греческим корнем через латинских родственников *gubernare* и *gubernator*. Сегодня уже мало кто видит, что слова *кибернетика* и *губернатор* имеют один и тот же корень.

В 1843 г. известнейший французский физик Андре Мари Ампер предложил использовать слово *кибернетика* (от слова *κσβερνητιτη*) для обозначения искусства кораблевождения. А, затем с течением времени, это слово получило у самих греков более широкое значение и использовалось для обозначения искусства управления вообще.

Гипертекст образовано от греческой приставки *hyper* – ‘над, сверх’ и существительного *textus* ‘сплетение’. Под гипертекстом мы понимаем представление любой информации как связанной сети гнезд, в которых пользователи могут самостоятельно прокладывать путь нелинейным образом. Такой

текст допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей чтения.

Слово *портал* пришло в русский язык из немецкого еще в Петровскую эпоху. Оно восходит к латинскому *portus* ‘вход, ворота’. От этого же корня, как легко заметить, образованы слова *порт* и (что менее очевидно) *папертъ*. С возникновением Интернета слово *портал* приобрело еще одно значение и стало компьютерным термином, т.е. произошло переосмысление слова. *Портал* – это большой сайт, с упорядоченным системным многоуровневым объединением различных ресурсов и сервисов, отводимых пользователю Сети для размещения на нем информации.

Интересно появление значка @. Сама литера @ появилась в Средние века и использовалась как обозначение цены за товар. Римский профессор истории Джорджио Стабиле обнаружил подписанный венецианским купцом Франческо Лапи документ, датированный 4 мая 1536 года. В документе речь шла о цене @ вина в Перу. Как предполагает итальянский ученый, знак @ использовался для обозначения амфоры.

В настоящее время очень популярно стало слово *мем*. Впервые оно встречается в произведении «Эгоистичный ген» Р. Докинза как сокращение древнегреческого слова *μίμημα*, которое означает ‘подобие, иммитация’. Сегодня мы воспринимаем *мем* как способ передачи от пользователя к пользователю.

Проанализировав термины Интернета можно сделать вывода, что латинские термины, которые мы используем, либо транскрибировались (*accessor* → *аксессор*), либо транслитерировались (*processor* → *процессор*). Чаще всего наблюдается транслитерация.

Однако не менее продуктивным является и еще один способ образования компьютерной терминологии – метафоризация, т.е. переосмысление исконного значения слова из языка-источника.

Всем известный английский термин *accept* ‘ввод, прием’ был образован от латинского глагола *acceptare* ‘принимать, брать себе’, который, в свою очередь, представляет комбинацию приставки *ad-* и корня *capere* ‘брать’. Этот же корень мы встречаем в термине *capacity* ‘емкость, мощность’. Различия в значении английских терминов можно объяснить путями заимствования. В первом случае корень *accept* пришел в английский язык непосредственно из латыни, а корень *capacity* был заимствован через старофранцузский.

Метафоризация латинских и латинизированных греческих корней основывается на функциональной аналогии. Слово *кондуктор* полностью сохраняет значение причастия *conductum* от глагола *conduco* ‘сводить, переводить’. А вот термин *изолятор* образовался от английского *insulator* благодаря переосмыслению значения латинского корня *insula* ‘остров’, входящего в состав термина.

Термин *модуль* используется для обозначения единицы измерения, элемента компьютерного обеспечения. Этимологически он представляет собой уменьшительную форму латинского существительного *modus* ‘мера, величина’. В латинском языке понятие *modulus* использовалось в архитектуре для обозначения пропорций, а также употреблялось в музыке со значением ‘ритм, такт’. Метафоризация по аналогии позволила активно употреблять его в качестве технического термина.

Все мы активно пользуемся различными *девайсами* – устройствами, которые призваны выполнять частные задачи. Семантика слова определяется происхождением термина от латинского глагола *dividere* ‘разделять, отличать’ и была заимствована в английский язык из поздней латыни через посредство французского языка.

Специалиста, который следит за правилами использования ресурсов в сети, называют *модератором*. Этимология восходит к латинского глаголу *moderor* ‘умерять, ставить предел, сдерживать’, что и легло в основу номинации.

Также в компьютерной терминологии значительное количество терминов с комбинированным сочетанием греко-латинских морфем и (*видеозапись*; *фотоприемник*).

Исторически это объясняется тем, что научные понятия формировались на основании обобщений, полученных в процессе практического познания мира, а также языковых понятий, на которые накладывались логически обработанные научные понятия.

Целая армия латинских терминов по сути дела технического языка атаковала и без того не сильно стройные русскоязычные ряды. Учитывая, что в русском языке успешно функционирует бесчисленное множество заимствованных иностранных слов, можно предположить, что и эти, безусловно, необходимые пользователю Интернета термины, слегка «обрусев», найдут свое место в лексическом пространстве русского языка. Однако данный процесс набирает дальнейшие обороты: многие из сетевых терминов уже приближаются к границе, за которой находится общеупотребительная лексика, многие – во всю эксплуатируются рекламой, вместе с которой они естественным образом проникают в каждый дом. Сетевая лексика звучит в новых анекдотах; стало даже модно использовать ее в повседневном общении, хотя спроси кто-нибудь, а что же это слово конкретно означает, точного ответа можно и не получить.

Таким образом, русская компьютерная терминология опирается на имеющийся в этом языке богатый лексический материал, заимствованный в свое время из латинского, греческого и других языков, то есть уже знакомым словам придали новое значение.

Можно привести также десятки слов, употребляемых в профессиональной лексике работников информационных технологий (*канал, корреспонденция, видеоверсия, модератор* и т.д.), в которых лингвист без труда обнаружит элементы классических языков. Все это свидетельствует о том,

что в сфере компьютерной лингвистике, как и в других областях жизни, классические языки продолжают служить неиссякаемым источником новых слов и понятий, даже если они приходят к нам через английский, немецкий и другие современные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винер, Н.* Кибернетика / Н. Винер. – М. : Сов. радио, 1968. – 326 с.
2. *Галкина, О. В.* Роль метафоры в науке и научной терминологии [Электронный ресурс] / О. В. Галкина. – Режим доступа : http://rgf.tversu.ru/node/485. – Дата доступа : 06.03.2021.
3. Современный англо-русский словарь компьютерных технологий / под ред. Н. А. Голованова. – М. : Бук-пресс, 2006. – 528 с.
4. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., – М. : АСТ : Астрель, 2009.
6. *Nybakken, O. E.* Greek and Latin in scientific terminology / O. E. Nybakken. – Iowa : The Iowa State Univ. Press, 1979. – 321 p.

M. V. Makarych, P. A. Allahverdov (*Minsk, MSLU*)

TRANING COMPUTER PROGRAM FOR READING COMPREHENSION

Формирование навыка просмотрового чтения является неотъемлемой частью обучения иностранному языку. Разработано множество подходов и методик для решения данной задачи. Современные информационные технологии предлагают разнообразные программные продукты для тренировки и контроля умения работы с текстом. Авторы статьи представляют учебную программу, созданную на основе лингвистической базы данных системы автоматической обработки англоязычных текстов публицистической тематики. Компьютерная программа может быть использована как для аудиторной, так и самостоятельной работы студентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: система автоматической обработки текстов; лингвистическая база данных; обучающая компьютерная программа.

The skill of viewing reading is an integral part of teaching a foreign language. Many strategies and teaching technics have been developed to solve this problem. Modern information technologies offer a variety of software products for training and controlling the ability to work with a text. The authors of the article present a computer program created on the frame of the linguistic database that is used for processing English publicistic texts. The computer program can be used both for classroom work and for independent student's work.

K e y w o r d s: automatic text processing system; linguistic database; training computer program.

Reading comprehension is the ability to process text, understand its meaning, and integrate with what the reader already knows [1, p. 67]. A student needs some fundamental skills required in efficient reading comprehension. Among them are

knowing vocabulary, ability to understand meaning of a word from the context, identify the main thought of any passage and conceive the idea of a text. A learner should also recognize the propositional structures used in a passage and determine its tone and understand the situational mood (agents, objects, temporal and spatial reference points). Could a teacher do to enhance the reading skills of students so that they realize more gain from their reading efforts? There are a lot of strategies and teaching technics for it. Some of them are focused on recognizing story structure to identify the categories of content, the others are based on semantic organization and metacognition, but the monitoring of student's comprehension is also considered as the necessary part of a teaching process [2, p. 81]. The monitoring of student's comprehension can be done by text summarizing, making comments, putting and answering the questions etc. Many types of software are developed nowadays for this purpose. They teaches students to build their knowledge and vocabulary to achieve a greater understanding of what they read. For example *ReadWorks*, a free online program for teachers and students. It is simply loaded, have many visual affect and can be used for all level of pupils [3]. The developers of *ReadWriteThink* uses a special strategy for students to build their own knowledge and vocabulary to achieve a greater understanding of what they read [4]. Similarly, *Reading Comprehension and Software* uses a variety of strategies to enhance reading and reading comprehension. Their reading comprehension program is available to teachers, parents and pupils. It relies on research-based classroom strategies to strengthen literacy skills including phonics, fluency, vocabulary, and comprehension [5].

This paper presents a training computer program for acquisition of reading comprehension skills. The choice of the approach to the development of the computer program is connected with the specific task assigned to the automatic processing system. Taking into account the fact that the purpose of our research is to identify the main subjects, objects and their actions from texts, in the general structure of the automatic processing system the following blocks are included:

1. Lexical-semantic block to analyze the words of an incoming sentence. The purpose of lexical and grammatical analysis is to analyze the input flow of words with the recognition of parts of speech: nouns, adjectives, verbs, adverbs, etc., as well as other morphological parameters such as gender, number, case, etc. The basis of this block is an alphabetical dictionary. Today, the most widely used vocabularies are word-form dictionaries, in which all possible forms of any word are stored with an indication of possible lexical and grammatical classes. In order to detect the unknown words that are not presented in the dictionary, identification algorithms are used. There are formal marks for parts of speech (endings, suffixes, etc.) in them.

At the stage of lexical and grammatical analysis, the problem of eliminating lexical polysemy of words is also solved. A large number of words have the same spelling, but they belong to different parts of speech. Any input word of the text, taking the context into account, must be matched with a single lexical and

grammatical code. In relation to the Russian language, this task can be done easily. The well-developed morphology of Russian language makes it possible to do this with almost one hundred percent accuracy. In English, a simple algorithm that assigns the most likely lexical and grammatical code to each word in the text works with an accuracy of 95–96 % [6].

2. Syntactic analysis block, which is based on a list of marks to parse an English sentence and to identify parts of sentence in it (groups of subject, verb groups etc.). Syntactic analysis involves segmentation (fragmentation) of the text into sentences or fragments similar to them to build syntactic structures. The automatic parsing procedure allows you to obtain a formalized syntactic structure of a sentence using algorithms. The result of the automatic parsing system is the representation of the syntactic structure of the input sentence of the processed text as a syntactic tree. The initial information needed for such system to work is the morphological representation of words as a chain of codes that represent the grammatical class of a word and its inflectional characteristics. Thus, the morphological analysis provides access to a denotative information by codifying the words of the text. The next step is to create the semantic structure of the text by syntactic, semantic and punctuation means. There is a certain parallelism between the syntactic and semantic structures, which reveals itself in the correspondence of the structural links to the semantic ones.

3. Semantical-syntactic analysis block that defines the semantic functions of keywords that are included in the groups of words selected during the parsing process. Semantic analysis consists in the extraction of the main semantic units (words, phrases) from the document and recognition of the associative, cause-effect, and other relations between them. The main means for this is a certain system of rules. The semantic stage is the basic component of automatic text understanding systems. It acts as a moderator and must coordinate three different “languages”:

- the language of linguistic structures constructed by the system (plus other linguistic knowledge) that it receives at the input;
- the language of the subject field to which the text belongs and the terms of which it is advisable to use when constructing the output structure;
- the user language for which the automatic text processing system should provide information.

The information that the automatic text processing system obtains from the text must be presented in a language that a user understands both from the natural language point of view and from the point of view of the subject field that he knows as a specialist. Otherwise, the result of the system operation cannot be called information for this particular user – the recipient of the information. The work of this block in a proposed computer system is provided by using the semantic functions of the formal language TABLING [7] and allows the computer to answer a number of the most important questions regarding the content of the

text by making a table of its main content. Here, in accordance with the meaning of the semantic functions of the TABLING language, the components of the main content of the text mean:

(AGA) – subject 1, the active animate initiator of some action or event;

(AGN) – subject 2, the active inanimate initiator of some action or event;

(ONG) – object, the main object of some text event;

(R) – action, a representation of a specific action of an active animate initiator;

(PRP) – property (attribute) – a property of the object, process, or material stated in the text;

(LOC) – the place where a specific text event occurred;

(TIM) – the time when a specific text event occurred.

The proposed computer program is developed on the base of a computer program for automatic abstracting of English publicistic texts [8]. The program is implemented in the C# (Sharp) programming language. The main element of the program window is the workspace for loading one of the proposed texts written in English. You can work with the window elements by selecting the required file in the tool bar. Having examined the content of the text, the student moves on to the knowledge control mode using the "Go to Test" button located in the upper right corner. The control questions are formulated in such a way as to check the correct understanding of the proposed text: Who is the main character in the text? What does the text deal with? What are the main actions performed by the main characters? What countries are mentioned in the article? When did the events take place? After filling in all the workspaces, one can check how accurate these answers are using the "Check Answers" button in the bottom left corner. The answers selected by a trainee are shown in the "Your Answer" line, and the correct ones are shown in the "Correct Answer" line.

The presented computer program can be used as a simulator at practical English language classes to form the skill of perception and interpretation of English publicistic texts. The program is open for modification and can be adapted to work with English language texts of another subject field by adding supplementary material to the automatic alphabetic dictionary. This is the main advantage of using the presented program in practical English language classes, since a teacher can save time significantly while searching for necessary and effective educational material, depending on what methodological goal the teacher sets. The program can also be helpful for a student independent work. With the help of Internet resources, one can introduce new lexical material, material on country studies, make the teaching more visual, consolidate the educational material and equip students with self-development strategies.

Modern educational process in institutes of higher education obligates academic staff to prepare professionals, who are able independently update their specific professional knowledge. In accordance with an on-line tutorial on an individual plan more than quite half of loading is taken for the independent study

that requires from students to have the high level of general educational abilities and skills and basic methods of research work. So the implementation of software in teaching learning process for students in universities is the necessary part of their studies.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bishop, P. A.* Read smarter, not harder: Global reading comprehension strategies / P. A. Bishop, C. Reyes, S. W. Pflaum // The Reading Teacher. – 2006. – № 60 (1). – P. 66–69.
2. *Mccallum, S. R.* Improving reading comprehension of at-risk high-school students : The ART of reading program / S. R. Mccallum, R. M. Katherine, H. S. Christopher // Psychology in the Schools. – 2011. – Vol. 48 (1). – P. 78–85.
3. Online Reading Comprehension Program [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.time4learning.com/homeschool-curriculum/reading-comprehension.html. – Date of access : 16.02.2021.
4. ReadWriteThink [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.commonsense.org/education/website/readwritethink. – Date of access : 16.02.2021.
5. Reading Comprehension and Software [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.familyeducation.com/school/reading-comprehension/reading-comprehension-software. – Date of access : 16.02.2021.
6. *Jurafsky, D.* Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition / D. Jurafsky. – New Jersey : Prentice Hall, 2000. – 934 p.
7. *Zubov, A. V.* A semantic and syntactic language for text entry in computer memory / *A. V. Zubov* // Functioning and development of language systems: Collection of scientific papers. – Minsk : Vyshejshaya shkola, 1985. – P. 110–117.
8. *Makarych, M. V.* Automatic system for creating a table abstract of texts / M. V. Makarych. – Germany : LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. – 145 p.

И. А. Меньшенина (*Витебск, УО ВГМУ*)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ РАСПОЗНАВАНИЯ КОМПОНЕНТА «РЕЗУЛЬТАТЫ» В НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СТАТЬЯХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены данные анализа раздела «Результаты» англоязычных научных статей по медицине. Выделяются прототипические компоненты суперструктуры данного раздела с выявлением наиболее употребительных языковых маркеров для каждого из них. Предлагается алгоритм поиска семантических компонентов раздела «Результаты» медицинского научного текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медицинская научная статья; суперструктура; семантический компонент; языковые маркеры; автореферирование.

In this work English scientific articles in medicine are analyzed. The prototypical components of the semantic structure are discussed and their linguistic markers are identified. An algorithm to identify the semantic components of the “Results” section of a medical scientific text is offered.

K e y w o r d s: scientific medical article; superstructure; semantic component; autosummarization; linguistic markers.

Одной из самых серьезных проблем современного общества является стремительное увеличение объемов текстовой информации, которую должен воспринимать и использовать человек в процессе своей профессиональной деятельности. Для специалистов медицинского профиля этот вопрос особенно актуален, так как от скорости и верности их решений зависит здоровье и жизнь пациентов. Особую роль в решении данной проблемы приобретают системы автоматического реферирования текстов, которые извлекают наиболее важные сведения из одного или нескольких документов и генерируют на их основе лаконичные отчеты, в которых сохраняется смысл оригинала.

Целью настоящей работы является создание алгоритма автоматического определения основного содержания текста научной медицинской статьи, используя когнитивно-дискурсивный подход.

Несмотря на наличие макроструктуры в тексте научной медицинской статьи, которая эксплицитно манифестируется при помощи заголовка, подзаголовков, оглавления, композиционного членения и т.п. [1, с. 136], важность информации в большинстве случаев обусловлена смысловой структурой текста как представителя определенного жанра. Таким образом, одной из задач настоящего исследования является определение закономерностей структурно-семантической организации текста научной медицинской статьи, что позволит конкретизировать наиболее важные смысловые компоненты данного типа текстов для последующего включения их в реферат, а также выделение лексических и грамматических маркеров, при помощи которых смысловые сегменты вербализуются в тексте.

Разделы научной медицинской статьи «Введение» и «Методы» были описаны нами ранее [2; 3]. В данной статье анализируется смысловая структура раздела «Результаты». Материалом для исследования послужили 100 статей из ведущих англоязычных медицинских журналов «The Lancet», «The British Medical Journal (BMJ)», «The New England Journal of Medicine», «The Journal of the American Medical Association» и др. Отобранные статьи были опубликованы в период с 2015 по 2020 годы.

Раздел «Результаты» является, по сути, квинтэссенцией (ядром) всей статьи, поскольку дает ответ на цель или гипотезу, поставленную автором. Автор, как правило, избегает комментариев и интерпретаций, приводя лишь сухие факты, выраженные в цифрах. Данный раздел научной медицинской статьи отличается широким использованием невербальных средств, таких как рисунки, таблицы, диаграммы и графики.

В этом разделе в полной мере реализуются все знаковые особенности научной медицинской статьи: объективность, четкость, безэмоциональность, логичность и т.п. Автору необходимо максимально объективно и полно описать полученные результаты, не обходя вниманием и те, которые спорят с выдвигаемой гипотезой.

При анализе смысловой структуры данного раздела были выделены следующие семантические компоненты:

1) описание материала исследования;
2) основные результаты исследования;

3) дополнительные результаты исследования;
4) нежелательные явления.

Алгоритмический поиск фрагментов текста, соотносимых с семантическими компонентами раздела «Результаты» возможен при определении способов их маркирования в тексте. С помощью методов анализа поверхностной структуры текста, таких как метод сигналов (bonus words, stigma words и т.д.), метод индикаторных фраз, позиционный метод и т.п., были определены маркеры, используемые для вербальной реализации семантических сегментов раздела «Результаты».

Рассмотрим более подробно компонент «описание материала исследования».

Здесь автор представляет исходные демографические и клинические характеристики выборки, а также поэтапно описывает схему проведения исследования.

Описание участников исследования включает пол, возраст, показатели физического развития, клинико-анамнестические признаки для формирования у читателя четкого представления об исследуемой группе, что, в свою очередь, позволяет судить о степени обобщаемости выводов.

Схема исследования обычно включает информацию о количестве скринированных пациентов; о количестве включенных в исследование пациентов (с разделением по сравниваемым группам); о количестве получивших исследуемый медицинский продукт или услугу; о количестве завершивших исследование; о количестве участников, включенных в анализ, а также о причинах, по которым скринированные пациенты не включались в исследование, а выбывшие участники прекращали свое участие в нем [4].

Следовательно, для вербализации данного компонента используются маркеры *men* ‘мужчины’, *women* ‘женщины’, *the median age/time* ‘средний возраст/время’, *at enrolment* ‘на момент регистрации’, *demographic (and clinical) characteristics* ‘демографические (и клинические) характеристики’, *eligibility criteria* ‘критерии отбора’, *mean age* ‘средний возраст’, *exclusion criteria/criterion* ‘критерии исключения’ и т.п., а также лексические индикаторы *We enrolled* ‘мы зарегистрировали’, *we assigned* ‘отобрали’, *we recruited* ‘набрали’, *were assigned to* ‘были отобраны для’, *were enrolled* ‘были зарегистрированы’, *were included* ‘были включены’ и т.п.

Demographic and clinical characteristics *were similar in the two treatment groups across cohort 1 and cohort 2.* ***The mean age*** *was 72·5 years (SD 14·6),* ***women*** *comprised 48 % of the participants.* ‘Демографические и клинические характеристики были сходны в двух группах лечения в когорте 1 и когорте 2. Средний возраст составил 72,5 лет, женщины составили 48 % участников’.

Следующий семантический компонент описывает основной исход исследования и связанные с ним результаты статистической обработки данных. Анализ особенностей данного компонента обнаружил достаточно однородную картину в способах его вербализации: *primary endpoint* ‘первичная конечная точка’, *main results* ‘основные результаты’, *net clinical outcome* ‘чистый клинический результат’ и некоторые другие. Приведем примеры:

***The primary outcome**, an ordinal comparison of the distribution of patients across the mRS categories at 6 months, adjusted for variables included in the minimisation algorithm, was similar in the two groups.* ‘Первичный результат – порядковое сравнение распределения пациентов по категориям mRS через 6 месяцев с поправкой на переменные, включенные в алгоритм минимизации, – был сходным в обеих группах’.

Назначение семантического компонента «Дополнительные результаты исследования» заключается в описании дополнительных исходов исследования, которые, как правило, предварительно сформулированы в предыдущем разделе статьи. Данный раздел также часто включает результаты оценки эффекта медицинского вмешательства в подгруппах [4, с. 428].

Выделить данный семантический компонент позволяют такие языковые маркеры, как *secondary endpoints* ‘вторичные конечные точки’, *secondary outcomes* ‘второстепенные ожидаемые результаты’, *additional efficacy outcomes* ‘вспомогательные конечные показатели’.

*With regard to **secondary endpoints** between groups in the randomised phase, treatment withdrawal was associated with a significant decline in LVEF, a significant increase in heart rate and diastolic blood pressure.* ‘Что касается вторичных конечных точек между группами в рандомизированной фазе, то отмена лечения была связана со значительным снижением ФВЛЖ, значительным увеличением частоты сердечных сокращений и диастолического артериального давления’.

Коммуникативная цель семантического компонента «Нежелательные явления» – представить все нежелательные эффекты, возникшие в ходе проведения исследования: любые случаи болезни, травмы, незапланированные оперативные вмешательства и т.п., связь которых с проводимым медицинским вмешательством (профилактическим, диагностическим, лечебным или любым другим) не может быть исключена. Отсутствие нежелательных явлений тоже, как правило, отмечается автором, как и то, что их учет не проводился [4].

В тексте данный компонент вербализуется с помощью таких маркеров, как *adverse effects* ‘негативные последствия’, *adverse events* ‘нежелательные явления’, *adverse reactions* ‘негативные реакции’, *complications* ‘осложнения’ и т.п.

*Three serious **adverse events** were reported in the treatment withdrawal group: hospital admissions for urinary sepsis, non-cardiac chest pain, and an elective procedure for a pre-existing condition.* ‘В группе отмены лечения было зарегистрировано три серьезных нежелательных явления: госпитализация по поводу мочевого сепсиса, несердечная боль в груди и выборная процедура по поводу ранее существовавшего заболевания’.

На основе полученных данных был разработан алгоритм поиска семантических компонентов раздела «Результаты» в научной медицинской статье на английском языке. Фрагмент алгоритма приведен на рисунке.

A1	Анализ в тексте раздела «Результаты (results)» фрагмента, расположенного непосредственно за статусом данной суперструктуры

↓

A2	Определение компонента *описание материала исследования*: фрагмент содержит термины *men, women, female, male, white, the median age/time, at enrolment* и др., а также индикаторы *We screened/enrolled/assigned/recruited, were assigned to/enrolled/included* и др.	Да →	B1

↓

A3	Определение компонента *основные результаты исследования*: фрагмент содержит маркеры *primary endpoint, primary outcome(s), primary efficacy endpoint(s), main result(s)* и др.	Да →	B2

↓

A4	Определение компонента *дополнительные результаты исследования*: фрагмент содержит языковые маркеры *secondary endpoint(s), secondary outcome(s), additional efficacy outcome(s)* и др.	Да →	B3

↓

A5	Определение компонента *нежелательные явления*: фрагмент содержит маркеры *adverse effects, adverse events, adverse reactions, complication(s), died, death* и др.	Да →	B4

↓

A6	Обработка фрагментов B1, B2, B3, B4

↓

A7	Составление реферата раздела «Результаты»

Принципиальный алгоритм поиска компонента «Результаты»
в текстах научных статей на английском языке

Следующий этап работы предусматривает сокращение отобранных фрагментов исходного текста в целях построения текста реферата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Залевская, А. А.* Текст и его понимание / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
2. *Меньшенина, И. А.* Структура компонента «Введение» в научных медицинских статьях на английском языке / И. А. Меньшенина // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 4 (107). – С. 123–129.
3. *Меньшенина, И. А.* Формализация распознавания компонента «Методы» в научных медицинских статьях на английском языке / И. А. Меньшенина // Молодые ученые в инновационном поиске : сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. науч. конф., Минск, 29–30 мая 2019 г. / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2020 – С. 211–216.
4. *Сайгитов, Р. Т.* Правила и рекомендации по представлению рукописей, содержащих результаты оригинальных исследований [Электронный ресурс] / Р. Т. Сайгитов // Вопросы современной педиатрии. – 2015. – № 3. – Режим доступа : https://publications.hse.ru/articles/154307819. – Дата доступа : 26.06.2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Подсекция № 1

Метлушко И. В. Стратегический подход
к анализу поэтического дискурса 3
Соловьёва М. А. Социокультурная травма
как потенциальная предпосылка порождения художественного дискурса 8
Щукина С. К. Названия и ремарки произведений Генри Перселла
и Франсуа Куперена в коммуникативно-прагматическом аспекте..... 13
Аникеева Т. В. Фоновое и пресуппозитивное знание в репрезентации
прецедентного феномена современного художественного текста 18
Тригубова Д. Л. Приемы стилистической выразительности
в текстах киноаннотаций 23
Шестакова Е. В. Особенности дипломатического дискурса
(на материале официальной документации ООН)..... 28
Аношина О. В. Реализация категории акцентуализации информации
в англоязычном художественном дискурсе
(на материале романа Энн Тайлер «Катушка синих ниток») 33

Подсекция № 2

Лешкевич И. В. Репрезентация категории когерентности
в информационно-аналитических жанрах британской прессы 39
Стефанова Е. В. Дискурсивные параметры
научно-популярных TED-серий малой формы 44
Швец Н. Г. Особенности разработки семантической модели взаимосвязи
вербальных и невербальных компонентов поликодового текста 51
Самусевич Д. Е. Тональность дискурса рождественских и новогодних
развлечений Беларуси и Англии в условиях пандемии
(на материале новостных заголовков)..... 57
Дереченик А. И. К вопросу о сущности медиадискурса..... 63
Великая О. А. Лингвистические особенности немецкоязычного
научно-технического текста..... 67
Павлюкевич В. А. Метафора как аксиологический маркер
в дискурсе публичных выступлений..... 71
Семенович К. А. Лингвостилистические особенности англоязычной
напутственной речи..... 75

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

Подсекция № 1

Артемова О. А., Шведова А. В. Вербализация эмоций
в белорусской и английской фразеологии 82
Бекреева Ю. В. Специализация социальных характеристик человека
в глагольной семантике 87
Богова М. Г., Гумерова Э. Т. Политические топонимы 92
Михалькова Н. В. К организации письменности в китайском языке 96
Филимонова М. С. Китайский идеограф
как инструмент категоризации окружающего мира 101
Бельская А. В. Синонимические ряды слова *мигрант*
в сопоставительном аспекте 108
Галынская А. А. Семантические дериваты, образованные от русских
и английских обозначений денег и финансовых операций 113
Жданович М. А. Моделирование
как способ систематизации терминологии 118
Коваленя А. В. Обозначение артефактов в экспликации степени качества .. 123

Подсекция № 2

Михалевич И. А. Иноязычные вкрапления в романах С. И. Виткевича 128
Розанова Я. В. Формирование корпуса лексических единиц
терминологии полимеров (на примере современного английского языка) .. 133
Романаускас Е. В. Особенности дискурсивного функционирования
русскоязычных паремий с компонентом ‘имя собственное’ 138
Устименко Е. Г. Словарные толкования глаголов движения:
к проблеме метаязыка 143
Парахонько Л. В. Семантическая типология плеонастических оборотов 148
Чжан Сыюй. Лексема *дипломат* в языке и в тексте 155
Миронова Е. О. Морфологический аспект обращений 159
Палатовская В. А. Категория диминутивности и ее функционирование
в английском и русском языках 163

Подсекция № 3

Фоменко В. В. Лексико-фразеологическое объединение
как разновидность семантического поля 169
Ефименко А. О. Лексико-семантическое поле «Crime» («Преступление»)
в детективах Ж. Сименона и Буало-Нарсежака 174
Кошкіна Н. Я. Варыятыўныя фразеалагічныя намінацыі
ў беларускамоўным дыскурсе пачатку XX ст. 178
Trigubovich A. O. Pragmatic Functions of Culture-Specific Words
in Literary Discourse 184
Горбацевич А. А. Зооморфизмы как средство создания
языкового портрета в русском языке 188

Кременевская В. С. Морфологические и синтаксические репрезентанты категории локативности в китайском и русском языках: семантико-синтаксический аспект 193
Степанова Е. А. Семантические особенности англоязычной метафоризированной лексики в сфере экономических санкций..... 197
Шрубок Д. В. Функционирование сравнения в политическом дискурсе (на материале выступлений политиков ФРГ)..... 202
Шубич Т. Ф. Особенности наименования марок швейцарского шоколада в рамках культурного кода 207
Шуплякова Л. С. Вербализация концепта «угроза» в англоязычной периодике 211
Бурак Е. Н. Зооним *мышь* в китайской и английской лингвокультуре (на материале фразеологических единиц) 216

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

Чучкевич И. В. Особенности реализации матричных денотативных областей в предложениях с иллокутивными глаголами 223
Овсейчик Ю. В. Семантика противительного союза *mais* ‘но’ в модели P *mais que* Q в диахронии..... 229
Волкова А. Л. К вопросу об эмфазе и интенсификации в просодии 233
Детскина Я. С. Синтаксические особенности английского и американского политических дискурсов..... 239
Кудрявцева Е. С. Коммуникативно-прагматическая направленность высказываний с модально-волевой частицей *бы (б)* (на материале произведения В. Короткевича «Дзікае паляванне караля Стаха»)..... 244
Куницкая А. Н. Средства выражения отношений неравенства на синтаксическом уровне в современном немецком и русском языке 249
Святощик М. И. Системы автоматической обработки текстов и их уровневое построение..... 254
Лукашевич В. Д. Выразительные возможности чэнъюев параллельной конструкции (на примере чэнъюев с компонентами-зоонимами *тигр* (虎) и *дракон* (龙))..... 259

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

Детскина Р. В., Антоник К. П. Применение нейронных сетей для фильтрации спама..... 266
Круглик Н. А. Грецизмы и латинизмы в компьютерной терминологии..... 271
Makarych M. V., Allahverdov P. A. Traning Computer Program for Reading Comprehension..... 276
Меньшенина И. А. Формализация распознавания компонента «Результаты» в научных медицинских статьях на английском языке 280

CONTENTS

LINGUISTICS OF TEXT AND DISCOURSE

Subsection № 1

Metlushko I. V. Strategic Approach to the Analysis of Poetic Discourse 3
Soloviova M. A. Sociocultural Trauma as a Potential Premise for the Creation of Artistic Discourse 8
Schukina S. K. Titles and Verbal Markings in Works by Henry Purcell and François Couperin in a Communicative-Pragmatic Aspect 13
Anikeyeva T. V. Background and Presupposition Knowledge in the Representation of Modern Literary Text Precedent Phenomena 18
Tryhubava D. L. Means of Stylistic Expression in Texts of Film Annotations 23
Shestakova E. V. Features of Diplomatic Discourse (Based on the Official Documentation of the UN) 28
Anoshyna O. V. Realization of the Category of Information Actualization in English Literary Discourse (Based on the Novel "A Spoon of Blue Thread" by Anne Tyler) 33

Subsection № 2

Leshkevich I. V. Representation of the Category of Coherence in the Informative-Analytical Genres of the British Press 39
Stefanova E. V. Discourse Parameters of Short-Form Popular Science TED Series 44
Shvets N. G. Features of Developing a Semantic Model of Interconnection of Verbal and Non-Verbal Components of Polycode Text 51
Samusevich D. E. Sentiment of Christmas and New Year Entertainment Discourse of Belarus and England in Terms of Pandemic (Based on a Data Sets of News Headlines) 57
Derechenik A. I. To the Question of the Essence of Media Discourse 63
Velikaja O. A. Linguistic Features of German Scientific-Technical Text 67
Pavlyukevich V. A. Metaphor as an Axiological Marker in Public Discourse 71
Semenovich K. A. Linguo-Stylistic Features of English Commencement Speeches 75

A WORD IN THE LEXICAL SYSTEM AND DISCOURSE

Subsection № 1

Artemova O. A., Shvedova A. V. The Verbalization of Emotions in Belarusian and English Phraseology 82

Bekreyeva Y. V. Specialization of Social Characteristics of a Person in the Verb Meaning 87
Bogova M. G., Gumerova E. T. Political Toponyms 92
Mikhalkova N. V. Organization of Writing in the Chinese Language 96
Filimonova M. S. Chinese Ideograph as the Categorizer of the Surrounding World 101
Belskaya A. V. Synonymic Chain of the Word "Migrant" in a Comparative Aspect 108
Halynskaya A. A. Semantic Derivatives Formed from Russian and English Designations of Money and Financial Transactions 113
Zhdanovich M. A. Modelling as a Method of Terminology Systematisation 118
Kovalenia A. V. Designation of Artifacts in the Explication of the Degree of Quality 123

Subsection № 2

Michalevich I. A. Foreign Language Inclusions in the Novels of S. I. Vitkevich 128
Rozanova Ya. V. The Process of Corpus Compilation in the Field of Polymer Chemistry (in Modern English) 133
Romanauskas E. V. Peculiarities of Discoursive Functioning of Russian Proverbs and Adages with the «Proper Name» Component 138
Ustimenko E. G. Definitions of Motion Verbs: on the Problem of Metalanguage 143
Parahonco L. V. Semantic Typology of Pleonastic Forms 148
Zhang Siyu. Lexeme *Diplomat* in Language and in Text 155
Mironova E. O. Morphological Aspect of Addresses 159
Palatovskaia V. A. The Category of Diminutiveness. Functioning of Diminutives in English and Russian 163

Subsection № 3

Fomenko V. V. Lexico-Phraseological Unit as a Type of Semantic Field 169
Efimenko A. O. Lexico-Semantic Field «Crime» in Detective Novels by G. Simenon and Boileau-Narcejac 174
Koshkina N. E. Various Phraseological Nominations in the Belarusian Language Discourse of the Beginning of the XX Century 178
Тригубович А. О. Прагматические функции культурно-специфической лексики в художественном дискурсе 184
Gorbatsevich A. A. Zoomorphisms as a Means of Creating a Linguistic Portrait in the Russian Language 198
Kremenevskaya V. S. Morphological and Syntactic Representations of Locality Category in Chinese and Russian: Semantic Syntax Aspect 193

Stepanova E. A. Semantic Features of Metaphorical Vocabulary of the English Language in the Field of Economic Sanctions 197
Shrubok D. V. The Functioning of Comparison in Political Discourse (Based on Politicians' Speeches of the Federal Republic of Germany) 202
Shubich T. F. Pecularities in Naming of Swiss Chocolate Brands within the Framework of the Cultural Code 207
Shupliakova L. S. Verbalization of the Concept of Threat in English-Language Periodicals 211
Burak E. N. Zoonym "Rat / Mouse" in Chinese and English Linguoculture (on the Material of Phraseological Units) 216

RELATIONS OF LANGUAGE SIGNS IN THE SENTENCE AND DISCOURSE

Chuchkevich I. V. Realization of Matrix Denotational Fields in Sentences with Illocutionary Verbs 223
Auseichyk Yu. V. Semantics of the Adversary Coordinator *Mais* 'But' in the Model P *Mais Que* Q in Diachrony 229
Volkova A. L. Emphasis and Intensification in Prosody 233
Detskina Y. S. Syntactic Features of English and American Political Discourses 239
Kudriavtseva E. S. Communicative and Pragmatic Aspects of Utterances with the Modal-Volitional Particle *бы* in the Belarusian Language in U. Karatkevich' «King Stakh's Wild Hunt» 244
Kunitskaya A. N. Means of Expressing Inequality at the Syntactical Level in Modern German and Russian Languages 249
Svyatoshchik M. I. Automatic Text Processing Systems and their Level Construction 254
Lukashevich V. D. Expressive Possibilities of Chengyu Parallel Structures (on the Example of Chengyu, Which Contain Zoonyms "Tiger" (虎) and "Dragon" (龙)) 259

PROBLEMS OF AUTOMATIC TEXT PROCESSING

Detskina R. V., Antonik K. P. The Use of Neural Networks for Filtering Spam 266
Kruhlik N. A. Grecisms and Latinisms in Computer Terminology 271
Makarych M. V., Allahverdov P. A. Traning Computer Program for Reading Comprehension 276
Mianshenina I. A. Formalization of Recognition of the "Results" Components in Scientific Medical Articles in English 280

Научное издание

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ

Сборник научных статей
по материалам
X Международной научной конференции

Минск, 11–12 марта 2021 г.

В двух частях

Часть первая

Ответственный за выпуск *И. В. Метлушко*

Редакторы: *О. С. Забродская*, *Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*
Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 19,64. Тираж 100 экз. Заказ 32.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.